

Jürgen Thorwald
**Die Stunde
der Detektive**
Werden und Welten der Kriminalistik

Ю. Торвальд

СЛЕДЫ В ПЫЛИ

Развитие судебной
химии и биологии

Переводчик М. Б. КОЛДАЕВА
Ответственный редактор и автор вступительной статьи
доктор юридических наук А. Р. ШЛЯХОВ

Торвальд Ю.

Т59 Следы в пыли. Развитие судебной химии и биологии: Пер. с нем. — М.:
Юрид.лит., 1982. - 176 с.

Книга является второй частью работы „Криминалистика сегодня“ (1980 г.). Описывая ход расследования уголовных дел, автор освещает основные направления развития и совершенствования приемов и методов научных исследований в области химии, физики, минералогии. Показана огромная работа специалистов этих наук в процессе производства судебных экспертиз при исследованиях пыли, волос, тканей, растений, семян, взрывчатых и наркотических веществ.

Для специалистов-юристов и судебных экспертов (криминалистов, химиков, биологов и т. д.).

1206000000-024

Т 012 (01)-82 73-82

Вступительная статья и перевод на русский язык
©Издательство „Юридическая литература“, 1982

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга Ю. Торвальда „Следы в пыли. Развитие судебной химии и биологии”¹ адресована читателям, интересующимся историей развития криминалистики (конец XIX — 60-е гг. XX в.). Основное внимание в работе уделяется использованию в криминалистике достижений физики, химии, биологии и других наук. На конкретных примерах из судебной практики показывается кропотливый труд экспертов-криминалистов, их помощь следственным работникам в раскрытии опасных преступлений. При этом не скрываются ошибки и промахи следователей, обусловленные, с одной стороны, недооценкой и незнанием возможностей судебной экспертизы, а с другой — переоценкой отдельных методов исследования.

В криминалистике давно изучаются следы, отображающие анатомические и физиологические свойства человека и животных, устройство различных механизмов. Эти исследования делают возможным розыск и отождествление любого объекта, который „выразил себя” в следах. Например, по следам, отображающим форму папиллярных узоров на ладони и пальцах, устанавливают личность человека, по следам обуви, форме или размеру ее — рост человека, вес, походку и т. д. Еще больше информации можно получить, когда на месте происшествия удастся зафиксировать целую группу следов. По ним можно определить образ действий преступника.

Вместе с тем случаи, описываемые Ю. Торвальдом, свидетельствуют о невысоком уровне теоретических концепций в области криминалистической идентификации. В равной мере это относится и к исследователям-криминалистам. Если внимательно проследить за ходом отдельных исследований, проанализировать даваемые экспертами заключения (выводы), то с очевидностью выступает эмпирический подход к решению идентификационных задач в отношении объектов экспертизы, демонстрируется ограниченность теоретических представлений в области судебной идентификации. Замечу, что следователи, судьи, адвокаты, представленные в этой книге, также слабо разбираются в теории и методике идентификации. Такой уровень характерен не только для исследователей западноевропейских государств, но и для криминалистов США, Канады, Австралии и других капиталистических стран.

В сравнении с ними научно-практическая деятельность как русских, так и позднее советских криминалистов и судебных экспертов отличается наличием обоснованных теоретических положений, на базе которых осуществляется идентификация разного рода объектов судебной экспертизы. Эти положения были созданы и развиты, в частности, в трудах советского криминалиста С. М. Потапова — общепризнанного родоначальника теории идентификации, создавшего еще в 40-х годах целостную концепцию на основе марксистско-ленинской теории познания.

Термин „идентификация” означает выделение единичного объекта из множества ему однородных, аналогичных; проводится она на основе достоверно установленной системы идентификационных признаков каждого индивидуально-конкретного объекта. В соответствии с положениями теории идентификации эксперты анализируют и оценивают устойчивость признаков, используя весь арсенал научно-технических средств, математические методы, а в ряде случаев и ЭВМ.

Развиваемая в советской криминалистике теория идентификации широко и успешно используется в судебной медицине и судебной биологии.

Исходя из основ марксистско-ленинской теории познания и применяя современные достижения естественных и технических наук, советские криминалисты успешно разрабатывают общетеоретические положения (принципы, теории, учения) и в равной мере методы разного рода экспертиз; много внимания они по-прежнему уделяют развитию учения

¹ Ранее были изданы две книги Ю. Торвальда: „Сто лет криминалистики. Пути развития криминалистики” (М.: Прогресс, 1974) и „Криминалистика сегодня” (М.: Юрид. лит., 1980).

о судебной идентификации, которая рассматривается и как цель деятельности — достижение отождествления либо различия сравниваемых объектов — и как процесс познания, складывающийся из принципов, стадий, учений об объектах, их свойствах и признаках, оценки результатов исследования и формулирования выводов. Советскими криминалистами научно доказана и на практике подтверждена индивидуальность многих объектов судебной экспертизы.

Теории судебной идентификации посвятили в последние годы свои монографические исследования А. И. Винберг, В. Я. Колдин, В. С. Митричев, М. Я. Сегай, М. В. Салтевский, И. Д. Кучеров и многие другие ученые-криминалисты. Благодаря их трудам успешно проводится идентификация многих материалов, веществ и изделий из них, рассматриваемых в следственно-судебной практике в качестве вещественных доказательств по уголовным делам.

В экспертной практике в результате применения комплекса физических, химических, биологических, математических и иных методов исследования изучается целостная система идентификационных признаков (подчеркну: система, а не конгломерат), которые оцениваются в связи с объективно присутствующими различиями и с учетом индивидуальных обстоятельств уголовного дела. Только система идентификационных признаков принимается в качестве основания для выводов о тождестве исследуемого объекта: комплекта одежды, лакокрасочного покрытия автомобиля, изделия из металла и т. п.

В последние десятилетия советская криминалистика пополнилась новыми высокочувствительными инструментальными средствами исследования, благодаря которым стало доступным изучение микроследов и микровеществ (именуемых в литературе микровещественными доказательствами). Теперь наряду с признаками внешнего строения на микроуровне эксперты-криминалисты анализируют внутреннюю структуру материалов, молекулярный и элементный состав, многие физико-технические свойства поступающих на экспертизу веществ. Образовалась целая группа криминалистических экспертиз: исследований лакокрасочных покрытий и лакокрасочных материалов, горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов, волокнистых материалов и изделий из них, наркотических веществ и фармпрепаратов, металлических частиц, изделий из фарфора и стекла и их следов, табачных изделий, следов и частей полимерных материалов и, наконец, частиц почвенно-растительного происхождения. Для успешного изучения таких объектов созданы комплексные методики, включающие различные виды спектрального, хроматографического, масс-спектрометрического, рентгенографического анализов, электронную микроскопию, электронный парамагнитный резонанс, множество иных физико-химических и физико-технических методов и средств. В этих же целях применяются и ЭВМ. Наряду с разработкой методик исследования криминалисты продолжают развитие теоретических и методических основ криминалистических экспертиз, в том числе материалов, веществ и изделий из них в микроколичествах.

Методологический подход советских и буржуазных ученых в области криминалистики существенно различается. Судебные эксперты США, Канады, Австралии и других капиталистических государств часто руководствуются если не интуитивными, то сугубо эмпирическими взглядами. Прагматизм присущ даже широко известным буржуазным криминалистам и экспертам, предложившим немало технических новшеств для использования в расследовании уголовных дел (в книге описаны многочисленные научно-технические рекомендации, и поэтому нет надобности их перечислять).

Хочется особо отметить, что эмпиризм, граничащий с субъективными характеристиками, и послужил базисом для слабообоснованных выводов по итогам идентификационных исследований по отдельным уголовным делам, описанным в книге. Выявленные судебными экспертами признаки изучаемых ими объектов не давали достаточного основания для выводов о тождестве, тем более что в ряде случаев эксперты не использовали всего комплекса научно-технических методов.

При этом не спасают от критики их подчас осторожные, но неопределенные выводы „об одинаковости“, „совпадении“ сравниваемых объектов, отсутствии различий и т. п. Такие неопределенные выводы не только не точны ввиду ограниченности используемых методов и выявленных признаков, но они логически не состоятельны и позволяют следователям, судьям широко интерпретировать выводы экспертов и оценивать их как суждение о доказанном тождестве. Тождество — есть тот же самый объект, и такое суждение

всегда относится к индивидуально-конкретному материалу, изделию, человеку, растению, животному, событию, факту. Каждый из них отличается и выделяется из ряда ему подобных. Он единичен, неповторим; разные объекты могут быть „одинаковыми“ по некоторым, в том числе случайным, признакам. Индивидуальность определяется системой закономерно присущих объектам идентификационных свойств и признаков.

Несмотря на указанные недостатки, книга вместе с тем наглядно свидетельствует об огромной роли науки и техники при раскрытии преступлений.

Автором показан кропотливый, длительный, подчас рутинный и неблагодарный труд криминалистов по обнаружению, фиксации и исследованию вещественных доказательств в объеме микроколичеств и в форме микроследов.

Очевидно, что многие научно-технические рекомендации не являются новыми для советских криминалистов и экспертов. Отдельные из них требуют обсуждения и тщательной проверки, прежде чем определить целесообразность их применения в нашей практике.

*Доктор юридических наук
А. Р. Шляхов*

В декабре 1887 года перед небольшим кругом читателей лондонского рождественского издания впервые предстали Шерлок Холмс, наверняка самый знаменитый образ детектива, созданный когда-либо вымыслом писателя, и доктор Уотсон — верный сподвижник и летописец дел, мыслей и методов Холмса.

Шерлок Холмс увидел свет в том же году, в котором в Париже Альфонсу Бертильону — основателю научной криминалистики удалось преодолеть основные трудности на пути к успеху, и это на первый взгляд может показаться случайностью.

Артур Конан Дойл, двадцатисемилетний врач из Саутси, использовал время напрасного ожидания пациентов для создания различных рассказов и в конце концов придумал своего героя — Шерлока Холмса. Не зная ничего о Бертильоне, Дойл не мог похвастаться и своими связями со Скотланд-Ярдом. И Шерлок Холмс не был сотрудником Скотланд-Ярда. По воле своего создателя он был частным „сыщиком“, открыто подчеркивавшим свое неуважение к криминалистам из полиции.

И все-таки вклад Бертильона в развитие криминалистики и литературная карьера Шерлока Холмса имеют одну и ту же причину.

В те времена утвердилась вера в разрешимость всех проблем жизни с помощью точного мышления, точных научных выводов и естественнонаучных познаний. Эту веру Бертильон впитал в себя в доме родителей, который часто посещали ученые-естествоиспытатели, т. е. задолго до того, как в 1889 году он занял пост писаря полицейской префектуры Парижа и внес в том же году свои первые предложения по усовершенствованию идентификации уголовных преступников с помощью антропометрических измерений. Такой же верой в науку проникся Артур Конан Дойл, изучая в Эдинбурге с 1876 года медицину. Подобно Бертильону, ставшему инициатором антропометрической идентификации, герой Артура Конан Дойла сыграл роль литературного глашатая совсем нового раздела криминалистики, который, как и система Бертильона, дактилоскопия, судебная медицина, токсикология, баллистика и серология, оказался одним из основных и бесценных для всей криминалистической работы. Шерлок

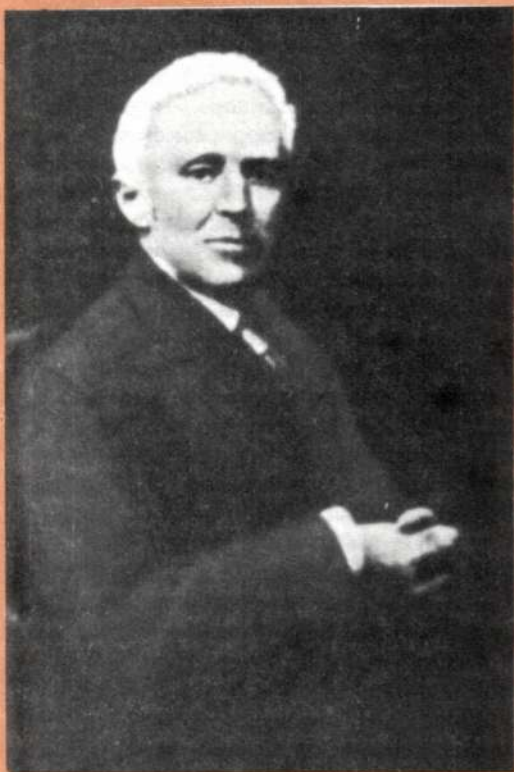
Холмс стал предвестником криминалистической науки о следах, обосновавшейся вне рамок перечисленных специальных разделов и получившей гораздо большее распространение. В нее вошли такие понятия, как криминалистическая химия, биология, физика и техника. Она означала исследование следов с помощью всех химических, биологических, физических и технических средств, которые были порождены развитием естественных наук и техники на рубеже столетий.

Образ Шерлока Холмса зародился в фантазии Конан Дойла между 1882 и 1886 годами. Он складывался среди прочих многочисленных образов в романах и приключенческих рассказах, время от времени приносивших их автору несколько фунтов стерлингов. Вдохновителем рассказов Конан Дойла, несомненно, был американский писатель Эдгар По, в 1841—1845 годах создавший первые образцы жанра детективной литературы. Его мастерски написанные рассказы „Убийство на улице Морг“, „Тайна Мари Роже“, „Украденное письмо“ и их герой, детектив Дюпен, безусловно, были порождены глубокой верой в возможность точного мышления дать объяснение всему. Так, лишь благодаря наблюдательности и умозаключениям Дюпен установил таинственного виновника двойного убийства на улице Морг — человекообразную обезьяну.

Несколько иначе обстояло дело с другим героем детективной литературы, который также может считаться крестным отцом Шерлока Холмса, — Лекоком, творением французского писателя Эмиля Габорио, умершего в 1873 году в тридцатисемилетнем возрасте от нервного и физического переутомления. За 1867—1869 годы увидели свет четыре романа Габорио, в которых речь шла о раскрытии преступлений: „До-сье“, „Преступление в Орсивале“, „Лекок“ и „Рабы Парижа“. Лекок тоже полагался на логическое мышление, но уже использовал на практике осмотр и изучение места преступления, что давало материал для его смелых дедуктивных умозаключений. В романе „Лекок“ герой, появляясь на месте убийства в трущобе, расположенной в районе парижских крепостных укреплений, приказывает сопровождающим не двигаться с места, чтобы не затоптать следы, прощупывает и простукивает все, ложится на землю, исследует отпечатки ног и, наконец, заканчивает свою работу словами: „Теперь мне все ясно.

В 1886-1887 гг. английский писатель Артур Конан Дойл (вверху слева) написал свой детективный роман о Шерлоке Холмсе и создал тем самым популярнейший образ в детективной литературе. — г иллюстрации вверху справа изображен Шерлок Холмс, с лупой в руке разглядывающий следы, рядом — его спутник и биограф доктор Уотсон. Это иллюстрация к первому рассказу Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. В нем Шерлок Холмс впервые выступает в качестве современного детектива, раскрывающего все преступления путем исследования всевозможных следов на месте происшествия. Поэтому он стал литературным „инициатором“ химико-биологических исследований следов в криминалистике. Действительным прообразом Шерлока Холмса был доктор Джозеф Белл (внизу справа), профессор хирургии в Эдинбурге, где на медицинском факультете учился Конан Дойл.

Это покрытое снегом пространство является как бы необъятным белым листом бумаги, на котором преступники обозначили не только все свои дела и поступки, но и тайные помыслы, надежды и страхи. Вам следы ничего не говорят. Для меня же они живые свидетели ..."

Лекок был первым литературным детективом, который измерял отпечатки ног и обуви и снимал с них гипсовые слепки. Более того, его „репертуар“ при изучении следов включал в себя сбор пыли, волокон текстиля, прилипших комочков почвы и частиц растений в качестве улики преступлений. Он поучал: „То, что у преступника был с собой зонтик, я узнаю по этому комочку почвы. Вы видите на нем отпечаток конца зонтика, где можно различить рисунок ткани... Цвет и материал его плаща я устанавливаю по маленьким пушинкам коричневой шерсти, прилипшим к древесным стружкам“. Лекок еще не был специалистом, проводящим исследования в лаборатории. Но он объединил работу мысли с изучением следов с места происшествия.

Лекок, как и Дюпен, стал прямым предшественником Шерлока Холмса. Что Артур Конан Дойл добавил к уже созданным образам и что отличало Шерлока Холмса, так это черты совершенно конкретного человека, о котором вспоминал писатель, сидя в своей скромно обставленной комнате, покуривая и раздумывая. Речь идет о его учителе по хирургии, докторе Джозефе Белле, главным хирурге королевской лечебницы в Эдинбурге. Этому худощавому, жилистому человеку с угловатыми плечами и остро выточенным лицом Конан Дойл ассистировал, принимая пришедших на прием пациентов, предварительно осматривая их и сопровождая в кабинет Белла. Белл был своеобразным и ошеломляющим мастером диагностики. Он часто определял характер болезней своих пациентов, прежде чем те успевали открыть рот. Диалог Белла с одним солдатом в гражданском платье, данные которого Беллу были неизвестны, так описывается в воспоминаниях Конан Дойла: „Ну, мил человек, вы служили в армии?“ — „Да, сэр“. — „Унтер-офицер?“ — „Да, сэр“. — „И вы были в Барбадосе, в Вест-Индии?“ — „Да, сэр“. Затем Белл обратился к своим студентам и стал объяснять: „Вы видите — мужчина очень вежлив, но он не снял своей шляпы. Это характерно для армии. Если бы он давно уволился из армии, то приобрел

бы уже привычки, свойственные гражданским лицам. Отеки на его теле свидетельствуют о том, что он страдает слоновой болезнью. Эта болезнь характерна для Вест-Индии“. В воспоминаниях Дойла о студенческих годах описана подобная картина, которую он наблюдал при обследовании Беллом одного пациента: „Господа, — говорил Белл своим ученикам, — перед нами рыбак! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги ... Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать ... За щекой у него жевательный табак, и он управляется с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Об этом свидетельствуют и рыбы чешуйки. Наконец, специфический запах позволяет судить о его занятии с особенной определенностью“.

Так из синтеза образов Дюпена, Лекока, Белла и веры Дойла в гуманитарные, точные и естественные науки возник образ Шерлока Холмса. Пальцы Холмса были постоянно в пятнах от ожогов кислотой. Это говорило о том, что Шерлок Холмс был химиком и натуралистом, определявшим характер найденных им следов преступления не только остротой своего интеллекта и с помощью увеличительного стекла, но и средствами химического анализа. Читатели, встретившиеся впервые в 1887 году с Шерлоком Холмсом и доктором Уотсоном в повести Конан Дойла „Этюд в багровых тонах“, наверняка не поняли, что имеют дело с литературным предвестником естественнонаучного криминалистического подхода к изучению следов, хотя автор в первых же своих историях, как нигде более подробно, описал своего героя. „Этюд в багровых тонах“ был безвкусно написанной историей об убийстве одного мормона. Едва ли это произведение достойно того, чтобы войти в историю литературы. Но для истории криминалистики оно имеет определенное значение благодаря появлению Шерлока Холмса. Не случайно в романе Конан Дойла первая встреча доктора Уотсона и Шерлока Холмса произошла в 1880 году в лаборатории лондонской больницы. Доктор Уотсон, тяжело больной врач, вернувшийся с афганского фронта в Лондон, из соображений

экономии искал человека, которому он мог бы сдать половину своей квартиры. Бывший сослуживец по лондонской больнице Стэмфорд познакомил его с Шерлоком Холмсом, который подыскивал для себя недорогое жилье. Приятель Уотсона считал своим долгом заранее рассказать врачу о странностях Шерлока Холмса. Он объяснил, что Холмс — безупречный, но несколько странный человек, который, например, бьет трупы палками, чтобы установить, какие следы оставляют подобные удары. Будучи таким образом подготовленным, Уотсон вместе со Стэмфордом пришел в лабораторию. „Перед нами было большое помещение, — так Уотсон описывает первую встречу с Холмсом, — заставленное склянками. На широких низких столах теснились штативы, реторты с реагентами и мерцающие голубым пламенем горелки Бунзена. В глубине помещения мы увидели склонившуюся над столом фигуру молодого человека, поглощенного каким-то экспериментом. „Алло“, — воскликнул человек, услышавший, должно быть, наши шаги ... „Нашел! Нашел! — радостно восклицал он, спеша нам навстречу с ретортой в руке. — Я обнаружил реактив, единственный, который осаждается гемоглобином и ничем другим“. Обнаружение золотой древнегреческой монеты не могло бы вызвать большего восторга на его лице. „Доктор Уотсон — мистер Шерлок Холмс“, — представил нас друг другу Стэмфорд. „Здравствуйте! — сказал экспериментатор и пожал мне руку так крепко, что я обзудел от сильной боли. — Я вижу вы из Афганистана“, — добавил он. „Как вы догадались?“ — спросил я удивленно. „Ну, это пустяки, — сказал он, усмехнувшись, — сейчас самое главное — гемоглобин. Надеюсь, вы понимаете, как важно то, что я обнаружил ...“

„Как химическая реакция — это, безусловно, интересно, — ответил я, — в практике же ...“

„Милый мой, — перебил он меня, — как раз для практики это — величайшее открытие за много лет. Вам не пришлось в голову, что благодаря ему можно будет успешнее доказывать наличие кровяных пятен ... Сколько уголовных дел связано с определением этого момента. Человека обвиняют в преступлении, может быть, лишь через несколько месяцев после его совершения. При обследовании одежды и белья человека обнаруживают коричневые пятна. Что это за

пятна? Грязь, ржавчина, фрукты или кровь? А теперь ... теперь у нас есть метод Шерлока Холмса и все трудности устранены“.

Так Конан Дойл впервые представил своего героя миру. Холмса в то время интересовала проблема, связанная со следами крови. Но это был первый и последний случай, когда Холмс выступал в роли химика, исследовавшего только следы крови. Его научные исследования выходили далеко за рамки этой проблемы. Доктор Уотсон убедился в этом сразу, как только его необычный сосед поселился в квартире на Бейкер-стрит, 221-б. Холмс заявил ему: „Моя деятельность несколько своеобразна. Видите ли, в Лондоне имеется множество детективов, государственных и частных. Но когда один из этих господ заходит в тупик, тогда он обращается ко мне. И я в большинстве случаев помогаю ему напасть на правильный след ... Еще не было ни одного человека, который бы, как я, объединил в себе врожденный талант, эту интуицию в отношении всего подозрительного с добросовестными занятиями в области криминалистики“.

С возрастающим интересом изучал Уотсон своего товарища и записывал свои наблюдения о его научных познаниях. Он считал знания Холмса в химии „всеобъемлющими“. Почти так же оценивал его познания в геологии: „С первого взгляда он различает различные виды почв и минералов. После прогулок показывает мне свои забрызганные брюки и по цвету и консистенции брызг определяет, из какой они части Лондона“. Вскоре Уотсон убедился в странном способе Холмса определять пройденный путь по следам почвы на обуви и брюках. Однажды, когда Уотсон вернулся с почтамта, Холмс заявил ему: „Мои наблюдения свидетельствуют о том, что вы ... были на почтамте на Уигмор-стрит ... К подошве ваших ботинок прилипло немного красной почвы. Как раз у почтамта на Уигмор-стрит разрыта мостовая и выкопана земля. В земле имеются вкрапления красноватой глины, какой, насколько мне известно, не встретишь нигде в округе“.

Затем Уотсон лично стал свидетелем практической работы Холмса. В давно покинутом доме Холмс, которого пригласили беспомощные детективы Скотланд-Ярда, увидел труп американца Дреббера из Кливленда. На стене кровью было написано немецкое слово „мечь“. С восторгом Уотсон

сообщает о том, что делал Холмс: „Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол ... В одном месте он осторожно собрал с пола щепотку серой пыли и положил ее в конверт”.

Окончив свое обследование, Холмс заявил: „Убийцей был мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете лет. По сравнению с ростом у него небольшие ноги. На нем были тяжелые, широкие ботинки с квадратными носами, и он курил сигару „Тричинополи”. Он приехал сюда со своей жертвой в четырехколесном экипаже, запряженном лошадью, у которой на правом переднем копыте была новая подкова. По всей вероятности у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке”. Объясняя свои выводы, он добавил: „Когда я приехал, то прежде всего заметил следы езды у самой обочины дороги. Очевидны были также следы подков лошади. Это была не частная карета, а извозчик ... Обычно у лондонских извозчиков колея значительно уже, чем у частных карет ... В девяти случаях из десяти по длине шага человека удастся определить его рост. Следы шагов убийцы на улице еще лучше видны на глине, чем на пыльном полу комнаты. Их легко было измерить. К тому же мне представился лишний случай проверить свои расчеты. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на уровне своих глаз ... Обмакнув в кровь пальцем он написал слово „мечь” на стене. С помощью увеличительного стекла я установил, что стена слегка поцарапана, чего не случилось бы, конечно, если ногти были бы коротко подстрижены ... Затем я собрал с пола немного просыпанного пепла. Он был темным и слоистым — такой пепел остается только от сигары „Тричинополи”. Ведь я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определю вам по пеглу сорт сигары или табака”.

Когда Шерлок Холмс замолчал, доктор Уотсон воскликнул: „Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки”.

Фантазия Конан Дойла перешагнула рамки реального, и он нарисовал образ криминалиста-ученого, умеющего техниче-

ским, химическим и биологическим способами обрабатывать не только следы крови, но и все прочие следы, обнаруженные на месте преступления, и делать соответствующие выводы относительно преступника и процесса преступления. Насколько широк был диапазон исследуемых следов, стало ясно, когда появились следующие истории о Шерлоке Холмсе: в 1890 году — повесть „Знак четырех” и в 1891 — 1892 годах — „Приключения Шерлока Холмса”. Доктор Уотсон, верный летописец, продолжал свое повествование о мастере-детективе.

То, ЧТО ХОЛМС исследовал следы ног и различных транспортных средств, давно перестало быть чем-то особенным. Но появились и новые моменты: например, волосы, обнаруженные на месте одного преступления. По обнаруженной шляпе предполагаемого преступника Холмс установил: хозяину шляпы около сорока лет, он сед, его волосы были недавно подстрижены. Холмс объяснил Уотсону, что почерпнул эти сведения благодаря тщательному исследованию подкладки шляпы. Через увеличительное стекло были отчетливо видны многие кончики волос, остриженные ножницами. От внимания Холмса не ускользали ни обрывки бумаги, ни обрезки ткани. Он объяснял: „Это — бумага индийского производства. На некоторое время она была прикреплена к доске ...” Он интересовался скоплениями прилипших частиц растений и изменениями флоры. Доктор Уотсон заметил: „Холмс снова лег на землю ... Довольно долго он лежал, поднимая с земли листья и засохшие веточки, затем собрал что-то в кучку и положил в конверт. Он рассматривал с помощью лупы не только землю, но и кору дерева ... Во мху он нашел камень, который тоже подверг тщательному изучению и приобщил к другим находкам ...”

Когда в 1891—1892 годах был издан сборник „Приключения Шерлока Холмса”, Артур Конан Дойл и его герой-детектив прославились на весь мир. Однако Шерлок Холмс не долго оставался таким, каким он был в повестях „Этюд в багровых тонах” и „Знак четырех”, — существом, наделенным личными качествами автора, его интересами, идеями, фантазиями, трудом и любовью. Так как повесть „Этюд в багровых тонах” сначала не имела успеха, то Конан Дойл принялся за большие исторические романы и надеялся, что они принесут

ему славу и признание литератора. „Знак четырех“ он писал по заказу одного американского издательства, а „Приключения Шерлока Холмса“ — по заказу лондонского журнала „Стрэнд“. Эта работа, как ему казалось, была для него обузой, отвлекала от более важного и значительного. Без энтузиазма он писал 4-й том о гениальном сыщике „Мемуары Шерлока Холмса“, в конце которого герой его умирает. И лишь возмущение читателей вынудило его воскресить мертвого героя и продолжить повествование о делах Холмса. Но Шерлок Холмс уже не был тем новатором криминалистической работы, каким увидел его читатель в декабре 1887 года. Научная сторона рассказов стала примитивной, поверхностной, потеряла всякую оригинальность. Однако не изменилось мнение, что именно Артур Конан Дойл предвосхитил идею о естественнонаучном изучении следов, для полиции казавшуюся мечтой.

Может показаться весьма символическим, что в 1893 году, т. е. когда по воле Конан Дойла надоевший ему герой погибает, появляется далекая от литературной фантазии книга, сделавшая идеи и методы раннего Шерлока Холмса реальной действительностью. Это была книга по криминалистике с малопривлекательным названием „Руководство для судебных следователей“¹. Автором ее был Ганс Гросс, работавший следователем в Граце, в Австро-Венгрии. Это был человек практики, который в своей повседневной работе, в поиске новых путей криминалистического расследования не стоял в стороне от естественных наук. Едва ли он слышал о Конан Дойле и Шерлоке Холмсе. Скорее всего, он самостоятельно пришел к подобным идеям. Открываешь книгу Гросса и находишь там, помимо подчеркнутой поддержки автором антропометрического метода Бертильона, помимо судебной медицины, методов исследований ядов, огнестрельного оружия и крови, целый ряд глав, которых ранее нельзя было встретить ни в одной специальной книге. Вот названия некоторых глав: „Привлечение специалиста по микроскопическому ис-

следованию“, „Привлечение химика“, „Привлечение физика“, „Привлечение специалистов по минералогии, зоологии и ботанике“. А подзаголовки, например „Исследование волос, пыли, грязи на обуви и пятен на одежде“, указывают на то, в каких случаях и для чего Гросс считал необходимым привлечение этих специалистов. Свою главу о привлечении специалиста в области микроскопического исследования Гросс начинает словами: „Как ни совершенна сегодня конструкция микроскопа, как ни велики успехи науки, достигнутые с помощью этого удивительного прибора, искусство специалиста по микроскопическим исследованиям очень редко используется следователем. Исследование крови, установление наличия пятен спермы и сравнение волос — это почти все задачи, разрешение которых сегодня поручается специалистам по микроскопическому исследованию. Другие задачи решаются ими в исключительных случаях, несмотря на множество дел, в которых микроскопические исследования могли бы дать следователю важнейшие улики и внести ясность в расследование некоторых нераскрытых преступлений“. Гросс полагает, что это можно сказать и о химии, физике, биологии и технике. Его книга призвала криминалистику полнее, чем это имело место до сих пор, использовать возможности естествознания и техники: „Следователь слишком редко использует помощь химика, и расследование многих нераскрытых дел могло бы закончиться успешно, если бы пользовались его консультацией ... Можно утверждать, что ботаник способен оказать помощь как раз в самых трудных, самых важных и самых интересных вопросах. Грязь, прилипшая к обуви, и прочие следы могут подчас рассказать о местонахождении хозяина этих вещей больше, чем можно установить путем длительного расследования“.

В 1893 году вышло в свет первое издание книги Гросса. Он не смел даже надеяться, что когда-нибудь эта книга будет переиздана. Но автор ошибся. Не прошло и года, как вышло второе издание книги; Спустя четыре года — третье, и еще через шесть лет — четвертое. Для переиздания подобной книги это очень малые сроки. Может быть, это свидетельствовало о том, что настало время для осуществления описанных Артуром Конан Дойлом научно-

¹ В 1897 году в России был издан перевод второго дополненного издания этой книги под названием „Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции и др.“. — *Прим. перев.*

фантастических видений и трезвых мыслей Ганса Гросса?

По-видимому, так оно и было. В 1908 году вышло в свет пятое издание „Руководства для судебных следователей“, и в том же году в дни пасхального праздника под деревней Фалькенштейн, в юго-западной части Германии, произошло „преступление века“. Оно получило громкое имя не из-за каких-нибудь особенных обстоятельств, необычности или высокого положения жертвы или убийцы, а из-за того, что уликой послужила земля, прилипшая к обуви преступника.

2.

На фотокарточке, датированной 1908 годом, изображена некая Маргарита Филберт из Эшау. Несмотря на все „искусство“ ретуши, с фотокарточки смотрит на нас совсем непривлекательная женщина лет тридцати, которой придают вид лишь пышные юбки, блуза с рюшами да шляпа больших размеров. Она работала экономкой у местного архитектора Зеебергера в Роккенхаузене и находила утешение в приобретении нарядов, которые вызывали со стороны сельских простаков уважение к ней, как к важной даме.

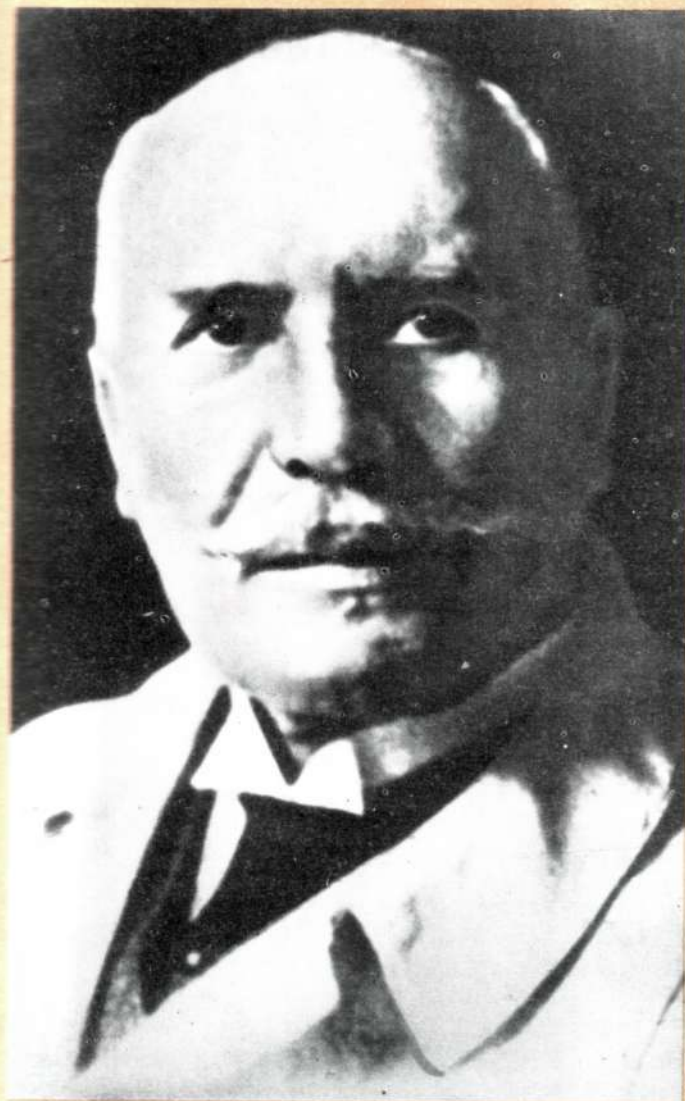
В тот праздничный четверг, 28 мая 1908 года, после обеда Маргарита Филберт поехала на поезде в близлежащий городок Винвейлер, чтобы на обратном пути домой прогуляться пешком. Этот путь вел через долину Фалькенштейнер к деревне Фалькенштейн и развалинам старого замка, а затем по полю и лесу в Роккенхаузен. Однако хозяин Маргариты Филберт напрасно ждал ее возвращения. 29 мая вечером он отправился за помощью в бригаду королевской баварской жандармерии, которая располагалась в Роккенхаузене. На следующее утро, в восемь часов, жандармы Отт и Калл приступили к поискам. В Фалькенштейне они нашли двух свидетелей. Крестьянин Филипп Шлихер вспомнил, что накануне около трех часов пополудни повстречал „худощавую женщину“, которая спрашивала, как пройти в Роккенхаузен. Дочь Шлихера, Анна, около половины четвертого видела, как на поляне за деревней, расположенной вблизи дороги на Роккенхаузен, незнакомая женщина собирала цве-

ты, закрываясь зонтиком от солнца. Следовательно, Маргарита Филберт, если это была она, исчезла по пути из Фалькенштейна в Роккенхаузен. Отт и Калл напрасно обыскали все тропинки в этом направлении. Затем они организовали в Роккенхаузене поиски, в которых приняли участие многие жители. Были прочесаны все леса, и вот после пятнадцати часов один мальчик сообщил, что найден труп женщины. Отт и Калл поспешили в государственный участок леса Шельменкопф, где была обнаружена Маргарита Филберт. Окруженная толпой любопытных, мертвая лежала с задранными юбками.

О преступлении сообщили шефу жандармерии Мюльбауеру, в местный суд Винвейлера и прокурору Зону в Кайзерслаутерн. В девятнадцать часов прокурор Зон, судья Хофбауер и врач собрались в Шельменкопф для обследования места обнаружения трупа. Незадолго до этого Зон прочитал „Руководство для судебных следователей“ Гросса и поэтому пригласил также лесника Гуммеля. По дороге Мюльбауер рассказал, что труп обезглавлен. Голову, отделенную от туловища, видимо, ножом, найти не удалось.

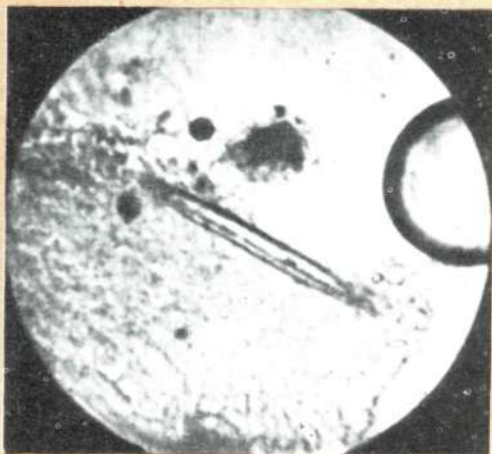
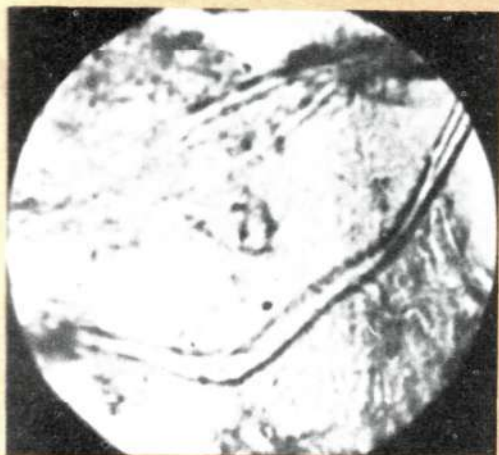
В двадцать часов комиссия добралась до места происшествия. Труп Маргариты Филберт лежал на пологом откосе, приблизительно в пятидесяти метрах ниже лесной дороги. Она лежала на спине, правая нога выпянута, левая согнута. На ногах — черные короткие чулки и туфли. Ни верхняя, ни нижняя юбки не имели видимых следов повреждения, но блузка вся была пропитана кровью из ужасной раны на шее. В остальном на теле не было никаких повреждений или загрязнений. Кожаная перчатка на правой руке была надета нормально, в то время как на левой оказалась разорванной, будто убийца искал кольца. Не было ни сумки, ни шляпы, ни жакета, ни зонта, и Зон ломал себе голову, идет ли здесь речь об убийстве с целью ограбления или о половом преступлении. Из показаний архитектора Зеебергера явствовало, что Маргарита Филберт никогда не носила с собой больше одной-двух марок. Может быть, одежда пострадавшей ввела убийцу в заблуждение, и он предполагал найти у нее большую сумму денег?

Тем временем стемнело, и Зон прервал осмотр места преступления, приказав накрыть труп двумя попонами. В вос-

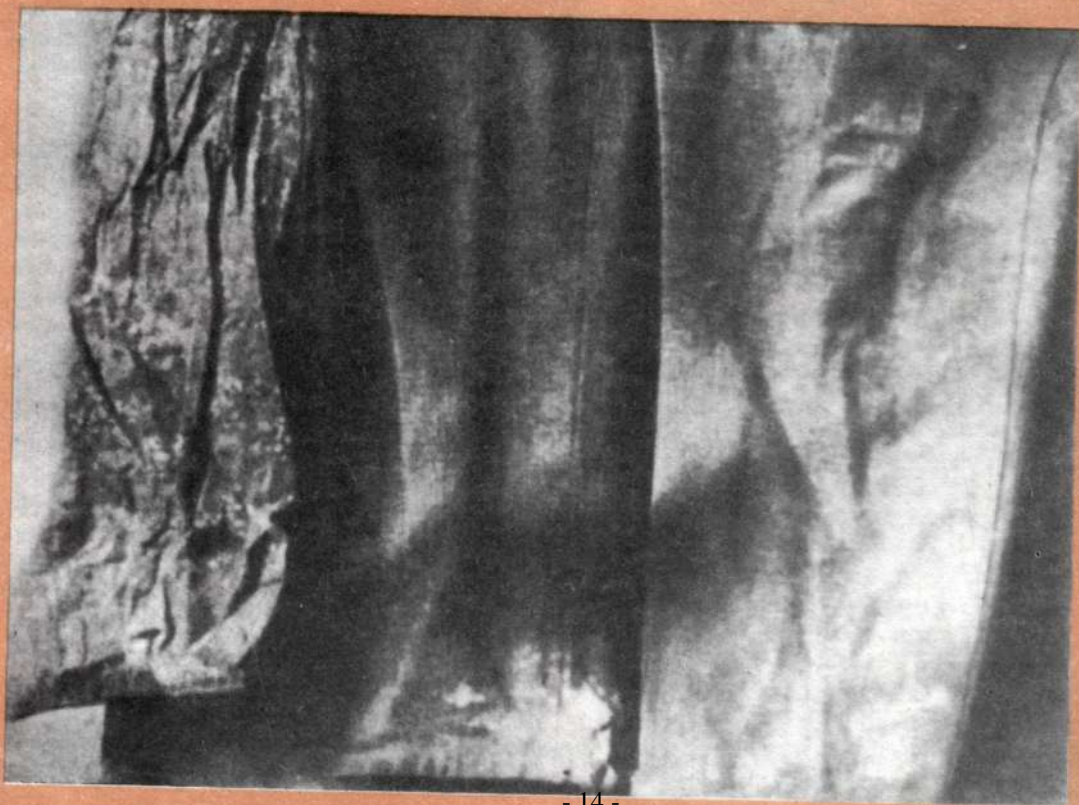

а) Так же, как Пауль Езерих в Берлине, во Франкфурте и на юге Германии вызывал восхищение Георг Попп (1861-1942), вверху слева; своими химическими и микроскопическими исследованиями следов он способствовал раскрытию многих преступлений. Пыль, земля, кровь, волосы, нити тканей, травинки или пыльца становились в его руках вещественным доказательством. Он стал настоящим Шерлоком Холмсом своего времени.

б) В 1905 году около трупа молодой Каролины Кроль были обнаружены два носовых платка. Один из них принадлежал Каролине, другой — убийце Якобу Винкеле. Микроскопическое исследование слизи на платках (слева — жертвы, справа — убийцы) дало Поппу возможность определить, кому принадлежат тот и другой платки. В носовой слизи Винкеле имелись частицы соломы, споры растений и т. д., что соответствовало роду его занятий как крестьянина.

Изготовленное Поппом микрофото ногтя пальца с руки рабочего Карла Лаубаха (вверху справа), который 7 октября 1904 г. напал в Вильдтале на портниху Еву Диш, сыграло существенную роль в изобличении преступника. Под ногтем находилась невидимая невооруженным глазом красная ниточка (справа в центре), которая совпала с шелковыми нитями платка Евы Диш. На фотографии внизу видны загрязненные комками земли брюки Лаубаха. Минералогический анализ показал, что по составу эта земля совпадает с землей с места преступления.

кресенье, 31 мая, в шесть часов утра комиссия собралась вновь, пополнившись „фотографом-художником” Генрихом Бортцелем. Они еще раз тщательно осмотрели место преступления и труп. При этом на пальцах, с которых была содрана перчатка, они обнаружили волосы различного цвета и собрали их, завернув в лист бумаги. Встав на колени, они рассмотрели землю вокруг трупа. Зон подозревал, что юбки Маргариты Филберт оказались задранными в результате того, что убийца притащил ее сюда за ноги с места совершения преступления. Лесник Гуммель нашел на одежде Маргариты Филберт листья боярышника и черники. В нескольких метрах от этого места росли кусты боярышника, но другого вида. Хорошо знавший свой лес, Гуммель сказал, что такой вид боярышника и черника растут на склоне, метрах в сорока пяти выше, в непосредственной близости от дороги. Зон послал туда двух жандармов для розысков следов крови и отчлененной головы. Труп он приказал погрузить на телегу и отвезти в Фалькенштейн. Там судебный медик королевского суда земли доктор Цан произвел вскрытие трупа. В результате вскрытия было установлено, что убийца сначала задушил свою жертву, а затем уже обезглавил. Цан не мог установить, было ли совершено изнасилование, и он приказал Хофбауеру послать труп для экспертизы состояния половых органов в медицинское отделение Вюрцбургского университета. Одежду, принадлежавшую Маргарите Филберт, уложили в старый ящик и отправили в Винвейлер. Тем временем жандармы обнаружили у дороги следы крови на земле и кусты боярышника и черники. Но все попытки найти отчлененную голову и вещи жертвы ни к чему не привели.

Перед тем как покинуть Фалькенштейн, Зон и Хофбауер вызвали вице-вахмистра Шмидта из Винвейлера и поручили ему проверить всех подозрительных лиц. Шмидт знал своих людей и побывал у батраков и рабочих, которые имели судимости. Он осматривал их квартиры или комнаты. Но у всех у них было надежное алиби. Либо у них отелилась в это время корова и они никуда не выходили из сарая, либо их видели в компании людей, не вызывающих подозрения. Тогда вице-вахмистр отправился к бургомистру Фалькенштейна Питеру Фишеру для наведения справок о том, кого

еще можно подозревать в преступлении. Фишер сразу же назвал имя одного сомнительного типа. Если только это не кто-нибудь из посторонних, то в самой деревне на такое способен один человек: Андреас Шлихер. Несколько своеобразное обоснование такого мнения гласило: „Потому что он однажды был под следствием за браконьерство и вообще у него плохая слава”.

Андреас Шлихер был знаком вице-вахмистру: уже много лет его подозревали в браконьерстве, но ни разу не могли уличить. Шлихеру было 40 лет, он был протестантом, женатым человеком, отцом пятирех детей, имел небольшое хозяйство с несколькими разбросанными в разных концах участками земли, но в основном подрабатывал в мастерской у медника. У Шлихера было много долгов, он слыл грубым, вспыльчивым и склонным к насилию человеком. Но кроме него было много других насильников. Только в Фалькенштейне Шмидту была известна добрая дюжина таких натур. Однако бургомистр обратил внимание Шмидта на то, что одна из пашен Шлихера расположена у самой дороги, по которой, очевидно, шла Маргарита Филберт. Тогда, не долго думая, вице-вахмистр отправился вместе с бургомистром к хутору Шлихера. Они застали Шлихера, на котором была рабочая одежда, в коровьем хлеву за кухней. Шлихер, коренастый мужчина с черными коротко стриженными волосами, темными усами и с желтыми, редко посаженными зубами, сначала возмутился, что ему мешают работать. Но затем он охотно рассказал, как провел день, интересующий пришедших. В тринадцать часов, надев воскресный костюм и воскресные туфли, Шлихер отправился посмотреть свои пашни на склоне горы Херцберг в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан. Он осмотрел все свои поля одно за другим и в три часа дня или полчетвертого был уже дома. Шлихер утверждал, что соседка Филиппина Флур видела, как он возвращался. Больше он не выходил из дома. Что же касается Маргариты Филберт, то никогда ее не встречал. Об убийстве услышал лишь в пятницу 29 мая. Шмидт спросил, не ходил ли он в день „вознесения” на свое поле у леса Шельменкопф. Но Шлихер категорически заявил: „Нет”. Его жена Каролина в ответ на все вопросы Шмидта только пожимала плечами. Она была по натуре очень немногословна, да и сама жизнь, полная

труда, забот и нужды, не сделала ее более разговорчивой. Каролина даже ни разу не подняла глаз. Лишь после настойчивых распросов она сказала, что если он (Шлихер) говорит, что вторую половину дня „вознесения“ был дома, значит, так оно, наверно, и было.

Шмидт заставил Шлихера показать ему свои руки. Не обнаружив на них ничего подозрительного, он поинтересовался одеждой Шлихера. Вскоре Шмидт отправил в суд Винвейлера протокол, в котором, в частности, указывалось: „На одежде Шлихера не обнаружено ни малейшего следа крови. У Шлихера имеются два ножа, на которых также нет следов крови ...“

Вечером Шмидт посетил соседку Шлихера Филиппину Флур. Ему бросилось в глаза одно обстоятельство: прежде чем ответить на его вопросы, молодая женщина убедилась, что за ее домом никто не следит со стороны Шлихеров. Она подтвердила, что видела во второй половине дня стоявшего у входа в дом Шлихера. На нем был его серый воскресный костюм. Она не заметила ничего подозрительного. Поведение соседки так и оставалось до конца беседы странным, будто она чего-то боялась, но алиби есть алиби. В плохом настроении Шмидт снова отправился в путь. На этот раз его путь лежал к трактиру „Цум Вильден Егер“ в Фалькенштейне. Он хотел расспросить хозяйина трактира Генриха Фишера, не заметил ли тот чего-либо подозрительного. Фишер подождал, пока несколько посетителей покинут трактир, и сказал жандарму, что он считает Андреаса Шлихера убийцей. Несколько часов тому назад посетитель трактира Герман Клейн как раз рассказывал, что Шлихер пытался подбить его на ограбление одного старика. Затем Фишер назвал Шмидту имя крестьянина Мартина Фишера, который может якобы доказать лживость слов Андреаса Шлихера, что всю вторую половину дня „вознесения“ тот не выходил из дома. Наоборот, он вернулся из леса между восемью и десятью часами вечера и пытался незаметно пробраться в деревню. Но, может быть, Мартин Фишер ему ничего и не скажет, потому что все в деревне боятся Шлихера и, пока тот на свободе, будут держать язык за зубами.

Впервые было открыто сказано о страхе, который испытывают жители Фалькенштейна. С этим страхом Шмидт сталкивался на каждом шагу. Когда он пытался найти

Мартина Фишера, тот скрылся от него, покинув дом через задний двор. Тем временем Отт и Калл продолжали поиски на склонах Шельменкопфа, используя легавую собаку. Они спускали воду в прудах и рыли во многих местах ямы в поисках головы. Но единственной находкой, которую они сделали вечером 1 июня, был маленький кусочек кожи с несколькими волосками на нем. Может быть, это кусочек кожи с головы убитой? Отт лично доставил находку в Винвейлер. 2 июня Шмидту удалось найти единственную свидетельницу, согласившуюся дать показания. Это была фрау Цабарофф, которая 28 мая собирала в Гарайсвэльдхен мох. Около пяти часов вечера фрау Цабарофф слышала громкие крики с той стороны, где находится пашня Шлихера, у дороги, ведущей в Роккенхаузен. Это было все, чего смог добиться Шмидт. Сколько он ни старался, везде он наталкивался на стену страха.

В это время прокурор Зон пытался найти химика или специалиста по микроскопическим исследованиям, который мог бы дать свое заключение относительно волос в руке трупа Филберт и кусочка кожи, обнаруженного жандармами. Судебный врач отказался это сделать. А врачи в Вюрцбурге лишь сообщили, что не смогли обнаружить следов изнасилования Маргариты Филберт. При расследовании были подтверждены полученные данные о намерении Шлихера совершить ограбление, но они не способствовали раскрытию преступления. В полдень 3 июня Зон в поисках решения проблемы просматривал „Руководство для судебных следователей“. Вдруг из книги выпала газетная вырезка, которую он, должно быть, положил туда несколько лет тому назад. Это была статья из франкфуртской газеты, где сообщалось, что франкфуртский химик доктор Георг Попп неизвестным доселе способом раскрыл много уголовных дел. Он фотографировал отпечатки пальцев преступника, оставшиеся на одежде жертвы. Больше того, в деле об убийстве на сексуальной почве под Мосбахом, где в октябре 1905 года шестнадцатилетний сын арендатора Якоб Винкеле убил служанку, Поппу удалось путем исследования следов грязи на носовом платке побудить молодого Винкеле к признанию.

В тот же день Зон телеграфировал во Франкфурт и получил ответ, что Георг Попп „действительно существует и готов дать

экспертное заключение". Тогда прокурор приказал упаковать не только волосы и кусочек кожи, но и всю одежду, принадлежавшую Маргарите Филберт, и послать все это во Франкфурт. Он просил доктора Георга Поппа изучить все предметы с помощью микроскопа и сообщить ему, нет ли на одежде „кровавых отпечатков пальцев", которые можно было бы сравнить с отпечатками пальцев предполагаемого преступника. Сопроводительное письмо, он закончил странно звучащей сегодня просьбой:

Заодно прошу мне сообщить, как наилучшим образом можно взять отпечатки пальцев у таких людей".

Георгу Поппу было в то время сорок семь лет. Он слыл „душой" Химико-технического и гигиенического института докторов Поппа и Беккера. В институте занимались различными проблемами, здесь было много лабораторий и отделов, одним из которых был отдел криминалистического расследования, анализа почерка и микроскопических исследований.

Сын разбогатевшего франкфуртского закройщика, Попп имел возможность изучать химию в Марбурге, Лейпциге и Гейдельберге у таких ученых мужей, как Бунзен и Тредуэлл. В 1889 году он основал свою собственную лабораторию, на базе которой создал предприятие с двадцатью-тридцатью служащими.

Импозантный мужчина со шрамами, наминавшими о его былой принадлежности к студенческой корпорации, развил на рубеже столетий слишком большую энергию и обладал слишком большой фантазией, чтобы довольствоваться спокойной жизнью эксперта лаборатории. Приданое Дженни Цинн, дочери нью-йоркского фабриканта, на которой женился Попп, дало ему возможность проводить разные эксперименты, не всегда, к сожалению, успешны. Но неудачи не лишили его мужества и стремления к познанию нового и необычного, что в 1900 году толкнуло ученого на путь, которым шли Пауль Езерих в Берлине и Ганс Гросс в Граце. Обращения к Поппу франкфуртского следователя, читавшего книгу Ганса Гросса, с просьбой исследовать пятна на брюках подозреваемого в преступлении человека было достаточно, чтобы пробудить в нем страсть к криминалистике. Он начал с исследований крови и ядов; когда в начале нового века пришли первые вести о введении дактилоскопии, он с го-

ловой окунулся в изучение отпечатков пальцев. Если немецкая полиция была занята внедрением антропометрических измерений Бертильона в качестве основы для картотеки преступников, то Попп уже понял, что бертильонаж принадлежит истории и что перспективна дактилоскопия. Одновременно он занялся и фотографией. Неугомонный исследователь стал прилежным учеником, изучившим все методы фотографирования, которые пропагандировали Бертильон и его последователь Рейсе в Лозанне. В 1904 году благодаря запечатленным на фотографии отпечаткам пальцев ему удалось уличить трех убийц. Первые два, Штаффорст и Гросс, убившие франкфуртского торговца музыкальными инструментами в его магазине, оставили отпечаток большого пальца на листе бумаги и отпечаток указательного пальца на воротнике потерпевшего. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1904 года, был убит священник в Гельденбергене, в Верхнем Гессене. Выступление Поппа в деле Штаффорста и Гросса создало ученому такую популярность, что один богатый франкфуртский фабрикант предоставил в его распоряжение свою машину, чтобы химик смог поехать на место преступления. Попп передал следователю цветную фотографию ножа — орудия убийства, на котором был виден отпечаток одного пальца. Этим пальцем преступник вытер лезвие ножа. Так как именно мясники имеют обыкновение таким способом вытирать лезвие ножа, то Попп посоветовал поискать преступника среди мясников. Кроме того, он сфотографировал отпечаток правой руки, указательный палец которой был на несколько сантиметров короче обычного. Вскоре на основании этих косвенных улик был арестован и разоблачен мясник Гудде из Дармштадта.

Попп внимательно читал Ганса Гросса и понял, что истинные возможности криминалистики с использованием естественных наук таятся в совершенно других областях. В том же 1904 году прокуратура в Брейсгау пригласила его в Вильдталь. Там на бобовом поле нашли портниху Еву Диш, задушенную ее же собственным красно-синим платком. Единственной уликой, оставленной, возможно, убийцей на месте преступления, был носовой платок. Под микроскопом Попп увидел на носовом платке красные и синие волокна шелка, по цвету совпадавшие с волокнами головного платка

жертвы. Более того, в выделениях, оставшихся на платке, находились частички нюхательного табака, угля, песчинки и кристаллы роговой обманки. Подозрение жандарма, расследовавшего преступление, пало на бывшего участника Иностранного легиона Карла Лаубаха, работавшего на газовом заводе и на разработках колчедана и пользовавшегося нюхательным табаком. Когда его арестовали, Попп с еще большим усердием продолжил микроскопические исследования. Под ногтями Лаубаха удалось обнаружить много угольной пыли, песчинок и кристаллов роговой обманки, но прежде всего — красные и синие волокна шелка, ничем не отличавшиеся от волокон головного платка убитой. Наконец, на брюках Лаубаха, у щиколоток, Попп обнаружил следы желтой глины и светло-серой илистой земли, которая в некоторых местах покрывала глину. Попп определил вид и количество крупинки кварца, кристаллов и составных частей растений в слое глины и взял пробы почвы с места обнаружения трупа Евы Диш. При сравнении он пришел к выводу, что глина с брюк Лаубаха и почва с места преступления по составу совпадают. Что касается серого слоя, то он содержал пластинки слюды и частички угля. Такой состав почвы оказался также в пробах земли с проселочной дороги, которая вела от места преступления к дому Лаубаха. Попп сделал из этого вывод, что Лаубах сначала испачкал брюки глиной во время убийства, а затем илом, направляясь по проселочной дороге домой. После первоначального отрицания Лаубахом своей вины и предъявления ему Поппом результатов исследования франкфуртские газеты, освещавшие ход процесса, опубликовали статьи под заглавием: „Микроскоп в качестве детектива“.

Попп заложил краеугольный камень для осуществления фантазии Конан Дойла и помыслов Гросса. В том же году он выступил с докладами на собрании союза химиков Германии и перед почтенной аудиторией общества Зенкенберга. В обстоятельных докладах Попп говорил о возможностях химии, минералогии и ботаники и об использовании их в криминалистике. Теперь, когда к нему за помощью обратился прокурор Зон, у Поппа был свой собственный криминалистический музей, которому могла бы позавидовать полиция большого города. Но этот музей не был похож

на полицейские музеи ужасов, потому что картины на стенах, фотографии и объекты микроскопических исследований рассказывали о тех делах, раскрытию которых способствовала работа естествоиспытателя Поппа.

На запрос прокурора Попп сообщил, что волосы на перчатках принадлежали женщине и могли быть волосами Маргариты Филберт. Волосы на кусочке кожи — это волосы животного, вероятно крота. Попп полагал, что эта находка вообще не имеет отношения к убийству. Отпечатков пальцев он не нашел, зато обнаружил много конских волос. Когда прокурор получил ответ Поппа, то написал на полях (как признание точности выводов Поппа), что волосы — с конской попоны, которой был накрыт труп Маргариты Филберт в первую ночь после обнаружения. Так началось участие Поппа в деле Филберт.

Письмо находилось на пути в Кайзерслаутерн, когда Зон получил через окружной суд в Винвейлере анонимное послание из Фалькенштейна. Его язык не выдерживал никакой критики. Содержание было приблизительно таким: „Глубокоуважаемый суд Винвейлера, хочу попросить отнестись со всей серьезностью к Андреасу Шлихеру из Фалькенштейна в связи с убийством и ограблением, так как он замешан в этом деле. Когда Андреас Шлихер пришел к месту, где лежала девушка, он очень побледнел ... не решался подойти к трупу, и можно было подумать, прочитать по его лицу ... Вчера Шлихер говорил, что его потащат к следователю ... Но о нем ни один человек ничего не скажет ... Итак, вся община подозревает Шлихера. < Многие люди в Фалькенштейне не хотят говорить, потому что он опасный человек и его очень боятся ... Уже три дня он не ходит на работу, чтобы жандармы не арестовали его там ...“

4 июня Зон приказал арестовать Шлихера и доставить его в винвейлерскую тюрьму. Одновременно судья Хофбауер получил указание произвести повторный обыск на хуторе Шлихера. Жандармы появились в Фалькенштейне до зубов вооруженными, но Шлихер, не оказывая сопротивления, пошел с ними, сказав при этом: „Я спокойно могу пойти с вами, я не убивал Филберт“. Хофбауер и Шмидт обыскали весь дом, лазили из кухни в подвал, перевернули все вверх дном, поднялись по крутой лестнице в спальню. Там Хофбауер лично осмотрел

одежду, которую несколько дней тому назад держал в руках Шмидт. Ничего необычного ему не бросилось в глаза. Это касалось и воскresных ботинок Шлихера; они стояли начищенные на сундуке. Итак, Хофбауер еще раз подтвердил то, что констатировал 31 мая вице-вахмистр: „При тщательном обыске не удалось обнаружить никаких следов преступления“.

В Кайзерслаутерне следователь Зеебергер, допрашивавший Шлихера 5 июня, услышал то же, что и ранее Шмидт. Шлихер еще раз повторил, что в день убийства ходил на свои участки в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан между часом и четырьмя часами дня. Он утверждал, что не был на своем поле в районе государственного леса Шельменкопф, никогда не видел Маргариту Филберт и после шестнадцати часов не выходил из дома. Допрос не дал ничего нового. Черно-волосый смуглый мужчина вновь и вновь повторял один и тот же рассказ, заверяя, что не имеет отношения к убийству Маргариты Филберт из Роккенхаузена. Он отрицал также, что когда-либо занимался браконьерством ... Зеебергер колебался. После обеда он поехал в Фалькенштейн, чтобы еще раз произвести обыск в доме Шлихера. Каролина Шлихер встретила его с неприветливостью. В отчете Зеебергер сообщил: „Жена обвиняемого не давала серьезных ответов на поставленные вопросы“. Одежда Шлихера в третий раз подверглась осмотру. Зеебергер тоже пришел к убеждению, что на ней нет ничего подозрительного. Что же касается ботинок, то они показались ему не совсем чистыми, т. е. на подошве была земля. Но так как он не увидел следов крови, а земля не привлекла его внимания, то он поставил ботинки на место. Он взял с собой только рваный рабочий халат, потому что на его спине отчетливо были видны бурые пятна, похожие на кровь.

Тем временем Попп завершил свои исследования кусочка кожи. Она принадлежала животному. Ответ, полученный в результате этого исследования, и потребность в уликах для следствия подхлестнули его и без того деятельную натуру. Прочитав 6 июня об аресте Шлихера в газете, он активно подключился к расследованию, внося свои собственные предложения. Он написал в Кайзерслаутерн, чтобы ему прислали одежду Шлихера, на которой он попытается отыскать следы. Далее он просил постричь Шли-

херу ногти или прислать ему по крайней мере грязь из-под ногтей. Зон тотчас передал письмо Поппа Зеебергеру. Но тот в отличие от Зона не придавал большого значения идеям Ганса Гросса. Он-де видел все, что нужно, собственными глазами, и было принято решение о ненадобности других исследований одежды Шлихера. Лишь предложение исследовать грязь из-под ногтей Шлихера, где могли быть обнаружены следы его борьбы с жертвой, понравилось Зеебергеру.

9 июня Попп, сообщая, что под ногтями им обнаружены следы человеческой крови, еще раз вернулся к вопросу об одежде подозреваемого и во второй раз предложил свои услуги для ее обследования. Но Зеебергер убедил Зона, что одежда уже достаточно тщательно обследована. Обнаружение же человеческой крови под ногтями Шлихера побудило его еще раз поехать в Фалькенштейн вместе со следователем, лесником Гуммелем и десятью жандармами. В поисках головы и исчезнувших вещей Маргариты Филберт 10 июня были прочесаны все леса юго-западнее Шельменкопфа-Херценталя. Поздно вечером еще ничего не было найдено, а начавшийся проливной дождь смыл последние надежды на успех. Тут леснику Гуммелю пришла в голову мысль отвести комиссию на развалины замка Фалькенштейн. Браконьеры часто использовали эти руины как укрытие. Может быть, там удастся найти голову. Сначала осмотрели кусты и нагромождения камней вокруг крепости. Уже наступили сумерки, когда поисковая группа с фонарями в руках спустилась в подземелье замка. Но и там сначала ничего не удалось обнаружить, хотя жандармы разгребали каждую кучу мусора. Лишь проникнув через бойницу северной стены в подземный погреб и поработав в нем лопатой, они увидели кожаный ремень от заржавевшего охотничьего ружья, лежавшего тут же. Были найдены коробка с патронами и мокрые коричневые мужские брюки, завернутые в черную женскую блузку.

С чувством некоторого удовлетворения они возвратились в Кайзерслаутерн. Блуза могла и не принадлежать Маргарите Филберт. Поэтому находку еще не связывали с расследуемым убийством. Но была надежда найти по крайней мере доказательства того, что Шлихер занимался браконьерством. Утром 11 июня блузка и брюки были рассмотре-

ны. Поскольку на них не было никаких следов, вещи были отосланы в Роккенхаузен, в жандармерию. При этом было дано задание установить их принадлежность Шлихеру и его жене. При обследовании ружья Зон снова воспользовался советами из книги Гросса. Так как он не знал ни одного эксперта по огнестрельному оружию, то он обратился к Поппу. Тот, сгорая от нетерпения, сел в полдень 11 июня в первый же поезд на Кайзерслаутерн. К несчастью, Попп застал только следователя Зеебергера. Свое главное внимание Попп уделил патронам и дробовику. Пыжи патронов состояли из кусочков бумаги, отрезанной, по всей видимости, от исписанной открытки. Попп попросил показать ему подпись Шлихера на актах протоколов, и у него сложилось впечатление, что почерк на открытке совпадает с почерком Шлихера. Тогда он попросил поискать почтовые открытки в доме Шлихера. Он надеялся, что удастся найти остатки открытки, из которой вырезаны пыжи. Зеебергер немедленно поручил это жандармерии. Попп вновь затронул вопрос о следах на одежде Шлихера и спросил о найденных брюках и блузке. Зеебергер ответил, что он лично убедился в отсутствии следов крови и каких-либо других следов. В ответ на возражение Поппа, что бывают следы, которые может обнаружить только специалист с помощью микроскопа, Зеебергер обиделся, как будто это замечание ставило под сомнение его криминалистические способности. Он резко сказал Поппу, что блузка и брюки не могут быть предоставлены в его распоряжение, поскольку находятся в Роккенхаузене. Следователь дал лишь халат, казавшийся ему подозрительным. Его неприязнь к Поппу еще больше возросла, когда ученый установил, что красное пятно, которое Зеебергер принял за кровь, является пятном ржавчины. Зеебергер даже не стал информировать Поппа о подробностях уже произведенных следственных действий.

В плохом настроении, с чувством неудовлетворенности возвратился Попп во Франкфурт. Его не утешил даже полученный им через восемь дней пакет, в котором находилась вся бумага, обнаруженная жандармами в доме Шлихера. Среди бумаг была открытка, которую много лет тому назад Шлихер прислал откуда-то своему отцу. Из нее были вырезаны кружочки, и

патронные пыжи точно соответствовали оставшимся отверстиям.

Конечно, доказательство принадлежности Шлихеру ружья из развалин замка имело значение для обвинения Шлихера как браконьера, но не относилось к делу об убийстве и не могло отвлечь внимания Поппа от беспрерывно мучившей его проблемы следов на одежде. Но он не знал, как ему заполучить одежду подозреваемого для обследования.

Тем временем жандарм Калл установил в Фалькенштейне, что блузка принадлежит Каролине Шлихер, а брюки сшиты портным Якобом Томом из Вюрцвейлера для Андреаса Шлихера. Том показал имя Шлихера, написанное карандашом на внутреннем шве брюк, надпись, которую Зеебергер проглядел. Теперь не было больше сомнений, что в замке обнаружено укрытие браконьера Шлихера, и Зеебергер сконцентрировал свою работу на том, чтобы отдать Шлихера под суд как браконьера, добиться его осуждения на более или менее длительный срок и затем спокойно продолжить расследование убийства. По делу об убийстве он лишь связался с баварской и гессенской полицией и попросил их сообщить ему о бродягах и прочих подозрительных личностях, которые в день „вознесения“ могли находиться в районе Фалькенштейна или у которых будут обнаружены вещи, принадлежавшие Маргарите Филберт. В доме родителей Филберт в Эшау он приказал поискать письма, которые могли бы дать что-нибудь новое о ее тайных знакомствах.

В деле о браконьерстве к началу июля Зеебергер достиг полного успеха после того, как вице-вахмистру Шмидту удалось заставить говорить двух других подозреваемых в браконьерстве крестьян, Джозефа Вилдинга и Филиппа Деммерле, и они, спасая свою шкуру, выдали Шлихера. Но дело об убийстве не сдвинулось с места.

В конце июля Зон потерял терпение и снова вмешался в расследование, сделав необычный шаг. Так как в его распоряжении были только жандармы и ни одного криминалиста, то он обратился за помощью в соседнее герцогство Гессен, и гессенский генеральный прокурор послал в Кайзерслаутерн комиссара уголовной полиции Даниеля из Дармштадта.

Для Даниеля сотрудничество с Поппом было в порядке вещей. Первое, что он сде-

лал, — послал брюки Шлихера Поппу. Снова обследовал обыск хутора Шлихера и изъятие его одежды и ботинок, Попп вскоре получил эти вещи, обследование которых он безуспешно предлагал произвести еще в июне. Через три дня он сообщил, что на обоих коленках, там, где Зеебергер и жандармы ничего не заметили, имеются „загрязнения, содержащие человеческую кровь“. Но прежде всего ему бросился в глаза прилипший к нижнему краю штанины и уже засохший комочек зеленоватой грязи, который, как было видно под микроскопом, состоит в основном из овсяной соломы и по всей видимости, является конским навозом". Еще через несколько дней после тщательного исследования пришло сообщение, что на воскресном пиджаке, который Шлихер одевал в праздник „вознесения“, имеются многочисленные брызги человеческой крови. Очевидно, делались попытки смыть водой некоторые крупные следы крови.

Но обнаружение крови было для него не самым главным. Его больше интересовали ботинки. 22 августа Попп писал в Кайзерслаутерн: „Около каблучков ботинок имеются следы кала животного, и к нему прилипла илистая серая земля, какую можно встретить на размытой дождем дороге. При исследовании этой массы ... выяснилось, что там тоже содержится овсяная солома. Таким образом, не только цвет и внешний вид грязи на ботинках и брюках совпадают, но и их состав" установленный с помощью микроскопа".

Попп просил передать ему ботинки, принадлежавшие Маргарите Филберт, чтобы установить, не соприкасались ли они с конским навозом. Может быть, удастся доказать, что Шлихер и убитая были в одном и том же месте. Ботинки прибыли срочной почтой.

Зеебергеру пришлось, правда, признать свои промахи, и он не чинил больше препятствий дальнейшему микроскопическому исследованию, даже спустя некоторое время принял в них участие. Микроскопическое исследование ботинок Маргариты Филберт принесло разочарование. Там не было ни малейшего следа навоза, а лишь немного земли с чешуйками древесных почек, что свидетельствовало о земле с лесной дороги.

24 августа Попп впервые узнает из письма Даниеля, что Андреас Шлихер с самого начала утверждал, будто он не был на своем

поле, которое расположено вблизи места преступления, а ходил только на поля в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан. Но так как Шлихер отрицает, что в день „вознесения" или вскоре после этого побывал в местах обнаружения трупа и предполагаемом месте преступления, то важно, считает Попп, отвечая Даниелю, проверить правильность этого утверждения. Для этого нужно сравнить почву, прилипшую к обуви, в которой Шлихер был в тот день, с пробами почвы, взятыми с места обнаружения трупа, с одной стороны, и с пробами почвы земельных участков обвиняемого и дорог, по которым он якобы ходил, — с другой. Таким образом, возможно, удастся установить, говорит Шлихер правду или нет. Попп советовал не снимать пробы почвы с обуви Шлихера самим, а предоставить эту работу ему, чтобы он мог установить положение и вид слоев прилипшей к подошве почвы и зафиксировать их с помощью фотографии. Он просил также для исследования почвы соответствующих мест предоставить возможность взять эти пробы ему лично.

Но так как Даниель заболел, то лишь 21 сентября он встретился с Поппом в Фалькенштейне. Целый день они ходили по полям и дорогам, по которым, как утверждал Шлихер, он прошел в день „вознесения". Затем они отправились к месту обнаружения трупа и к тропинке, которая вела оттуда в Фалькенштейн. Отовсюду они брали пробы почвы и заполняли ими коробки. С наступлением темноты они поднялись к руинам замка, чтобы и оттуда взять пробы почвы и щебня. Спустя два дня Попп приступил к исследованиям в своей лаборатории. Он и франкфуртский геолог Фишер занимались этими исследованиями больше двух месяцев, до 23 ноября 1908 года.

С точки зрения наших дней методика исследования земельных проб была у Поппа не безупречной. Однако она уже содержала все элементы современных методов. Ученый придерживался той точки зрения, что земля не мертвый, а живой организм, подверженный постоянным изменениям; процессы изменений находятся под влиянием минералогического развития и погоды, примесей растительного и животного характера и, не в последнюю очередь, под влиянием почвенных микробов.

Прошло много времени, прежде чем

многочисленные пробы, собранные Поппом с места обнаружения трупа, земельных участков Шлихера, руин замка, дорог и т. д., были проанализированы. От результатов этих анализов зависело, можно ли вообще использовать обувь Шлихера в качестве вещественного доказательства. Если почва земельных участков, на которых побывал Шлихер в день убийства, ничем не отличалась от почвы участка земли вблизи места преступления, то вся работа по их сравнению была напрасной.

Пробы почв, взятые Поппом и Данием с хутора Шлихера и с деревенской улицы, отличались тем, что содержали гусиный помет. Пробы с земельных участков Шлихера в районах Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан состояли в основном из почвы темного цвета с продуктами выветривания порфиновых пород и различными элементами порфира. В первую очередь там было много светлого кварцевого порфира с зелеными вкраплениями, частиц молочного кварца и пластинок слюды. Растительная составная часть состояла из нитей корней, частей гнилой соломы и очень незначительных остатков листьев.

Резко отличался состав почвы в пробе, взятой с участка земли Шлихера вблизи места преступления. Здесь была красноватая песчаная почва, продукт выветривания песчаника, смешанного с крупинками кварца, небольшим количеством слюды и большим количеством красной железистой глины. Примеси растительного характера были незначительны. Интересно, что почва дороги, идущей от поля Шлихера к лесу, где было совершено убийство, и почва с места преступления были идентичны, хотя в них были разные количества примесей остатков листьев деревьев. Не менее интересным был тот факт, что ни на других полях, ни на других дорогах не удалось обнаружить конский навоз, лежавший только на пути к месту преступления. Под влиянием дождя, размывшего навоз, отчетливо была видна овсяная полова, которую Попп наблюдал под микроскопом при первом исследовании обуви Шлихера.

Как итог всех исследований были получены результаты анализов почвы из развалин замка. Она также имела свои особенности. В ней отчетливо различались большие количества темных составных частей угля. Решающим отличием почвы были примеси кирпичной и цементной

пыли от разрушенных стен замка. Такое различие почв было надежной основой для сравнения, на что и рассчитывал Попп. И все же самое трудное было еще впереди. Первое обследование обуви Шлихера было весьма поверхностным, так как количество прилипшей к подошве земли было очень незначительным, и казалось сомнительным, чтобы его хватило для изучения слоев почвы, оставленных последней прогулкой Шлихера. Однако повторное обследование выявило несомненное наличие красноватой окраски, напоминающей почву вблизи места преступления, что и вдохновило Поппа на дальнейшую работу. В более крупных комках земли, застрявших между каблучками и подошвой, он надеялся различить отдельные слои почвы и выделить несколько кусочков для проб. Осторожно увлажнив эти комочки прилипшей земли, он бритвой разрезал их перпендикулярно к подошве. После нескольких попыток удалось сделать чистые поперечные разрезы, на которых хорошо просматривались различные слои почвы. Самый нижний слой, непосредственно на коже, обнаруживал смесь гусиного помета с землей, какую Попп наблюдал на хуторе Шлихера и на деревенской улице в Фалькенштейне. Далее следовал слой, содержащий частицы травы и свидетельствующий о луговой дороге, которая вела от Фалькенштейна к полю Шлихера вблизи места преступления. Затем удалось отделить несколько маленьких кусочков красноватой песчаной почвы с осколками крупинки кварца в красной глине, чешуйками слюды, частицами перегноя более темного цвета и шелухой от почек деревьев. Эти слои полностью совпадали с почвой с места преступления. И наконец, в самом верхнем слое Попп обнаружил уголь, частички кирпича и цементной штукатурки — характерные признаки почвы руин замка. Для окончательного вывода Попп продолжил исследование еще многих срезов, но, как он ни старался, ему нигде не удалось обнаружить продукты выветривания порфиновых пород, характерных для полей Шлихера в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь.

Результаты многочисленных исследований, осуществленных до ноября 1908 года, были как неожиданными, так и убедительными. Шлихер, вопреки его утверждениям, никак не мог ходить на свои поля, расположенные вдалеке от места преступления, потому что

на его обуви совершенно не было следов этих почв. И напротив, он должен был пройти по деревенской улице, по дороге через луг к полю и далее на само место преступления. После совершения преступления Шлихер, по всей видимости, пошел к развалинам замка, чтобы спрятать там свои брюки. Когда 1 декабря 1908 г. прокурор Зон и Зеебергер держали в руках подробный доклад Поппа, у них не осталось и следа сомнений в вине Шлихера.

Но Шлихер продолжал отрицать свою вину, потому что он не понимал значения исследований следов почвы. Когда же он понял, . . . что к чему, то стал придумывать всевозможные отговорки. Шлихер утверждал, что надевал свои ботинки также в субботу, через два дня после убийства, когда с другими зеваками ходил к месту преступления посмотреть на труп. Он, мол, близко подошел к трупу и наступил на нижнюю юбку пострадавшей. Но нашлось достаточно свидетелей, утверждавших, что он не был в воскресных ботинках и не подходил близко к трупу. Среди этих свидетелей была и его жена. Ничего не подозревая, она настаивала на своих первоначальных показаниях, что вечером в день „вознесения” почистила ботинки мужа и поставила их на сундук, где они с тех пор стояли, и никто ими не пользовался. Несмотря на это, Шлихер продолжал упорствовать. Он отрицал СВОЮ вину и тогда, когда земельный суд Кайзерслаутерна после разбирательств вынес ему смертный приговор. Лишь узнав, что смертный приговор заменен ему пожизненной каторгой, Шлихер признался в убийстве Маргариты Филберт, назвал мотив убийства и заметил: „Химик прав относительно того, каким путем я прошел в тот день”.

Убийца действительно из деревни пошел на свое поле у государственного леса и увидел Маргариту Филберт на дороге, ведущей в лес. Будучи введен в заблуждение ее богатой одеждой, он надеялся обнаружить у женщины солидную сумму денег. Он задушил ее, но, поняв бессмысленность преступления, пришел в ярость и отрезал ей голову. Он показал позже место, где около кустов боярышника и черники глубоко под камнями была спрятана голова. Затем он „очистил” в пруду свою одежду и незаметно вернулся домой. Там он снял совершенно мокрые брюки. Пиджак остался в доме, так как мокрые места, возникшие

при замывании брызг крови, вскоре высохли. Только вид брюк казался ему подозрительным. Он завернул их в старую блузку своей жены и спрятал вечером в развалинах замка.

Через десять лет, в 1918 году, в кратком научном сообщении по делу Шлихера Попп упомянул о значении исследования следов почвы. Статья была опубликована в журнале, основанном Гансом Гроссом, умершим незадолго до этого. К этому времени у Поппа уже был большой авторитет. Он стал первым химиком-криминалистом Германии. Его пригласили во Франкфуртский университет читать лекции по криминалистике, а спустя пять лет возвели в ранг заслуженного профессора университета. Как ни велики были почести, которые воздали ему, важнее был тот факт, что он не был уже одиночкой. Научный подход к изучению различных следов дал удивительные результаты во многих областях и в разных формах, и в первую очередь в области исследования волос. Этим исследованиям был дан мощный толчок в 1909 году в Париже.

3.

14 июля 1909 г., в субботу, Париж отмечал национальный праздник. Празднества продолжались и на следующий день, в воскресенье, по крайней мере до полудня, когда вдруг распространилась весть о загадочном преступлении, приковавшая к себе внимание парижан.

Весть эта поступила из многоэтажного дома № 1 на бульваре Вольтера. На первом этаже этого здания, в кафе Бардена, в полдень царил праздничное оживление. Супруги Барден и персонал кафе работали за кассой, в кухне или бегали между столиками посетителей и стойкой бара. Красная стрелка стенных часов над кассой показывала около половины первого, когда официант Бакер покинул стойку бара и подошел к госпоже Барден, сидевшей за кассой. „Наверху слышны крики, — сказал он. — Как будто, это голос возлюбленной месье Альбера”.

Хозяйка мельком взглянула на официанта, на мгновение оторвавшись от своих подсчетов, и проворчала, что из-за этого, мол, не стоит прерывать работу.

Бакер вернулся за стойку бара. Расставляя бутылки и рюмки, он все же продолжал прислушиваться к крикам наверху, где находилась кухня квартиры хозяина бюро, занимавшего почти весь второй этаж дома. Бакер был уверен, что может отличить вопли взывающего на помощь человека от криков шумного веселья. Ему за долгие месяцы работы здесь уже не раз доводилось их слышать. Кроме того, Альбер Урсель, которого все в доме называли „месье Альбером“, хозяин посреднического бюро по найму прислуги, расположенного наверху, имел обыкновение каждую субботу после обеда уезжать из Парижа. Точно в 13 часов 45 минут тридцатилетний холостяк появлялся на вокзале Сен-Лазар и садился в поезд на Флен-сюр-Сен, чтобы навестить там свою мать. Обычно он возвращался в Париж лишь в понедельник утром. Жермен Бишон, бретонка лет шестнадцати, жившая у него уже с год в качестве горничной, оставалась одна в квартире. Бакер был уверен, что видел, как Урсель накануне в обычное время ушел из дома, держа в руке свой черный дорожный саквояж.

Лишь когда все наверху затихло, официант отогнал мысли об Альбере Урселе и с головой ушел в свою работу. До него доносился приглушенный шум из зала кафе. Прибывали все новые и новые посетители, и к 13 часам 10 минутам у Бакера было уже столько работы, что не оставалось времени думать о чем-нибудь постороннем. Но как раз в этот момент ему на голову капнуло что-то теплое. Он подумал, что это брызги воды от мойки посуды. Но тотчас снова почувствовал что-то мокрое, теплое на правом виске. Не успел он поднять правую руку, чтобы стереть каплю со своего лица, как на его ладонь упала третья капля. Это была густая красная жидкость. Взглянув вверх, официант увидел на потолке красное пятно. Он тотчас вспомнил о криках на втором этаже, бросился к кассе и закричал, обращаясь к хозяевам: „Из квартиры господина Альбера капает кровь“.

Барден, убедившись в правдивости слов своего официанта, побежал к консьержу Дюмону. Застав там консьержа и его жену, он поведal о случившемся, показывая на окна квартиры над его кафе. Квартира и бюро Урселя были как бы изолированы от всего дома. Туда нельзя было попасть через общую лестницу. Бюро имело свой отдельный вход, расположенный рядом со

входом в кафе. Решетчатая дверь вечером запиралась. Лестница от этой двери вела в приемную, в кассу и бюро Урселя. Оттуда через две двери можно было попасть в квартиру.

Консьерж Дюмон подергал решетчатую дверь, но она была заперта. Тогда он поспешил через двор к главной лестничной клетке и по ней на второй этаж. Хотя там и не было двери в квартиру Урселя, но имелось окно, которое вело в приемную. Даже Дюмон не знал, кто из прежних жильцов сделал это окно и с какой целью. Он подергал его, убедился, что оно также прочно заперто, и возвратился к фасаду дома. Там по карнизу он вскарабкался на крышу навеса перед кафе, чтобы через окно заглянуть в квартиру Урселя. Сюда выходили окна бюро, столовой и спальни. В бюро и в столовой, казалось, ничего не изменилось. Когда же Дюмон заглянул через окно в спальню, то увидел неприбранную постель и разбросанные повсюду платья возлюбленной Урселя. Гардероб был взломан, и все в нем перевернуто вверх дном. Консьерж быстро спустился вниз и поспешил в полицейский участок района Ла Фоли-Мерикур. По дороге он встретил полицейского Лепинэ и повел его на бульвар Вольтера. На лестничной площадке второго этажа консьерж приставил к стене стремянку, Лепинэ поднялся по ней, разбил окно приемной и проник внутрь. В приемной все было на своих местах. Лишь пройдя по коридору к бюро, он остановился у распахнутой настежь кухонной двери. На каменном полу кухни в красном пеньюаре неподвижно лежала женщина, правая рука ее была под бедром, левая отброшена в сторону. Голова утопала в луже крови. Разбитое лицо нельзя было узнать, но Лепинэ несколько не сомневался, что перед ним лежит не кто иная, как Жермен Бишон.

Пока к дому № 1 сбегались сотни людей, покидая близлежащие кафе и рестораны, Лепинэ сообщил тревожную весть комиссару полиции района Карпену. Вслед за ними на место происшествия прибыл вместо уехавшего судьи Астрона, которого ожидали лишь вечером следующего дня, следователь Варен. Тем временем Карпену удалось открыть зарешеченную дверь и вторую, наверху лестницы, и Варен обычным путем прошел к месту преступления.

По всей видимости, убийца застал Жермен Бишон, когда та находилась в столо-

QUI L'A TUÉE ?... POURQUOI L'A-T-ON TUÉE ?...

К самым ранним биолого-криминалистическим исследованиям следов относится сравнение волос, найденных на месте преступления, с волосами подозреваемых в преступлении. Большую сенсацию вызвали исследования волос французом Бальтаздром в июле 1909 года при расследовании дела Жермен Бишон. 14 июля 1909 г. в парижской квартире хозяина посреднической конторы по трудоустройству Урселя, на втором этаже дома № 1 на бульваре Вольтера, при загадочных обстоятельствах была убита шестнадцатилетняя любовница Урселя, Жермен Бишон (иллюстрация тех дней из газеты вверху слева). Клок волос, зажатый в руке Жермен Бишон, которую мы видим не снимке внизу слева, позволил предположить, что убийцей могла быть женщина. И действительно, выяснилось, что убийцей была Розелла Руссо, прежняя домработница Урселя. Волосы в руке Жермен Бишон были волосами Розеллы Руссо.

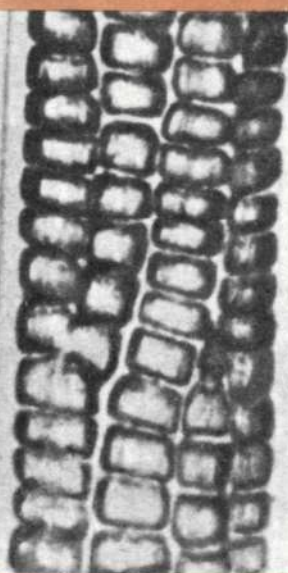
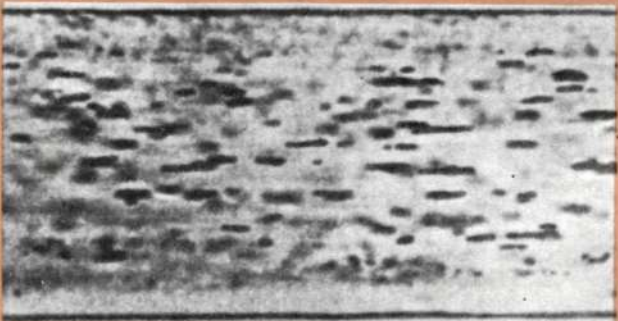
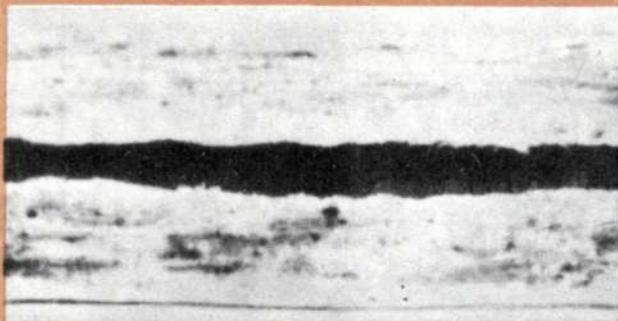

Germaine Bichon

LA MORTUËRE

Более ста лет длились попытки судебных медиков, биологов и криминалистов установить особенности волос человека и животных, различимых под микроскопом. Их интересовала возможность установления идентичности или неидентичности волос, обнаруженных на месте преступления, с волосами подозреваемых. Что касается волос человека, то здесь были серьезные трудности. Одна из трудностей заключалась в том, что на голове одного и того же человека можно было обнаружить совершенно разные волосы. Три снимка справа — это три волоска с головы одного человека; сверху — волос с заполненной воздухом кутикулой, ниже — волос с безвоздушной кутикулой, еще ниже — волос, у которого вообще нет кутикулы. Поверхность волоса человека (внизу слева при увеличении в 1660 раз) вообще у всех одинакова. Легче обстояло дело с различием волос животных, мозг волос которых имеет существенные различия. Внизу в середине — мозговой столб волоса кролика внизу справа — козули.

вой. Стол был накрыт на одного человека. На тарелке лежала колбаса, которую только начали есть. На полу валялась испачканная салфетка, будто Жермен Бишон уронила ее, увидев убийцу и прервав завтрак. По пути из столовой в кухню повсюду разбросаны шпильки и гребенки. Отсюда Варен сделал вывод, что борьба началась еще в столовой и продолжалась в кухне. Следы крови свидетельствовали о том, что в неудержимой ярости убийца продолжал наносить девушке удары, когда та лежала на полу. Орудия убийства нигде не было видно. Лишь войдя в спальню, комиссар увидел на кресле топор. Его, очевидно, мыли, так как он был мокрым. Карпен предположил, что топор был орудием убийства, а затем преступник использовал его, чтобы взломать шкаф, все содержимое которого было выброшено на пол. Так как кассовый шкаф в бюро тоже оказался взломанным, то убийца, очевидно, искал деньги. Секретер Урселя постигла та же участь. Но либо преступник не придавал значения содержимому секретера, либо по какой-то причине не успел обыскать его ящики. Небольшая личная корреспонденция была нетронута и не имела значения для этого дела, за исключением написанного малограмотным человеком письма без адреса, гласившего: „Уважаемый господин. Это письмо написано Вашей маленькой „Лолоттой“, которая целый год была Вашей нежной любовницей. Я хочу этим письмом напомнить Вам о том времени, которое мы провели вместе. Вам — 34 года, мне — 17. Каждый день приносил нам больше радости, чем забот ... Эти месяцы прошли, как один день. Вы были для меня также отцом. Я Вас безумно люблю. У меня такое чувство, будто я была Вашей дочерью ...”

На этом письмо обрывалось. Если речь идет об объяснении Жермен в своей любви к Урселю, то оно свидетельствует о трагедии, связанной с ревностью. Может быть, во время отсутствия Урселя к молодой девушке проник какой-нибудь страстный обожатель? Может быть, он убил ее, потому что она отказалась оставить Урселя? Но почему тогда он искал деньги? Или какой-то второй любовник Жермен, которого она принимала в отсутствие Урселя, захотел использовать случай и обворовать ее хозяйина, а Жермен мешала ему? А может быть, речь шла о незнакомом взломщике, который знал об отсутствии Урселя, но не рас-

считывал заставить в воскресенье его любовницу? Наткнувшись неожиданно на Жермен, он убил ее, чтобы потом ограбить Урселя. Против этой версии свидетельствовало то, что не было ни малейшего следа насильственного проникновения в квартиру: решетчатая дверь заперта, ни одно окно не было повреждено. Когда же в поисках следов взлома Карпен подошел к окну, которое выходило в приемную с лестничной клетки, то очень удивился. К окну, находившемуся довольно высоко, был приставлен стул. Шпингалет, который открывал окно только изнутри, не был задвинут. Консьерж Дюмон, которого тотчас вызвали, растерянно смотрел на Карпена. Он мог поклясться, что окно было заперто, потому что вскоре после поднятой тревоги он сильно дергал за ручку, пытаясь открыть его. Окно, очевидно, открыли в промежутки времени между попыткой консьержа проникнуть через него в квартиру Урселя и приходом полицейского. Можно ли предположить, что Урсель или жертва по рассеянности забыли запереть окно? Реально ли, что вор проник через это окно в квартиру и запер его за собой, совершил убийство и ограбление и затем использовал отсутствие консьержа, чтобы скрыться? А может быть, Жермен Бишон сама использовала это окно, чтобы впускать к себе других любовников? Может быть, она сама открыла путь поклоннику, который не остановился перед убийством и ограблением? Во всяком случае, если преступник скрылся, убежав через это окно, то он должен был пройти через двор мимо швейцарской консьержа незадолго до того, как пришел Лепинэ и поднялся по стремянке в приемную бюро Урселя.

Варен поинтересовался, был ли кто-нибудь в швейцарской, пока Дюмон ходил в полицию. Узнав, что в швейцарской находилась жена Дюмона, он приказал позвать ее. Когда ее спросили, не заметила ли она чего-нибудь подозрительного, она ответила, что не видела ни одного постороннего человека. Правда, незадолго до возвращения ее мужа с полицейским Лепинэ в окно швейцарской постучала незнакомая дама. Когда консьержка открыла дверь, то незнакомка сказала ей: „Я хотела повидать няню Адэль с четвертого этажа, но мне сказали, что Адэль нет дома. Будьте так добры, передайте ей, когда она вернется, что к ней приходила Анжель”. Затем незнакомка ушла. Консьержка этому эпизоду совершенно не при-

дала значения. Такие посещения прислуги по воскресным дням не были чем-то особенным. Варен тоже сомневался, что между убийством и Адэль может быть какая-либо связь. Он приказал обыскать дом от чердака до подвалов. Все было безрезультатно. Опрос жителей дома, соседей и посетителей кафе тоже не принес ничего утешительного. Варен почувствовал до некоторой степени облегчение, когда ему сообщили около 14 часов о прибытии шефа Сюртэ Октава Амар.

Едва ли было хоть одно значительное преступление в 90-х гг. XIX в., в расследовании которого не принимал бы участия Амар. В 1888 году, вернувшись с военной службы и поступив на работу в полицию Парижа, он быстро продвигался по служебной лестнице. Начав службу секретарем полицейского комиссариата Сен-Дени, уже в 1894 году за успешную борьбу с террористами он получил должность заместителя начальника Сюртэ. А восемью годами позже, после разоблачения беспримерного мошенничества Терезы Умбер, он возглавил руководство Сюртэ. Его продвижение по службе сопровождалось, в частности, успешным раскрытием дел Сиретона, Стейнеля, Тибефа и Фужера, а также выявлением причин и последствий буланжизма¹ и „панамы”². В свои сорок восемь лет он пользовался у парижан такой же популярностью, какую до него имел Горон.

И теперь Амар чувствовал, что дело будет сенсационным. С другой стороны, он не питал никаких иллюзий относительно своих возможностей в этот воскресный полдень. Даже судебного медика, доктора Виктора Бальтазара, который должен был освидетельствовать труп, не было в столице, и приехать он мог не раньше вечера. И все же Амар не терял времени. С помощью Карлена и инспекторов Сюртэ Саблона и Дарналя он опросил жильцов дома, чтобы получить представление об Урселе и об образе жизни Жермен Бишон. Амару немного облегчило дело то, что вскоре после его прибытия на место преступления хозяин кафе Барден послал к нему двух служанок, Элен и Сюзанну, а также мадам Дюмуше, которые имели

с Бишон договоренность встретиться днем в этом кафе.

Девушки оказались случайными знакомыми Жермен. От испуга обе были бледны. Проявив терпение, Амар узнал некоторые подробности, немного прояснившие прошлое пострадавшей. Она выросла в многодетной семье, и когда ей действительно только исполнилось шестнадцать лет, Жермен убежала из Шове, что в департаменте Нижняя Луара, от своего пьяницы-отца. Уже полтора года она искала счастья в Париже. О прежней жизни Жермен обеим служанкам ничего не было известно, потому что она рассказывала невероятные вещи, которые было трудно принять за правду. Так, например, сначала она утверждала, что Урсель — ее дядя, а некоторое время спустя сказала, что он женится на ней. В последние месяцы Жермен очень изменилась, и обе девушки полагали, что она „схлопотала себе ребеночка”, может быть, с помощью Урселя. Во всяком случае один или два раза она жаловалась, что Урсель „хочет ее сбить с рук”. Некоторое время тому назад она уже уходила от Урселя и переезжала в дом итальянца, который живет недалеко отсюда, на бульваре Вольтера, нанимаясь к нему горничной. В первую же ночь он сделал ее своей любовницей, а спустя несколько дней так избил, что она убежала от него и вернулась к Урселю. Тот ее снова принял, но сказал, что будет держать ее только из чувства жалости, пока не подыщет для нее другое место.

Пожилая мадам Дюмуше, с мая месяца каждый день убиравшая бюро Урселя, тоже сначала не могла прийти в себя. Но Амар вскоре заметил, что она наблюдательна и обладает специфической психологией слуг, всю жизнь работающих в различных семьях. Она подтвердила, что отношения между пострадавшей и Урселем с некоторых пор ухудшились. Время от времени он сожительствовал с ней, но вообще-то просто мирился с ее пребыванием в своем доме. Мадам Дюмуше понимала, почему Урсель хотел от нее избавиться. Жермен ждала ребенка, может быть, это был ребенок Урселя, но, продолжала она, Урсель был маменькиным сыночком и слишком нерешительным, чтобы вовремя положить конец своим приключениям. Так пострадавшая стала ему в тягость. Жермен писала ему

¹ Шовинистическое движение во Франции в конце 80-х гг. XIX в. — *Прим. перев.*

² Афера, связанная с подкупом французских должностных лиц правлением „Всеобщей компании межокеанского канала”. — *Прим. перев.*

любовные письма, какие пишут девочки, чившиеся лишь в начальной школе.

Амар показал уборщице обнаруженное в секретере Урселя письмо, и она выразила уверенность, что письмо написано Жермен Бишон. Затем Амар спросил, не принимала ли Жермен в отсутствие Урселя других любовников, с помощью которых она хотела, может быть, вызвать ревность Урселя. Но мадам Дюмуше, не задумываясь, ответила: «Никогда! Жермен была откровенна со мной. Она очень боялась оставаться одна в квартире, всегда запирала двери между комнатами, а иногда даже придвигала к ним мебель. Со своими знакомыми она встречалась либо на улице, либо у них в доме». Уборщица добавила, что если Амар хочет что-нибудь еще узнать, то может поговорить с уборщицей, которая работала / Урселя до нее. Речь шла о некой Розелле, которая живет где-то в районе Сент-Амбруаз. Жермен наверняка была с ней тоже откровенна, и Амар может узнать от нее что-нибудь. Сама она не знала адрес Розеллы, но его можно узнать у мадам Дессинель.

Амар спросил, кто такая мадам Дессинель, и услышал в ответ, что это кассирша, единственная служащая в бюро Урселя. На протяжении всего приема она постоянно сидела наверху, около входной двери, и любой посетитель неизбежно проходил мимо нее. Чтобы попасть в квартиру, также нужно пройти мимо нее. Мадам Дессинель, наверное, была последней, кто видел Жермен Бишон живой. Она работала каждый день до семи часов вечера и перед уходом проверяла, заперты ли верхняя и нижняя входные двери. В ту субботу, когда Урсель уехал за город, она работала, как обычно. Кроме Урселя ключи от бюро и квартиры имелись только у мадам Дессинель и Жермен Бишон.

Когда Амар поинтересовался отношениями между кассиршей и Жермен, уборщица задумалась. Но потом ответила, что мадам Дессинель холодна и вежлива. Она не была подругой Жермен Бишон. Ей тридцать лет, и, говорят, она имеет виды на Урселя.

Было полседьмого вечера, когда полицейский Лепинз доложил Амару, что приехал доктор Бальтазар и пробирается к дому сквозь толпу любопытных. Вскоре атлетическая фигура Бальтазара появилась в проеме входной двери. Ему исполнилось тридцать семь лет, и добрый десяток лет отделял

его еще от того времени, когда он стал воплощением традиций парижской судебной медицины. В 1909 году его заслонял собой профессор Туано, недостойный преемник двух, может быть, самых значительных судебных медиков Парижа: Амбруаза Тардье и Поля Камиля Ипполита Бруарделя, возглавивший после них кафедру судебной медицины в Сорбонне. Ошибки, которые Туано допустил при экспертизах по делу детоубийцы Жанны Вебер и которые дважды помогли ей избежать заслуженной кары, подорвали его авторитет.

Бальтазар родился в 1872 году в семье мелкого буржуа. Сначала он интересовался математикой и техникой и окончил пользующуюся хорошей репутацией Политехническую школу. Затем, в 1893 году, жажда приключений и свойственное ему многообразие интересов побудили его избрать военную карьеру. Уже будучи артиллерийским офицером, Бальтазар стал изучать медицину. Много лет он занимался исследованиями в тогда еще молодой области науки о радиоактивных лучах. Когда в 1904 году Бальтазар занялся судебной медициной, то он опирался на такой запас медицинских знаний, каким обладали немногие его коллеги; тогда же он стал расширять область судебно-медицинской работы, выводя ее за рамки самой медицины. Поначалу вместе со своей ассистенткой и позже женой Марсель Ламбер Бальтазар занялся исследованием следов волос, найденных на месте преступления или катастрофы.

Когда Бальтазар в свойственной ему манере сухо поздоровался с Амаром и следователем, он еще не знал, что перед ним уголовное дело, которому не только суждено войти в анналы истории криминалистики, но и привлечь внимание общественности к проблеме исследования следов волос.

Без волнения он вошел в кухню и встал на колени у трупа. Подчеркнутое хладнокровие, создавшее ему позднее репутацию грубого и черствого человека, имело своей причиной не столько полную сосредоточенность при выполнении работы, но в значительной мере это была и защитная реакция на свойственную ему мягкотелость, от которой он часто страдал. Как многоопытный специалист, он быстро определил приблизительное время наступления смерти — между 12 и 14 часами. Он указал Ама-

ру и Варену на изменения кожного покрова на руках и шее, свидетельствовавшие об отчаянном сопротивлении жертвы. Смерть была вызвана многократными проломами черепной коробки. Бальтазар считал, что было нанесено от тридцати до сорока ударов лезвием и обухом топора. Он также констатировал беременность Жермен Бишон, срок которой был шесть месяцев. Вдруг он замолчал и ниже наклонился над левой рукой Жермен. Некоторое время он что-то рассматривал, затем приподнял тело так, что стала видна правая рука.

Обе руки были сжаты в кулаки. Но Бальтазару не было надобности разжимать их, чтобы разглядеть ключья выданных длинных окровавленных волос: белокурых и светло-каштановых. Бальтазар вытащил по несколько волосков из каждой руки, положил их на лист белой бумаги, подошел к окну столовой и стал рассматривать. Амар и Варен наблюдали за ним. Не обращая внимания на толпу народа, уставившегося на него с улицы, Бальтазар вернулся на кухню и сказал грубым голосом, что труп можно отправить в морг, но так, чтобы никто не касался рук убитой. Затем он поинтересовался, не удалось ли напасть на след преступника. Амар, который со времен дела Жанны Вебер не очень уважал судебных медиков, ответил с иронией, что об этом, мол, еще рано говорить или, может быть, Бальтазар в состоянии сотворить чудо мгновенного раскрытия преступления. На что Бальтазар спокойно возразил, что чуда он сотворить не может, но полагает, что может помочь господам избавиться от лишней работы, посоветовав Варену и Амару искать не мужчину, а женщину-убийцу.

Карпен, которому в этот момент Бальтазар напоминал Шерлока Холмса с его умением читать следы, как и Амар, отнесся к этим словам весьма скептически. Однако Бальтазар показал им волосы на листке белой бумаги и выразил уверенность, что это женские волосы и жертва сама вырвала их из головы убийцы. В ближайшее время он скажет кое-что еще.

Мысль о криминалистической оценке следов волос возникла несколько сот лет тому назад. В 1689 году в Париже был обнаружен труп мадам Мазель, богатой вдовы, заколотой при очень странных обстоятельствах. Лейтенант полиции Деффита нашел в ее руке три волоска, которые она, воз-

можно, вырвала у убийцы. Деффита обратился к нескольким парикмахерам, но получил ответ, что невозможно установить, принадлежат ли эти волосы человеку или животному.

Систематическое изучение волос под микроскопом французские, английские и немецкие медики начали лишь после 1857 года, если не считать некоторых экспериментов французов Оливье и Орфила. В 1863 году немец Лендер опубликовал в выходящем раз в три месяца „Журнале по судебной и гражданской медицине” свою работу „Экспертиза волос на топорах из Варсинской пещеры”. Там он описывал свою попытку путем исследования волос помочь раскрытию жестокого убийства, которое было совершено в ночь с 10 на 11 мая 1861 года на мельнице вблизи Хурсдорфа. Шесть человек - мельник Баумгардт, его жена, трое детей и служанка Каролина — были убиты в постелях ударами топора. Когда семь дней спустя в пещере варсинского лесничества нашли три топора, то Лендер обнаружил на них большое количество волос. С помощью микроскопических исследований волос на топорах и волос убитых он доказал их идентичность. Житель Варсинской деревни Карл Маш в конце концов признался в преступлении. Во время судебного процесса Лендер поставил в зале суда шесть микроскопов для присяжных заседателей, чтобы каждый из них мог убедиться в достоверности результатов его работы.

В конце XIX века основатель венской школы судебной медицины Эдуард Гофман опубликовал „Учебник по судебной медицине”, который содержал главу „Исследование волос”. Последующее десятилетие принесло благодаря работам отдельных ученых много важных сведений в этой области. Было уже известно, что любой волос человека или животного состоит из трех частей: корня, стержня и кончика. Основная часть волоса, стержень, в свою очередь состоит из трех частей: кутикулы, коркового вещества и мозгового вещества. Кутикула образует верхний покров волоса. Она образована черепицеобразно наложенными друг на друга плоскими ороговевшими клетками. Под кутикулой находится корковое вещество из ороговевших вытянутых вдоль клеток, содержащих пигмент светло- или темно-желтого, каштанового, темно-каштанового или черного цвета, при-

дающий тот или иной цвет волосам. В самой середине волоса находится мозговое вещество, или сердцевина, состоящая из крупных кубических ороговевших клеток. В этом слое, главным образом между клетками, содержится различное количество пузырьков воздуха. Этот слой часто отсутствует в волосах человека или обнаруживается как составная часть коркового слоя. Скопление воздуха в мозговом слое сначала было препятствием для микроскопического исследования сердцевинки волоса. Из-за воздуха сердцевина просматривалась как ничего не говорящая черная полоска, и долгое время даже полагали, что здесь речь идет о темном пигменте. До 1909 года еще не было никакого метода, позволявшего „освободить“ волос от воздуха и детально, в каждом отдельном случае, изучить клеточное строение мозгового вещества.

Однако имеющихся знаний было достаточно, чтобы установить принадлежность обнаруженных на месте преступления волос человеку либо животному. Уже одна кутикула волос животного имела свои характерные черты. Черепицеобразно наложенные друг на друга клетчатые кутикулы волос животных были не только больше по размеру, но и не такими ровными. Форма этих клеток характеризовала вид животного. Типичным было также соотношение между толщиной коркового слоя и толщиной сердцевинки. Хотя исследованию подвергались волосы далеко еще не всех видов животных, но уже можно было утверждать, что сердцевина волос у животного значительно толще, чем у человека. Самыми важными были различия клеточного строения мозгового вещества. В то время как у человека оно либо вообще отсутствует, либо представляет собой нехарактерную картину, у животных оно имеет вполне определенный вид: круглые либо овальные клетки, которые образуют кольцеобразные или корзинкообразные скопления, следующие одно за другим и едва касающиеся друг друга. В более толстой сердцевине можно наблюдать много расположенных один за другим таких рядов клеток или, как это бывает у кроликов и зайцев, ряды клеток, образующие спирали.

Таким образом, проблема отличия волос человека от волос животного была, как казалось, уже решена. Точность определения увеличивалась от того, чем больше

волос подвергалось исследованию в каждом отдельном случае.

Однако после установления отличия волос человека от волос животного возникли другие вопросы. Как отличить мужские и женские волосы, определить их происхождение: с головы, бороды или лобка? Одно время (когда женщины носили длинные волосы и не было принято стричь их) волосы с головы женщины можно было легко определить по их длине и по раздвоенным кончикам, которые возникали от длительного пользования щеткой при расчесывании. Волосы с головы мужчины выдавали себя своей сравнительно небольшой длиной и следами обработки ножницами. Недавно подстриженный волос имел тупой кончик, который через два дня начинал закругляться, а приблизительно через тридцать дней был уже совершенно круглым. То обстоятельство, что подстриженный волос при длительном расчесывании его щеткой тоже расщеплялся, затрудняло в значительной степени анализ волос. Что касается других волос с тела человека, то прежде всего волосы из бороды давали возможность уверенно говорить об их мужском происхождении. С течением времени выяснилось, что волосы бороды обычно значительно толще всех других волос. Диаметр их поперечного разреза составляет 0,14—0,15 мм, а волос с головы — 0,06—0,08 мм. Что касается других волос с тела человека, то по ним почти не было возможности установить, принадлежат они женщине или мужчине. Некоторое различие обнаружилось при исследовании корней. Корни волос с лобка или из-под мышек были короткими и толстыми. Корни волос с головы и бороды имели удлиненный вид. Для точности определения имело значение количество находящихся в распоряжении эксперта волос, обнаруженных на месте преступления. Если имелись лишь отдельные волоски, то это сильно ограничивало возможности эксперта. Наиболее точно можно было определить: вырваны, выпали, оборваны, отрезаны волосы или отделены от тела иным путем. Надежную методику определения здесь создали немцы Эстерлен и Георг Попп. Выпавшие волосы определяли по их корню, вытесненному волосным мешком, в котором он обычно лежит. В этом случае корень — засохший и сморщенный. У вырванных волос корни* не только влажные,

но и комлевые, с отверстием внизу. Оторванные волосы вытягивались, как резиновая лента. Безусловно, область исследования повреждений волос была самой многообещающей из всего анализа волос, но это было не самым главным. Значительно важнее было установить, кому именно принадлежат волосы, оставленные на жертве убийства, нападения, изнасилования, ограбления или несчастного случая на транспорте, чтобы установить виновного.

Вплоть до семидесятых годов тот или иной врач мог с легкостью заявить, что, на основании совпадения цвета, вида кутикулы, толщины самого волоса и толщины сердцевины, волосы с места преступления, сравниваемые им с волосами подозреваемого, принадлежат последнему. С тех пор предпринимались многочисленные попытки обнаружить специфические особенности волос человека, позволившие бы с уверенностью утверждать, что определенные волосы принадлежат определенному человеку. Точной констатации совпадения волос мешал тот факт, что на голове одного и того же человека имеются волосы, у которых разная толщина коркового вещества, разный вид сердцевины и разная форма кутикулы, корня и кончиков волос. То же самое можно сказать о цвете волос. На голове одного и того же человека встречаются волосы разного цвета. Ненадежность метода сравнения цвета волос в начале века была доказана делом об убийстве Терезы Пухер в Австрии. Волосы, обнаруженные в руке убитой, сравнили с волосами подозреваемого, и эксперт пришел к выводу, что речь идет о волосах из бороды подозреваемого. Вывод основывался на том, что три волоска с места преступления имели в высшей степени своеобразную окраску: светло- и темнопигментированные участки волоса сменяли друг друга. То же самое было обнаружено у всех сравниваемых волос. К счастью, эксперт закончил свой отчет фразой: „При сравнении волос подобного рода нельзя с полной уверенностью утверждать, что они идентичны“. Подозреваемый действительно был ни в чем не виновен. В данном случае даже чрезвычайно редкого совпадения распределения окраски волос оказалось недостаточно, чтобы судить об идентичности волос, когда их имеется в распоряжении всего несколько. Подобные положения породили правило, что на сравнение волос можно полагаться только

в том случае, когда сравнивается большое количество их (пучок) с места преступления с большим количеством волос подозреваемого. Тогда можно высчитать среднее арифметическое их свойств и сравнить. Несмотря на все усилия, идентификация определенных волос и доказательство принадлежности их определенному лицу в 1909 году были все еще одной из самых сложных задач в исследовании волос. Если последнее и имело какое-нибудь значение для криминалистики, то лишь в том, что сильное различие волос исключало их идентичность и удерживало следователя от ложной версии.

Таков был опыт, из которого мог исходить Бальтазар, приступая утром 19 июля 1909 года в море Парижа к исследованию волос, зажатых в руке Жермен Бишон.

Тщательное обследование трупа подтвердило выводы, сделанные Бальтазаром накануне вечером в квартире Урселя. Он насчитал девять ударов, нанесенных лезвием топора, и сорок восемь — обухом. Вскрытие, которое вряд ли могло по-новому осветить ход преступления, перенесли на другой день. Бальтазар сконцентрировал свое внимание исключительно на исследовании обнаруженных волос. Важность доказательства их принадлежности женщине, причем не убитой, а убийце, имела для него первостепенное значение.

Около 11 часов Бальтазар и Марсель Ламбер вынули волосы из рук пострадавшей и положили их в миски с содовой водой, чтобы очистить от крови и грязи.

В этих же мисках волосы доставили в лабораторию. Около двух часов пополудни Марсель Ламбер промыл каждый волосок в спирте. Затем на стекле каждый волосок покрыли слоем раствора желатина и по одному уложили в канадский бальзам. В результате у Бальтазара было теперь несколько дюжины волос, длину которых он измерил. Самые короткие были длиной 15 см, но большинство из них были значительно длиннее. Это позволило утверждать, что речь идет о женских волосах. Дальнейшие микроскопические исследования волос показали гладкую поверхность кутикулы и слабую, иногда отсутствующую или прерывающуюся сердцевину. Все волоски не подвергались стрижке, и кончики их раздваивались, что в основном типично для волос женщин. Тщательное исследование корней волос свидетельствовало, что, за

незначительным исключением, они были вырваны. Помимо волос с корнями, на которых еще были частицы волосяной сумки, Бальтазар обнаружил волосы, корни которых уже высохли, т. е. были накануне естественного выпадения. Видны были и типичные признаки обрыва волоса. Бальтазар высчитал среднюю толщину волос — 0,07 мм. Один единственный волос оказался необычной толщины — 0,11 мм, так что едва ли он был с той же головы, что и остальные. Устанавливая характер окраски волос, Бальтазар снова столкнулся с резким отличием цвета этого единственного волоса от всех остальных. На первый взгляд общая масса волос казалась светло-каштановой, почти русой. Под микроскопом можно было различить смесь пигмента каштанового и русого цветов, причем на некоторых волосках пигмент русого цвета так сильно проступал, что волос казался совсем светлым. Но даже и в этих волосках отчетливо виднелись пятнышки темного пигмента, хотя и в небольшом количестве. Бальтазар пришел к выводу, что все эти волосы принадлежат одному человеку. Только тот необычно толстый волос и здесь представлял собой исключение. Он был темно-каштановым, почти черным.

Когда Бальтазар и его ассистентка во второй половине дня вернулись в морг, чтобы для сравнения взять волосы с головы Жермен Бишон, то из-за многочисленных повреждений головы убитой они столкнулись с большими трудностями. Отделив все же нужное количество волос с разных частей ее головы, они вернулись в лабораторию, чтобы измерить толщину волос. Им сразу стало ясно, что они толще уже исследованных. Самые тонкие из них были толщиной 0,08 мм, но многие достигали 0,12 мм. Одно это доказывало, что зажатые в руке жертвы волосы не могли принадлежать ей. Зато иначе обстояло дело с тем единственным волосом из руки Жермен Бишон, который имел толщину в 0,11 мм. Цвет волос Жермен Бишон был темно-каштановым, переходящим в черный. Здесь наблюдалось совпадение с одним волоском, обнаруженным среди пучка волос совершенно другого, светлого, цвета. Заключение Бальтазара гласило: обнаруженные в руке пострадавшей волосы являются волосами женщины и, за исключением одного-единственного волоска, принадлежат не Бишон, а убийце.

Около пяти часов пополудни он послал свое заключение следователю Варену и сообщил ему, что в любое время готов произвести сравнение волос любой подозреваемой в этом преступлении женщины с волосами, обнаруженными на месте убийства. Но, учитывая трудности, связанные с исследованием волос, необходимо предоставить ему возможность лично обследовать волосы с головы подозреваемой и самому взять необходимые пробы.

К тому времени, когда заключение Бальтазара прибыло в бюро Варена, расследованием дела Жермен Бишон уже занимался его коллега Астрон, поэтому Варен передал это заключение Амару. Случайно или нет, но Амар получил его как раз в момент обсуждения с инспектором Сюртэ Долем результатов расследования, с утра 19 июля осуществлявшегося с помощью Доля, инспекторов Саблона, Дарналя, Груссо и комиссара полиции Карпена.

Амар учел совет Бальтазара, хотя он и показался ему поспешным. Перед ним лежал протокол подробного допроса мадам Дюмон, консьержки дома, где произошло убийство, о странном появлении незнакомой женщины по имени Анжель. У консьержки была не очень хорошая память. Однако она все же запомнила, что женщина была высокой, довольно полной, с одутловатым лицом, лет 35—40, одетой в черную обтягивающую фигуру кофточку и черную с белыми крапинками юбку, какие в то время часто носили служанки, на голове был черный платок. Консьержке показалось, что волосы женщины были светло-каштанового или даже русого цвета. После беседы Доля со всеми семьями, проживающими в этом доме, выяснилось, что ни у одной из работающих здесь нянь нет знакомой по имени Анжель. Это давало повод подозревать незнакомку. К тому же незнакомка, если это не было случайным совпадением, знала жильцов дома, так как няня по имени Адель действительно работала в семье на четвертом этаже.

Амар приказал привести кассиршу Урселя — Дессинель. Это была тридцатилетняя заурядная блондинка со вздернутым носиком. Амар убедился, что консьержка Дюмон правильно описала ему эту женщину. Сюзанна Дессинель, несмотря на ужасное убийство в квартире ее хозяина, была уравновешенна, почти спокойна и расчетливо предупредительна. Она показала, что

видела Жермен в субботу, т. е. в день убийства. По случаю национального праздника она закончила работу раньше обычного и вместе с Жермен покинула квартиру и бюро. Жермен пошла за покупками. Так как магазины Фобур дю Тамплъ находятся на ее пути домой, то Сюзанна Дессинель и Жермен шли вместе до Площади Республики, где торжества по случаю праздника были в самом разгаре. Затем Жермен пошла обратно, потому что до наступления темноты она хотела быть уже дома. Это, как заявила кассирша, была ее последняя встреча с Бишон. О том, не осталась ли Жермен на какое-то время на Площади Республики, не разговаривала ли она с какими-нибудь мужчинами, которые могли потом проводить ее домой, Сюзанна Дессинель ничего сказать не могла. Она только добавила, что в кассе оставалось лишь 7, а в секретере Урселя 30 франков (эти деньги были украдены). Украдено ли что-нибудь из гардероба в спальне, она не могла сказать. Дессинель категорически заявила, что никогда не интересовалась квартирой Урселя, а тем более его спальней. Слово спальня она произносила таким презрительным тоном, что Амар проникся подозрением и подчеркнул красным карандашом соответствующие строки в протоколе. Он отметил также, что не исключается возможность знакомства Бишон на улице в субботу вечером с кем-нибудь, кто мог бы проводить ее домой. Вспомнив заверения мадам Дюмуше, что Жермен никогда не приводила посторонних в квартиру Урселя, он захотел узнать мнение Сюзанны Дессинель на этот счет. Та ответила, что ничего сказать не может, так как никогда вечером не бывала у Урселя. Это место в протоколе тоже подчеркнуто красным карандашом. Затем кассирша добавила, что она-де не хочет сказать о погибшей ничего плохого, но от таких в умственном отношении примитивных созданий всего можно ожидать. Амар пометил для себя: ненависть? ревность? На его вопрос, как Сюзанна Дессинель провела воскресенье, последняя ответила, что ходила гулять. (Амар отметил в протоколе, что Сюзанна Дессинель не может назвать свидетелей своих прогулок.)

Амар подозревал кассиршу не меньше, чем незнакомку. Ему слишком часто приходилось сталкиваться с тем, что невзрачные сотрудницы бюро в тайне обожали своих шефов и до смерти ненавидели

соперниц. Может быть, Сюзанна Дессинель мирилась с многочисленными любовницами Урселя „вне дома“, но рассматривала молоденькую очаровательную Жермен как захватчика той „империи“, врата которой она сама охраняла? Может быть, ей показалось, что Жермен слишком долго оставалась любовницей Урселя? А что если она из преданности и солидарности хотела помочь Урселю избавиться от навязчивой девчонки? Не проникла ли она ночью, пользуясь своим ключом, в квартиру, не спряталась ли там и не напала ли на Жермен, когда та открыла забаррикадированную на ночь дверь спальни? Не убежала ли она потом через окно, о котором ей было известно? Амар поставил все эти вопросы в протоколе и дал задание установить все личные связи кассирши и проверить ее показания относительно воскресенья.

Амар придерживался систематики. Поэтому он не ограничился версией, что убийцей была женщина, согласно утверждению Бальтазара. Как только Урсель прибыл из Флен-сюр-Сен на вокзал Сен-Лазар, его встретили два сотрудника полиции и привели к Амару.

Амар хорошо знал людей и считал вполне вероятным, что Жермен мог убить сам Урсель. Бывает, что мужчины типа Урселя не находят в себе сил порвать с надоевшей им любовницей и, желая избавиться от ребенка, прибегают к убийству. Разве исключена возможность того, что Урсель, знающий дом и привычки всех жильцов, использовал обычную воскресную поездку к своей матери лишь как алиби, а потом незаметно вернулся, совершил убийство, инсценировал кражу и снова вернулся во Флен-сюр-Сен?

Урсель оказался безликим нервным человеком с редкими волосами и закрученными усиками. Хотя об убийстве в своей квартире он узнал еще во Флен-сюр-Сен, вид у него был растерянный. Он сознался, что Жермен уже год была его любовницей. Она стала его любовницей, как это обычно бывает с такими девушками ... Пришла в его бюро со своей сестрой, хотела найти место служанки; в тоненьком летнем платье, привлекательная ... Он клялся, будто не знал, что ей еще не было пятнадцати лет. А так как нужна была горничная, то он решил нанять ее. Он провел с ней пять или шесть безумных месяцев, но, когда Жермен ему надоела, сказал, что-

бы она искала себе другое место. Урсель даже предлагал ей несколько мест, но у него не хватало совести выгнать девушку из своего дома. Он признался, что она была ему в тягость, что была привязана к нему и писала письма, когда он с ней не хотел разговаривать. Урсель сказал также, что она пыталась вызвать его ревность. И наконец после настойчивых вопросов он признался, что знал о ребенке и что она пыталась „давить“ на него, шантажируя этим ребенком. Но он клялся, что не мог быть его отцом. Почувствовав из вопросов Амара, что его подозревают в убийстве, Урсель потерял самообладание, и понадобилось некоторое время, прежде чем он смог взять себя в руки и перечислить отдельные пункты своего алиби: отъезд из Парижа в субботний полдень, прибытие к матери, послеобеденный кофе, вечер в обществе мэра и врача, воскресное утро в церкви, обед с учителем, затем трехчасовая велосипедная прогулка с приятелем, партия в карты : учителем в воскресный вечер.

Амар зафиксировал каждый пункт алиби и поручил полиции Флен-сюр-Сен проверить все подробности. С Урселем они осмотрели всю квартиру. Выяснилось, что кроме 7 франков из кассы и секретера исчезли русская рублевая монета ценой в 40 франков и золотая цепочка от часов. Все, вместе взятое, как признал Урсель, составляло слишком незначительное богатство, чтобы из-за этого стоило совершать убийство. Это скорее походило на попытку отвести от себя подозрение, инсценировав ограбление. Урсель затруднялся ответить, кто, по его мнению, мог бы убить Жермен. Тем более он не мог объяснить, кто, кроме него и Сюзанны Дессинель, мог проникнуть в квартиру. Эти обстоятельства с часу на час все больше усиливали недоверие Амара к Урселю. Но к 16 часам все подозрения против Урселя рассыпались, как карточный домик. Его алиби полностью подтвердилось. Полиция сообщила: с вечера субботы по утро понедельника он все время находился во Флен-сюр-Сен и ни одной секунды в Париже.

Амар не ограничился допросами мадам Дюмон, Сюзанны Дессинель и Альбера Урселя. Он поручил Дарналю, Груссо, Карпену и другим сотрудникам поиски возможных свидетелей во всем квартале Ла Фоли-Мерикур. Он надеялся обнаружить каких-нибудь тайных знакомых Бишон. Прежде

всего нужно было найти тех мужчин, с которыми, как говорили, Жермен Бишон сожительствовала, чтобы вызвать ревность Урселя. От Сюзанны Дессинель они узнали имена двух старших сестер погибшей, которые раньше ее приехали в Париж. Речь шла об Августине Рош с улицы Кюстин и Франсуазе Бруссар с улицы Ланкри. Кассирша дала им также адрес и полное имя предшественницы мадам Дюмуше в доме Урселя, Розеллы Руссо: бульвар Бельвиль, 56. Наконец Карпен и его сотрудники стали расспрашивать прислугу, няnek и гувернанток квартала, где бывала Жермен, и просили рассказать им все, что они знали об убитой. Но пока ничего обнадеживающего это не давало. Что касается показаний сестер, то они подтвердили, что Жермен приехала в Париж из Шемере, где жила последнее время с матерью. Они намеревались выдать сестру замуж за одного служащего метро, но та пожелала насладиться жизнью и попала на удочку „такому разбойнику, как Урсель“. Уже много месяцев они ничего о ней не слышали.

Посещение дома, где проживала Розелла Руссо, выявило, что бывшая уборщица уже четыре года живет вместе с мужчиной по имени Мартен и известна здесь как „мадам Мартен“. Семью не застали дома и ограничились приглашением Розеллы Руссо в полицейский комиссариат района Сент-Амбруаз, где ей предстояло дать показания относительно Жермен Бишон. В это время Дарналю удалось обнаружить коммивояжера Пьера Масона, с которым Жермен осталась через час после их знакомства. Произошло это полгода тому назад. Прощаясь с ним, она попросила написать ей любовное письмо на адрес Урселя в качестве вознаграждения. Масон принял просьбу за шутку, странную девочку больше никогда не видел, а конец прошлой недели провел в Лилле. Вот и все. Сотрудникам Карпена тоже, казалось, не везло. Лишь одна служанка Эмиль Гриффа рассказала странную историю. Она утверждала, будто недавно в районе Площади Республики с ней заговорила одна женщина, попросившая пойти с ней в бюро Урселя. Она хотела потребовать там какой-то денежный взнос, и ей нужен был свидетель. Но Гриффа отказалась. Она описала незнакомку как женщину лет сорока, скромно одетую, с одутловатым лицом и светло-каштановыми, почти русыми волосами. Позднее один

из сотрудников разыскал еще одну гувернантку, рассказавшую ему аналогичную историю. На бульваре Вольтера к ней подошла женщина, спросила взволнованно, знает ли она Альбера Урселя и не согласится ли пойти с ней к Урселю в качестве свидетельницы. Насколько гувернантка могла вспомнить, женщина представилась как мадам Бош. Она среднего роста, с красным лицом. На ней было серое платье и серая безрукавка. Волосы светло-каштановые или русые.

Оба эти сообщения Карпена и заключение Бальтазара легли на стол Амара около пяти часов пополудни. Амар был раздражен неудачами первого дня и с неудовольствием читал заключение Бальтазара. Однако, наткнувшись на замечание Бальтазара, что все волосы из руки Жермен Бишон, за исключением одного, были светло-каштанового, почти русого цвета, он отложил заключение в сторону, взял в руки рапорты Карпена по поводу странных встреч, о которых рассказывали гувернантки, и, наконец, протокол допроса консьержки мадам Дюмон с описанием незнакомой „Анжель”. Совпадение в описании цвета волос, обнаруженных в руке убитой, волос „мадам Бош” и „Анжель” поразило его и заставило задуматься. После недолгого размышления он отдал Долю распоряжение сконцентрировать все внимание расследования на поисках „Анжель”, учитывая странные рассказы гувернанток. Затем, помедлив немного, он связался с Астроном и попросил позаботиться о том, чтобы Сюзанна Дессинель была доставлена в лабораторию Бальтазара для сравнения волос.

20 июля еще до вскрытия Жермен Бишон Бальтазар взял часть волос с головы Сюзанны Дессинель для сравнения. Кассирша отнеслась к этой процедуре хладнокровно и безразлично. С иронической улыбкой она попрощалась с Бальтазаром и Марсель Ламбер.

При рассматривании под микроскопом волосы Сюзанны Дессинель оказались однородными, светло-русы ми, без каких-либо оттенков или вкраплений темного пигмента. По цвету они совершенно не совпадали с волосами из рук убитой. Оба вида волос отличались также и по толщине.

Бальтазар объяснил Астроному, что волосы, обнаруженные в руке Бишон, ни в коем случае не могут принадлежать кассирше и, с точки зрения исследования волос, ее можно

исключить из числа людей, подозреваемых в убийстве. В 11 часов следователь доложил о результатах сравнения волос шефу Сюртэ. Он полагал, что его сообщение разочарует Амара, и очень удивился реакции шефа. Казалось, что Сюзанна Дессинель перестала его интересовать. Астрон узнал причину: менее чем полчаса тому назад в полицейском комиссариате Сент-Амбруаз Амар получил протокол показаний Розеллы Руссо, которой Жермен Бишон доверяла свои тайны. Руссо произвела впечатление весьма примитивной женщины. Протокол вначале разочаровал его, он уже хотел отложить справку в сторону, но случайно его взгляд упал на данные допрашиваемой личности: Луиза Розелла Руссо, разведенная Бош. Если бы Астрон читал показания гувернантки Люси, он понял бы, что именно поразило Амара. Это — имя Бош. Именем „мадам Бош” назвалась незнакомая женщина, когда она просила Люси пойти с ней к Урселю.

Лишь несколько минут тому назад Амар получил новые сообщения о двух гувернантках, к которым 10 июля в одном из кафе на бульваре Вольтера с просьбой пойти с ней к Урселю обратилась женщина среднего возраста. На этот раз незнакомка не называла своего имени, и описание ее внешности было неточным. Но все же можно было предположить, что речь шла об одном и том же человеке.

Амар отдал распоряжение на следующий день доставить к нему Розеллу Руссо и позаботиться о том, чтобы все четыре гувернантки к этому времени ждали в соседней комнате. Он намеревался устроить им очную ставку с Розеллой Руссо. То же планировал провести и с консьержкой с бульвара Вольтера, 1. Амар подумал, что все это пока неопределенная, ничем не обоснованная комбинация, он не может себе представить, какие мотивы могли толкнуть такую женщину, как Розелла Руссо, на убийство Жермен Бишон. Однако вполне вероятно, что по неясной еще причине Розелла Руссо пыталась проникнуть в квартиру Урселя и ей это как-то удалось. Видимо, она убила Жермен Бишон и вышла из дома, назвавшись „Анжель”. Есть основания предполагать, что мадам Бош и „Анжель” — одно и то же лицо. Так это или нет, станет ясно через несколько часов.

В три часа дня Розелла Руссо предстала перед Амаром. Это была неопрятная жен-

щина, с дряблым лицом, о котором позднее один журналист скажет, что оно удивительным образом соединяло в себе черствость, чувственность, злость и добродушие. Она, казалось, ничего не боялась. Невольно Амар внимательно посмотрел на ее волосы. Безусловно это были светлорысые волосы с русыми прядями, но обыкновенные, не бросающиеся своим видом в глаза.

Ее попросили рассказать о себе, и она словоохотливо, но бессвязно описала свой жалкий жизненный путь: юность в бедной семье, с одиннадцати лет знакомство с мужчинами, в двадцать — замужество, рождение и смерть единственного ребенка. Ее муж Жан Бош, рабочий, любивший выпить, вскоре стал алкоголиком; ссоры и побои привели к разводу; затем жизнь фабричной работницы; в 1905 году встреча с Анри Мартеном, разведенным и оставшимся с ребенком. С тех пор она живет с ними на бульваре Бельвиль, 56. Время от времени нанималась уборщицей.

Она заявила, что ушла от Урселя, потому что не могла выносить его обращения с „простой девушкой“. Амар констатировал, что Розелла Руссо не обладала той наблюдательностью, которая свойственна мадам Дюмуше. Она говорила и говорила о времени своей работы у Урселя, но и теперь Амар не узнал от нее ничего, чего бы мадам Дюмуше уже не рассказала. Когда разговор коснулся убийства, то она горько заплакала и стала уверять, что питала материнские чувства к „бедняжке Жермен“. На вопрос, кто, по ее мнению, мог убить девушку, она ответила, что тот, у кого имелся ключ от квартиры. Никто другой не смог бы проникнуть в квартиру. Тогда Амар неожиданно спросил, не приходила ли она в квартиру Урселя после своего увольнения и не знакома ли она с няней Адель из дома № 1 по бульвару Вольтера? Но она не испугалась и спокойно ответила: нет, она никогда больше не интересовалась квартирой, и Адель ей не знакома. Не приходилось ли ей разговаривать с кем-нибудь из гувернанток в этом районе? Она ответила отрицательно. А как она рассталась с Урселем? По-хорошему или они конфликтовали? О, она просто в один прекрасный день не пришла к нему. Не остался ли Урсель ей что-нибудь должен? Нет, откуда, она работала поденно, и он расплачивался с ней в тот же день.

Амар открыл дверь и попросил сначала войти всех четырех служанок. Он спросил Розеллу Руссо, не знает ли она этих девушек? Не встречала ли она их когда-нибудь? И теперь она несколько не смутилась: „Нет, никогда!“ Амар продолжал: „Девушки утверждают, что вы обращались к каждой из них в отдельности на улице и просили проводить вас к Урселю“. В ответ он услышал, что ей просто непонятно, как им могла прийти в голову такая мысль. Должно быть, ее с кем-то перепутали. Амар продолжал настаивать: „Ведь вас зовут Бош! Женщину, которая обращалась к девушкам, тоже звали Бош и выглядела она так же, как вы“. — „Имеются тысячи Бош в Париже, — возразила она, — и тысячи, которые выглядят так, как я“. Она представляется всегда как мадам Мартен.

Когда Амар прервал допрос и полный надежд вышел с девушками в соседнюю комнату, то ему пришлось пережить разочарование. Только одна из них признала в Розелле Руссо женщину, заговорившую с ней на улице. Но и та не была твердо в этом уверена. Вернувшийся в свою комнату Амар застал Розеллу Руссо горько плачущей. Закрыв лицо руками, она всхлипывала и спрашивала, неужели он действительно думает, что она может быть замешана в убийстве Жермен Бишон, которая была для нее, как родной ребенок.

Амар спросил, где она была в прошлое воскресенье. Она тотчас прекратила плакать и стала вспоминать. Затем ответила, что утром была в Нейи, где искала адрес дяди. К обеду, в 13 часов, вернулась и была дома с Мартеном и ребенком. „Значит, — продолжал настаивать Амар, — около двух часов пополудни вы не были на бульваре Вольтера?“ — „На бульваре Вольтера? Нет, никогда“. Амар приказал ввести консьержку. „Вы не знакомы с консьержкой?“ — „Собственно, нет“. Она немного помнит консьержку дома, в котором живет Урсель, но так как у Урселя был отдельный вход, то она ее недостаточно хорошо знает. „В день убийства Жермен Бишон вы, значит, не проходили мимо консьержки и не разговаривали с ней?“ — „Нет. Я в это время спала дома на бульваре Бельвиль“. Амар вышел с консьержкой в соседнюю комнату и пережил еще одно разочарование. Консьержка очень волновалась и колебалась. Женщина похожа на

„Анжель“, но иначе одета, и у той на голове был черный платок.

Около 16 часов Амар отпустил Розеллу Руссо. Но сделал это с каким-то двойственным чувством. У него не было в руках никаких доказательств против нее, и по-прежнему нельзя было себе представить мотив, который побудил бы ее стать убийцей Жермен Бишон, но все же он продолжал подозревать ее. Очные ставки иногда вводили полицию в заблуждение. Он распорядился подробнее разузнать о жизни Розеллы Руссо и Мартена, установить их место пребывания в воскресенье и поинтересоваться, не пытался ли один из них сбыть рублевую монету или золотую цепочку от часов.

Он отдал это распоряжение в 16 часов 20 минут и вдруг получил еще одно сообщение от Бальтазара. Во время вскрытия трупа Жермен Бишон в ее волосах обнаружили серебряную брошь, какую женщины обычно носят на блузках, и тотчас переслали ее следователю. Если эта брошь не принадлежит Жермен Бишон, то она лишний раз свидетельствует о том, что убийцей была женщина. Амар послал Доля с брошкой на бульвар Вольтера в дом № 1; через некоторое время он вернулся с сообщением, что такой брошки у Жермен Бишон никто никогда не видел.

Тем временем убийство Жермен Бишон стало сенсационной темой газетных статей парижской прессы и разговоров в кафе, бюро, на фабриках и в домах. Репортеров занимал вопрос загадочного проникновения убийцы в квартиру. Невероятнейшие слухи распространялись о таинственной „Анжель“, которую называли „таинственная блондинка“. Правда, ее не считали еще убийцей, а лишь помощницей убийцы. Амар торопил своих людей. Но лишь утром в среду Доля принес ему первые рапорты, вселившие уверенность в том, что, занимаясь Розеллой Руссо, они идут по верному следу.

Розелла Руссо сказала неправду относительно своего места пребывания в воскресенье. Хозяин винного магазина и управляющий дома № 56 по бульвару Бельвиль—Вижуру заявил, что Мартен и его сожительница уже несколько месяцев не платят за квартиру. Он охарактеризовал Мартена как мягкотелого человека, довольного тем, что Розелла Руссо пришла к нему и заботится о его ребенке. Что же касается ее самой, то она никогда не была трудолю-

бивой женщиной, вела развратный образ жизни, а когда уже никому не была нужна, то обрадовалась, найдя в лице Мартена слепого обожателя. О ребенке она заботилась неплохо, а Мартена отвлекала от работы, ездила с ним за город, чтобы там развлекаться. Во всех пивнушках района она имела долги и постоянно выкручивалась, чтобы раздобыть денег. В субботу, накануне убийства, и утром в воскресенье, в 11 часов, Вижуру напомнил Мартену о квартплате. Мартен успокоил его, сказав, что его „жена“ пошла за деньгами и, как только она вернется, они покроют всю свою задолженность. Около четырех часов дня Мартен и его сожительница появились в магазине Вижуру. Розелла Руссо была очень взволнованна, она оплатила часть долга и выпила много рюмок белого вина. В шесть часов вечера они оба отправились к старьевщику по имени Аблюцель, которому хотели что-то продать.

Аблюцеля нашли на улице Курон. Сначала он утверждал, что не знает никаких Мартенов, но в конце концов сознался, что мадам Мартен была у него вечером в прошлое воскресенье и хотела продать золотую монету, по ее словам, найденную на улице. Он направил ее к другим скупщикам. Шла ли речь о золотом рубле, он якобы не знал. Дочь Аблюцеля проводила мадам Мартен к торговцу Лавернасу. Но Лавернас тоже отказался от золотой монеты. Одна незнакомая дама, которая случайно зашла в его магазин, приобрела ее за 35 франков. Амар заставил своих людей искать след незнакомой дамы, потому что он предполагал, что этой золотой монетой как раз и был украденный рубль. Всю среду они работали без устали, но напрасно. Даму найти не удалось. Зато его убеждение, что он напал на след убийцы, уже нельзя было поколебать. Утром 22 июля Амар приказал привести к себе Анри Мартена. Но тот столь неукоснительно слушался своей возлюбленной, что Амар от него ничего не добился. Мартен слово в слово повторил показания Розеллы о событиях воскресного дня. Он продолжал настаивать на своих показаниях, когда ему предъявили показания свидетелей — управляющего домом, старьевщика и Лавернаса. Мартену показали найденную в волосах убитой серебряную брошь, но он заявил, что никогда ее не видел. Тогда Амар отправил его домой и приказал инспекторам Саблону и Дарналю

привести к нему Розеллу Руссо со всей ее летней одеждой и черными платками. Он хотел провести еще раз очную ставку с консьержкой, для чего был намерен одеть Розеллу Руссо так, как была одета „Анжель”: в черную юбку с белыми крапинками и в черный платок. Но Розелла Руссо утверждала, что носит только серое платье и серый платок. И действительно, Доль не нашел в ее гардеробе ничего другого.

Амар отказался от очной ставки и ограничился еще одним допросом, который длился пять часов кряду. Как и во время первого допроса, Розелла Руссо была словоохотлива, взволнованна, но быстро принимала спокойный и непоколебимый вид, повторяя, что к убийству Жермен Бишон не имеет никакого отношения. Она называла лгунами управителя домом, старьевщика и торговца. Так проходили час за часом. Лишь после почти четырех часов препирательства она вдруг неожиданно призналась, что дала ложные показания относительно своего времяпрепровождения в воскресенье. Она, мол, только потому солгала, что хотела скрыть совершенное ею воровство. Еще в субботу она поехала к родственнику Карпантье в Нейи, чтобы попросить у него денег. Он ее принял, но в деньгах отказал. Тогда в воскресенье, пока он спал, она украла у него сто франков и золотую монету. С добычей вернулась в Париж, оплатила квартиру и продала золотую монету. Амар, приказавший тотчас проверить ее показания, вскоре узнал, что Карпантье действительно существует, но он такой старый и выживший из ума человек, что от него не удалось даже добиться, приезжал ли к нему кто-нибудь или нет.

Снова Амар очутился в тупике. Однако он считал, что имеет достаточно мотивов подозревать Розеллу Руссо, чтобы побудить следователя к тщательному обыску в квартире Мартенов, к тому же в присутствии Бальтазара. Он предложил поискать спрятанные предметы туалета Розеллы Руссо и проверить, нет ли на них следов крови, а Бальтазару поручил обследовать волосы Розеллы Руссо и сравнить их с волосами, обнаруженными в руке убитой.

В девятом часу вечера Розелла Руссо была доставлена двумя инспекторами домой. Когда во второй машине подъехали Астрон, Амар и Бальтазар, то со скоростью ветра распространился слух, будто найден убийца Жермен Бишон. Тотчас перед домом

№ 56 собралась огромная толпа людей. Пока несколько инспекторов производили обыск квартиры, Бальтазар предложил Розелле Руссо распустить волосы и, вооружившись специальной лупой, приступил к исследованию. В тот момент он не предполагал, что ему представится случай доказать, какие возможности таит в себе анализ волос, если последовательно и упорно отыскивать индивидуальные их особенности. Позднее он напишет: „Волосы Розеллы Руссо имеют, в основном, светлый, светло-каштановый тон. Но имеются также более светлые, почти русые пряди, особенно у лба и на висках”. Затем он подробно говорит о цвете волос каждого участка головы. Бальтазар почувствовал странное волнение. Похожие, если не точно такие же, оттенки цвета волос Розеллы и волос, обнаруженных в руке убитой, позволяли надеяться, что ему удастся доказать их идентичность. Он взял пробы волос с разных участков головы, но прежде всего с висков и лобно-теменной части, и сообщил Амару о предварительных результатах.

К этому времени Доль вытащил из сундука спрятанные в нем юбку в крапинку, черную блузку и черный головной платок — одежду, которая, по описанию консьержки, была на „Анжель”. Астрон приказал Бальтазару обследовать одежду с целью обнаружения на ней следов крови и как можно скорей дать ему окончательное заключение по сравнению волос. Затем он распорядился об аресте Розеллы Руссо и доставке ее в тюрьму Сен-Лазар. Когда арестованная в сопровождении полицейских покидала дом, толпа, охваченная жадной мести, стала извергать проклятия и требовать смерти для убийцы.

Бальтазар поехал в свою лабораторию, чтобы произвести сравнение волос. Он измерил среднюю толщину волос взятой пробы. Она составила 0,07 мм, т. е. точно совпадала с обнаруженными на месте преступления волосами. Но это было еще не самое главное. При сравнении цвета волос Бальтазар пришел к выводу, что обнаруженные волосы похожи на волосы с висков и лобно-теменной части головы Розеллы Руссо. Но и это означало лишь, что имеется граничащая с уверенностью вероятность, но не доказательство. Разглядывая корни и прежде всего кончики вырванных волос, он заподозрил, что целый клочок волос был выдерн одним рывком. Это

породило идею обследовать лоб и виски Розеллы Руссо и посмотреть, не удастся ли обнаружить там резко ограниченные участки пустых или поврежденных волосяных воронок либо обрывков волос, которые совпали бы с обнаруженными волосами. Если бы это удалось, то получено было бы абсолютное доказательство того, что в руке убитой обнаружены волосы Розеллы Руссо.

В пятницу рано утром Бальтазар получил распоряжение Астрона повторно обследовать арестованную. После ночи, проведенной в тюрьме, она изменилась, выглядела усталой и безразличной. Не произнося ни слова, она позволила Бальтазару обследовать себя. Результат обследования судебный медик описал так: „При обследовании области левого виска установлено, что в этом месте имелось некоторое число волос, которые были оборваны в нескольких миллиметрах от своих корней. Кроме того, обнаружено несколько волосяных воронок, из которых вырвано приблизительно двадцать волосков. Есть твердая уверенность, что обнаруженные в руках Жермен Бишон волосы вырваны у госпожи Бош”.

Прежде чем сделать отчет, Бальтазар обследовал одежду подозреваемой, но вынужден был убедиться в том, что она оказалась тщательнейшим образом вычищена. Лишь внизу на юбке он обнаружил мельчайшие следы крови. В связи с невозможностью определить происхождение крови (реакция Уленгута была впервые применена во Франции в 1912 году) следы эти не могли служить доказательством. Единственной убедительной уликой, полученной Бальтазаром, был результат работы по сравнению волос.

Амар хорошо понимал значение этой улики. В полдень он приказал доставить к нему Розеллу Руссо и подверг ее длительному беспощадному допросу. При этом, как писал потом один журналист, волосы из „окровавленных рук убитой стали жутким реквизитом, своим магическим действием оказавшим большое влияние на упорную, но суверенную заключенную”. Поздно вечером она вдруг расплакалась и сказала: „Ну, ладно. Я убила Жермен Бишон, и я все вам расскажу. . . Меня замучили долги. Я думала, что раздобуду у Урселя деньги. Считала его богатым, знала, что по субботам в квартире остается одна Жермен. Я хотела с помощью гувернанток проникнуть в бюро Урселя и там

спрятаться. Но они отказывались пойти со мной. Тогда я решила действовать сама. В субботу вечером я пришла к дому № 1 на бульваре Вольтера. Поднялась по лестнице и, когда кассирша отвлеклась на минутку, проскользнула в приемную. . . Это та комната, которая имеет окно на лестничную клетку и где находится ниша с кроватью для прислуги. Я спряталась там и ждала ...” Из своего укрытия Розелла Руссо слышала, как кассирша и Жермен, уходя, закрыли дверь. Теперь можно было поискать деньги. Однако она боялась (еще не помышляя об убийстве), что Жермен может вернуться. Так был упущен первый шанс. Когда Жермен пришла в квартиру, то заперла дверь столовой и спальни. Руссо подумала, что Урсель наверняка хранит деньги ”в гардеробе и что теперь ей не войти в спальню. Она, решив подождать до утра, пока Жермен не отопрет двери, провела ночь без сна. Но пришлось ждать до полудня, прежде чем Жермен соизволила подняться, открыть дверь спальни и начать готовить завтрак. Розелла Руссо продолжала: „Я покинула свое укрытие и, крадучись, подошла к столовой, где и застала удивленную моим появлением Жермен. Она вскрикнула: „Откуда вы?“, но, не отвечая, я бросилась на нее”. Обе женщины стали драться, но Жермен удалось убежать на кухню. Там будто бы Жермен схватила топор, но Розелла вырвала его и швырнула Жермен на пол. Затем она стала бить топором лежащую на полу, пока та не смокла. Проверив, не услышал ли кто криков Жермен, звавшей на помощь, и удостоверившись, что все спокойно, она вымыла свою одежду и топор, а затем открыла кассу и секретер. Добыча разочаровала ее. Тогда топором она взломала гардероб. Разочарование возросло, так как она ничего не нашла там, кроме золотого рубля и цепочки от часов. Тут она услышала шум внизу и со стороны приемной, испугалась и стала принимать меры для своего спасения. Предположив, что попытаются проверить квартиру через лестничную клетку, она встала на стул, открыла окно на лестницу и прислушалась. Там было тихо, Успокоившись и решив, что шум доносится из кафе, взяла ключи Жермен, открыла дверь квартиры, спустилась вниз, открыла зарешеченную дверь внизу, заперла ее за собой и ушла никем не замеченная. Вдруг ей пришла в голову идея подойти к консьержке и с помощью

истории об „Анжель” объяснить свое пребывание на месте преступления на случай, если возникнет подозрение. Беспрепятственно она вернулась домой и рассказала Мартену историю ограбления одного своего родственника, которую поведала позднее Амару.

Объяснение ее ухода с места преступления казалось столь невероятным, что вопрос об этом решили оставить пока открытым. Предполагали, что она могла все же вылезти через окно на лестничную клетку, а так как ей в этом случае пришлось бы пройти мимо комнатки консьержки, она придумала свою „Анжель”. Но Розелла Руссо настаивала на своей версии, повторив признание и Астрону. Спустя семь месяцев, в феврале 1910 года, стоя перед судом присяжных, она отказалась от своего признания, сославшись на то, что ее принудили дать такие показания. Этот прием преступников хорошо знаком каждому следователю. На все вопросы судьи она отвечала, что ничего не помнит. Присяжные все же признали ее виновной и 8 февраля вынесли смертный приговор.

Если рассматривать дело Жермен Бишон в рамках начального этапа развития судебной биологии, то оно приобретает двойное значение. Бальтазара оно вдохновило на дальнейшее изучение волос, а также на создание работы „Волосы человека и животного”, которую он издал вместе с Марсель Ламбер в 1910 году. Книга по меньшей мере полтора десятилетия служила пособием для криминалистов.

Дело Бишон показало, что даже имеющий много неясностей метод сравнения волос при добросовестной и тщательной работе может оказать неоценимую помощь в расследовании и безусловно достоин дальнейшего применения и совершенствования.

4.

В том же году, когда появилось учение Бальтазара об исследовании волос, на юге Франции, в Лионе, молодому ученому удалось осуществить свою давнишнюю мечту. Его имя Эдмон Локар. Он был родом из Лиона, худощавый, почти хрупкий, с темными усами под орлиным носом и с

сияющими, жизнерадостными светлыми глазами. Ученик лионского судебного медика Александра Лакассаня, он жил в то время, когда Альфонс Бертильон создавал основы научной криминалистики. В 1880 году Лакассань возглавил Судебно-медицинский институт Лиона. Благодаря познаниям в области медицины и биологии, уровню своего духовного развития и фантазии он стал асом судебной медицины юга Франции. В 1889 году, используя новейшие методы исследования костей, сравнения зубов и некоторые другие, ему удалось идентифицировать труп парижского судебного исполнителя Гуффе, который был убит некой Габриелой Бомпар и ее любовником Эйро в Париже. Хотя он принадлежал к тем немногим людям, которых связывали с Бертильоном общие интересы, Лакассань все же вскоре понял односторонность последнего. Он искал для научной криминалистики более широкое поле деятельности, чем Бертильон, основавший ее.

Еще до литературных измышлений Конан Дойла и новаторских работ Гросса он вдохновлял некоторых своих учеников, например Жоржа Дресси, Эмиля Виллебрена, на исследования следов преступлений, выходившие далеко за рамки судебной медицины и криминалистики того времени. Например, у Лакассаня родилась мысль, что пыль, прилипшая к одежде, ушам, носу, ногтям человека, может дать сведения о его профессии или последнем месте пребывания, а Виллебрэн составил целый список видимых под микроскопом частиц, которые он обнаружил под ногтями людей.

Лакассань обратил внимание Локара на возможности, лежавшие за пределами классической судебной медицины и научной криминалистики Бертильона. Позднее случайно Локар прочел переведенные на французский язык „Приключения Шерлока Холмса” и произведение Гросса. Эти книги пробудили в нем большой интерес к естественнонаучному изучению следов. Мысль о том, что любой преступник, будь то вор, взломщик или убийца, на месте своего преступления соприкасается с какими-то мельчайшими частицами пыли, будоражила его воображение. Двадцать лет спустя во вступлении к обширному труду о криминалистическом исследовании пыли Локар писал: „Вид грязи на башмаке или

брюках тотчас указывал Холмсу, в каком районе Лондона побывал его посетитель или по какой дороге он шел в окрестностях города.. . Особая красноватая грязь находится лишь при входе в бюро на Вигмор-стрит. Конечно, даже при всей гениальности Холмса легко впасть в очень крупную ошибку, определяя грязь издали, но здесь ценно само указание на возможность применения такого метода. Рассказы о Шерлоке Холмсе стоит прочитать хотя бы ради удивления, что так поздно люди додумались собирать пыль с платья, указывающую на то, каких предметов касалось подозреваемое лицо. Ведь мельчайшие частицы пыли на нашем теле и нашей одежде являются немymi свидетелями каждого нашего движения и каждой нашей встречи”.

Вопрос исследования следов настолько заинтересовал Локара, что он отправился в небольшое „кругосветное путешествие”, чтобы изучить состояние науки о следах в других странах. Он посетил Бертильона в Париже, поехал в Лозанну, Рим, Берлин, Брюссель и, наконец, в Нью-Йорк и Чикаго. Но результатом поездки Локар был разочарован. Бертильон не двинулся дальше своей антропометрии и словесного портрета. Его попытки определить инструмент взлома по следам на двери, снять отпечатки обуви и босых ног, не говоря уже о неудачах в области графологических исследований, мало способствовали превращению лаборатории антропометрической и фотографической службы идентификации в настоящую криминалистическую лабораторию.

В 1909 году Эдмон Локар, разочарованный, вернулся на Рону, имея определенные идеи о создании в рамках полиции настоящих лабораторий, где можно было бы научным способом исследовать все те следы, которые жили в фантазии Артура Конан Дойла и в реальных мыслях Ганса Гросса. Грандиозные планы Локар строил, исходя из необходимости использования учения о следах, основанного на естествознании, в работе криминалистов, полагая, что у полиции не будет иного пути, как „взять это дело в свои руки”. В статье, написанной им после своего возвращения, говорится о новой „полицейской науке”, как об „искусстве”, где еще нет общих основоположений, кроме одного: при криминалистическом расследовании следует применять любой полезный естественнона-

учный метод. И он добавлял: „Это искусство все больше стремится к самостоятельности, к отделению от судебной медицины и химии”.

Но в Лионе Локар столкнулся с полным равнодушием. Несмотря на деятельность Бертильона, провинциальная криминальная полиция Франции находилась в руках префектов департаментов и мэров — людей, которые были приверженцами старой эмпирической школы. Однако Сюртэ Насьональ, параллельно с Парижской полицией непосредственно подчинявшаяся министру внутренних дел, начиная с 1907 года все больше и больше вмешивалась в полицейские функции по всей Франции. Для борьбы с бандами „гастролеров” Сюртэ Насьональ создала „мобильные бригады” — подвижные соединения криминальной полиции. Криминалистическая работа в больших городах все чаще сосредоточивалась в руках Сюртэ Насьональ. Но работа по антропометрическому измерению большинству полицейских служащих казалась достаточным участием науки в их работе. И только благодаря личным связям Локару удалось добиться поддержки префекта департамента Роны в Лионе, чтобы в его распоряжение передали две комнаты на чердаке Дворца Правосудия, а также двух служащих Сюртэ в качестве помощников. Так в 1910 году было положено начало учреждению, позже названному „Лионская полицейская лаборатория”¹. Вход в эту лабораторию находился в узком переулке, на задворках импозантного, украшенного торжественной коринфской колоннадой здания Дворца Правосудия. От главного портала этого здания к реке вели две широкие каменные лестницы. Теперь Локар ежедневно проходил по мрачному коридору центральной телефонной станции и поднимался по крутой винтовой лестнице на четвертый этаж в свою лабораторию. Двадцать лет спустя, когда он уже стал достаточно известен, Локар продолжал работать здесь же, но уже в несколько больших помещениях, однако все в тех же трудных условиях, с капризными железными печурками, отапливаемыми углем и

1. В России 9 ноября 1892 г. была учреждена первая судебно-полицейская лаборатория (см.: Б у р и н с к и й Е. Судебная экспертиза документов. СПб, 1903 г.) . -Прим. перев.

На фотографии вверху слева мы видим Эдмона Локара, который в начале XX века основал в Лионе лабораторию французской полиции. В первой половине XX века он играл значительную роль в развитии химических исследований следов. В особенности анализ микроскопических следов пыли обязан ему своим развитием. То же можно сказать и о Гастоне Эдмоне Бэле (внизу справа), возглавлявшем с 1921 по 1929 г. лабораторию парижской полицейской префектуры (внизу слева). На снимке вверху справа изображен билет парижского метро, который сыграл важную роль в деле Тэссье — Буле, благодаря успешно проведенному Бэлем исследованию следов пыли.

покрывающими стены все новыми слоями копоты.

Однако этот неутешительный интерьер не помешал Локару осуществить свою мечту. Правда, его собственную работу по исследованию следов замедляла обязанность продолжать антропометрические измерения по Бертильону, и Локар день за днем терял драгоценное время, занимаясь этим. Но иногда ему выпадала удача. В 1911—1912 годах через его руки прошло много уголовных дел, в которых он мог бы попробовать осуществить свою идею — по следам в пыли определять путь расследования преступления. Так обстояло дело с бандой фальшивомонетчиков. Долгое время Сюртэ безуспешно пыталась в районе Лиона выявить изготовителей фальшивых франков. Сыщики много раз указывали на трех лиц: Брена, Сереска и Латура. Но вину их не удавалось доказать. Нельзя было обнаружить и мастерскую, где они работали. Специалисты лишь установили, что в фальшивых монетах есть сурьма, олово и свинец. Локар предложил инспектору Корену, расследовавшему дело, прислать ему одежду подозреваемых. Корен сначала медлил, потому что не мог понять смысла предложения Локара, но в конце концов послал ему одежду одного из подозреваемых. Локар с лупой в руках исследовал карманы и с помощью пинцета собрал всю металлическую пыль, которую ему удалось обнаружить. Над глянцевой белой бумагой он вычистил щеткой рукава одежды. С помощью лионских химиков Менье и Григуара Локар удостоверился в том, что полученная пыль содержит сурьму, олово и свинец. Сначала он сам не смел поверить в свой успех, обрабатывая пироантимонатом натрия полученный из пыли раствор. Но образовавшиеся линзообразные, часто сгруппированные по три вместе кристаллы являлись типичным признаком сурьмы. После обработки хлорным соединением рубидия в растворе образовались октаэдры и тетраэдры — признак олова. Свинцовая пыль обнаружила себя образованием призматических удлинённых пластинок с асимметричными отверстиями.

Теперь Корен передал странному доктору в лабораторию одежду других подозреваемых, и Локар получил те же результаты. Ни один из подозреваемых не мог толком объяснить происхождение металлической пыли на своей одежде, и их арестовали.

Вскоре они признались в изготовлении фальшивых денег.

Событие это произвело такое ошеломляющее впечатление на участвовавших в расследовании дела служащих уголовной полиции, что впоследствии они сами приходили в лабораторию Локара, сталкиваясь, казалось бы, с неразрешимыми проблемами. Так было и в деле Эмиля Гурбена, служащего лионского банка, на которого пало подозрение в убийстве Мари Латель. Молодую девушку нашли мертвой в родительском доме, а следов преступник никаких не оставил. Убийство, по всей видимости, произошло в полночь.

Связь Гурбена с Мари была известна/Его арестовали, но он утверждал, что в день убийства вечер и ночь провел с друзьями на даче в нескольких километрах от дома Латель. Местные жандармы опросили друзей Гурбена, подтвердивших его алиби: до глубокой ночи они играли в карты. Гурбен из дома не уходил, и все вместе после часа ночи, т. е. в момент, когда Мари Латель была мертва, отправились спать.

Расследование преступления, казалось, зашло в тупик, но следователь, который слышал о работе Локара, обратился к нему за помощью. Локар обследовал убитую в морге и на ее шее обнаружил отчетливые следы удушения. После этого он сам отправился в тюремную камеру к Гурбену и извлек из-под его ногтей грязь, собрал ее в бумажный пакетик и, придя в лабораторию, стал анализировать собранное на листе белой глянцевой бумаги. Он обнаружил большое количество эпителия кожи в виде прозрачных, слипшихся пластинок, которые от йода имели желтый цвет. Много свидетельствовало о том, что это эпителии шеи Мари Латель. Но это не являлось доказательством. Локару бросилось в глаза, что чешуйки были покрыты странной розовой пылью. Под микроскопом при большом увеличении большинство пылинок превратилось в многогранные, похожие на кристаллы зернышки. Круглых форм не было. Средняя их величина колебалась от трех до десяти микрон. Это были признаки рисового крахмала. Когда Локар среди частиц пыли обнаружил также висмут, стеарат магния, окись цинка, розовую краску на окиси железа, венецианский красный цвет, то он попросил жандармов принести ему из комнаты убитой все косметические средства. На следующий день

ему достали изготовленную аптекарем из Лиона розовую пудру, которой Мари Латель пользовалась каждый день. Она состояла из рисового крахмала и химикалиев, которые Локар обнаружил под ногтями Гурбена. Доказательство, которое несколько десятилетий спустя из-за промышленного производства пудры уже не имело ценности, в 1912 году привело к тому, что заперательство Гурбена было сломлено. Он рассказал, как ему удалось обеспечить свое алиби: перевел в доме своих друзей стрелки часов так, что они показывали 1 час, когда на самом деле было еще только половина двенадцатого. Незадолго до полуночи встретился со своей возлюбленной, которая не хотела выходить за него замуж и тем самым разрушала его планы, построенные с учетом ее приданого. Во время ссоры Гурбен задушил ее.

После этого случая Локар прослыл „кудесником“, как и Георг Попп в Германии. Успех и всеобщая поддержка, которую ему теперь оказывали, побудили Локара приступить к более широкому научному исследованию пыли, что стало самой значительной и интересной частью работы всей его жизни. За 1912—1920 годы он проделал работу, имеющую энциклопедический характер, несмотря на то что во время войны он много времени тратил на расшифровку тайнописи для спецслужб Франции. Исходя из формулировки немецкого химика Либига — „пыль в мельчайшем количестве содержит все, что нас окружает“, — Локар исследовал наслоения пыли на одежде, обуви, шляпах и шляпных лентах, на волосах, в отверстиях ушей и носа, на инструментах, тканях всех видов, на мебели, коврах, окнах и оконных ставнях, на улицах, в садах, на фабриках и в мастерских. И действительно, все, что было органического или неорганического происхождения на земле в виде мельчайших частиц, в виде пыли, переносилось на людей, животных или предметы. „Пыль, — формулировал Локар, — это скопление остатков, растертых в порошок. .. Уличная грязь — это смешанная с жидкостью пыль. . . Грязь — это пыль, пропитанная высохшими частицами жира. . . Если бы кто-нибудь захотел перечислить составные части пыли, то ему пришлось бы назвать все органические и неорганические вещества, имеющиеся на земле. Важно установить, в каком состоянии было вещество, прежде чем оно пре-

вратилось в пыль. Образование порошка приводит к уничтожению первоначального внешнего вида, восстановить который нам позволяют наши инструменты и умение давать общее определение предметам. С другой стороны, разрушение не заходит так далеко, что предметы разлагаются до своих элементов, до молекул или атомов ... Отсюда следует, что пыль содержит признаки различия, которые позволяют нам определить их происхождение”.

Проводя свои первые эксперименты, Локар не имел никаких других инструментов, кроме микроскопа, маленького аппарата для спектрального анализа и приборов химического анализа. У него не было условий для проведения химического микроанализа, основы которого разрабатывались лауреатом Нобелевской премии из Инсбрука Преглем с 1910 года. Вместо требовавшихся ранее для анализов минимальных количеств вещества в сто миллиграммов, при новом методе было достаточно уже одного миллиграмма. С „капельным анализом“ Фрица Фейгеля Локар не был знаком. Для этого анализа достаточно было иметь одну-единственную каплю неизвестного вещества на фильтровальной бумаге или на стеклянной пластинке, чтобы с помощью такого же малого количества реактивов иметь возможность определить его вид. Необычайно тонкий спектральный анализ в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах и рентгеноскопия, которые будут характерны для развития естествознания в последующие десятилетия, были в то время лишь научной фантастикой. Возможности же применения в криминалистике ультрафиолетовых лучей, которые американец Роберт Вуд из университета Джона Гопкинса в августе 1902 года впервые продемонстрировал членам американской Национальной академии, еще не были известны. Поэтому большое удовлетворение должен был принести Локару составленный им в 1920 году список видов пыли и ее составных частей, исследование и детальное определение которых были в его силах. Список охватывал почти необозримое количество видов пыли как органических, так и минералогических: шлаков, извести, гипса, песка, кокса, угля различных видов; к тому же бесчисленное множество видов металлической пыли: от железа и алюминия, меди и олова до частиц редкого в природе стронция. Список содержал, далее, множество

отложений пыли и наносов растительного происхождения: листья во всех вариациях, семена цветов и растений, и прежде всего луковицы и пыльцу растений, которая благодаря исследованиям Локара, впервые вызвала к себе интерес криминалистов. Сюда же входила пыль разложившихся растений, остатки черенков, коры, корней, веток и т. д. Локар регистрировал похожие на пыль частицы текстиля предметов одежды, ковров, обивочных материалов, хлопка, льна, конопли, джута, крапивы, кокоса, а также частички древесины и бумаги, которые тоже можно было различать по сортам.

В своем упорном труде Локар использовал все микроскопические и аналитические средства, которые имелись в органической и неорганической химии, ботанике или зоологии, чтобы дифференцировать частицы пыли. Он выработал четкую систему, с помощью которой сортировал следы пыли, прежде чем подвергнуть их микроскопическому и химическому исследованию. Для изъятия наслоений пыли с предметов одежды существовал специальный прием. В книге Ганса Гросса „Руководство для судебных следователей“ Локар нашел совет: одежду подозреваемого надо положить в чистый белый мешок и выколачивать до тех пор, пока вся имеющаяся в одежде пыль не останется в мешке. Этот способ показался Локару слишком грубым и примитивным. Он предпочитал сначала с помощью лупы осмотреть каждый предмет одежды в поисках осевших на ней частиц, хотя бы потому, что локализация отдельных частиц пыли на одежде может иметь важное значение. Обнаруженное он снимал с помощью пинцета или впитывающей ваты и собирал в тщательно надписанные пакетики. Прилипшие частицы он соскребал над стеклянными кружочками. К выколачиванию же одежды прибегал только в случае необходимости. Особенно тщательно он исследовал карманы. Он никогда не выворачивал их наружу, а отпарывал по шву, чтобы лишь после этого исследовать содержимое. Что касается обуви, то его метод не отличался от метода Поппа. Например, проделанный пешком путь на мельницу и обратно в сырой день выдает себя тем, что между наслоениями почвы по пути к мельнице и обратно имеется прослойка муки. И он пытался тщательно отделять различные слои отложений грязи.

Обнаруженную пыль раскладывали на

листе белой или черной бумаги. Локар выбирал те частички, которые легко можно было определить. Чтобы отделить следы металла от остальной массы, он использовал магнит. Для сортировки мельчайших частиц под микроскопом он сконструировал графоскоп.

К 1920 году Эдмон Локар уже не был единственным человеком, занимавшимся исследованием пыли. Под влиянием сообщений из Лиона и сведений, почерпнутых из книги Гросса, многие, сначала совершенно неизвестные молодые люди обратили внимание на эту новую и мало исследованную область криминалистики и оставил* на ней печать своей собственной индивидуальности.

В 1920 году в специальном журнале, издававшемся в Голландии, появилась статья. Ее автором был ван Ледден-Гульзебош, молодой химик из Амстердама, у которого были все данные, чтобы стать тем человеком в Голландии, каким в Германии был Попп, а во Франции — Локар. Он происходил из династии аптекарей и унаследовал от отца любознательность и талант аналитика, но из-за появившегося интереса к криминалистике стал преследовать иные цели. В молодости Ледден-Гульзебош отправился в Лозанну, где встретился с Рейссом и Локаром. Вдохновленный работой Локара по изучению следов пыли, он приступает к исследованиям и вскоре находит собственный путь решения проблемы. В вышеупомянутой статье он писал: „Не всегда легко собрать маленькие частицы, которые являются чрезвычайно важным доказательством при уголовном расследовании. Если речь идет о материале, который может быть обнаружен в одежде подозреваемого, то я собираю подлежащий исследованию материал из одежды с помощью инструмента, сделанного на основе фена. В аппарат я вмонтировал раструб и приспособление, на которое можно надеть плотняный мешок. Если включить аппарат в электросеть, то он соберет пыль с одежды в мешок, разрезав который, мы получим извлеченный этим современным методом материал для тщательного микроскопического исследования“.

Ван Ледден-Гульзебош, часто применявший свой пылесос и раскрывший с его помощью многочисленные кражи муки, даже и не подозревал, что одновременно с ним по другую сторону Атлантики подоб-

ная идея пришла в голову одному американцу. В Беркли, в Калифорнии, где зародилась американская криминалистика, работал химик доктор Альберт Шнейдер, проводивший самостоятельные исследования пыли. Однако не Шнейдер был инициатором нового метода. Так же как Артур Конан Дойл предвосхитил развитие научной криминалистики, так и использование пылесоса в целях криминалистики было описано английским романистом Р. Остином Фрименом. В 1907 году Фримен опубликовал свой первый детективный роман и ввел в литературу новый тип детектива — ученого, использующего в своей работе достижения естествознания.

Им был доктор Торндайк, работавший в Кингз Бенч Уолке. В ближайшие десятилетия он становится самым популярным героем детективных романов англосаксонского мира. В 1907 году Фримену пришла в голову идея заставить своего героя при расследовании преступления прибегнуть к изучению следов пыли. В одной из его новелл в руках доктора Торндайка и его ассистента Полтона появляется пылесос. Четверть века спустя Фримен сам рассказывает, как он додумался изобразить исследования пыли: „Я проделал тогда много опытов, чтобы установить свойства пыли. Я, например, помещал смазанные глицерином предметные стекла над дверьми в различных комнатах и рассматривал их потом под микроскопом. . . При этом я обнаружил, что можно определить источники большинства различных частиц пыли: обивку мебели, скатерти, гардины, ковры. Результаты исследований я использовал при написании новеллы”.

В те времена, когда в европейской криминалистике получил применение пылесос, еще один молодой химик работал над научным обоснованием исследований пыли для обнаружения следов — Август Брюнинг.

Он родился в деревне Бауернхоф под Амельсбюреном в Вестфалии в 1879 году, в том же, что и Эдмон Локар. В 1891 году, когда ему исполнилось 12 лет, мальчик получил от отца в подарок фотоаппарат и увлекся фотографией. Это увлечение сыграло свою роль в его криминалистической работе. После окончания школы в Мюнстере он работал в аптеке практикантом. В 1898 году Брюнинг поехал в Цюрих, а позднее в Женеву, чтобы попрактиковаться и изучить ботанику и фармакологию. Жажда

новых знаний привела его во Фрейбург, в Брейсгау, там он прервал учебу, поняв, что аптечное дело мало его интересует, и в 1901 году приступил к изучению химии в лабораториях фрейбургских профессоров Киллиани и Аугенрита.

В октябре 1904 года он присутствовал на процессе Карла Лаубаха во фрейбургском суде и был свидетелем сенсационного выступления Георга Поппа, экспертное заключение которого основывалось на впервые осуществленном исследовании следов почвы. Здесь Брюнинг познакомился с Поппом и с этого момента твердо решил тоже стать „следопытом”. Он попробовал себя в качестве эксперта по продуктам питания сначала в Дуйсбурге, затем в Щецине, где и получил письмо от Поппа, в котором тот приглашал его приехать к нему во Франкфурт для работы в качестве химика. В 1910 году Брюнинг стал сотрудником лаборатории Поппа. Два года ушли на ознакомление с достижениями в области исследования следов, а в 1912 году Брюнинга пригласили на работу в Берлин.

Почти одновременно с возникновением полицейской лаборатории Локара в Лионе появилась естественнонаучная полицейская лаборатория в берлинской криминальной полиции. Безусловно, почву для этого подготовила многолетняя работа Пауля Езериха, но инициатива создания лаборатории исходила от Георга Поппа. Может быть, все зависело от того, что с годами у Езериха появились странности, затруднявшие работу и сотрудничество с ним. Во всяком случае, в 1911 году Попп выступил с докладом о своей работе перед служащими криминальной полиции Берлина. Его импозантная внешность и умение говорить оставляли неизгладимое впечатление. Когда спустя некоторое время он выступал в Высшей технической школе в Шарлоттенбурге перед самыми уважаемыми юристами Берлина и представителями полиции, на него обратил внимание руководитель Химической лаборатории по исследованию продуктов питания профессор Юккенек. Это была единственная лаборатория берлинской полиции. Она располагалась на последнем этаже полицейского президиума НИ Александерплац и занималась исследованиями исключительно продуктов питания. После докладов Поппа на Александерплац решили взять в отдел Юккенек химика, который работал бы в интересах криминальной полиции. Эта

должность имела сложное и длинное название: химик для нужд криминальной полиции при государственном берлинском бюро по исследованиям продуктов питания, табачных изделий и алкогольных напитков, а также предметов широкого потребления. На этот пост Попп предложил кандидатуру тридцатичетырехлетнего Августа Брюнинга. Но скупая прусская бюрократия не хотела мириться с тем фактом, что Попп платил своему ассистенту 4000 марок золотом в год. На Александерплац считали 2400 марок золотом достаточно большим жалованием. Брюнинг проявил упорство, на какое способен только вестфалец, и, пока решался финансовый вопрос, поехал в Лион. Работая у Поппа, он понял значение цветной фотографии для криминалистики. Знаменитая лионская фирма „А. Люмьер и сыновья“ разработала новые методы в этой области. Семья Люмьер предоставила в распоряжение Брюнинга лабораторию, фотопластинки и лаборантов, и он провел опыты по идентификации крови на материалах красного, серого, желтого и зеленого цвета с помощью фотографии. Он нашел время побывать и в организованных Локаром лабораториях, наблюдать проведение первых исследований пыли. 1 января 1913 года берлинцы пошли на уступку, и он, наконец, переехал в однокомнатную лабораторию на Александерплац, используя предоставленные ему для оборудования лаборатории 4000 марок на приобретение микроскопов и аппаратов для спектрального анализа. Выполнив несколько заданий, связанных с отравлениями и анонимными письмами, Брюнинг столкнулся с необходимостью произвести первые криминалистические исследования следов пыли.

В июне 1913 года он принял участие в расследовании взломов сейфов, уже несколько лет доставлявших много хлопот криминальной полиции Берлина.

Но самой большой удачи в начале работы он добился несколько месяцев спустя, разоблачив берлинского укрывателя краденного Пауля Марковича, заподозренного в участии в ловко организованных ограблениях. В октябре 1913 года в районе Александерплац произошло ограбление сейфа. Грабители проникли в помещение кассы из квартиры, расположенной этажом выше, проделав отверстие в потолке кассового помещения. Сейф был непрочным, имел тонкие стальные стенки. Пространство меж-

ду стенками было заполнено изолирующим материалом (золой бурого угля), предохраняющим содержимое сейфа в случае пожара. Во время взлома зола частично высыпалась на пол.

После установления факта ограбления комиссар криминальной полиции Мюллер поспешил к Марковичу и обыскал его дом. Но, как и в предыдущих случаях, найти след украденного не удалось. Случайно взгляды Мюллера упали на ботинки Марковича, на рантах которых лежал слой своеобразной пыли, напоминающей по виду золу бурого угля. Мюллер изъясил ботинки и принес их в лабораторию Брюнинга.

Брюнинг сразу принялся за дело. Мягкой кисточкой он стряхнул пыль на темную глянцевую бумагу и с помощью микроскопа установил, что это зола бурого угля. Он попросил Мюллера побыстрее принести ему одежду, которая была на Марковиче в прошлый вечер. Ничего не подозревавший Маркович, отпуская язвительные шуточки, отдал полицейскому свою одежду. Брюнинг выбил из одежды пыль по методу Гросса. В бумажный пакетик он собрал так много пыли, что без труда можно было установить ее происхождение: зола бурого угля. Брюнинг понимал, что это еще не доказательство. Маркович может сказать, что соприкасался с золой при каких-нибудь других обстоятельствах. Поэтому Брюнинг решил установить идентичность золы с обуви и одежды Марковича с золой, обнаруженной во взломанном сейфе. Он взял пробу золы из сейфа и обнаружил в ней скелеты окаменевших растительных клеток, сохранившиеся при превращении бурого угля в золу. Под микроскопом можно было отчетливо различить растительные клетки, структура и размер которых в золе из сейфа и с одежды Марковича полностью совпали.

Изобличение Пауля Марковича, со злостью и растерянностью признавшего свою вину, было одним из первых вкладов Брюнинга в развитие исследований следов пыли. Правда, первая мировая война прервала его деятельность — он стал солдатом. Но уже в первые послевоенные месяцы Брюнинг с головой окунулся в работу. Отсутствие предметов первой необходимости и царившая в Германии нужда породили волну невиданной до того преступности. Берлин стал центром набегов грабителей, которые занимались, в частности,

воровством медной и бронзовой проволоки телеграфных и телефонных линий.

„Специалисты” в ботинках с шипами забирались ночью на телеграфные столбы и, обрезав сотни метров проводов, скатывали их и бесшумно исчезали на велосипедах. Они появлялись в пригородных поселках или на огородных участках, прятали свою добычу в известных только им местах, причем места эти они постоянно меняли. Усилия берлинской полиции многие месяцы были безуспешны, пока при обыске одного из жилых бараков в так называемом Хазенхаиде совершенно случайно не нашли рюкзак с большим мотком медной проволоки. Проживавший в бараке почтовый служащий Герман Шаллук утверждал, что ничего не знал о содержимом рюкзака, принадлежащего незнакомцу, которому он разрешил переночевать у себя и на время оставить рюкзак. Руки Шаллука показались полицейским подозрительно черными, и они решили отвести его к Брюнингу на Александерплац. Брюнинг установил, что такой вид рукам придают скопившиеся в складках кожи частицы пыли. Немного подумав, он вымыл руки Шаллука горячей разбавленной соляной кислотой, выпарил кислоту в фарфоровой чашке и получил желто-зеленый осадок, содержащий чистую медь. Шаллук растерялся, но все же попытался спасти себя объяснением, что он, мол, из любопытства открывал рюкзак и касался проволоки. В поисках новых улик против Шаллука Брюнинг позвонил в дирекцию почтового управления и узнал, что телеграфные столбы пропитываются сульфатом меди. Тогда он предложил Шаллуку снять брюки. Через лупу он увидел частички древесины в тех местах брюк, которые покрывают внутреннюю часть бедер. Он собрал эти частички, залил их раствором аммиачной селитры и нагревал до тех пор, пока они не превратились в пепел.

Под микроскопом в пепле была видна медь, входящая в состав пропитки древесины телеграфных столбов. Ясно, что, взбираясь на столбы, Шаллук как бы собирал брюками пропитанные сульфатом меди частицы древесины. Шаллук признался, что прошлой ночью он действительно совершил кражу. С этого момента изобличение воров, срезавших проволоку, стало повседневной работой лаборатории.

В 1923 году Брюнинг впервые выступил с сообщением на тему „Вклад в разо-

блачение преступников путем обнаружения косвенных улик на их теле и одежде”, введя понятие „косвенные улики” в мир исследования следов пыли и следов вообще.

Брюнинг, высказывая эти мысли, стоял в самом начале своей карьеры. Он, как и Локар и ван Ледден-Гульзебош, был убежден, что метод исследования следов пыли вполне созрел для того, чтобы его применяли не только в Берлине, Лионе, Амстердаме или других центрах, но и повсюду, где приходилось расследовать преступления. И действительно, время пришло. Об этом свидетельствовало одно нашумевшее дело, за расследованием которого многие месяцы 1924 года следил, затаив дыхание, весь Париж и которое, как и дело Бишон, навсегда вошло в историю криминалистики.

5.

Дело Буле-Тэссье началось с того, что утром 8 июня 1924 года обнаружили неопознанный труп в Булонском лесу вблизи узкой аллеи Резервуар, которая протянулась по лесу от аллеи л'Ипподром до башни Лоншам. Было воскресенье. Около половины седьмого утра, ничего не подозревая, по аллее ехал на велосипеде Антуан Куртен, слесарь из Нейи. Вдруг он увидел в шести-семи метрах от себя лежащий в кустах большой сверток. Остановившись, Куртен подошел поближе и увидел торчащие из свертка две ноги и руку. Вскочив на велосипед, он поспешил к леснику Тори сообщить о своей находке.

Не прошло и получаса, как появился шеф-инспектор Бетюзель в сопровождении нескольких полицейских. Он развязал старую скатерть, в которую был завернут труп и увидел шестидесяти-семидесятилетнего мужчину, скончавшегося, по всей видимости, от тяжелых повреждений черепа. На мужчине были белая рубашка с фиолетовыми полосками, серые брюки, темные носки и ботинки. На нем был также черный галстук. Рядом лежали свернутые в узелок пиджак, жилет цвета морской волны и белая соломенная шляпа. Бетюзель констатировал, что карманы пусты. И только к подкладке левого кармана брюк прилипли кусочки угля. Отдельные части рубашки выглядели так, будто они тоже сопри-

касались с углем, поэтому Бетюзль подумал, не лежал ли труп в каком-нибудь угольном подвале, прежде чем попасть в Булонский лес. Шеф-инспектор приказал отвезти труп в морг и поставить в известность о происшествии судебного медика доктора Поля. Инспекторам полиции Бертену и Бонарди он поручил опросить лесников и тех, кто часто гуляет в этих местах.

В бюро при просмотре сообщений о лицах, пропавших без вести, он обнаружил совпадение описания внешности неопознанного трупа с описанием внешности человека, семидесяти лет, жившего на улице Бассано, 20, пропавшего 30 мая, — Луи Буле. Семнадцать лет он работал служащим фирмы „Бернер и Нильсен“ на улице Милан, 24. 30 мая, в 9 часов 30 минут, Буле отправился на почту. Ему было поручено купить почтовых марок на 150 франков и отправить несколько писем. Кроме 150 франков при нем был бумажник и золотые часы с платиновой цепочкой. Письма, которые Буле должен был отправить, адресаты получили. Значит, он выполнил поручение. Но больше его никто не видел. Бетюзль послал полицейского на улицу Бассано* за женой Буле для опознания трупа.

Тем временем доктор Шарль Поль направился в морг. В 1905 году, почти одновременно с Бальтазаром, Поль приступил к работе в Париже. Правда, он не избрал для себя академическую карьеру. Родившийся в 1879 году в Булонь-сюр-Мэр в семье юриста, Поль довольствовался работой рядового судебного медика. Его первый учитель, судебный медик Кастье из Лилля, стал жертвой политической борьбы клерикалов и либералов Северной Франции, потому что он осмелился обвинить монаха Фламидье и доказать его вину в убийстве двенадцатилетнего мальчика. Поль тогда поклялся прославить судебную медицину. По всей видимости, он считал, что можно прославить судебную медицину, став бонвиваном и светским львом. Велосипедист, теннисист и любитель гольфа в молодости, он стал круглым, как шар, в пожилые годы. В свои восемьдесят лет он вел себя все еще настолько несерьезно, что, выступая в суде, отказывался назвать дату своего рождения. Ежегодно он производил 2—4 тысячи вскрытий, но проделывал это механически, с беззаботным видом. Зато можно было* надеяться, что в любой

день и в любой час он немедленно появится на месте преступления или в морге. Это было делом его чести. Когда он скончался, ему приписывали двести тысяч вскрытий, хотя при жизни он кокетливо утверждал, что не ведет счет проделанным вскрытиям, как повар его второго учителя Бруарделя, всю жизнь подсчитывавший количество выпотрошенных им уток.

Поль незамедлительно произвел вскрытие трупа и установил, что смерть произошла из-за множественных повреждений головы. Орудием убийства был тупой предмет, возможно полено. Но со свойственной ему легкомысленной поспешностью Поль заявил, что убийство произошло дней пятнадцать-двадцать тому назад, что вызвало у Бетюзля сомнение. Если Поль прав, то здесь не может идти речь о трупе Луи Буле, который исчез лишь 30 мая. Поэтому он с нетерпением ждал посланного на улицу Бассано полицейского. Но поездка последнего была безрезультатной, так как мадам Буле уехала к детям и возвратится лишь в понедельник. Поэтому пришлось ждать до понедельника, пока расстроенная старая женщина не появилась в морге. Она опознала труп, узнав в нем своего мужа, Луи Буле. Было очевидно, что Поль ошибся.

Делом занялся следователь Жусселен, а затем в расследование включился также шеф-инспектор Рибуле. Он входил в специальную бригаду, которую в 1913 году создал префект парижской полиции Селест Анньон, занимавшийся расследованием крупных преступлений. Дальновидный и целеустремленный, Анньон, первый кадровый полицейский, достигший ранга префекта полиции, объединил Сюртэ Парижа и относящийся к нему департамент Сены со Службой судебной идентификации, превратив их в инструмент уголовной полиции.

В это же время к расследованию подключился еще один человек: Гастон Эдмон Бэль, сменивший Бертильона на посту руководителя Службы судебной идентификации. С появлением Бэля, которому суждено было стать легендарной личностью, связана слава парижской школы криминалистики в области исследования следов.

3 февраля 1914 г. скончался болевший тяжелой формой анемии и ослепший Альфонс Бертильон. До самой смерти его преследовала мысль, что детище всей его жизни — антропометрию может вытеснить

отпечаток пальца — дактилоскопия. Из последних сил он препятствовал тому, чтобы во Франции заменили дактилоскопией его трудоемкий процесс идентификации. Всех окружающих Бертильон считал предателями, которые только ждут его смерти, чтобы перебежать в лагерь приверженцев дактилоскопии. У Бертильона был только один последователь, его заместитель Давид, человек пожилой, посредственных способностей, бесцветный сотрудник, который не имел ни воли, ни желания перестроиться и ввести дактилоскопию или превратить бертильоновскую Службу идентификации в естественнонаучную лабораторию. Может быть, эти радикальные изменения и произошли бы, но уже в сентябре 1914 года Селесту Анньону пришлось уступить свое кресло в префектуре милитаристски настроенным чиновникам. Наступление немецких армий на Париж и воспоминания о 1870 годе вызвали опасения, что вся парижская полиция будет использоваться в военных целях. Когда же угроза миновала, то уже никто не думал о реформах, и один мало разбирающийся в делах полиции префект сменял другого. Именно в этот период в устаревших апартаментах Бертильона появился неизвестный ранее химик и физик Бэль, ставший ассистентом и заместителем Давида. Он и принес с собой дух обновления.

Бэль родился в Париже в 1879 году, изучал химию и физику и с начала нового столетия долгое время работал в институте Пастера. До поступления на службу в полицейскую префектуру он работал химиком в управлении железной дороги Париж—Лион. Там он занимался вопросами тайнописи и разработкой химических методов, позволяющих сделать невидимые записи видимыми. Так как французская контрразведка использовала Службу судебной идентификации для решения своих задач, то Бэль был принят в качестве специалиста по тайнописи. Но в процессе знакомства с деятельностью криминальной полиции его покорило, как и Локара и Брюнинга, некое странное и своеобразное очарование научной криминалистики, и он понял, какие многообещающие возможности она открывает для химии. Еще в конце войны Бэль полностью оттеснил Давида и стал упорно обращать внимание префекта Ро на успешную работу Локара в Лионе. Бэль, сорокалетний мужчина маленького роста с золо-

тым пенсне на носу, невзрачный, но упорный и честолюбивый, с нетерпением ожидавший ухода Давида на пенсию, 1 сентября 1921 г., наконец, был назначен шефом Службы судебной идентификации. И тогда страстно, целеустремленно он наверстал все, что создавалось в Лионе и Берлине начиная с 1910 года, и организовал естественнонаучную лабораторию, которая уже в 1924 году имела более современное оборудование, чем лионская и берлинская лаборатории.

Со времен работы в институте Пастера Бэль занимался проблемами быстро развивающегося спектрального анализа не только в видимых лучах, но изучал также спектральные полосы различных химических веществ в невидимых областях спектра. Границы видимых областей спектра определялись длиной волн. С тех пор как шведский физик Ангстрем вывел единицу длины световой волны, которая носит его имя и равна одной стомиллионной доле сантиметра, исследователи научились точно определять границы областей спектра.

Видимыми являются красные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, синие и фиолетовые полосы спектра. Видимые красные лучи имеют длину волны до 8000 Å. Все лучи с большей длиной волны — невидимы. Их называли инфракрасными лучами. Последние видимые лучи — фиолетовые с длиной волны более 4000 Å. Все лучи с меньшей длиной волны также невидимы и получили название ультрафиолетовых лучей. Исследование спектральных линий в этих областях ко времени вступления Бэля на пост шефа Службы идентификации шло полным ходом и с каждым годом приносило все новые и новые открытия, способствовавшие определению неизвестных веществ, а следовательно, и следов преступлений. Бэль стремился использовать спектральный анализ в криминалистике в таком масштабе, в каком его нигде еще никто не использовал.

Сразу после войны он приступил к изучению результатов исследований немецкого ученого Густава Кегеля о люминесцирующем действии ультрафиолетовых лучей. Кегель, с двенадцати лет воспитывавшийся в бразильском монастыре св. Августина, двадцатилетним юношей пристрастился к чтению запрещенных церковью произведений немецкого натуралиста Эрнста Геккеля. Позднее увлекся естествознанием, изучал

физику, затем был послан в Рим, где ему предстояло продолжать учебу под наблюдением церкви. Во время первой мировой войны он работал в монастыре в своей собственной лаборатории, но несовместимость его мировоззрения со взглядами духовенства вынудила Кегеля покинуть церковь. Он стал профессором Высшей технической школы в Карлсруэ.

Еще в монастыре при изучении природы ультрафиолетовых лучей Кегель обнаружил их замечательные свойства. Если изолировать их от других лучей и направлять на различные предметы, то многие вещества под их воздействием начинают светиться, или люминесцировать, а другие даже фосфоресцировать, т. е. приобретают способность излучать свет и после того, как прекращалось облучение. Например, краски, казавшиеся при обычном освещении одинаковыми, после ультрафиолетового облучения принимали различные оттенки от того, что состояли из разных субстанций. Цинковые белила выдавали себя тем, что люминесцировали желто-зеленым светом, литопонные — желтым, свинцовые — желто-коричневым светом. Сорта бумаги, даже под микроскопом выглядевшие одинаковыми, либо люминесцировали, либо нет в зависимости от различий их состава. Кегель исследовал античные письма, на поверхности которых монахи, ради экономии, делали новые записи. С помощью воды и песка с них удалялся первоначальный текст, из-за чего подверглись уничтожению многочисленные произведения античного мира. Но благодаря облучению их ультрафиолетовыми лучами появлялась возможность прочесть уничтоженный в средние века первоначальный текст. В 1919 году Кегель выступил в издававшемся Гансом Гроссом журнале „Архив фюр криминологи“ с предложением использовать его открытие для криминалистических исследований, и Бэль тотчас подхватил эту идею. Ему удалось сделать видимой подпись Рембрандта на картине, подлинность которой вызывала у специалистов сомнения. Невидимые при нормальном освещении пятна на тканях сразу становились видимыми, если попадали под воздействие ультрафиолетовых лучей.

Даже различные сорта мучной пыли — от пшеничной до просяной — можно было определить по виду люминесценции. Бэль первым стал широко применять метод

спектрофотометрии, который впоследствии имел важное значение в естествознании и в промышленности. Метод заключается в том, что, проходя сквозь химические вещества, свет меняет интенсивность в зависимости от определенного вещества. Путем соответствующего измерения можно выявить неизвестные субстанции. Краски и красящие вещества обнаруживали при этом характерные черты, которые не удавалось установить никаким другим методом. Криминалистическое значение этого метода было очевидным. Находчивость Бэля, его многосторонность и честолюбие помогли ему в первые послевоенные годы приобрести большой опыт и создать новые технические вспомогательные средства.

9 июня 1924 года, приступив к расследованию дела Буле, он отправился в морг для обследования трупа. Поскольку при первом осмотре следов на теле обнаружить не удалось, Бэль занялся испачканными волосами убитого. Под лупой удалось рассмотреть мельчайшие крошки угля, острые осколки камня, песчинки, опилки и двухмиллиметровый желтый клочок картона. Пинцетом Бэль собрал каждую частицу с волос и упаковал по одной в бумажный пакетик. Одежду Буле, скатерть, в которую был завернут труп, остальные предметы он отдельно упаковал в бумагу и поехал в свою лабораторию на чердаке Дворца Правосудия.

Здесь он разложил все вещи на столе, покрытом листом белой бумаги и первым делом обследовал скатерть. На ней были земля и трава из Булонского леса. На рубашке Буле, как это заметил еще Бетюзль, была угольная пыль, но удивительно то, что на ней не удалось обнаружить ни малейших следов песка или опилок, найденных Бэлем в волосах Буле. Обследуя рубашку сантиметр за сантиметром, Бэль неожиданно увидел двух маленьких бесцветных насекомых, каких можно найти только в неосвещенных помещениях. При обследовании брюк снова удалось обнаружить угольные крошки, песчинки и опилки, такие же, как и в его волосах. Подобные следы имелись на ботинках, правда, в очень небольшом количестве. А на пиджаке, жилете и шляпе, как и на рубашке, ничего подобного не было.

Зафиксировав следы, Бэль вычистил каждый предмет одежды щеткой, пока не удостоверился, что все частицы пыли сняты.

Обследование добытой таким образом пыли показало, что в основном это были частички угля, опилок и песка. Их не было на рубашке, жилете и шляпе. Но в пыли из брюк и рубашки помимо двух зеленых шерстяных волокон было несколько странных и необычных фрагментов красного вещества, размер каждого из которых не превышал полмиллиметра.

Тем временем наступил вечер, и Бэль дал Рибуле первый отчет, который сначала лишь подтвердил предположение Бетюзля, что угольная пыль на теле убитого доказывает пребывание трупа в каком-то подвале до того, как его привезли в Булонский лес. Бесцветные насекомые явились в этой версии важным доказательством. Но ведь имелось большое количество подвалов, темных помещений, сараев и пещер. Если подвал был местом убийства или служил временным укрытием трупа, то о каком подвале идет речь? Нет ли каких-нибудь особенных следов, которые характеризовали бы этот подвал? Бэль сказал, что он лишь только начал такую работу, и заверил, что проведет побольше различных исследований, чтобы снабдить Рибуле более точными данными.

В это время перед Рибуле и его сотрудниками стояла масса вопросов, возникающих в начале расследования любого уголовного дела. Никто из них не предполагал, что пройдут долгие пять месяцев, прежде чем они приблизятся к цели. Свое расследование они начали с опроса вдовы потерпевшего и с посещения фирмы „Бернер и Нильсен“, где так долго проработал Буле. Мадам Буле оказалась ограниченным человеком, занимавшимся лишь своим домашним хозяйством и совершенно не интересовавшимся делами мужа. Как она сообщила, муж ее в течение десяти лет ежедневно, кроме воскресных дней, уходил из дому в 4 часа 50 минут утра и направлялся к станции метро „Георг V“. Отсюда он ехал на работу и возвращался домой в 9 вечера. Обедал в ресторане. О своей работе дома ничего не рассказывал.

Рибуле и инспекторы Леруа и Кост побеседовали с каждым служащим фирмы. От всех они слышали одну и ту же историю о спокойном, честном пожилом человеке, который добросовестно относился к своей работе и ужасная смерть которого для всех — настоящая загадка. Нильсен же утверждал, что у Буле никогда не было

с собой больших сумм денег, которые бы могли привлечь грабителей. Фирма имела дело главным образом с чеками и векселями. Правда, 30 мая после обеда Буле имел задание получить в банке наличными 10 000 франков для выдачи зарплаты. Но он их не получил. Следовательно, убийство произошло раньше. Во всей этой информации об уравновешенном, скромном конторском служащем — с характеристикой: надежный, приветливый, честный, прилежный, непьющий, не имеющий страстишек — не было ничего, что могло бы пролить свет на преступление.

Лишь несколько дней спустя непроясненную тьму развеял слабый луч света, когда Рибуле лично осматривал рабочее место Буле и обнаружил на стуле старика ящик. Под ящиком лежала газета, в которой оказалась выигрышная таблица бегов от 27 мая. В ней красным карандашом, каким имел обыкновение пользоваться Буле, были отмечены клички двух лошадей „Вольный пират“ и „Сапфировая звезда“. Только теперь доверенный фирмы, Илан, вспомнил, что Буле иногда говорил о лошадях и при случае делал ставки в 5 или 10 франков. Но так как каждый может себе в конце концов позволить подобную небольшую роскошь, то он лишь улыбнулся, вспомнив невинные развлечения конторщика, и не хотел верить, что они как-то связаны с происшедшим. Рибуле, которому лучше были известны проявления страстей игроков, придерживался другого мнения и ухватился за эту ниточку.

Он посоветовался с инспектором Мартеном из бригады по надзору за игроками и прочесал многочисленные ресторанчики, бары и кафе, прежде всего на улице Амстердам и в районе вокзала Сен-Лазар, где встречались подпольные букмекеры, их агенты и игроки для заключения своих нелегальных сделок. Рибуле и его сотрудники с фотографией Буле обходили одно заведение за другим и спустя две недели после обнаружения трупа смогли „заприходовать“ первый успех. Хозяйка маленького бара вблизи вокзала, Кароль Петри, узнала изображенного на снимке. Да, она уверена, что это „Папаша Луи“. Старик почти всегда появлялся в ее баре, чтобы поговорить о лошадях. Он встречался с людьми, тоже желавшими испытать свое счастье на скачках, не отправляясь для этого в Лоншам или Отей. Они делали

ставки не у официальных букмекеров, а у людей, которые были посредниками.

В последующие десять дней Рибуле собрал еще много подобных показаний среди мелких коммерсантов, ремесленников и пенсионеров в кварталах, где Буле бывал по служебным делам. Многие знали его как „Папашу Луи“. Они пользовались его советами и доверяли ему свои ставки. Они не знали подлинного имени старика, но знали, что лошади были страстью „Папашы Луи“ и что тот всегда своевременно и точно выплачивал выигрыши. О том, куда он относил заявочные листы с их именами и деньги, никто не думал. Все они верили в его честность и доверяли ему. По разговорам, о лошадях Буле знал от некоего барона д'Альмеда, герб которого на своих часах, подарке барона, старик часто показывал. Но это была единственная подробность, услышанная от него. Хотя все и удивлялись, что „Папаша Луи“ не появлялся с 30 мая, но никому не пришло в голову, что он мог оказаться жуликом. Подумали, что болен.

Так у Рибуле стала складываться первая версия преступления. Может быть, одна из темных личностей на задворках конного спорта, зная о тайных страстях Буле, подкараулила его, когда при нем были деньги его клиентов? Может быть, его заманили в какую-нибудь засад, убили, ограбили и спрятали в темном сарае или подвале, пока не появилась возможность подбросить труп в лес? Подозрение Рибуле усилилось, когда он узнал, что обе лошади „Вольный пират“ и „Сапфировая звезда“, имена которых Буле отметил красным карандашом в выигрышной таблице от 27 мая, оказались победительницами 28 мая и поставившие на них получили 130 франков за каждые 5 франков ставки. Может быть, Буле сам ставил на этих лошадей и 30 мая имел при себе значительный выигрыш, что и могло привлечь убийцу?

При поддержке Мартена шеф-инспектор предпринял новую серию поисков. Имелось множество мелких букмекеров, с которыми мог иметь дело Буле. Рибуле и его люди ходили из одного бюро в другое. Ни один из опрошенных не знал „Папашу Луи“ или, по крайней мере, не признавался, что видел его или имел с ним дело. Но были сотни подпольных подозрительных

посредников, многие из которых уже имели судимости и поэтому были известны бригаде по надзору за игроками. Рибуле не мог надеяться, что кто-нибудь из них добровольно сознается, что обслуживал потерпевшего. И все же он не видел другой возможности раскрыть тайну убийства Буле, иначе как проверить всех ранее судимых, находящихся под подозрением и наблюдением, и в первую очередь тех, кто зарегистрирован в районах, где работал Буле. Вполне возможно, что Буле доверился одному из таких букмекеров и 30 мая получил от него выигрыш за „Вольного пирата“ и „Сапфировую звезду“. Если найти посредника, то можно было бы, по крайней мере, проследить последний путь Буле. Но шеф-инспектор переживал одно разочарование за другим. Даже подпольные букмекеры, откупившиеся от полиции тем, что согласились работать на нее, по всей очевидности, не могли добыть нужной информации.

В середине июля, в момент полного отчаяния, о результатах своих тщательных исследований сообщил Бэль. К более точному анализу обнаруженных им частиц (угольных крошек, песка, осколков камня, опилок, кусочка картона, засохших насекомых, зеленых волокон и частиц красной краски) он приступил 10 июня. Чтобы определить вид угля, он опирался помимо всего прочего на тот факт, что виды угля различаются своей плотностью, т. е. соотношением веса и объема. Плотность неизвестного вещества определяется так: вещество помещают в пробирку, содержащую жидкости известной плотности. Из-за различной плотности они не смешиваются, и испытуемое вещество опускается до тех пор, пока не достигнет слоя, который соответствует ему по плотности. Так Бэль установил, что плотность найденного угля в частицах равна 1,5 d. Это был антрацит.

Что касается песка, который под микроскопом выглядел кремнием, то он оказался неоднородным. Бэль обнаружил смесь кварца с кремнием. Ему удалось также объяснить происхождение маленьких осколков камня. Это был точильный камень. Трудней было определить вид древесины по найденным опилкам.

До 1924 года в криминалистике имелся опыт определения вида древесины по мельчайшим ее частицам размером в доли миллиметра — позднее появился новый метод.

Если раньше при установлении вида древесины требовались для рассмотрения под микроскопом более крупные куски древесины в их продольном и поперечном разрезе, то теперь можно было довольствоваться частичками в виде порошка и пыли. Более грубое различие между дубом и сосной можно было определить по цвету (темно-коричневый и желто-светло-коричневый). Бэль поместил древесные частички в парафин и с помощью микротомы изготовил срезы, которые можно рассматривать при большом увеличении. Он увидел, что одни частички имеют клетки, типичные для дуба, а другие — для сосны. Бэль установил, что перед ним смесь опилок дуба и сосны.

Больше времени пришлось потратить на двухмиллиметровый кусочек желтого картона. Под микроскопом Бэль размельчил его и увидел длинные тонкие волокна, среди которых находились характерной формы клетки. Это означало, что сырьем для целлюлозы, из которой состоял картон, была солома. Бэль проделал еще ряд микрохимических анализов, которые указали на низкое качество исследуемого материала.

Бесцветные насекомые при ближайшем рассмотрении оказались жучками *Anophthalmias*, не имевшими органов зрения — признак их обитания в темноте.

Оба зеленых волокна оказались овечьей шерстью с типичной структурой кутикулы.

И наконец, Бэль попытался установить природу и происхождение двух странных красных частиц, обнаруженных на брюках Буле. Когда их подвергли облучению ультрафиолетовыми лучами, они ярко засветились. Последовало измерение спектрофотометром, и стало ясно, что речь идет о частицах краски — родамина.

Как бы подробны ни были отдельные заключения, сделанные Бэлем, все же по ним нельзя было установить место пребывания трупа до того, как он попал в Булонский лес. Бэль мог только предположить, что это совершенно темное помещение, видимо подвал, где можно встретить дубовые и сосновые опилки, антрацит и антрацитную пыль, кварцевый песок и осколки точильного камня, различных насекомых, какую-нибудь зеленую шерсть и, возможно, что-то деревянное, покрашенное родаминовой краской. Встал вопрос, нельзя ли установить еще какие-нибудь подробности, которые дополнили

бы картину преступления? Бэль решил вырезать из каждого предмета одежды по куску, замочить их в стерильной воде, поместить в центрифугу и таким образом добыть микроорганизмы, которые, может быть, окажутся в одежде. При исследовании осадка, оставшегося в центрифуге, он обнаружил на пиджаке, жилете и соломенной шляпе микрофлору, состоявшую в основном из грибов. На рубашке, брюках и галстуке тоже были микроорганизмы, но не те, что находились на остальных предметах верхней одежды. Для точного определения микробов Бэль поместил культуры на питательную почву и поставил в специальный шкаф. Затем он снова их исследовал и пришел к следующему выводу: микроорганизмы с пиджака, жилета и шляпы являются грибами *Saccharomyces cerevisiae*, которые встречаются прежде всего в местах брожения или хранения вина. Микроорганизмы с рубашки, брюк и галстука принадлежат к диплококкам, обитающим обычно в сырых подвалах. Теперь Бэль был уверен, что убийство произошло в подвале или, по крайней мере, там хранили труп. Кроме того, в нем должны быть различные помещения, так как пиджак, жилет и шляпа находились не в той части подвала, где был спрятан сам труп.

Когда этот отчет попал в руки Рибуле, то он смотрел на него разочарованно и в первый момент не знал, чем данные Бэля могут помочь ему в расследовании дела. Может быть, ему облазить все подвалы города? Но потом он понял, что у него в руках средство для проверки легальных или нелегальных букмекеров и их посредников, опросом которых он занимается вот уже несколько недель. Может быть, среди них кто-нибудь проводит свои нелегальные операции в подвале, имеет квартиру в подвальном этаже или хотя бы посещает подвалы? Так началась вторая фаза расследования, которая, впрочем, несколько месяцев не приносила никакого успеха. И вот, когда Рибуле уже почти потерял всякую надежду, в середине ноября к нему неожиданно явился служащий фирмы „Бернер и Нильсен“ по имени Берже и заявил, что вспомнил об одном событии, случившемся в мае. В то время на улице Милан, 24, над бюро фирмы „Бернер и Нильсен“ жил некий Пьер Булэ, т. е. человек, имя которого походило на имя убитого. В один из майских дней Булэ

обнаружил в своем почтовом ящике письмо, адресованное Буле. Вскрыв письмо, Буле прочитал: „Приходи ко мне. Жокей кое-что скажет“. Когда Буле передал письмо Буле, тот сказал: „Ах, это письмо от ...“ Но Берже уже не помнил точно названное имя, кажется, Тэссье. Вспомнив об этом случае, Берже поговорил с доверенным Иланом, который, в свою очередь, вспомнил о разговоре с Буле. Как-то, по-приятельски болтая, Буле сказал, что делал раньше ставки на бегах через Тэссье или что-то в этом роде с улицы Могадор, но теперь у него другой адрес ...

Рибуле поспешил на улицу Милан, поговорил с Иланом, и тот подтвердил сказанное Берже. Желая узнать что-нибудь еще о неожиданно всплывшей личности месье Тэссье, Рибуле упомянул, что убийство, видимо, произошло в подвале. И тут Илан вдруг вспомнил еще об одном обстоятельстве. Буле сказал, что оставил месье Тэссье, потому что на улице Могадор обслуживают в подвале, а ему это не нравится. . . И добавил, что будет делать свои ставки на улице Шоссе д'Антен.

Спустя час, вечером 19 ноября, Рибуле уже знал, что консьерж Лазар Тэссье с Могадор, 30, является подпольным букмекером, которого еще задолго до этого спрашивали относительно Буле. В ноябре 1923 года Тэссье поймали на месте преступления, его карманы были набиты листами со ставками и инспектор Мартен арестовал его. Когда в начале июля с Тэссье беседовали сотрудники Рибуле, то он заявил, что раньше встречал „Папашу Луи“, но давно не видел его, так как после ареста не занимался больше букмекерством. Он направил Буле к другому букмекеру и консьержу по имени Дезибур с улицы Шоссе д'Антен. Ему поверили и отправились к Дезибуру, но тот решительно заявил, что никогда не занимался скачками. Хотя он давно уже находился под подозрением, однако уличить его на этот раз не удалось.

Рибуле подождал до утра 20 ноября. Затем приказал доставить к себе Дезибура и его жену, а во время их отсутствия обыскать подвальные помещения дома № 56 на Шоссе д'Антен. Он припугнул Дезибура, будто есть свидетели, которые могли бы поклясться, что убитый Буле 30 мая посетил Дезибура и последний взял у него выигрышные листы со ставками. Не желая быть подозреваемым в убийстве, Дезибур

предпочел признаться в своей нелегальной деятельности. Он показал, что много раз брал у старого Буле листы со ставками, потому что у старика с Тэссье, который долгое время был его букмекером, появились трудности при расчетах. Да, Буле посетил его 30 мая, в день своего исчезновения, и передал ему в четверть одиннадцатого несколько листов со ставками, но тотчас ушел, не сказав куда. Дезибур клялся, что больше ничего не знает. Это была последняя встреча с убитым, но к убийству он отношения не имеет. Узнав во время допроса, что в подвальных помещениях под квартирой Дезибура ничего не обнаружено, Рибуле отпустил его и занялся Лазаром Тэссье.

Он стал тщательно изучать акты бригады по наблюдению за игроками и установил наблюдение за консьержем на улице Могадор. Главный инспектор верил, что осведомители дадут больше сведений, если поставить перед ними конкретную цель. И не ошибся. К 28 ноября он уже знал о Тэссье такие подробности, которые позволяли судить о нем как о весьма подозрительной личности. Ему было 52 года, и уже 20 лет он проживал со своей женой на улице Могадор, работая консьержем. За это время Тэссье перепробовал множество профессий: был служащим, билетером в театре, официантом. Причину такого усердия нетрудно разгадать. Из-за страстия к скачкам он проигрывал много денег и не вылезал из долгов. В своей деятельности букмекера он неоднократно прибегал к жульническим приемам: подделывал выигрышные листы, оставлял у себя выигрыши, обманывал своих клиентов. Много раз утверждал, что у него украли портмоне со всеми выигрышами. В конце мая кредиторы так насели на него, что пришлось просить займы денег даже у служанок. Обманутые им клиенты сообщали, что Тэссье принимал у них ставки в подвале на улице Могадор. Но, несмотря на все это, людям Рибуле не удалось найти ни одного свидетеля, знавшего об отношениях между Тэссье и Буле. Никто никогда не видел потерпевшего в квартире Тэссье. Никто не видел его 30 мая или несколькими днями раньше или позже не только у Тэссье, но даже вблизи дома последнего.

Подозрения Рибуле не стали от этого меньше. Если Буле ставил на лошадей „Вольный пират“ и „Сапфировая звезда“,

то 28 мая он имел большие выигрыши. И если предположить далее, что ставки делались через Тэссье, то 30 мая Тэссье должен был Буле значительную сумму денег. Может быть, под нажимом кредиторов Тэссье использовал эту сумму на покрытие своих долгов? Или же Тэссье и старик поспорили, и Буле требовал свои деньги, пригрозив Тэссье заявить в полицию, а последний заставил его замолчать навсегда?

Все это были вопросы без ответа, и Рибуле понимал, что хоть какой-нибудь шанс получить ответ содержится в данных Бэля и в тщательном осмотре подвала на улице Могадор. 28 ноября Рибуле представил отчет начальнику своей бригады Фаралику и следователю Жусселену и предложил официально допросить Тэссье, произвести обыск его квартиры и подвальных помещений дома, а научную сторону проведения обыска поручить Бэлю. Утром 29 ноября Бэль получил санкцию на допрос и обыск.

Когда Жусселен, Рибуле, Фаралик и Бэль около часа дня встретились в комнате консьержа на улице Могадор, 30, следователь уже закончил длившийся несколько часов допрос Тэссье. У следователя осталось двойственное впечатление: он имеет дело либо с невинным человеком, либо с самым коварным и хитрым из убийц, каких ему доводилось встречать.

Тэссье признался, что знал Буле и считал старика почти своим другом. До ноября 1923 года оказывал ему кое-какие услуги. Относительно подвала не исключено, что он раз, другой болтал там с Буле, попутно исправляя что-нибудь в отопительной системе дома. Но с ноября, т. е. с тех пор как он прекратил играть на скачках, „Папаша Луи“ больше не появлялся в его доме.

Теперь Лазар Тэссье стоял перед пришедшими полицейскими. Не считая легкого румянца на его лице, ничто не свидетельствовало о его внутреннем волнении. На нем была белоснежная рубашка и безупречно завязанный галстук. На носу — благородное пенсне. И лишь непомерно большие красные уши несколько портили портрет „порядочного“ человека. На вопросы он отвечал с приветливой улыбкой. Спокойно, без суеты проводил пришедших сотрудников полиции в подвальное помещение. Вход в подвалы находился около двери его квартиры, ключи от подвалов № 15 и 30,

куда он мог входить, висели в небольшой нише в стене.

Подвал № 15, который, по словам Тэссье, принадлежал лично ему, показался Бэлю, когда он в него вошел, слишком светлым, чтобы там могли водиться насекомые, обнаруженные на рубашке убитого. Во двор выходило вентиляционное окошечко, которое, правда, было прикрыто задвижкой. Но в задвижке имелось много дыр, пропускавших в подвал достаточное количество света. Вряд ли в этом помещении могли находиться жучки *Anophthalmus*. Пол был покрыт смесью опилок, угля и пыли. Там находились пустые ящики, но один был пирамидальной формы высотой почти в 150 см. Внутренние стенки ящика были черны от угольной пыли, на дне лежали остатки угля. Бэль сумел скрыть разочарование, охватившее его при осмотре этого помещения. Прямо противоположные чувства появились у него, едва он вошел во второе помещение, в подвал № 30. Здесь помещался котел центрального отопления. Тэссье объяснил, что в его обязанности входит обслуживать котел и поэтому у него имеется ключ от этого подвала. Бэль с первого взгляда обнаружил множество следов, которые напомнили ему о его многодневных исследованиях. Пол, очевидно, не убирали уже много лет. Он был покрыт грязью в несколько слоев: кусочки угля, песок и опилки. В подвале лежало большое бревно, часть которого была отпилена и наколота, видимо, для растопки. Бревно покрашено красной краской, напоминавшей ту, частицы которой Бэль нашел при осмотре трупа Буле. Отслойки этой же краски были видны и в опилках.

У входной двери стоял ящик, в котором лежали обрывки картона. Часть их валялась в пыли. Картон имел такой же желтоватый цвет, что и клочок картона с одежды Буле.

В это время Рибуле сделал еще одну находку. За пустым ящиком среди старых газет он обнаружил листы бумаги, которые оказались выигрышными листами, заполненными после ноября 1923 года и опровергавшими утверждение Тэссье, будто после своего ареста он не занимался скачками. Приветливо улыбаясь, Тэссье заявил, что эту бумагу он получил для растопки котла. А так как листы были заполнены не Тэссье, то трудно было опровергнуть его объяснение, сколь странно оно ни звучало.

Этот инцидент не остановил Бэля. Он собрал пробы в пакетики, упаковал покрашенный краской кусок дерева, другие частицы красной краски и желтого картона, а затем стал обследовать лестницу, ведущую в подвал. Так как было уже поздно, следователь велел опечатать оба подвала и доставить Тэссье в свое бюро для дальнейшего допроса. Бэля он попросил поторопиться с исследованием собранных проб и доложить ему о результатах.

Работа Бэля продолжалась несколько дней, но уже вечером 29 ноября он сообщил Жусселену, что обнаруженные на одежде Буле частицы красной краски идентичны частицам краски, найденным на полу подвала и на бревне, находящемся там же. Он установил и идентичность песка из подвала, который также состоит из кварца, кремния и пыли антрацита, песку с брюк и волос трупа. Желтые клочки картона тоже совпали с картоном из ящика подвала.

Тэссье арестовали и поместили в тюрьму предварительного заключения. К 2 декабря Бэль закончил все анализы. Они показали, что и опилки из подвала № 30 представляли собой смесь опилок дуба и сосны. Бэль попросил разрешения продолжить обследование подвала.

В эти же дни, с 24 ноября по 2 декабря, Рибуле предпринял все возможное, чтобы добыть доказательства виновности Тэссье, на которого не производили впечатления ни арест, ни ежедневные допросы, проводившиеся Жусселеном. Рибуле наводил справки о Тэссье у жильцов дома, у соседей, у родственников, у его жены. Но оказалось, что никто близко не общался с Тэссье и не знал о его закулисной деятельности. Лишь от его шурина, владельца кафе Тиссье, Рибуле услышал, что консьерж обратился к нему в конце мая или в начале июня с просьбой о ссуде в 12 500 франков и грозил в случае отказа броситься в Сену. Это сообщение подтверждало уже имевшиеся данные о том, что Тэссье испытывал нужду в деньгах. Более интересным оказался тот факт, что второй шурин Тэссье работал шофером и так волновался во время допроса, что возникло подозрение, не он ли помог Тэссье в ночь с 7 на 8 июня перевезти труп. Некоторые свидетели утверждали, что Тэссье часто околачивался летом на площади Будапешта, где стоит много такси, хозяева которых часами просиживают в баре, так что их машину

можно угнать на некоторое время незаметно и воспользоваться ею для транспортировки груза. Станным было также упорное молчание жены Тэссье. Будто она боялась проговориться. Она утверждала, что Тэссье никогда не уходит из дому после 21 часа и в ночь с 7 на 8 крепко спал в своей постели.

На утро 3 декабря следователь назначил вторичное обследование подвальных помещений, о котором просил Бэль. Все утро до обеда Бэль и два его ассистента обследовали подвалы. На этот раз лестницу осветили мощной ацетиленовой лампой и вскоре обнаружили на боковой стене на высоте около восьмидесяти сантиметров большое пятно, которое пытались закрасить серой краской. Но сделали это так неловко, что можно было различить и пятно и брызги. Бенцидиновая проба дала основания предполагать кровь. Рассматривая каждую ступеньку через лупу при ярком освещении, Бэль обнаружил внизу лестницы пятно крови с прилипшим к ней волоском. Заключив осмотр лестницы, Бэль приступил к поискам жучков и микроорганизмов. В подвал проникал свет, следовательно, здесь бесполезно было искать обнаруженных на одежде Буле насекомых, и это не давало покоя Бэлю. Сначала он находил только одно объяснение противоречию: угольный ящик в подвале № 15. Но все его усилия и попытки найти насекомых не увенчались успехом. Лишь влажное дно ящика казалось подходящей почвой для грибков, подобных тем, какие обнаружили на одежде Буле. Бэль подумал, не мог ли ящик служить местом, где прятали труп. Может быть, во время спора в подвале № 30 Буле сбили с ног, и при этом он испачкался в пыли на полу, но, найдя в себе силы, поднялся и попытался убежать по лестнице? Может быть, на лестнице его убили и поместили в угольный ящик в личном подвале Тэссье? Чтобы тщательней обследовать ящик и попытаться обнаружить в нем следы крови и грибковых культур, Бэль вызвал машину, велел разобрать этот большой ящик и доставить его в лабораторию судебной идентификации.

Как только следователь получил сообщение Бэля об обнаружении крови на лестнице, он возобновил допрос. Но Тэссье без заминки объяснил, что, во-первых, на лестнице недавно окотилась кошка, а, во-вторых, прачки носят в корзинах

грязное белье и могут при этом испачкать стены кровью. Бэль возразил ему, что речь идет о крови человека и что брызги не могут возникнуть в ситуации, которую описал Тэссье. След крови внизу лестницы мог образоваться от того, что кровь капала из раны, а прилипший к крови волосок идентичен волосам Буле. Но как ни важны были обнаруженные следы крови, Бэль все же не мог отделаться от мысли, что основные улики надо искать в другом месте. Поэтому вечером 3 декабря Жусселен решил провести третий обыск в подвалах. Работу продолжали, осветив подвалы лампами и прожекторами. Бэль и два помогавших ему инспектора искали в слоях грязи насекомых, которые могли попасть сюда, в заброшенный подвал, из какого-нибудь другого места, может быть, даже мертвыми. Бэль на этот раз захватил с собой сито, и грязь просеивалась, но поиски опять не увенчались успехом. Нашли только кусочек от билета метрополитена и не обратили бы на эту находку внимания, если бы на клочке бумаги не значилось: „Георг V“, т. е. название станции, где Буле каждое утро садился на поезд метро, чтобы ехать на работу. До глубокой ночи продолжались поиски остальных частей билета в надежде обнаружить на них дату его приобретения, но безуспешно.

Все утро 4 декабря Бэль посвятил тщательному обследованию угольного ящика, загромождившего теперь его лабораторию. Но все попытки обнаружить на его черных стенках следы крови или насекомых оказались безуспешными. В конце исследований Бэль поместил часть влажного слоя пыли со дна ящика на питательную почву и поставил в шкаф, чтобы посмотреть, вырастут ли грибковые культуры, и если да, то какие. Как раз в тот момент, когда он закрывал дверцу шкафа, ему сообщили совершенно потрясающую новость. Оказывается, на улице Могадор обнаружили еще один подвал, ключи от которого находились у Тэссье, но о существовании которого он до сих пор молчал. Утром 4 декабря из командировки вернулся жилец дома по имени Фидлер. Узнав об аресте Тэссье, он сообщил Рибуле, что консьерж занял у него в апреле 2000 франков и обещал вернуть их до 31 мая. И действительно, долг был погашен с небольшим опозданием 4 июня. Это сообщение лишь только подтверждало, что у Тэссье были финансовые трудности.

Однако Фидлер сделал еще одно сообщение. Он вспомнил, что в начале июня пожаловался Тэссье на сладковатый запах, который исходил из подвала № 13. Этот подвал принадлежал Фидлеру, но он им никогда не пользовался. Ключи были у Тэссье, и он ответил Фидлеру, что запах исходит от поврежденной трубы туалета.

Услышав это, Бэль поспешил на улицу Могадор. Там он застал Жусселена и нескольких инспекторов, которые спускались по винтовой лестнице в подвал. Впервые Бэль не смог скрыть своего волнения, когда очутился перед дверью подвала, потолок которого образовывала лестница. Когда открыли дверь, он понял, что нашел то, что искал: абсолютно темное, покрытое угольной пылью помещение, в котором спокойно можно было спрятать человека. При первом же луче света на стене все увидели трех бесцветных маленьких насекомых. Бэль сам забрался в кладовку и собрал насекомых, а также пробы угольной пыли и слоя грязи с пола. Обследуя каморку сантиметр за сантиметром, Бэль обнаружил много зеленых волокон и осколки камня. Хотя работа была очень утомительной, он ни разу не передохнул, пока не собрал все, что вызывало сомнения, и тотчас отправился во Дворец Правосудия, чтобы приняться за исследования. Он делал одно открытие за другим: обнаружил кровь человека, угольная пыль оказалась антрацитом, осколки камня — частицами шлифовального диска, идентичными частицам, обнаруженным в волосах потерпевшего. Зеленые волокна оказались шерстью и, за одним исключением, были идентичны волокнам, собранным с рубашки Буле. Маленькие насекомые — слепые жучки *Anophthalmia*, а микроорганизмы — *Diplosoccus pneumosoccus*, которые были найдены на рубашке и брюках Буле.

Разве оставались еще сомнения, что убитого спрятали в том темном таинственном закутке, ключ от которого Тэссье скрывал не без причины? Был только один невыясненный вопрос: откуда на пиджак и шляпу Буле попали дрожжевые грибки? Но к 6 декабря все стало ясно. На питательной почве собранные Бэлем пробы из угольного ящика дали грибковые культуры. Речь шла о *Saccharomyces cerevisiae*, таких же грибах, как на пиджаке, жилете и шляпе. Теперь Бэль был уверен, что пиджак, жилет и шляпа хранились

в угольном ящике подвала № 15, а труп — в каморке под лестницей.

Получив доклад Бэля, Жусселен, дивизионный комиссар Бартелеми, Рибуле и несколько других сотрудников полиции поехали на улицу Могадор. Там к ним присоединился Бэль. Теперь они произвели тщательный обыск в квартире Тэссье и возобновили поиски недостающих кусочков билета метро. В квартире они нашли только зеленое шерстяное трико, волокна которого совпадали с зелеными волокнами, обнаруженными на одежде Буле. Работа в подвале № 30 привела к полному успеху. Инспекторы Леруа и Кост, просеивая много часов подряд пыль с пола подвала и сотрясаясь от кашля, нашли, наконец, недостающие обрывки билета. На верхней половине разорванного билета стояла надпись: 151-24-05. Это означало: 151-й день 1924 года, 5 часов утра, т. е. 30 мая 1924 г., день, когда исчез Буле, и время, в которое он ежедневно садился в поезд метро.

Когда год спустя, 13 декабря 1925 г., суд присяжных в Париже приговорил Лазара Тэссье за убийство к десяти годам тюрьмы, то произошло это без признания консьержа, сохранявшего спокойствие на протяжении всего процесса. Рибуле за год не смог найти дополнительных свидетелей преступления и доставки Луи Буле в Булонский лес. Поэтому естественнонаучная работа Бэля и его анализ пыли оказались на переднем плане расследования и процесса. Это привело к ожесточенным и бесплодным спорам с представителями старой криминалистической школы, которые пытались доказать, что Тэссье можно было найти и доказать его виновность и без помощи науки. Бэль в своем личном отчете о деле дал единственно возможный ответ: „Наша работа доказала, что потерпевший был убит в подвале и что его тело хранилось там некоторое время. . . Она ничего не сказала об отдельных обстоятельствах его смерти. Запланированное ли это убийство или результат мгновенной эмоции? Наносились ли удары с целью убить его? Имелся ли в подвале сообщник и какую играл он роль? Ответы на эти вопросы могли дать только свидетели. . . Истина всегда лежит между новыми теориями, которые слишком быстро сменяются, и рутиной, которая слишком упорна и неподвижна. Как бы ни был велик научный прогресс в будущем, лаборатория одна никогда не сможет ре-

шать проблемы, связанные с преступлением, да это и не может быть целью. Но многое останется невыясненным, если не прибегнуть к помощи лаборатории ... Я убежден, что лаборатория сможет решать большие задачи, значение которых трудно сегодня предвидеть ...”

Так дело Буле—Тэссье стало историческим, „нашумевшим делом” в развитии исследований пыли во всех аспектах. Правда, Бэлю довелось следить за этим развитием не более пяти лет, на протяжении которых успех сопутствовал его работе, росло признание. Можно сказать, что это был триумф. Но в конце концов Бэль не избежал не только высокомерия, которое приходит обычно вместе с легким успехом, но и ошибок, излишне доверившись научным достижениям и поспешно используя их. Вероятно, парижская газета „Эксельсиор” правильно охарактеризовала Бэля, когда писала: „Он ... не говорил ни о чем другом, кроме как о своих реакциях, пробах, реагентах, историях с отпечатками пальцев и случаях исследования пыли. Он вращался в мире мельчайших частиц ... Для него не было ни грязи, ни чистоты. Для него существовало только одно: материал исследования и непредвзятый анализ ... Однажды в суде защитник пытался его уличить: „Итак, этот человек убийца!?” Бэль возразил: „Я этого не знаю. Утверждать — это не моя обязанность. Но ботинки, которые фигурируют в качестве вещественного доказательства под номером 930 МО, покрыты грязью из сада участка по улице № 17”. Адвокат Кампенши однажды возмущился: „Ах, господин Бэль, вы все знаете. Вас можно сравнить со спустившимся на землю богом, который воплощает в себе нашу безгрешную науку. Вы никогда еще не ошибались ...” Бэль ответил, и этот ответ наилучшим образом характеризует его: „Наверняка я ошибался, но только не сегодня”.

Таким был Бэль в конце двадцатых годов, незадолго до своей трагической гибели. 15 сентября 1929 г. к нему в лабораторию приезжал Эдмон Локар из Лиона. Несколько десятилетий спустя в своих воспоминаниях Локар писал: „В тот вечер к Бэлю пробрался сумасшедший, один из тех, кто часто обременяет полицию своими предложениями и проектами, и стал морочить ему голову. Бэль потерял терпение и закричал: „Сударь, вы сошли с ума.

Я не могу тратить свое время на сумасшедших. Ваше место в доме умалишенных ...” Посетитель удалился, мягко говоря, с удивленным выражением лица. Я подумал, а если бы на месте добродушного умалишенного оказался злобный, агрессивный, и сказал ему: „Бэль, вас убьют ...”. Бэль самоуверенно рассмеялся”.

А на следующий день, 16 сентября, в 10 часов утра в парижском Дворце Правосудия прозвучали три револьверных выстрела. Инспекторы Герэн и Ристори, которые дежурили в здании суда, выбежали и увидели на лестнице, ведущей в лабораторию Службы судебной идентификации, лежащего на ступеньках человека. Один глаз и рана в груди кровоточили. Приблизившись, они увидели мертвого Бэля. Дворник указал им направление, в котором убийца пытался скрыться. Когда его догнали, тот без сопротивления сдался и, будучи доставлен к следователю Бенуа, заявил: „Да, это я убил господина Бэля. Я не умалишенный. Я пришел, чтобы убить нечестного человека, который нанес мне ущерб своим неверным экспертным заключением. Меня зовут Жозеф Эмиль Филиппонэ. Я родился 19 августа 1886 г. в Лионе...”

Пока это невероятное сообщение распространялось по Парижу, Бенуа установил подоплеку преступления. С января 1926 года Филиппонэ судился с владельцем дома по имени Дишам. Последний, ссылаясь на заключенный с Филиппонэ договор о сдаче внаем квартиры, требовал от него уплатить 30 000 франков, а Филиппонэ утверждал, что договор подделан и что его долг составляет только 3 500 франков. Во время конфликта частный эксперт-графолог Виньерон дал заключение, что действительно имеет место подделка с помощью средства для удаления чернил. В более высокой инстанции экспертизу поручили Бэлю, и он на основании химического анализа пришел к выводу, что документ подлинный и ни о каком средстве для выведения чернил не может быть и речи.

Бэль не встречался с Филиппонэ и, подписав заключение экспертизы, подписал тем самым собственный смертный приговор. Убийца изложил Бенуа историю своего преступления в словах, характеризующих его натуру лучше, чем все расследование дела: „Вопреки истине и справедливости

господин Бэль дал нанесшее мне вред заключение. Я решил отомстить ему. Я поджидал виновника моего несчастья около его бюро. Он уже был на середине лестницы, когда я заговорил с ним. Он обернулся, и я выстрелил. Отвратительный поступок господина Бэля заставил меня стрелять, и я стрелял бы, даже если бы знал, что он, как вы утверждаете, отец пятерых детей”.

Филиппонэ убил человека, без которого просто немыслима история судебной химии и биологии. Бэль оставил Парижу лишь фундамент для самой значительной естественнонаучной криминалистической лаборатории Франции, создание которой легло на плечи его последователей — Саннье и Секкальди.

6.

Через два с половиной года после смерти Бэля, в декабре 1931 года, Лондон узнал об одном из тех преступлений, которые заставляют сомневаться в правильности своих взглядов даже ярких сторонников гуманных реформ. Наверняка никто не возражал суперинтенденту Скотланд-Ярда Г. В. Корнишу, писавшему в своих мемуарах: „Одним из отвратительнейших преступлений, с каким мне пришлось иметь дело, было убийство маленькой Веры Пэйдж, и я очень сожалею, что мы не смогли найти убийцу. Если кто-нибудь и заслужил смертный приговор через повешение, так именно тот мерзкий убийца”.

Место преступления — многоликий лондонский район Шефердс Буш и Холленд-парк. Ветхие крестьянские домишки соседствовали здесь с трущобами, и вдоль Ноттинг Дейл патрулировали обычно два полисмена. Заселенные бедняками улицы упирались в элегантные площади и проспекты. На Эллисон-роуд, в той части района, где проживают более состоятельные люди, рано утром 16 декабря по садовой дорожке дома № 89, ведущей к входу для прислуги, ничего не подозревая, шел разносчик молока и вдруг споткнулся о тело маленькой девочки, распростертое на траве. Разносчик молока вспомнил сообщения в газетах, где говорилось о розыске Веры Пэйдж, одиннадцатилетней девочки из Ноттингхилла, Бленим Креснт, 22. Вера Пэйдж

исчезла вечером 14 декабря после посещения тети, которая проживала рядом с семьей Пэйдж. На портретах в газетах был изображен необыкновенно привлекательный ребенок, вид которого не мог оставить никого равнодушным. Хотя лицо девочки, лежащей в саду дома по Эллисон-роуд, было запачкано угольной пылью, разносчику молока показалось, что он узнал Веру Пэйдж. Он вызвал кухарку, и оба отправились на поиски констебля.

Суперинтендент Корниш случайно находился этим утром в полицейском участке Паддингтона. Вместе с инспектором уголовной полиции Мэллетом и полицейским врачом доктором Келвеллом он поехал на Эллисон-роуд. Протиснувшись сквозь толпу любопытных, они убедились в том, что найден труп Веры Пэйдж. Его могли положить сюда только рано утром, так как в течение всей ночи шел дождь. Однако волосы и одежда девочки были сухими, а спина — мокрой. На пальто и на лице были угольная пыль и воск свечи. Доктор Келвелл обнаружил следы удушения, а расстегнув пальто, увидел, что девочка садистски изнасилована. Когда доктор Келвелл разжал кулачок левой руки трупа ребенка, то из него выпала повязка, сильно пахнущая аммиаком. Бернард Спилсбери, произведший вслед за этим вскрытие, пришел к заключению, что ребенок убит 14 декабря, в начале восьмого вечера. По его мнению, тело пролежало некоторое время в теплом помещении, прежде чем было доставлено к дому на Эллисон-роуд.

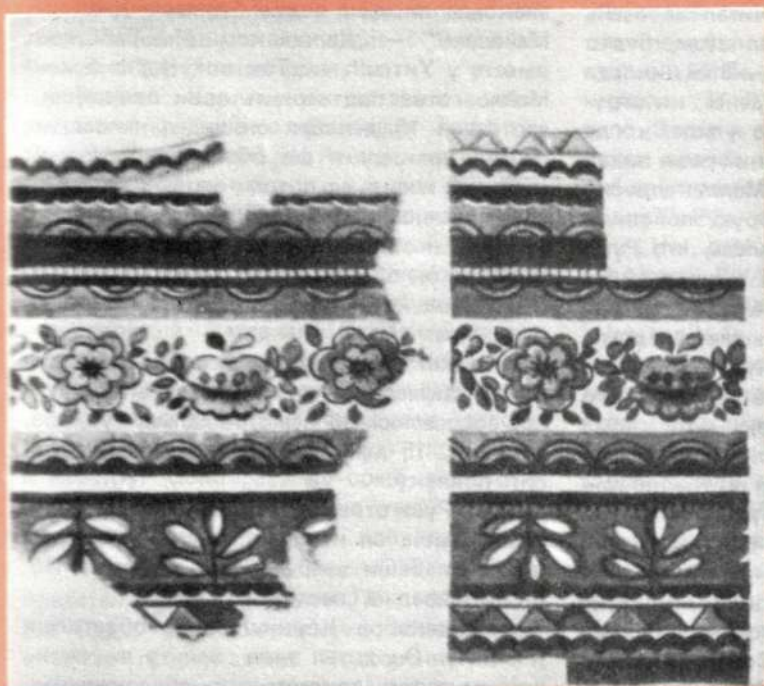
С самого начала расследования Корниш занимался повязкой. Он подозревал, что ее мог потерять убийца, у которого был поврежден палец. Пока Мэллет производил обычное в таких случаях расследование, Корниш попросил полицейского лаборанта-химика Линча исследовать повязку, и тот определил, что повязка состоит из слоя марли и слоя полотняного бинта. Марля долгое время находилась в контакте с аммиаком и водой. На внутренней стороне повязки имеется кровь, бактерии и белые кровяные тельца. Это свидетельствовало о том, что, когда на рану накладывали повязку, та кровоточила и имела нагноения.

Корниш послал на расследование этого дела всех имевшихся в его распоряжении сотрудников. В первый же день удалось установить свидетелей, последними видевших Веру Пэйдж живой. После того как

около пяти часов вечера девочка ушла от тетки, она, видимо, не пошла сразу домой, а, влекомая детским любопытством, стала рассматривать освещенные витрины. Ее видели перед витриной парфюмерного магазина недалеко от дома ее родителей между 17.30 и 18 часами. По всей вероятности, переходя от одной сверкающей витрины к другой, она забрела на Монпелье-роуд. Один знакомый ее отца, проходя по Монпелье-роуд, видел ребенка на противоположной стороне улицы. Не только родители, но и все, знавшие Веру Пэйдж, утверждали, что девочка никогда не пошла бы с незнакомым ей человеком. Следовательно, убийцей мог оказаться только человек, которому она доверяла. И вот Корниш всех своих сотрудников бросает на поиски человека, который мог быть знаком Вере Пэйдж и у которого 14 или 15 декабря нарывал и был перевязан палец.

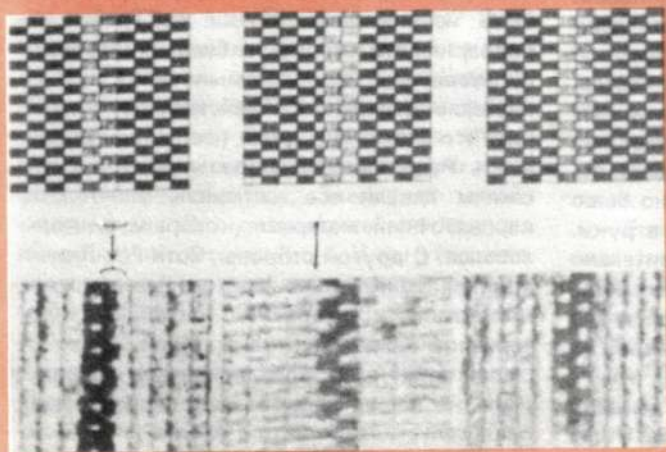
Люди Корниша, среди них сержант уголовной полиции Чарлз Трейси, ходили из дома в дом, с одной улицы на другую. В феврале 1932 года расследование подошло к концу, позади были тысячи опросов и бесед с отдельными людьми, изучение многих тысяч писем ясновидцев, гадалок и фантазеров. Но удалось установить только одного мужчину, которого знала Вера Пэйдж и у которого в это время на мизинце левой руки была рана. Это Перси Орландо Руш, рабочий прачечной Уитли. Его обнаружил Трейси в самом начале расследования и 18 декабря привел для допроса в полицейский участок Ноттинг-хилла.

Перси Орландо Руш был невысоким полным человеком сорока одного года с чрезвычайно густыми бровями и пышными усами. Он носил темные очки в большой роговой оправе, из-за которых глаз его не было видно. На мизинце левой руки имела зажившая ранка. Последние десять лет он и его жена жили на верхнем этаже дома № 128 по Тэлбот-роуд, неподалеку от того места, где видели Веру Пэйдж в последний раз. Примечательным было и то, что родители Руша проживали в одном доме с семьей Пэйдж на Бленим Криснт, а Руш несколько раз в неделю бывал у своих родителей, имея ключ от их квартиры. Когда 18 декабря Трейси и Мэллет неожиданно спросили его о Вере Пэйдж, то он сказал, что знает ее. „Она была чудесной, милой маленькой девочкой. Она

К специальной области криминалистических и биологических исследований относятся с 30-х г. XX в. исследования текстиля.

5 сентября 1953 года во время прогулки в лесу исчезла одна отдыхающая с курорта Шлангенбад. Розыски уголовной полиции не дали результатов. Благодаря прессе имя исчезнувшей Анны Мутценбах стало известно далеко за пределами Шлангенбада. Но и это ни к чему не привело. Ни малейшего следа. Лишь спустя полгода в месте, где производились тщательные поиски, были найдены части черепа со следами насилия и кусочек от платья. Предпринятые вновь поиски позволили найти куски платья. Руководителю биологическим отделом западногерманского федерального ведомства уголовного розыска доктору Отто Мартину удалось на модели (вверху справа) реконструировать из множества кусочков (вверху слева) большую часть платья, которое было на пострадавшей 5 сентября, в день ее исчезновения. Сравнение с обрезками материала, имевшимися на квартире потерпевшей (вверху в середине), обнаружило полную их идентичность. Остатки костей, обнаруженных в лесу, свидетельствовали о том, что здесь произошло самое загадочное за послевоенные годы убийство. Убийцу найти так и не удалось.

б) С тех пор как в тридцатых годах возник метод криминалистического исследования текстиля, большое значение придавали поискам характерных дефектов ткани. На картинках изображены такие дефекты (схематическое изображение — натуральная ткань). Справа — ткань, не имеющая дефектов, а в центре и слева — с дефектами.

нравилась мне. Я всегда считал ее очень хорошенькой, — и вслед за этим, будто он сказал лишнее, добавил: — Я ей никогда не дарил ни сладостей, ни денег, ни игрушек. Я видел ее только на улице, когда она играла вне дома. Последний раз я видел ее три недели назад". Когда Мэллет спросил Руша, где тот провел вторую половину дня 14 декабря, то выяснилось, что Руш обычно уходит из прачечной Уитли в 18 часов 15 минут, едет на автобусе в Ноттинг Хиллгейт и вскоре оказывается дома. А вот 14 декабря он вернулся только в 20 часов. Руш сказал, что в тот вечер его жена пошла навестить свою мать, дома никого не было, и он, решив не спешить, пошел пешком. Сначала шел по Кеннингтон-роуд, останавливался у Вулворта, затем прогулялся по Черч-стрит, Ноттинг Хиллгейт и Портобелло-роуд. Свидетелей, которые могли бы подтвердить это, конечно, не было. Его неопрятную одежду покрывала угольная пыль, как и одежду потерпевшей. Когда Трейси пришел за Рушем к нему в квартиру, то увидел на ковре восковое пятно от свечи. (Подозреваемый пользовался свечами, когда спускался в темный подвал, ключи от которого всегда находились у него.) Может быть, он встопил Веру Пэйдж на Монпелье-роуд, заманил ее в дом, удовлетворил свою страсть и убил ее, а труп спрятал в подвале, где он и пролежал до той ночи с 15 на 16 декабря, когда был подложен на Эллисон-роуд?

Было много причин подозревать Руша. Но их стало еще больше в результате расследования, проведенного Трейси, в отношении повязки с пальца. Рабочие прачечной Уитли показали, что Руш поранил мизинец левой руки 9 декабря и пришел на следующий день с самодельной повязкой, которая должна была защитить рану от нашатырного спирта, используемого в работе. 18 декабря во время беседы Мэллет и Трейси предъявили Рушу обнаруженную повязку и спросили, знакома ли она ему. Руш захотел рассмотреть повязку детальней. Видимо, ему нужно было какое-то время, чтобы взять себя в руки. Затем он заявил, что повязка действительно похожа на те, что жена делала ему несколько дней, начиная с 9 декабря, но последнюю повязку он носил 13 декабря и потерял ее на улице.

„Итак, — сказал Мэллет, — 14 декабря вы уже не пользовались повязкой? А не

знакомы ли вы с неким Чарлзом Джоном Майлсом?" — „Да, знаком. Мы работаем вместе у Уитли". — „Так вот, Чарлз Джон Майлс готов подтвердить свои показания, что 14 и 15 декабря он видел на вашем пальце повязку и вы объяснили, что вынуждены носить ее, потому что нашатырный спирт вызывает жжение в ране".

Руш настаивал на том, что Майлс лжет, так как он оберегал рану от нашатырного спирта только в первые дни, когда она еще не зажила.

Мэллет же настаивал на своем и показал Рушу заключение врача прачечной Уитли, где говорилось об осмотре пальца Руша во вторник, 15 декабря, и рекомендации носить повязку.

Но Руш ответил, что вопреки предписанию врача он не носил повязки. Мэллет и Трейси были уверены, что это ложь. Но он настаивал на своем.

19 декабря Корниш снова обратился к Линчу. Он хотел знать, нельзя ли химическим путем доказать, что обнаруженная повязка была на пальце Руша. Линч ответил, что на континенте уже некоторое время делают попытки определить совпадение текстильных материалов, исследуя волокна и их сплетения в ткани. Но этим занимаются не химики, а биологи, потому что исходным материалом для тканей являются шерсть, хлопок, лен или конопля. Но если Корниш может принести ему из квартиры Руша перевязочный материал, который жена Руша использовала, перевязывая пораненный палец мужа, то он попробует установить совпадение с помощью микроскопа.

Корниш отрядил на Тэлбот-роуд Трейси. Руш и его жена чрезвычайно приветливо встретили пришедшего. Ему вручили марлевый и полотняный бинты, часть которых была использована. И все же Трейси заподозрил, что это не те бинты, которыми пользовались Руши. Ухмылочка Руша не внушала доверия. У Трейси было ощущение, что они с Мэллетом поспешили предъявить Рушу обнаруженную повязку и тем самым навели его на мысль уничтожить перевязочный материал, которым он пользовался. С другой стороны, хотя Роч Линч и являлся толковым химиком и серологом, но область исследования текстильных материалов была для него новой, и он не смог прийти к определенному выводу. Линч не нашел характерных особенностей, свидетельствовавших об идентичности ле-

ревязочного материала, а ширина представленных бинтов не совпадала с шириной бинтов обнаруженной повязки.

Однако Корниш не оставил мысли разоблачить Руша с помощью повязки. Он тоже подозревал, что Руш дал им другой перевязочный материал, и с конца декабря 1931 по начало февраля 1932 года производились опросы в многочисленных магазинах с целью установить, не приобретали ли Руш или его жена какой-нибудь другой перевязочный материал. Опросили также персонал всех общественных медицинских пунктов, в которых можно сделать перевязку. Но вопреки всем усилиям не удалось установить ни одного свидетеля (продавца, медсестру, санитаря), который в потоке покупателей и пациентов с уверенностью мог бы вспомнить Руша или его жену.

Когда 12 февраля Перси Орландо Руш предстал перед коронером Лондона Инглеби Одди, его по-прежнему подозревали в этом преступлении. Подозрение было написано на лицах присяжных и присутствовавших, которые выражали свое возмущение возгласами: „Этот человек лжет“. О подозрении свидетельствовал каждый вопрос Одди, который являлся исключением среди малоквалифицированных коронеров Англии тех лет. Снова и снова его вопросы выдвигали на передний план проблемы, связанные с повязкой. Одди пытался подойти к этой проблеме с разных сторон в надежде загнать Руша в тупик, поймать его на противоречии. В протоколе допроса Руша коронером можно было потом прочесть: „Вы знаете, что в руке Веры Пэйдж обнаружили повязку?“ — „Да“. — „И, когда ее показали Вам, Вы сказали, что она похожа на Вашу?“ — „Да, сэр“. Коронер наклонился вперед и резко спросил: „Это была ваша повязка?“ Руш, нервно постукивая пальцами о деревянный барьер, ответил: „Нет, сэр“. — „Вам известно, что она имела запах нашатырного спирта?“ По лицу Руша скользнула затаенная усмешка, и коронер призвал его к порядку: „Не смейтесь. Здесь нет ничего смешного ... Вы утверждаете, что повязка не ваша“. - „Это так“. - „И вы утверждаете, что палец перевязывали только дома?“ - „Да“. - „Разве у Уитли нет медпункта?“ - „Есть“. - „Почему же вы не пошли в понедельник в медпункт? Когда-нибудь раньше вы ходили туда?“ — „Нет, сэр“. - „Почему нет?“ - „Не хотел“. -

„Разве вы не знаете, что там лучше делают перевязки, чем ваша жена?“ — „Знаю, сэр“. — „Итак, почему же вы не делали там перевязку?“ Руш помедлил и затем ответил: „Этого я не знаю“. Коронер снова нагнулся вперед и резко воскликнул: „Кто-нибудь, кроме вашей жены, делал вам перевязку?“ Руш снова помедлил. Затем сказал: „Нет, сэр“. — „Вы не очень-то уверенно отвечаете. Вы же могли пойти в любую аптеку“. - „Да“. - „Так вы и сделали?“ - „Нет, сэр“.

Все чувствовали, что питаемое Одди подозрение заставляет его вновь и вновь возвращаться к решающему вопросу: где тот перевязочный материал, которым пользовались Руш и его жена? Однако Руш был непреклонен. И Одди осталась лишь одна попытка: заставить Руша поклясться на библии. „Вы можете поклясться, что не встретили Веру Пэйдж вечером в понедельник?“ Руш поклялся. „Вы можете поклясться, что 14 декабря на вашем пальце не было повязки?“ — „Клянусь“.

После пятиминутного совещания присяжные с мрачными лицами вернулись в зал и заявили, что из-за отсутствия веских доказательств против Руша предъявить ему обвинение нельзя. И Руш вернулся на Тэлботроуд свободным человеком.

Возмущение Корниша решением по делу Веры Пэйдж, которое чувствовалось и три года спустя, когда он писал свои мемуары, было созвучно возмущению многих людей, вызванному признанием невиновности Руша. „Тайме“ писала, что Руш, наверняка, был бы арестован, если бы смогли доказать идентичность материала повязки с пальца и остатков перевязочного материала, который использовали Руш, его жена или кто-то еще из оказывавших Рушу медицинскую помощь. Это мнение привлекло такое внимание общественности к проблеме криминалистического исследования текстиля, что дело Веры Пэйдж можно рассматривать как важный исходный пункт в развитии данной области криминалистики.

Если оглянуться и поискать в истории имя зачинателя криминалистического сравнения текстиля, то снова встретим Ганса Гросса. В 1893 году он включил в свое „Руководство для судебных следователей“ главу „Изучение особенностей тканей“, где писал: „Сравнение тканей может иметь значение, когда речь идет об идентификации

сукна, полотна, ниток ... Если же речь идет о скрупулезном анализе, то нельзя ограничиваться заключением товароведа по тканям, нужно обратиться к специалисту по микроскопическим исследованиям, который выносит свои суждения, изучив число нитей, приходящихся на один квадратный сантиметр, их толщину, вид кручения, затем у отдельных нитей — их составные части: хлопок, лен, овечью шерсть, шелк и т.д., и наконец, с учетом прочих второстепенных моментов сможет сказать, оторван ли обнаруженный клочок ткани от данного платья или нет, взят ли сомнительный носовой платок из определенной дюжины носовых платков, идентичны ли нитки, которыми прошито вещественное доказательство, ниткам, которыми выполнен шов на платье подозреваемого ... Дела, нуждающиеся в подобных исследованиях, более многочисленны, чем предполагают. Только необходимо при установлении идентичности тканей, ниток и так далее не ограничиваться внешним их сходством, а обращаться к специалисту".

Первыми последователями Гросса были Пауль Езерих, дюссельдорфский химик Лок и затем Эдмон Бэль. Езериху и Локу много раз приходилось решать эту проблему, сравнивая веревки, которые использовали при ограблении для связывания жертв, с веревками, обнаруженными у подозреваемых. Бэль разоблачил взломщиков, которые использовали веревку, перелезая через каменный забор. В их квартире обнаружили другой кусок веревки, от которого, очевидно, и была отрезана часть, использованная при ограблении. Бэль доказал полное их совпадение.

Езерих, Лок и Бэль изучали в прядильнях и на ткацких фабриках методы и технологию изготовления ниток, пряжи, шпагатов, бечевков, лент, шнурков, канатов, виды сырья — от льна до сизаля, познакомились с лево- и правосторонним прядением ниток и их видами. Затем они изучили способ получения ниток из соединения нескольких пряж, а Бэль даже собрал большую коллекцию пряжи, ниток и веревок. От исследования пряжи и ниток они перешли к исследованию тканей, когда понадобилось определить происхождение украденных материалов. Увеличенные изображения рисунков текстиля, которые можно увидеть в дюссельдорфской лаборатории Лока, знакомят с рисунками как простых

тканей типа сукна и полотна, так и сложных типа кипера, саржи, диагонали и атласа. Ткань, как они выяснили, изготавливалась, в основном, следующим способом: на ткацких станках натягивались вертикально сверху вниз нити основы, которые в процессе ткачества соединялись уточными нитями с помощью движущегося взад и вперед челнока. При простом переплетении сукна и полотна уток шел над первой ниткой основы, затем под второй, дальше над третьей, потом под четвертой и т. д. Киперное переплетение сложнее, так как каждый раз две нити основы перекрещивались сверху или снизу. Перекрещивания сверху от одной нити утка к другой так смещались, что появлялся рисунок в виде лесенки. Комбинирование различных основных переплетений давало „составные переплетения", которые образовывали от самых простых до сложнейших форм. Бэль понял, что знание вариаций переплетений является предпосылкой для установления совпадения или несовпадения тканей. Однако он своевременно понял и то, что этот вид сравнения имеет свои границы и может служить лишь отправной точкой при настоящем криминалистическом сравнении текстиля.

Бэль также сделал вывод, который имел значение для всего развития методов криминалистического сравнения текстиля. Совпадение материала и переплетения у двух разных кусков тканей не исключает возможности их принадлежности к одному и тому же предмету одежды. Доказательство их идентичности возможно лишь при наличии определенных индивидуальных признаков. Это могут быть признаки различного рода — штокпа и изменение ткани в результате выгорания, износа, старения, дефекты ткачества, возникающие в процессе производства при разрыве нитей основы. Бэль сумел разработать метод использования криминалистической экспертизой обнаруженных дефектов ткачества.

Примером может служить дело парижского банковского курьера Депре, который⁴ исчез при исполнении поручения. Подозрение пало на каменщика по имени Нуррик. Но доказательств против него собрать не удавалось, пока спустя неделю в Марне не обнаружили труп Депре. Его руки были связаны за спиной дешевым хлопчатобумажным носовым платком с красными полосками. Сначала попытки обнаружить какие-либо особенности, доказывающие

его принадлежность Нуррику, казались бесперспективными. Но тут Бэль заметил нарушение закономерности рисунка. В одной из красных полосок было на шесть нитей больше, чем в остальных, т. е. обнаружился дефект ткачества, возникший из-за временной неисправности подъемника нитей основы. Обследование носовых платков Нуррика ничего не дало, но Бэль нашел ткацкую фабрику, а затем и фабрику носовых платков, которая приобрела эту бракованную партию товара и изготовила восемь дюжин носовых платков. Расследование привело к торговцам. Один из них, как оказалось, продал матери Нуррика шесть таких платков. Пять находились еще у нее, один она подарила Нуррику. Итак, круг замкнулся.

Дело Депре мало известно, а внезапная смерть Бэля помешала дальнейшей разработке методов исследования текстиля. После его смерти малоисследованной областью занимались лишь несколько химиков и биологов, и в частности доктор Зигфрид Тюркель, адвокат из Вены, который, восторгаясь возможностями криминалистики, основал в 1921 году частную криминалистическую лабораторию в австрийской столице и в 1922 году возглавил руководство Криминалистической лабораторией полицейской дирекции Вены. Неустанный энтузиаст, доктор Тюркель принимал, между прочим, большое исследование следов, оставляемых курящими людьми, и тем самым реализовал мечту литературного криминалиста Шерлока Холмса. Он занялся и исследованиями текстиля, особенно проблемами производства искусственного шелка и синтетических волокон, начатого со времени первой мировой войны. Но так или иначе, а криминалистическое исследование текстиля находилось все еще в стадии становления, когда дело Веры Пэйдж в 1932 году лишний раз доказало необходимость расширения работ в этой области.

Но прошло восемь лет, прежде чем произошло аналогичное во многих отношениях событие, которое привело к неоспоримому успеху криминалистики в области исследования текстиля и способствовало ее дальнейшему развитию.

7.

Ветреной ночью 3 ноября 1940 г., когда потоки дождя с шумом обрушились на Престон, в квартире Джеймса Ферса, директора Северо-западной криминалистической лаборатории, зазвонил телефон. Ферс снял трубку и узнал, что в одном из бункеров Сифорта на берегу моря обнаружен труп девушки. Ланкаширской полиции в Сифорте необходима его помощь, и к нему уже послали полицейскую машину.

Ферс, худощавый мужчина сорока с лишним лет, с узким морщинистым лицом, был химиком. Ровно двадцать пять лет проработал он в университетском колледже Ноттингема как специалист по охране чистоты рек. Так как ему часто приходилось выступать экспертом в суде, то еще в двадцатых годах он стал поддерживать связь с полицией Ноттингема. Когда же британское министерство внутренних дел в 1938 году стало создавать естественнонаучные полицейские лаборатории и после основания Центральной полицейской лаборатории при Скотланд-Ярде открыло еще шесть лабораторий: в Бирмингеме, Уэйкфилде (позднее Харрогете), Бристоле, Ноттингеме, Кардиффе и Престоне, то Ферс был назначен директором лаборатории в Престоне. Название „Полицейская криминалистическая лаборатория“ для двух маленьких комнат в старом доме на Джордан-стрит, где Ферс работал вместе с одним констеблем, звучало как преувеличение. За два года работы Ферс зарекомендовал себя трудолюбивым и энергичным человеком. Его знали во многих полицейских участках, и ни одно крупное преступление, ни одно большое ограбление, ни один большой пожар не расследовались без его помощи.

Та ноябрьская ночь была не только ветреной и дождливой. Она была неопишимо мрачной. Из-за немецких воздушных налетов приходилось выключать уличные фонари и маскировать окна домов. Хотя сопровождавший Ферса констебль хорошо знал дорогу, все же они достигли моста Бруквейл, который соединяет Ватерлоо и Сифорт, лишь к половине второго ночи. Ветер вздувал пальто стоявших у бункера полицейских и хлестал Ферса по лицу. Он приблизился к сооружению, освещенному внутри факелами, и вошел. С тех пор

как миновала угроза немецкого вторжения в Англию, бункер превратился в своего рода свалку, на его полу скопились отбросы. В этой грязи лежало неподвижное тело девушки. Ее глаза, нос и губы были в кровоподтеках и грязи. На обеих сторонах шеи были видны следы удушения. Сержант уголовной полиции Флойд кратко сообщил Ферсу предысторию события.

Убитой оказалась Мэри Хэган, пятнадцатилетняя школьница из Ватерлоо. В 18 часов 45 минут она вышла из дома и побежала через мост в Сифорт, чтобы купить для отца вечернюю газету и папиросную бумагу. Около 19 часов ее видели в двух магазинах на Лоусон-роуд, где она купила на 2 пенни бумаги и за 1,5 пенни вечернюю газету. Затем Мэри должна была возвратиться домой той же дорогой. Разыскивая девочку, ее отец и несколько соседей около 23 часов наткнулись на труп девочки в бункере.

Доктор Брэдли, полицейский врач Сифорта, осмотрел тело приблизительно час тому назад. Вероятно, незадолго до 19 часов, когда она уже возвращалась домой, Мэри затащили в бункер и задушили. Оставшиеся после покупок деньги — один шиллинг и восемьдесят с половиной пенсов — исчезли. Может быть, убийца видел, как девушка делала покупки, выследил и напал на нее, чтобы ограбить. Доктор Брэдли обнаружил также следы изнасилования. Заподозрить кого-либо еще было нельзя.

Ферс взял факел, еще раз обследовал потерпевшую и дал разрешение доставить ее в морг Сифорта, но условился, что сам снимет с нее одежду. Затем он еще почти час осматривал пол бункера, особенно то место, где лежал труп Мэри Хэган. Человек, ползающий по грязному полу, еще несколько лет тому назад мог бы вызвать удивление и насмешку полицейских, но они уже были знакомы с таким методом работы, и Флойд помогал упаковывать различные находки и пробы. Это были газета „Ливерпульское эхо“ от 2 ноября, которая была расстелена непосредственно под телом Мэри Хэган, носовой платок, одна дамская перчатка, а также пробы почвы из бункера и с места перед входом в бункер. И наконец, Ферс обнаружил кусок грязной ткани — по всей видимости, повязку с пальца, внутри которой были кровь и какая-то мазь.

К трем часам ночи, промерзнув до

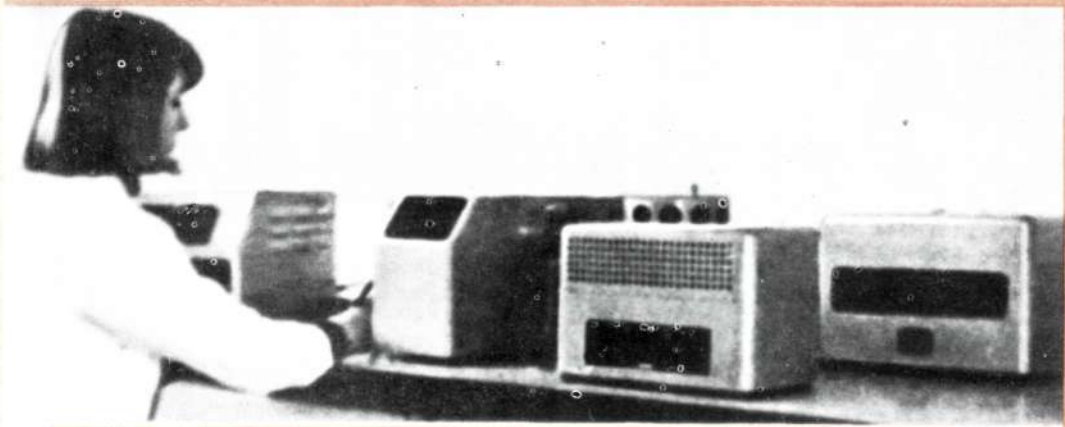
костей, Ферс закончил работу в бункере и отправился в морг. Дождь лил как из ведра. В морге был сквозняк и холод, как и во всех моргах Англии. Но несмотря на такие отвратительные условия работы, Ферс аккуратно раздел труп Мэри Хэган и упаковал каждый предмет одежды отдельно. При этом он еще раз осмотрел следы удушения и заметил на правой стороне шеи кровавый отпечаток большого пальца. Для дактилоскопирования отпечаток был непригоден. Но так как на теле потерпевшей не имелось кровоточащих повреждений, то Ферс, вспомнив о повязке с пальца, подумал, не принадлежит ли она убийце, у которого на большом пальце кровоточащая рана, и не потерял ли преступник повязку с пальца во время борьбы с Мэри Хэган, а запачканный кровью палец он, видимо, прижал к ее шее. Эти мысли мелькали в голове Ферса, когда он покинул морг и направился обратно в Престон.

С 3 по 10 ноября Ферс поочередно исследовал все собранное на месте преступления — от промокших насквозь туфель Мэри Хэган до странной повязки с пальца. Все свои выводы он записывал. О повязке говорилось: „Ткань покрыта слоем грязи. После удаления грязи подтвердилось предположение, что речь идет о повязке с пальца, вероятно с большого“. Коричневатый, водоотталкивающий материал образовывал верхнюю часть повязки. Внутренние слои состояли из хлопчатобумажного муслина, пропитанного дезинфицирующей жидкостью и какой-то мазью. Химический анализ показал, что дезинфицирующим средством был акрифлавин, который используется исключительно для изготовления военных перевязочных пакетов. Мазь содержала цинк. Край повязки был сильней всего пропитан кровью. Значит, ранка находилась на самом кончике пальца. Одним словом, Ферс сделал вывод, что речь идет о материале из полевого перевязочного пакета, который использовали для перевязки сильно кровоточившей раны на большом пальце, и что следует подумать о военнослужащем как о возможном убийце. Эта гипотеза имела определенное значение, так как неподалеку располагались Сифортские казармы.

Подобные протоколы Ферс составил о каждом предмете исследования. Но только повязка с пальца наводила на какой-то след, если, конечно, она действительно принад-

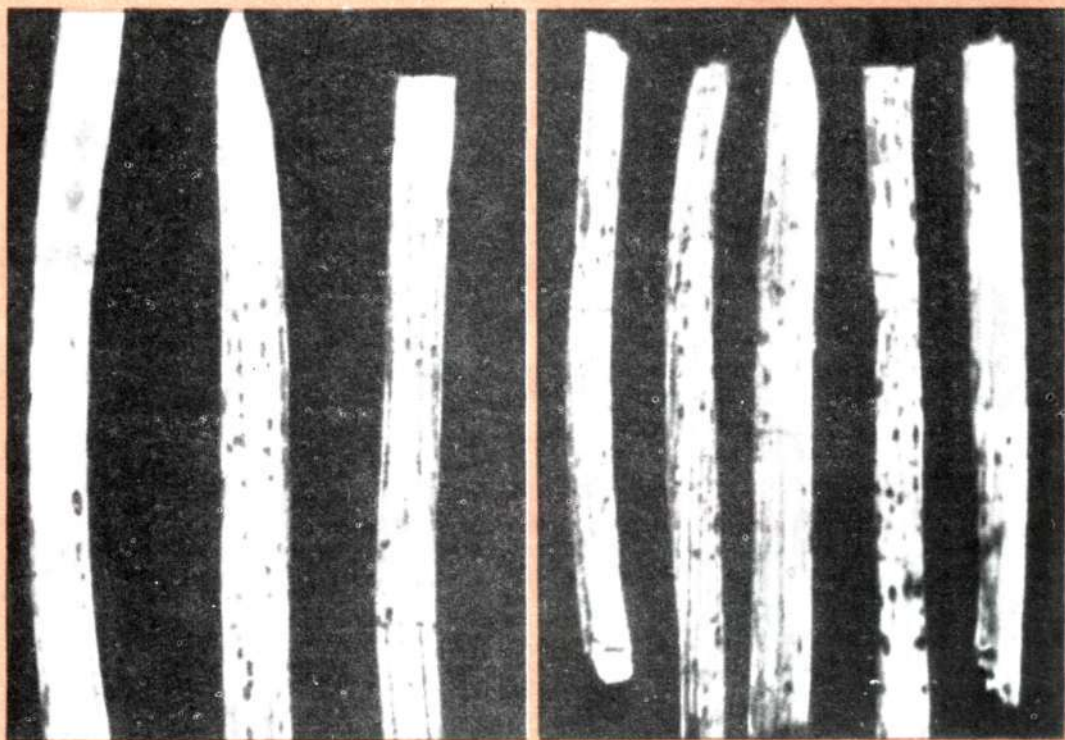

а) Спектрография во всех своих формах (амиссионная, абсорбционная, ультрафиолетовая, инфракрасная) и спектральная фотометрия стали за десять лет своего существования неотъемлемыми помощниками криминалистической химии и биологии. На фотографии сверху — современное спектрографическое устройство Института судебной медицины и криминалистики университета Эрланген — Нюрнберг. Перед ним доктор Марика Гельдмахер.

б) На фотографии в центре спектрофотометрическое устройство в современно оборудованной лаборатории ведомства уголовного розыска западногерманской земли Нижняя Саксония в Ганновере. Внизу — спектрограмма, т. е. сфотографированные линии спектра эмиссионного спектрографа. Самая нижняя полоса спектрограммы изображает результат исследования неизвестного вещества в следах. Линии свидетельствуют о том, что вещество содержит кремний (Si), свинец (Pb), магний (Mg), марганец (Mn), железо (Fe) и таллий (Tl).

Опавшие, засохшие сосновые иглы, пораженные грибами ржавчины, изображенные на снимке вверху при сильном увеличении, в 1963 году сыграли важную роль при расследовании дела об убийстве, совершенном Адамом в Германии. 23 мая 1963 г. на заброшенном и поросшем сорняками автодроме Опеля под Руссельсгеймом был обнаружен труп девушки Юпы Хольц. Подозрение в убийстве пало на отчима Юпы, Отто Адама. Так как Адам, вопреки показаниям свидетелей, утверждал, что он не был на автодроме, то доктору Отто Мартину в Висбадене пришлось предпринять обширные ботанические исследования следов. На брюках и башмаках Адама имелось много ботанических элементов: шелуха сосновых почек и сережек тиса, листья ольхи, иголки ежевики, кончики отростков мха, семена дикорастущего укропа и наконец, сухие иголки сосны (вверху слева), которые отличались тем, что были поражены грибами. Такую же комбинацию растительных элементов обнаружили на месте убийства Юпы Хольц. Убийца должен был соприкасаться с этими растениями. Особенно много было сосновых сухих иголок, пораженных грибами ржавчины. Чтобы исключить возможность того, что Адам соприкасался с подобными растениями в другом месте, Мартин потребовал описания другого пути, заросшего растениями, которым якобы шел Адам. Но ни в парке Руссельсгейма, ни на кладбище не было подобного сочетания растений. В одном-единственном, практически недосягаемом месте лежали сосновые иглы. Но они не были поражены грибами. Адама приговорили к десяти годам тюрьмы за убийство на почве ревности.

лежала преступнику, а не случайно попала в бункер.

10 ноября Ферс сообщил в полицию о своих первых выводах в тот момент, когда после многих безуспешных усилий Флойд, казалось, напал на след. Среди данных о подозрительных лицах, которых видели вечером 2 ноября в районе моста Бруквейл, обращало на себя внимание зторичное упоминание о двадцатипяти-тридцатилетнем парне. Его видели 30 октября и 1 ноября. Некому господину Хиндли он повстречался на том же месте 2 ноября около 17 часов 35 минут, и тот полагал, что узнал в парне Сэмюэля Моргана, родители которого живут в Беркли-драйв в Сифорте. Описание его полностью совпадало с описанием внешности человека, который 4 октября напал на женщину, Энн Маквитти, и ограбил ее. Хиндли сказал, что Морган с 1936 года служит в Ирландской гвардии и должен был бы находиться в казармах. Как он мог слоняться на мосту, казалось загадочным. Но загадки не стало, как только навели справки в казармах. Сэмюэля Моргана в сентябре перевели с отрядом в Сифорт. 22 сентября он ушел без увольнительной из казармы и с тех пор исчез. Его характеризовали как примитивного, необразованного и недисциплинированного человека. Родители Моргана сообщили, что он появился в сентябре и заявил, что останется дома на неделю. В действительности же он пробыл дома до конца октября, пока отец не заподозрил неладное и не выгнал его. Родители утверждали, что не знают, где он с тех пор находится. Так обстояли дела, когда пришло сообщение Ферса. Предположение, что преступником мог оказаться военнослужащий, настолько совпадало с результатами расследования, что Флойд просил шеф-констебля Хордерна объявить розыск Моргана. Уже 13 ноября из Скотланд-Ярда пришло сообщение, что Морган обнаружен в Лондоне и арестован. 14 ноября Флойд поехал в Лондон. Сэмюэля Моргана, высокого, худого, неопрятного парня, ему представили в полицейском участке Стритхэма. На большом пальце его правой руки Флойд заметил незажившую рану. Так как у сержанта уголовной полиции еще не было доказательств причастности Моргана к убийству Мэри Хэган, то он предъявил ему обвинение только в нападении на Энн Маквитти и ограблении ее 4 октября, доставил

его в Сифорт и представил для опознания Энн Маквитти. Она сразу же опознала грабителя, и магистрат в Ислингтоне дал указание арестовать Моргана. В тюрьме его осмотрел доктор Брэдли, особое внимание обратив на ранку большого пальца правой руки. Брэдли считал, что ранение произошло одну-две недели тому назад и, видимо, нанесено колючей проволокой.

Сам Морган упорно молчал, и Флойд с сержантом Грегсоном отправились снова к родителям арестованного. Мать Моргана и на этот раз утверждала, что ничего не знает о делах сына после 30 октября. Наона была старой, немощной женщиной, не умевшей притворяться. Флойд был уверен, что она относилась к тем матерям, которые очень привязаны к своим неудавшимся сыновьям и готовы солгать ради них. Старик Морган помалкивал, видимо, потому, что боялся своей жены, однако посоветовал Флойду, когда провожал его к выходу, чтобы тот побывал у их старшего сына Эдварда в Ватерлоо. Там Флойд и Грегсон, не застав Эдварда Моргана, встретились с его женой Милдред, которая еще не знала об аресте Сэмюэля и о предъявленных ему обвинениях.

Не колеблясь, она рассказала, что Сэм появился у них 30 октября, сказав, что поругался с отцом. Она приняла его при условии, что в ближайшее время Сэм явится в казарму, чего он, правда, не хотел, но пообещал выполнить. 31 октября Сэмюэль ушел из дома якобы в казарму. Но спустя два часа он вернулся с сильно кровоточившей раной на большом пальце. Он сказал, что поранился о колючую проволоку, достал полевой перевязочный пакет и попросил Милдред перевязать палец. Остаток перевязочного материала сохранился у нее. 1 ноября он снова отправился в казарму, но опять вернулся в плохом настроении и нервничал. Из оставшегося перевязочного материала она сделала ему новую повязку, смазав палец цинковой мазью. Сэмюэль оставался дома до четырех вечера 2 ноября. Тут он заговорил о том, что пытается занять денег у шурина Джеймса Шоу. С тех пор она больше не видела Сэмюэля. И, собственно говоря, радовалась этому.

Флойду стоило большого труда, слушая этот рассказ, скрыть внутреннее волнение. Он спросил адрес Шоу и узнал, что тот живет в Беркли-драйв и бывает дома во второй половине дня.

Шоу был менее разговорчив, чем его сестра. Он прочитал об аресте Сэмюэля в газете и обдумывал каждое слово. И все же он подтвердил, что Сэмюэль Морган договорился встретиться с ним 2 ноября. Шоу велел ему прийти в „Ройял-отель“ между семью и восьмью часами вечера. Он пригласил туда также младшего брата Сэмюэля, восемнадцатилетнего Фрэнсиса Моргана, служившего в казармах Сифорта. Шоу приехал в „Ройял-отель“ около половины восьмого, Фрэнсис немного позже, а Сэмюэль через пять минут после него. Сэмюэль просил у них денег, потому что хотел уехать из Сифорта. Шоу уговаривал парня вернуться в казармы, но он ни за что не хотел оставаться в этом городе. В конце концов они дали ему деньги, которые имели при себе, и расстались.

Во время этого невеселого разговора Флойд подсчитывал время, необходимое для того, чтобы добраться от моста Бруквейла до „Ройял-отеля“. Если Сэмюэль Морган напал на Мэри Хэган около семи вечера, то у него хватило времени дойти или добежать до „Ройял-отеля“.

Флойд спросил, не бросилось ли ему в глаза что-нибудь необычное в Сэмюэле Моргане. Шоу ответил: „Нет“. „Не был ли Морган взволнован или поранен?“ Шоу уклонился от ответа. Этого он не может сказать. Он не обратил на это внимания. „Действительно ли он ничего не заметил? Может быть, он видел на большом пальце правой руки Моргана повязку? Или, может быть, кровоточащую рану?“ Шоу снова уклонился: „Он при всем желании ничего не может вспомнить“.

Флойд и Грегсон отклонялись и прямоком поехали в казарму, чтобы допросить Фрэнсиса Моргана раньше, чем у Шоу будет возможность связаться с ним. Однако в казарме их ошарашили известием, что Фрэнсис Морган тоже не вернулся из увольнения. Он, как и Сэмюэль Морган, отличается недисциплинированностью и вообще очень привязан к брату.

Флойд не долго думая объявил новый розыск, на этот раз - Фрэнсиса Моргана. На поиски потребовалось всего несколько часов. К 17 часам Грегсон доставил парня в полицейский участок. Фрэнсис был бледен от страха, так как думал, что его задержали из-за просрочки увольнения. Когда Флойд спросил его о встрече с Сэмюэлем Морганом вечером 2 ноября, парень так был

озабочен своей судьбой, что сообщил о вещах, о которых при других обстоятельствах умолчал бы. 2 ноября в 19 часов 37 минут он пришел в „Ройял-отель“, через пять минут появился его брат Сэмюэль. Он часто дышал, как будто после быстрого бега. Из пальца у него шла кровь. За два дня до этого он поранил палец и потерял повязку. Фрэнсис вышел с братом из отеля, чтобы заново перевязать большой палец. При этом он заметил кровь на шапке Сэмюэля, но не стал задавать ему вопросов. Позднее Сэмюэль проводил брата до дома родителей в Беркли-драйв и исчез. Видимо, он в Уоррингтоне или Лондоне. С тех пор Фрэнсис о Сэмюэле ничего не слышал.

Флойд знал по опыту, что Фрэнсис откажется от своих показаний, как только придет в себя. Поэтому он дал Фрэнсису столько времени, сколько ему было нужно, чтобы внимательно прочитать протокол, и потребовал поставить подпись на каждой странице.

Флойд позвонил в Престон, сообщил Ферсу о событиях дня, и особенно о роли, которую сыграло указание Ферса относительно повязки с пальца, и спросил, что делать дальше. Ферс сразу же заинтересовался, не сказала ли Милдред Морган, что она использовала только часть перевязочного материала. Где остаток? Он все еще у нее или Флойд забрал его? Ведь кто-нибудь из Морганов может догадаться уничтожить перевязочный материал. Забрал ли он цинковую мазь?

На какое-то мгновение Флойд обомлел от мысли, что совершил грубую ошибку и Милдред Морган, может быть, уже поняла опасность своих показаний. Он срочно послал Грегсона на Молине-роуд и облегченно вздохнул, когда сержант возвратился с остатками перевязочного материала и мази. Узнав, что все в порядке, Ферс просил побыстрее привезти в Престон перевязочный материал и, кроме того, доставить ему также одежду, которую Сэмюэль Морган носил 2 ноября.

Осматривая одежду, Ферс обнаружил в нескольких местах следы почвы, а в левом верхнем кармане — вскрытый перевязочный пакет. Ферс запросил целый перевязочный пакет из казарм Сифорта, из тех, что выдаются военнослужащим. 18 ноября он приступил к установлению идентичности между найденной в бункере у моста Бруквейл повязкой с пальца и пере-

вязочным материалом из пакета, которым пользовалась Милдред Морган и остаток которого лежал теперь на его лабораторном столе. Если это удастся, то против такого веского доказательства трудно будет что-либо возразить. Ферс помнил очень хорошо дело Веры Пэйдж и трудности криминалистического исследования текстиля. С другой стороны, у него было больше опыта в этой области, чем у Роча Линча.

Микроскопическое исследование сразу же обнаружило полное совпадение как внешнего слоя повязки, так и внутренних частей из муслина. Состав пропитки акрифлавином был один и тот же. Остатки мази на повязке совпали с цинковой мазью из дома Милдред Морган. Но учитывая большое количество перевязочных пакетов одинакового типа, которое выпускалось с начала войны, и распространенность цинковой мази, такое совпадение почти ничего не доказывало.

В поисках специфических особенностей Ферс наткнулся на одно явление, которое счел достойным внимания. Внутренние муслиновые слои повязки с пальца имели кант, т. е. это был край муслиновой марли, из которой нарезались бинты для перевязочных пакетов. Кант был необычно узок и имел другое число нитей основы и утка, по сравнению с кантами бинтов из пакетов, взятых Ферсом для сравнения в казармах Сифорта. В то же время он полностью совпадал с кантом перевязочного материала из квартиры с Молине-роуд. Ферс проконсультировался в фирме, выпускавшей перевязочный материал, и инженер-текстильщик Роналд Крэбтри подтвердил, что для кантов тканей нет стандартов и каждая фирма делает их по-своему. Это отразилось на перевязочном материале в индивидуальных пакетах, так как для их изготовления марлю поставляют различные ткацкие фабрики. Совпадение канта в данном случае означало, таким образом, косвенную улику, но не могло иметь силы доказательства, потому что при проверке большого числа перевязочных пакетов можно обнаружить в них бинты с такими же узкими кантами, так как они были нарезаны из марли той же ткацкой фабрики. Следовательно, такой признак может быть характерен не только для повязки Морган.

Тем временем Ферсу сообщили о ходе расследований в Сифорте. Сэмюэль Морган повел себя странно. 16 ноября, еще до

предъявления ему обвинения в убийстве, он вдруг попросил позвать в камеру сержанта уголовной полиции Флойда и сделал странное признание. Очевидно, он переживал кризис, подозревая, что арест из-за случая с Энн Маквитти является лишь поводом и что вокруг него плетут сети. Признание Морган прозвучало так: „Со дня моего ареста я очень нервничаю и хочу рассказать, что произошло. В субботу, 2 ноября, на мосту Бруквейл я столкнулся с девушкой, которая упала. Я отнес ее в бункер и положил на пол. У нее были 1 шиллинг 60 или 70 пенсов в руке. Деньги я взял и пошел в „Ройял-отель“ в Сифорте, где встретился со своим братом Фрэнсисом и шурином Джэймсом Шоу. У меня не было намерения причинить девушке вред“. Флойд не сомневался, что признание, как это часто бывает, порождено внезапным страхом перед угрозой разоблачения и представляет собой попытку примитивного изображения смягчающих обстоятельств происшествия. Основываясь на горьком опыте, он и в этом случае предвидел, что при первой же возможности Сэмюэль откажется от признания и адвокат объяснит это полицейским нажимом. На таких признаниях нельзя строить обвинение. И он просил Ферса сделать все возможное, чтобы дать обвинению более веские доказательства.

Ферс имел обыкновение откладывать в сторону исследуемый материал и возвращаться к нему через некоторое время. При таком методе работы часто удается обнаружить признаки предметов, которые вначале ускользнули от взгляда исследователя. Так было и на этот раз, и Ферс после некоторого перерыва вновь сравнил следы почвы на одежде Морган с пробами почвы из бункера, взятыми в ночь на 3 ноября. Микроскопическое исследование минерального состава показало полное совпадение проб по содержанию песка, кварца и частиц угля. Со времени первых исследований следов почвы Поппом многие химики все чаще и чаще стали применять при исследовании следов почвы спектральный анализ для обнаружения таких элементов, которые невозможно определить ни с помощью микроскопа, ни с помощью минералогии, ботаники и бактериологии. Это относится прежде всего к пробам почв из городов и промышленных районов, где едва ли можно найти харак-

терные ботанические или микробиологические составные части, но достаточно много промышленных отложений в виде металла и химических соединений. Спектральный анализ в состоянии обнаружить очень небольшие количества элементов. Прделанное Ферсом исследование следов и проб почвы показало полное совпадение элементов, прежде всего меди, свинца и марганца. Ферс считал идентичность следов почвы на одежде Моргана и проб почвы из бункера доказанной и тем самым доказанным пребывание Моргана в бункере. Затем он вернулся к перевязочному материалу.

Уже во время первой части исследований Ферс заметил следы шва как на повязке с пальца, так и на перевязочном материале из дома Милдред Морган. Марля была сложена вдвое, прострочена по краям и одновременно пришита к коричневому верхнему слою повязки. Если, распоров этот шов, развернуть марлю, то во всех перевязочных пакетах из казарм Сифорта можно было бы увидеть один ряд отверстий от шва. А на марлевом бинте повязки с пальца и на перевязочном материале, сохранившемся у Милдред Морган, были два ряда отверстий от швов. Ферс потребовал доставить ему еще партию перевязочных пакетов из казарм Сифорта. Все бинты из этих пакетов имели только один шов. Может быть, это и есть особый признак? Снова он обратился к Роналду Крэбтри, и тот сразу нашел объяснение для странного явления, обнаруженного Ферсом. Швеи, сшивая марлю, допускали небрежность, в данном случае это была особо грубая ошибка швеи. Складывая марлю, швея из-за невнимательности сделала лишнюю маленькую складку, которая и была прошита. Когда Ферс развернул бинт, то вместо одного следа от шва обнаружил два.

Крэбтри и Ферс исследовали многие сотни различных бинтов. Ни в одном из них не удалось найти двойного ряда следов шва. Для полной уверенности Ферс поручил перепроверку своих исследований лаборатории торговой палаты в Манчестере. Лишь получив подтверждение из лаборатории, Ферс передал вещественные доказательства обвинению с выводом, что „повязка с пальца, обнаруженная в бункере, где лежало тело Мэри Хэган, сделана из перевязочного материала, который находился в доме Милдред Морган и которым она неодно-

кратно перевязывала пораненный палец Сэмюэля Моргана. Совпадение полное и неопровержимое”.

Через полтора месяца, 10 февраля 1941 г., Сэмюэль Морган стоял перед судьей Стейблем в ливерпульском суде присяжных. Случилось то, что предвидел Флойд. Морган утверждал, что никогда в жизни не видел Мэри Хэган. Он заявил, что его признание от 16 ноября написано под нажимом и диктовку Флойда. Фрэнсис Морган отказался от своих показаний с тем же объяснением. Флойд и Грегсон использовали, мол, его испуг по поводу дезертирства и заставили подписать протокол. Теперь он утверждал, что был в „Ройял-отеле” не в 19 часов 37 минут, а на десять минут раньше. Таким образом, у Сэмюэля Моргана оставалось слишком мало времени, чтобы совершить убийство и прийти в „Ройял-отель”, и он не мог быть убийцей. Фрэнсис Морган продолжал: его брат был совершенно спокоен и на его пальце была неповрежденная повязка. Фрэнсис так откровенно лгал, что судья разрешил обвинению считать Фрэнсиса необъективным свидетелем. Но и без этого вся ложь была разоблачена двумя обстоятельствами: во-первых, Милдред не изменила свои показания относительно повязки, которую она наложила обвиняемому, и опознала ее и остаток перевязочного материала; во-вторых, доказательство идентичности перевязочных материалов, осуществленное Ферсом, никакие усилия защитников Вула и Эдварда поколебать не смогли.

17 февраля присяжные слушали речь обвинителя, который описал личность Сэмюэля Моргана и его преступление. Сэмюэль Морган — дезертир, который из-за отсутствия денег грабил прохожих, ограбил, убил и изнасиловал школьницу. 4 апреля 1941 г. после отклонения кассационной жалобы Моргана повесили.

Вторая мировая война парализовала дальнейшее развитие судебной химии и биологии. И все же дело Мэри Хэган относится к таким образцам, которые учат, в чем заключается криминалистическое исследование текстиля: в неустанном и тщательном поиске индивидуальных особенностей, для чего необходимо знание технологии изготовления текстиля. И не случайно полицейская криминалистическая лаборатория в Престоне после окончания

войны стала играть ведущую роль в области исследования текстиля. В ней работали биологи, которые посвятили себя анализу тканей, основав свою школу. Примеру этой лаборатории следовали многие появившиеся после войны полицейские лаборатории, а старые создавали отделы ю исследованиям текстиля. Но повсюду, где после 1945 года занимались криминалистическим исследованием текстиля, экспериментировали и разрабатывали различные методы, столкнулись вскоре с новой проблемой, которую предвидел Зигфрид Тюркель еще в 1933 году, с производством синтетических волокон. Искусственные волокна чрезвычайно затруднили и без того сложную идентификацию текстильных материалов, потому что не имели различий, свойственных натуральным волокнам. Преодоление этих трудностей требовало новых исследований, новых методов. Технология индустриального века, которая изменила и стандартизировала мир во всех сферах жизни, стала для криминалистики большой бедой, нависшей как черная туча.

8.

Именно техника послевоенных лет, семимильными шагами продвигающаяся вперед, сделала в 1949 году возможным одно преступление, расследование которого выдвинуло на передний план область судебной химии, проделавшую долгий путь развития и только теперь, в послевоенном мире, имеющую огромное значение и приобретающую большое распространение.

Патрик Симар, рыбак из канадского местечка Соль-о-Кошон на северном берегу реки Св. Лаврентия, в полдень 9 сентября 1949 года возвращался домой. Был прохладный день с почти безоблачным небом. Слышался шум мотора самолета,*и Симар, которому приятно было любое нарушение его одиночества, следил за двухмоторной машиной, летевшей над лесистыми склонами гор в направлении северо-востока. Это был Дуглас ДС-3 Квебекской авиакомпании, курсировавший три раза в неделю от Монреаля через Квебек до Бе-Комо и оттуда дальше на север до Сет-Иль и обратно. Каждый раз самолет пролетал здесь в 11 часов 45 минут. Симар посмотрел

на часы и заметил, что в этот раз самолет опаздывал на пять минут. В ту же минуту он услышал грохот взрыва и ему показалось, что из фюзеляжа самолета что-то вылетело. Затем машина резко накренилась влево и стала вертикально падать на вершину горы Кап-Турмант.

Преодолев испуг, Симар побежал к месту падения самолета, продираясь сквозь густые заросли на склоне горы. Ему понадобился почти час, чтобы с несколькими лесорубами добраться до обломков самолета. Среди кусков металла и дюрала, частей чемоданов и прочих предметов лежали неподвижные тела людей. Преенебрегая угрожающим видом выливающегося горячего, мужчины бросились к самолету. Передняя часть самолета представляла собой массу сплюсненного металла. Крылья обломались. Задняя часть фюзеляжа стояла вертикально. Безуспешно искали прибежавшие признаки жизни у двадцати трех человек.

Симар первым отправился за помощью. Добравшись до железнодорожной линии, соединяющей Кап-Турмант с рекой Св. Лаврентия, он нашел несколько железнодорожников. Один из них ехал на дрезине в Св. Иоахим, расположенный в пятнадцати километрах от этого места. Оттуда начальник станции сообщил о катастрофе в Квебек. Затем это сообщение было передано в аэропорт Ансьен Лорет в дирекцию авиакомпании Квебека и в „Канадиан Пасифик Эрлайнз“.

Это была первая крупная авиакатастрофа с 1942 года, и президент компании Грант Макконейнчи был потрясен. Дуглас ДС-3 считался надежным самолетом, а капитан Лорен — опытным пилотом.

В срочном порядке была создана комиссия для расследования происшествия. В качестве высококвалифицированного технического специалиста в комиссию вошел Франк М. Франси. Следственный департамент канадской полиции, обязанностью которого является расследование уголовных дел, выделил инспекторов Жана Беланже, Гастона Делорма и Жюля Перро. В известность поставили коронера Поля В. Марсо. Министерство транспорта, которое обычно расследует причины крупных катастроф на транспорте, сообщило о случившемся государственной полиции Канады. Она послала на Кап-Турмант полицейских для охраны места происшествия. Уже было

17 часов, когда квебекская оперативная группа собралась и выехала в Св. Иоахим, где пересела на ручную дрезину. Лишь около 19 часов она прибыла к подножию горы Кап-Турмант. В темноте с факелами в руках группа поднялась вверх. Прошел час, пока добрались до места катастрофы.

Так как пожара не произошло, то идентификация двадцати трех трупов не представила большой трудности. Но весьма загадочной казалась причина неожиданного падения самолета. Рано утром опросили свидетелей из Солю-Кошон. Все слышали грохот взрыва. И действительно, переднее багажное отделение, расположенное вдоль левого борта, имело такой вид, что можно было предположить: здесь находился эпицентр взрыва. Взрыв вывел из строя систему управления самолетом, и он камнем упал вниз. Моторы же работали вплоть до удара о землю. Пропеллеры ввинтились в землю. Франси и его люди пытались установить, могли ли обычно находящиеся на борту самолета материалы вызвать взрыв. Для этого необходимо было, чтобы:

1. Взорвался огнетушитель за креслом второго пилота. Его стальная колба содержала угольную кислоту под давлением в 1000 атмосфер. Но в упавшем самолете колба огнетушителя осталась неповрежденной.

2. Взорвался, смешавшись с воздухом, водород в двух электрических батареях. От такого предположения пришлось отказаться, потому что обе батареи без каких бы то ни было следов взрыва обнаружили в обломках самолета.

3. Взорвалась жидкость с примесью глицерина в резервуаре гидравлического механизма управления шасси. Но давление в резервуаре было слишком малым, чтобы привести к взрыву.

4. Взорвалось горючее. Но в данном случае это исключалось, так как отсутствовали признаки пожара.

5. Взорвалась смесь воздуха с окисью углерода, проникшей каким-то образом из моторов. Но в крови ни одного из погибших не была обнаружена окись углерода.

Итак, 10 сентября Франси пришел к выводу: причиной падения самолета был мощный взрыв в левой багажной камере, и вызван он веществом, которое не должно было находиться на борту самолета.

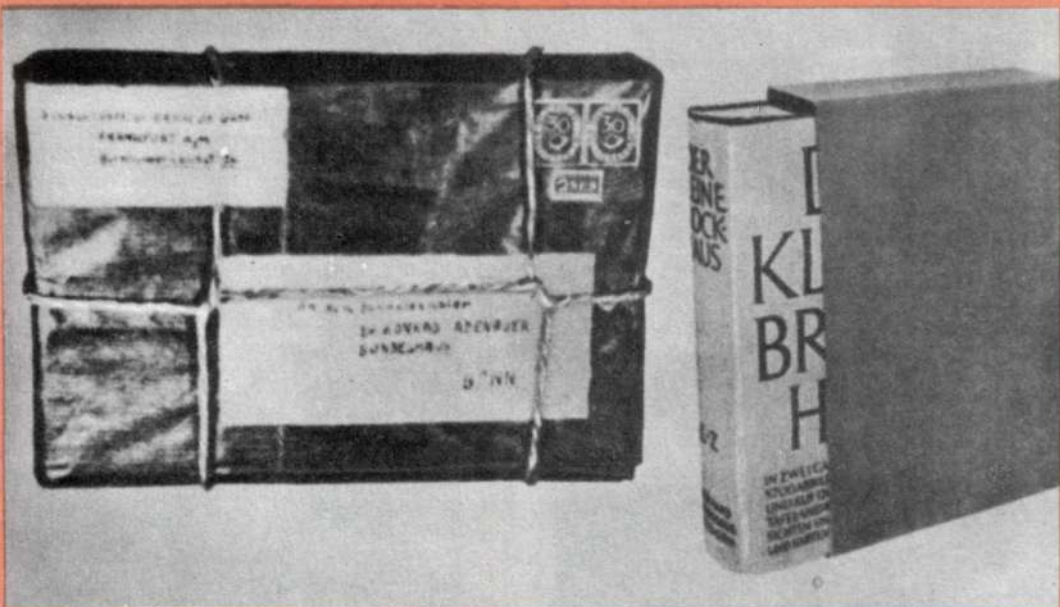
Это бывшее вначале секретным заключение вызвало в Квебеке замешательство.

То обстоятельство, что взрыв произошел в багажной камере, заставляло думать о неизвестном взрывчатом веществе, попавшем на борт самолета с багажом или грузом. В то время как близкие и друзья пассажиров с мрачным видом, откровенным отчаянием или немым укором слушали сообщение о гибели их родственников и знакомых, члены комиссии по расследованию катастрофы не могли отделаться от неприятного чувства, будто они стоят перед противником, какого еще никогда не видывали. Правда, попытки убрать с дороги политического или экономического конкурента, соперника, супруга или супругу путем подстроенной катастрофы, не считаясь с тем, что при этом пострадают невинные люди, стары как мир. Уничтожение кораблей ради получения страховых сумм тоже не ново. Случаи, когда психически больные люди устраивают взрывы в транспортных средствах, хорошо известны истории криминалистики. Неужели руки виновников таких преступлений дотянулись до гражданской авиации, едва она успела стряхнуть с себя пепел войны и вступила на путь небывалого международного развития? Незадолго до этого из Манилы пришло известие, что 7 мая 1949 года филиппинский транспортный самолет был взорван подложенной в багаж взрывной шашкой. Он упал в море вместе с тринадцатью пассажирами на борту. И только случай помог раскрыть заговор пяти человек, попытавшихся уничтожить мужчину, который мешал своей жене и ее любовникам. Неужели этот новый метод убийства перекочевал в Канаду? Может быть, за ним скрываются политические, экономические или другие тайные причины? В Квебеке и Оттаве к вечеру 10 сентября стало ясно, что речь идет о криминалистической проблеме, которая выходит за рамки возможностей следственных работников авиакомпании „Канадиан Пасифик Эрлайнз“. Расследование дела взяла на себя уголовная полиция.

Подражая своей английской прародительнице, канадская полиция сначала развивалась обособленно в отдельных общинах и провинциях Канады и долгое время находилась в раздробленном состоянии. Но в 1949 году Канада уже обладала централизованной государственной полицией, известной как Королевская канадская конная

В 1949 году на Кап-Турмант к северу от реки Св. Лаврентия упал двухмоторный канадский транспортный самолет ДС-3-Д280. Все пассажиры и экипаж погибли. Впервые подобное преступление было совершено, чтобы избавиться от одного-единственного человека — от своей жены. Королевская канадская конная полиция установила преступника. Им оказался 32-летний ювелир Альбер Гюз. На фотографии (вверху слева) он изображен со своей женой Ритой, которая погибла во время катастрофы самолета. Вверху справа — он же после ареста. Причиной преступления была его страсть к Мари-Анж Робитай (внизу) из Квебек-сити, с которой он познакомился, когда ей было шестнадцать лет. Дело Гюз показало значение судебной химии при реконструкции взрывчатых средств.

За научными расследованиями диверсий со взрывчатыми веществами на пассажирских самолетах, как в деле Альбера Гюз в Квебеке, последовало дело о посылке со взрывчаткой в адрес канцлера ФРГ в марте 1952 года. Оно относилось к самым значительным работам криминалистической химии после 1945 года. 27 марта какой-то неизвестный обратился к двум двенадцатилетним мальчикам на главном вокзале Мюнхена с просьбой сдать его посылку в почтамте на Леопольдштрассе. Он объяснил свою просьбу тем, что спешит на поезд. Три момента вызвали подозрение: посылка (вверху слева) была адресована Конраду Аденауэру; почтамт на Леопольдштрассе находился далеко, а на вокзале было три почтамта; неизвестный пошел вслед за ребятами, значит у него было время.

Мальчики передали посылку полиции. Мюнхенский специалист по взрывчатым веществам Райхерт обнаружил в ней том энциклопедии Брокгауза (вверху справа) в картонном футляре. Когда он попытался вынуть книгу из футляра, произошел взрыв. Райхерт был убит. Лаборатория (криминалистический отдел), которая позднее будет принадлежать баварскому ведомству уголовной полиции, получила задание реконструировать книжную бомбу. Из многих тысяч частиц, которые были собраны на месте катастрофы в старом бомбоубежище, удалось, во-первых, установить вид примененной взрывчатки; во-вторых, происхождение отдельных частей бомбы; в-третьих, собрать почти полностью бомбу из книги. Нелегко было определить вид взрывчатки. Речь шла об одном из современных видов нитро-взрывчатки, которые моментально детонируют и почти не оставляют следов. Собирая кисточкой осадок детонации, в том числе также с одежды Райхерта, ученым удалось получить небольшое количество маслянистой жидкости. После многих неудач они все же получили 10 мг какого-то кристаллического вещества. Кристаллы имели форму хвоста ласточки. Будучи разведенными в ацетоне, они окрасились при добавлении натрового щелока в бордово-красный цвет и при 81° плавилась. Это была характеристика взрывчатки тринитротолуола, которую во время второй мировой войны применяли в авиабомбах.

полиция¹. Появлению этой полиции способствовали и особенности канадской истории.

Завоевание в 1873 году колоссальных районов прерий Гудзонова залива, где кочевали только индейские племена да метисы-охотники, породило множество пороков. Триста отборных конных полицейских, одетых в красные мундиры британской армии, называвшиеся Северо-западной конной полицией, по поручению канадского правительства в 1874 году прошли сотни миль и создали в отдаленных районах первые полицейские посты, вокруг которых выросли большие города.

Когда в 1894—1895 годах в Юконе обнаружили золото и золотая лихорадка привела в этот район поток искателей счастья, добрая половина которых состояла из уголовных элементов, настало время тяжелых испытаний. Только конная полиция смогла добиться того, что в Юконе не повторилась история Аляски, где власть захватили преступники. Едва установив порядок в Юконе, „красные мундиры” получили задание пробиться в северные области Канады, где на необъятных просторах севернее Гудзонова залива встречались только охотники и торговцы пушниной, скупавшие ее у индейцев и эскимосов, и основать там полицейские участки, которым суждено было превратиться в опорные пункты управления. Первые патрули добрались на собачьих упряжках, лыжах и просто пешком до берегов Северного Ледовитого океана и в 1903 году создали на острове Хершел первый полицейский участок. К этому же времени другая группа конной полиции достигла Кейп-Фуллертона на востоке. Если служащие Северо-западной конной полиции и совершали ошибки, то все же именно они создали условия для охраны порядка в сложных условиях Саскачевана, Альберты, Британской Колумбии или Юкона. Король Эдуард VII знал, что делает, когда в 1904 году присвоил полиции имя — Королевская канадская конная полиция — и тем самым придал ей внешний лоск. Да и канадское правительство поняло, что появился единственный в своем роде орган охраны порядка. Оно стало давать полиции все новые и новые задания, и к 1920 году к ее компетенции относились все

дела, происходящие на территории Канады. Шаг за шагом она стала следственным и исполнительным органом страны. Позднее восемь канадских провинций — Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия, Манитоба, Нью-Брансуик, острова Принца Эдуарда, Новая Шотландия и Ньюфаундленд — распустили свои уголовные полиции и передали их обязанности КККП. Даже функции общинной полиции 123 городов и поселений были возложены руководством этих провинций на КККП. Лишь самые сильные в экономическом смысле провинции Онтарио и Квебек сохранили свои провинциальные и местные криминальные полиции. Однако и в Онтарио, и в Квебеке КККП вмешивалась в расследования уголовных дел, причем не только тогда, когда нарушались федеральные законы, но и в тех случаях, когда местная полиция не справлялась с раскрытием преступления.

К сентябрю 1949 года 12 подразделений Королевской канадской конной полиции работали по всей стране. Красные мундиры стали ее парадной формой, а слово „конная” имело чисто символическое значение. С 1937 года КККП стала принимать участие в развитии научных методов работы. В те* годы в Реджайне (провинция Саскачеван) открылась ее первая криминалистическая лаборатория, которая сначала размещалась в одной-единственной комнате, но уже в следующем году расширилась. В ее штат входили патологоанатом, химик, специалисты по баллистике и документам. Еще во время войны, в 1941 — 1942 годах, была основана вторая лаборатория в Оттаве и планировалось открытие еще двух криминалистических лабораторий в Сэквилле (провинция Нью-Брансуик) и Ванкувере (провинция Британская Колумбия). Власти Онтарио и * Квебека пошли своим путем. Они могли утверждать, что если и существует канадская традиция в научной криминалистике, то искать ее надо именно у них. В Онтарио еще в 1876—1893 годах профессора Крофт и Эллис осуществляли исследования следов крови, а доктор Фрэнкиш создал в 1930 году в Торонто „Лабораторию судебной медицины”, где осуществлялись также биологические исследования следов. В 1949 году Генеральный прокурор провинции Онтарио подготовил открытие солидной криминалистической лаборатории. И наконец, что касается Квебека, то в Монреале на улице Сен-

Венсан находилась самая солидная криминалистическая лаборатория Канады — „Полицейский институт судебной медицины“, воспринявшая традиции европейских, и особенно французских, криминалистов. Руководил ею Франшер Пепен.

Таков приблизительно был уровень уголовной полиции и криминалистической науки в Канаде, и в частности в Квебеке, к 10 сентября 1949 г., когда за расследование катастрофы ДС-3-Д280 взялась канадская полиция. Так как уничтожение самолета относится к нарушениям федеральных законов, то оно, несомненно, входит в компетенцию Королевской канадской конной полиции. Но в условиях Квебека требовалось сотрудничество полиции города и провинции. Поэтому была создана специальная комиссия. Она состояла прежде всего из инспектора Рене Белека и корпорала Жерара Уда от КККП, инспектора Эмэ Гийомета, шефа отдела уголовной полиции Квебека, и капитана Альфонса Мата от полиции провинции.

К 10 сентября наметились два пункта, из которых можно было исходить, начиная следствие. Первый — взрыв произошел в переднем левом багажном помещении. Здесь находился багаж только тех пассажиров, которые летели из Монреаля до Квебека, где он и был выгружен. На его место погрузили багаж и грузы, предназначенные для отправки в Бе-Комо. Следовательно, бомба могла попасть на борт самолета только в аэропорту Ансьен Лорет. Вторым — являлось само место катастрофы. Следовало попробовать собрать разбросанные в радиусе одной мили обломки самолета, по следам на обломках установить состав бомбы, взрывчатое вещество, реконструировать бомбу и детали взрывного устройства и таким образом определить происхождение материала. Пока Белек и другие сотрудники производили расследования в Ансьен Лорет, Франшер Пепен и Бернар Пекле получили в Монреале задание осуществить химико-технические исследования.

Проверяя списки пассажиров 11 сентября, Белек обратил внимание на имена трех человек из Нью-Йорка: Е. Т. Станнэрда, президента компании „Кенникотт Коппер Компани“, одного из крупнейших поставщиков меди в США, а также на двух других промышленников — А. Д. Сторка и Р. Дж. Паркера. Белек предположил, что

промышленники могли заниматься изготовлением материалов для атомных бомб и кто-нибудь пожелал их устранить.

Проверка страховых полисов пассажиров не вызвала никаких подозрений. Немного дала и проверка списков севших в самолет в Квебеке мужчин и женщин, жены и мужья которых остались на земле. Люсий Левеск, кассирша авиакомпании из отеля „Шато Фронтенак“ в Квебек-сити, которой дали неприятное поручение сообщить о несчастье родственникам погибших, тоже не заметила ничего подозрительного. Все, получившие печальное известие, вели себя соответственно ситуации. Но Белек знал, что притворство людей не знает границ. Поэтому он договорился с инспектором Гийометом установить наблюдение за всеми родственниками пассажиров, поднявшихся на борт самолета в Ансьен Лорет, и установить, не испытывает ли кто-нибудь из них материальные трудности или осложнения в личных отношениях и не имеет ли любовницу или любовника.

Сам же Белек занялся багажом. Служащий аэропорта Уилл Леймонд, оформлявший 9 сентября багаж пассажиров этого самолета, ничего особенного не заметил. Кроме багажа пассажиров он оформил также груз в картонных коробках. Но торговые предприятия северного побережья Св. Лаврентия часто отправляли важные грузы самолетом. Леймонд и здесь не заметил ничего подозрительного. Белеку не оставалось ничего другого, как проверить всех отправителей и адресатов груза. Сначала эта проверка ничего не дала, но 13 сентября пришло сообщение от капитана Матте из Св. Симеона, что в 90 милях от Квебека. Он поехал туда, так как на отправленной 9 сентября посылке значилось ложное имя отправителя: Дельфис Буша, Св. Симеон. В сообщении же указывалось, что в Св. Симеоне нет никакого Дельфиса Буша. Наконец-то выявилась первая зацепка. Посылка предназначалась Альфреду Пауфу из Бе-Комо, и Белек послал туда спецсамолетом корпорала Уда. Через несколько часов Уд сообщил по телефону: во всем Бе-Комо нет ни одного Альфреда Пауфа. Белек поехал в Ансьен Лорет и попросил Леймонда вспомнить и описать ему внешность человека, который отправил эту посылку с фальшивыми данными. Теперь, когда речь шла о конкретном грузе, Леймонд вспомнил, что эту посылку сдала

полная черноволосая женщина. На весы посылку поставил водитель такси. Женщина заплатила 2 доллара 72 цента, взяла квитанцию и исчезла.

Белек был убежден, что напал на след тайны катастрофы. Но описание неизвестной так мало говорило, что едва ли имелся шанс найти ее когда-нибудь. Оставалась надежда на опрос водителей такси Квебека. Еще находясь в аэропорту, Белек попросил Гийомета организовать опрос водителей такси, и, кажется, на этот раз им повезло. Вскоре к Гийомету явился шофер Грановски.

Он сообщил инспектору, что его коллега рассказал ему еще вечером 9 сентября, вскоре после первого сообщения о катастрофе, что утром этого дня отвозил на аэродром странную даму с пакетом. Имя этого водителя — Поль Анри Пелетье. Гийомет тотчас же послал к нему своего сотруddника. Выяснилось, что Пелетье посадил свою пассажирку, полную брюнетку среднего лет с темными глазами, у вокзала Пале. При ней был пакет, и всю дорогу она молчала. Так как она собиралась возвратиться в город на этом же такси, то он помог довести ее пакет до окошка, где оформляли груз. Он вспомнил, что пакет весил 28 фунтов. На обратном пути дама пожелала сойти у отеля „Шато Фронтенак“, но перед входом в отель изменила свое намерение. Пелетье проехал немного дальше отеля. Там она вышла и зашагала в направлении Нижнего города. Дама говорила по-французски с акцентом, который выдавал в ней жительницу одного из бедных кварталов Квебека.

Сообщение Пелетье дало немного. Предстояло почти без надежды на успех искать женщину без особых примет в Квебеке, пусть даже в Нижнем городе. И все же нужно было попробовать сделать это и еще раз проверить родственников пассажиров, но на этот раз под углом зрения поиска женщины, соответствующей описанию Пелетье.

Нужно было торопиться. Коронер Марсо назначил дознание на 14 сентября. В данном случае нечего было ждать, кроме констатации того факта, что это не несчастный случай, а взрыв, виновник которого неизвестен, и никому, естественно, не может быть предъявлено обвинение. Трудно предугадать, какое впечатление это произведет на общественное мнение, до сих пор полагавшее, что имел место несчаст-

ный случай. Так или иначе, необычность происшедшего станет сенсацией/ что повредит ходу расследования.

Перед самым началом дознания Белеку позвонил Гийомет и сообщил, что при перепроверке родственников погибших выяснилась, возможно, важная деталь. Речь шла об Альбере Гюз, жена которого Рита Гюз находилась среди жертв катастрофы. Тридцатидвухлетний Гюз был женат на Рите с 1937 года, имеет четырехлетнюю дочь и содержит маленький ювелирный магазинчик в Квебеке. За незаконное хранение оружия 24 июня 1949 года был оштрафован на 25 долларов и провел ночь в полицейском участке. Причина ареста Гюз не лишена пикантности. Вечером 23 июня он подкараулил восемнадцатилетнюю привлекательную официантку из кафе „Монте-Карло“, когда она шла на работу, и угрожал ей пистолетом. Девушка позвала на помощь полицейского, который и проводил ее до кафе. Но страстный Гюз тоже вскоре появился в кафе. Там полицейский и арестовал его. Официантку звали Мари-Анж Робитай. Гийомет подумал, не она ли является той „второй женщиной“, ради которой ... Во всяком случае это происшествие свидетельствовало о том, что Гюз мог иметь любовные связи на стороне. Как удалось установить, Мари-Анж Робитай жила у родителей в доме 205 по улице Руа, но в данное время находилась в кафе „Монте-Карло“.

Белек незамедлительно отправился в путь, встретился с Гийометом, и оба направились в кафе. Мари-Анж Робитай, без сомнения, была хороша собой, с ярко накрашенными губами и прекрасной фигурой, привлекательные формы которой скорей подчеркивало, чем скрывало, платье официантки. Увидев инспекторов, она заволновалась. Она, видимо, сразу догадалась, о чем пойдет речь. На вопрос, знает ли она Гюз, последовало незамедлительное „да“. На вопрос, с каких пор, она ответила, что познакомилась с ним весной 1947 года. После того как ее спросили, когда она виделась с Гюз последний раз, то, помедлив, она сказала: „Давно, и больше с ним не увижусь“. И наконец, на вопрос, было ли между ними что-нибудь и что побудило Гюз к поступку, который он совершил 23 июня, спросила, обязана ли она на это отвечать. Она, мол, давно уже вернулась к родителям и хочет, чтобы ее оставили в покое.

Ответ показался Белеку двусмысленным и странным, но интуиция удержала его от дальнейших расспросов официантки. Он сказал, что не имеет намерения копаться в ее личных делах, не будет ее больше утруждать и что интересуется только, не знаком ли Гюэ с довольно полной черно-волосой дамой. Поспешность, с которой Мари-Анж Робитайт ответила на вопрос, доказывала, как ей хочется поскорей покончить с этим разговором. Она сказала: „Здесь речь может идти только о Маргарите Питр с улицы Монсеньор Гавро, 49. Можно мне приступить к работе?“

Белек и Гийомет покинули кафе и стали совещаться. Если удастся незаметно показать шоферу Маргариту Питр и он узнает ее, то, по крайней мере, появится первая, может быть, важная версия. Сразу после дознания они пригласили к себе Пелетье, и он выразил готовность помочь. Разработали такой план: Пелетье поедет на улицу Монсеньор Гавро, 49, позвонит в квартиру Маргариты Питр и спросит, не заказывала ли она такси. Может быть, она сама откроет дверь или ее позовут и, прежде чем извиниться за ошибку, он сможет рассмотреть ее.

Один час понадобился для осуществления плана. Однако когда Пелетье позвонил, то дверь открыла соседка. Мадам Питр еще не вставала, и таксист не увидел ее. Тогда решили посадить Пелетье в полицейскую машину и ждать, пока Маргарита Питр не выйдет из дома. Одновременно двум сотрудникам поручили собрать данные о Маргарите Питр.

15 сентября произошло то, чего ждал и опасался Белек. Все газеты опубликовали сенсационные сообщения о катастрофе над Кап-Турмант. Здесь было целое море предположений: от обвинения в несчастье коммунистических агентов до объявления катастрофы делом рук сумасшедшего. Среди всей этой писанины в монреальской „Ле Канада“ появилась статья Эдмона Шаса, которому, видимо, удалось разузнать кое-что в аэропорту Ансьен Лорет. Он сообщал о таинственном пакете и о не менее таинственной даме, которая сдала этот пакет для доставки его самолетом. В заключение он писал, что полиция идет по следу этой дамы. Белек просто не знал, как расценить детективную деятельность Шаса. Она могла преждевременно насторожить подозреваемую или выманить ее из „норы“.

15 и 16 сентября Маргарита Питр не выходила из дома. Собранные о ней данные не содержали ничего подозрительного. Она жила со своим вторым мужем Артуром Питром, безобидным мещанином, и время от времени работала официанткой. Питр была родом из Квебека, ее девичья фамилия - Рюэ, у нее два брата: Жан-Мари Рюэ и Женере Рюэ, последний — часовщик; передвигается на костылях либо в кресле на колесах. Он работает в захудалой мастерской на улице Св. Франсуа. В их серой, обыденной жизни ничто не вызывало подозрений. И совсем невероятным казалось предположение, что эта женщина могла разработать план взрыва самолета. С другой стороны, подробные сведения об Альбере Гюэ тоже не давали оснований серьезно подозревать его в этом преступлении.

Гюэ родился в 1917 году в семье строителя-железнодорожника. В детстве он, видимо, питал большие надежды, но страдал болезненным самолюбием. Во время войны он работал в арсенале Квебека и подрабатывал торговлей часами и дамскими украшениями, которая стала после войны его основным занятием. Работая в арсенале, он познакомился с Ритой Морель и вскоре женился на ней. Сначала он предпринял торговлю вразезд, затем открыл магазин в Сет-Иле, но вскоре отказался от него, а в 1948 году открыл свой теперешний магазин на улице Св. Избавителя. Здесь знали о его любовной связи с шестнадцатилетней семнадцатилетней девушкой. Однако никто не знал Мари-Анж Робитайт. Чаще упоминали имя Николь Кот. Очевидно, и Рита Гюэ знала о связи, но надеялась, что со временем все образуется. Гюэ проводил свою жену 9 сентября до отеля „Шато Фронтенак“. Когда он, стоя с дочкой Лиз на руках, услышал о гибели жены, то опустился в кресло и заплакал. Три дня он провел у гроба погибшей и после похорон прошел мимо толпы любопытных с лицом, залитым слезами.

Полицейские очень недоверчиво отнеслись к слишком явной демонстрации чувств. Белек, Гийомет и Мат не составили исключения. И все же не было никакой информации обвинительного характера. Недовольно следили инспекторы за увеличивающимся количеством корреспонденции о катастрофе, благодаря чему она превратилась в величайшее событие, привлекавшее репортеров всей Канады. Может быть,

они идут по ложному следу и не заметили следа, ведущего к другому возможному преступнику?

В атмосфере неопределенности все взоры произвольно обращались к лаборатории в Монреале, где Франшер Пепен и Бернар Пекле уже шесть дней занимались исследованием обломков ДС-3-Д280 в поисках следов бомбы. Насколько их работа успешна? Смогут ли они дать Белеку отправные моменты и тем ускорить его работу или удержат его от разработки ложной версии?

Франшер Пепен был химиком и уже многие годы занимался исследованием взрывов. Использование химии при расследовании преступлений, связанных со взрывами, к сентябрю 1949 года насчитывало уже пятьдесят лет, что, правда, намного меньше, чем вся история этих преступлений. Появление черного пороха в Европе около 1300 года вскоре привело к убийствам с помощью взрывчатых веществ. Во времена Ренессанса коробочка с порохом стала опасным оружием. Подарок, украшенный драгоценными камнями и замаскированный под ювелирную шка тулку, приносил смерть открывавшим коробочку. Возникавшая при этом искра приводила к взрыву находившегося в шка тулке пороха.

Безразлично, шла ли речь о политических убийствах, актах личной мести, убийствах с целью обогащения, взрывчатка со дня ее появления стала орудием насилия. Каждое новое изобретение в области взрывчатых веществ вскоре попадало в руки политических или частных убийц. Успехи химии позволили разработать новые взрывчатые вещества. С 1799 года известна гремучая ртуть, взрывающаяся при ударе, толчке или трении. С 1818 года ее стали применять как воспламенитель в пистонах. Спустя тридцать лет итальянцу Собrero из Турина удалось создать нитроглицерин, маслянистую жидкость без запаха, которая при малейшем сотрясении вызывала невероятной силы взрыв. Если выразить взрывную силу в цифрах, то для черного пороха она составит 1 350 единиц, а для нитроглицерина - 145 900.

Через несколько десятилетий шведскому инженеру Нобелю удалось превратить жидкий нитроглицерин, обладавший большой чувствительностью, в транспортабельное взрывчатое вещество. Он

смешал нитроглицерин с кизельгуром. Так Нобель создал важное вспомогательное средство для горнорудной промышленности, но одновременно дал в руки преступникам новое оружие, которое в соединении с гремучей ртутью использовалось начиная с покушения на Наполеона III в 1858 году и кончая убийством австрийского кронпринца Франца-Фердинанда в Сараево. За пышным декором политических убийств скрывались тысячи других преступлений, в которых с помощью динамита совершались нападения и убийства. Между тем становились известными и новые взрывчатые вещества. С 1885 года применялась пикриновая кислота, которая обладала необычайной взрывной силой. Ее производные — мелинит, лиддит, шимоза использовались в первую мировую войну в гранатах. К 1890 году химик Хойсерман установил, что желтоватое кристаллическое вещество, названное тринитротолуолом, которое создал его коллега Вильбранд в 1865 году, тоже имеет необычайную взрывную силу. Оно нашло применение в гранатах и авиабомбах. В Германии его называли тринитротолуол, во Франции — толит, в США — TNT. Почти сразу же появилась нитроцеллюлоза, пироксилинон, белая масса безобидного вида, получаемая при нитровании целлюлозы. Из-за взрывной силы пироксилина в 79 975 единиц пришлось его смешивать со спиртом и эфиром, желатинировать и снижать взрывную силу, чтобы можно было использовать как бездымный порох в ружейных патронах. Несколько лет спустя, в 1916 году, швейцарский химик Штеттбахер экспериментировал с похожим на сахар кристаллическим порошком, получившим название нитропента и оказавшимся взрывчатым веществом огромнейшей силы — 193 000 единиц.

Некоторым может показаться печальным доказательство двусмысленности многих вещей на земле. Нитропент и нитроглицерин применяются ведь и как медикаменты, как средства против ангины и астмы. В 1920 году едва оттремела первая мировая война, как появилось еще одно очень сильное взрывчатое вещество — гексоген, который удалось синтезировать еще в 1899 году, но взрывная сила которого была открыта только теперь. Гексоген тоже появился из вещества, известного в медицине с незапамятных времен как классическое средство против воспаления

мочевых путей: гексаметиленetetрамина. Его взрывная сила составляет 195 000 единиц. В годы между двумя мировыми войнами он считался ультрасильным взрывчатым веществом. Вторая мировая война породила новые взрывчатые вещества и их комбинации, не говоря уже об атомной бомбе. Это были хлоратные взрывчатые вещества: американское RDX, в смеси с тринитротолуолом дающее увеличение взрывной силы на 50%, и „пластики“. Что касается пластиков, то здесь речь идет о нитропенте, гексогене или TNT, которые путем смешивания их с парафином или вазелином приобретали вид пластика.

С постоянным увеличением арсенала взрывчатых веществ вплоть до 1949 года увеличивался и набор запальных средств. Классический запальный шнур, созданный англичанином Бикфордом в 1831 году, из джутового, покрытого смолой, превратился в нитропентовый и гексогеновый. Число разновидностей капсюля (первый разработан Нобелем в 1867 году) трудно назвать. В 1949 году у преступников, желавших оперировать взрывчатыми веществами, имелось так много возможностей, как никогда раньше.

В сентябрьские дни 1949 года Франшер Пепен не питал никаких иллюзий относительно успеха предпринятой им впервые попытки с помощью обломков разгадать тайну использованного взрывчатого вещества. Ровно за сорок лет до этого реконструкцией взрывных устройств занимался упоминавшийся уже Георг Попп. До него уголовная полиция полагалась, в буквальном смысле, на чутье своих сотрудников, когда имела дело со взрывчатыми веществами, использованными в преступных целях. Сотрудники полиции по запаху определяли, идет ли речь о порохе или о динамите, либо полиция обращалась за помощью к пиротехнику или взрывнику. С развитием науки о следах, однако, выяснилось, что умение обращаться со взрывчатыми веществами и умение определять по осколкам бомбы, какое взрывчатое вещество в ней было использовано, — две разные вещи. Предпринятые Поппом в 1907 и 1910 годах первые исследования взрывчатых веществ стали классическим образцом. Поппу удалось выяснить, какое вещество было использовано в случае взрыва в здании полиции в Оффенбахе-на-Майне и в двух других случаях: при

покушении на одного судью во Франкфурте-на-Майне и при попытке взорвать ратушу во Фридберге. Последователи Поппа продолжили начатую им работу, и в 1949 году в некоторых полицейских криминалистических лабораториях специализировались химики по взрывчатым веществам. Пепен также специализировался в этой области, а с 1946 года в лице Бернара Пекле из монреальского университета получил ассистента, владеющего важным в этом деле спектральным анализом.

И все же, как уже было сказано, Пепен не питал особых надежд на успех. Хотя и имелся некоторый опыт в исследовании взрывчатых веществ и выявлении их компонентов по оставленным следам, все же эта работа оставалась уникальной. Опыт криминалистов нигде не систематизировался, криминалистическая химия не поспевала за промышленностью, производившей все новые и новые взрывчатые вещества. Из года в год изменялась ситуация и постоянно требовались дополнительные эксперименты.

Пепен и Пекле сами побывали 10 сентября на месте происшествия и собрали металлические обломки стенок багажного отделения и остатки багажа и груза, разбросанные вокруг. Франк М. Франси высчитал, что если бы самолет не опаздывал на пять минут, то во время взрыва он находился бы над широким водным пространством реки Св. Лаврентия. Он был убежден, что преступник искусно рассчитал время взрыва, чтобы уничтожить все следы. При исследовании дюралевых частей багажного отделения было обнаружено явление, именуемое специалистами „рассеивающее действие“. Гладкие ранее дюралевые щиты стали волнистыми и синеватыми. Ведь любой взрыв приводит к возникновению газов, распространяющихся с той или иной скоростью. Пороховые взрывы вели к сравнительно медленному образованию газа. Волна давления образовывала отдулины и разрывы в материалах, которые встречались на ее пути. Одновременно оставались следы огня. Но взрывчатые нитровещества, созданные на основе нитроглицерина, производили, напротив, такую невероятную взрывную волну, что она оказывала в буквальном смысле „рассеивающее“ во все стороны действие и имела очень большую температуру. Внешний вид металла в данном случае свидетель-

ствовал, что взорвалось или детонировало взрывчатое нитровещество. Однако еще не было ясно — какое.

Со времени изобретения Нобелем желатинированного динамита появилось множество новых видов динамита — желатинированный динамит, D1, форсит и аммон-желит.

Пепен и Пекле стали исследовать осевшие на остатках багажа и металлических деталях самолета химические частицы взрывчатого вещества и следы газообразных продуктов детонации. Если бы удалось установить химический состав этих осадков, то можно было бы сделать выводы относительно примененных взрывчатых веществ. С поступлением в Монреаль первых обломков самолета началась трудоемкая работа с лупой, микроскопом, спектро-скопом и химическими реактивами. Сначала Пепен обнаружил вкрапления меди в обломках самолета. Так как медь испаряется при температуре в 2350°C , то, очевидно, она была распылена в жидком виде. Но, с другой стороны, на металлических и деревянных обломках имелись черно-коричневые отложения газов детонации. В них обнаружили бесцветные кристаллы. Обнаружение меди навело сначала на мысль, что капсюль взрывателя был медный, а так как медные капсюли, применяющиеся на рудниках, наполняются азидом свинца в качестве воспламеняющего вещества, то для завершения картины следовало поискать в отложениях следы свинца. Но Пепен прежде всего обратил внимание на бесцветные кристаллы, легко растворяющиеся в воде и имеющие горький вкус. Тщательный анализ указал на кристаллы нитрата натрия, или чилийской селитры, которая применяется во взрывчатых нитровеществах динамитов типа желатинированного D1 и в аммон-желите. С чувством, что след, ведущий к определению вида динамита, найден, Пепен продолжал свои исследования. Химические и спектрографические пробы черных и коричневых отложений обнаружили сначала следы свинца и подтвердили предположение, что для инициирования детонации был применен медный капсюль, заполненный азидом свинца. Следы других элементов, как кальций, нитриты и нитраты, а также сульфаты, сульфиты и сульфид, казались сначала столь нехарактерными, что по этому пути не пошли. Пепен решил иначе: взор-

вал в специальной камере те виды динамита, следы которых уже обнаружены, и проанализировать отложения взрывчатого вещества и газов. Кроме того, он хотел знать, полностью ли разрушаются под действием взрыва и температуры примеси „муки“¹, по которой можно установить, какой фирмой изготовлен динамит, или есть надежда найти в обломках самолета остатки такой „муки“. Так как подобные эксперименты нужно проводить в специальных помещениях, то Пепен обратился за помощью в Оттаву. Там оборудовали специальное помещение, которое воспроизводило багажное отделение самолета ДС-3-Д280. Затем с помощью медного капсюля с азидом свинца вызывали детонацию различных количеств разнообразных динамитов. Оказалось, что желатинированный динамит D1 оказывал такое же действие на металлы и части багажа, какое было обнаружено в остатках потерпевшего катастрофу самолета. Что же касается химических отложений, то тут присутствовали нитраты, нитриты, сульфаты, сульфиты, кальций, свинец и медь. Но ни разу не удалось обнаружить ни малейшего следа какой-нибудь „муки“. Не помогли здесь и пятьсот химических и спектрографических анализов, проделанных Пепеном и Пекле в Монреале. Зато не осталось сомнения, что использован был динамит D1, который широко применяется в Канаде в технике, сельском и лесном хозяйстве. При этом преступник использовал не менее 10 фунтов взрывчатого вещества. Так как самостоятельное изготовление динамита было невозможным, то либо он приобрел динамит нелегально, либо украл. Это относилось также и к медному капсюлю.

Оставался еще открытым вопрос о применении дистанционного взрывателя. Электрические дистанционные взрыватели имеют батареи, металлические детали и часы, и планомерный поиск следов их составных частей помогает установить происхождение взрывателей. При рассмотрении дюралюминиевых частей багажного отделения Пепен и Пекле обратили внимание на одно место, где имелся особенно концентрированный налет бело-желто-черного цвета. Создавалось впечатление, что в этом месте с боль-

¹ „Мука“ — катализатор, чаще органического происхождения, процесса детонации. - Прим. перев.

шой силой нанесен удар твердым предметом. Пекле проанализировал водный раствор налета. Результат был ошеломляющий. Налет содержал следы цинка, углерода, марганца, свинца, олова, аммония, натрия, меди, кальция, т. е. следы почти всех составных частей сухих батарей. Пекле предположил, что одна такая батарея ударилась о стенку багажного помещения и оставила на ней следы. Но следующий шаг в этом направлении удался лишь тогда, когда с места происшествия доставили кусок металла, покрытый с двух сторон голубым лаком; его нашли висящим на дереве. Пепен попросил произвести сравнительные исследования со всеми видами сухих батарей, которые можно было купить в Канаде. Выяснилось, что в продаже имеется только одна батарея, у которой металлическое дно окрашено голубой краской, - „Эвриди-батарея" № 10. Спектрограф Пекле показал, что составные части краски с куска металла идентичны составным частям краски с „Эвриди-батареи". Металлографическое исследование тоже доказало совпадение между многочисленными элементами, обнаруженными в бело-желто-черном налете на стенке самолета, и элементами „Эвриди-батареи", за одним исключением — олова. Однако Пепен предположил, что олово могло быть от часов, которые относились к устройству дистанционного взрывателя. Части самих часов найти не удалось.

17 сентября научные исследования шли полным ходом. В Квебеке все оставалось без изменений. Маргарита Питр из дома не выходила. Либо, прочитав „Ле Канада", она насторожилась, если, конечно, она виновата, либо тому имела какая-то безобидная причина. Осторожные расспросы выявили, что она обычно избегала много двигаться, проводила целые дни в постели и муж обслуживал ее. Неопределенность и сомнения не исчезли.

Наконец вечером 17 и утром 18 сентября подчиненные Мата и Гийомета собрали новую информацию, укрепившую уверенность в том, что след взят правильный. Они узнали, что Маргарита Питр во время войны работала в арсенале и там познакомилась с Альбером Гюз. Он неоднократно давал ей займы крупные суммы денег. Парализованный брат Маргариты Питр Женере Рюз работал часовщиком и выполнял заказы по ремонту часов, которые давал Гюз. Конечно, это более чем смелое пред-

положение, но не принимал ли Рюз участия в создании взрывателя с часовым механизмом?

Эти поначалу фантастические линии взаимосвязи к вечеру 18 сентября стали более реальными. Николь Кот, очевидно, была не кто иная, как Мари-Анж Робитай, и долгое время проживала в квартире Питр. Во всяком случае, соседка Маргариты Питр описала внешность Николь Кот, полностью совпадающую с внешностью Мари-Анж Робитай. Уж не предоставила ли Маргарита Питр в распоряжение Гюз любовное гнездышко, где он поселил под фальшивым именем свою возлюбленную и мог беспрепятственно посещать ее? Вечером 18 сентября Гийомет получил письмо рабочего Люсьена Карро, который писал, что Гюз просил передать своей жене Рите бутылку отравленного ликера и обещал за это 500 долларов. Это было в апреле. Не исключено, что письмо продиктовано фантазией. Подобные письма появляются после любого преступления, как грибы после дождя. Но на следующий день, 19 сентября, произошло событие, встревожившее Белека и Гийомета. Гийомету позвонил хозяин одной гостиницы и взволнованно рассказал, что у него работает Тереза Ноэль, помолвленная с братом некой Маргариты Питр с улицы Монсеньора Гавро. В полном отчаянии Тереза Ноэль сообщила ему только что следующее: сегодня утром к Маргарите Питр явился ее давнишний знакомый, некий Альбер Гюз, показал ей статью из „Ле Канада", в которой сообщалось, что пакет с взрывчаткой в аэропорт Ансьен Лорет доставила женщина. Спросив, знает ли она, что ее теперь ждет, передал снотворные таблетки и потребовал, чтобы она покончила жизнь самоубийством. Маргарита приняла часть таблеток. Вызвали врача, и он пытается получить для нее место в госпитале, которое обещают не раньше завтрашнего дня.

Это уже не выдумка, не порождение пылкой фантазии. Наконец стали вырисовываться приметы вероятного преступника. Белек и Гийомет сгорали от нетерпения. Пока Маргарита Питр не была идентифицирована с женщиной, привезшей тот пакет в аэропорт, они ничего не могли предпринять, но приказали своим сотрудникам, наблюдавшим за ее домом, быть особенно внимательными 20 сентября.

Наступило 20 сентября. Около 9 часов

перед домом № 49 остановилась машина. Вскоре из подъезда дома вышла женщина с лицом пергаментного цвета. Ее с двух сторон поддерживали под руки. Пока она шла к машине, Пелетьехватило времени рассмотреть вышедшую. Он не сомневался ни минуты: женщина, которую сейчас увезли, была его пассажиркой 9 сентября.

Как только Белек и Гийомет узнали результаты идентификации, они не медлили больше ни минуты, установили наблюдение за больницей и приказали арестовать Маргариту Питр, как только она оттуда выйдет. Поводом для ареста пока была попытка совершить самоубийство, которое по канадским законам наказуемо. Одновременно за Гюз было установлено тщательное наблюдение. Выяснилось, что Гюз покинул свою квартиру, расположенную за магазином, и переехал к матери в предместье Квебека. В остальном же он продолжал заниматься своими делами, как будто ничего не произошло.

Прошли еще два тревожных дня. Затем Гийомет узнал, что после повторной попытки принять снотворное Питр приведена в чувство и 23 сентября может вернуться домой. Когда она покинула больницу, у входа ее встретили детективы и доставили домой. В квартире ее поджидали Белек, Гийомет и Пелетье.

Маргарита Питр, которую пресса Квебека прозвала „вороной“, долгое время была для всех неясной и странной личностью. То она казалась ограниченной, непорядочной в денежных делах мещанкой, которая со времени совместной работы с Гюз в арсенале часто занимала у него деньги и так задолжала, что вынуждена была выполнять все его желания — от предоставления комнаты для его любовницы до убийства. То казалась наглой, испорченной с ранних лет жизни личностью и, видимо, сознательно участвовала в убийстве, чтобы избавиться от долгов.

И когда Гийомет стоял перед рыхлой, бледной женщиной невысокого роста с бегающими глазками, наполовину скрытыми толстыми полуопущенными веками, она все еще пыталась отрицать свою поездку в аэропорт Ансьен Лорет. Однако, когда инспектор пригласил в комнату Пелетье, она изменила свою позицию. Тяжело дыша, она опустилась на стул и призналась, что утром 9 сентября отвезла пакет в аэропорт. Но это признание было лишь маленьким

трюком, так как она утверждала, что у вокзала Пале ее остановил незнакомый человек и попросил отвезти пакет в аэропорт, ему же нужно было ехать поездом. Он заплатил ей за услугу 30 долларов. Лишь, услышав, что Гийомет знает о ее отношениях с Гюз, о пребывании Мари-Анж Робитай в ее квартире и о посещении ее Гюз 19 сентября, Питр второй раз изменила позицию. Теперь она заявила, что Альбер Гюз назначил ей свидание у вокзала Пале 9 сентября в 8 часов 30 минут. Там он вручил ей пакет и приказал доставить его к самолету на Бе-Комо. Затем последовали длинные лихорадочные объяснения вещей, о которых никто не спрашивал. Она рассказывала, что познакомилась с Гюз в 1942 году в арсенале и распространяла среди служащих его товар. Затем, работая официанткой, выполняла те же поручения, потому что ее заработка не хватало и приходилось брать у Гюз деньги взаймы. Она должна ему 600 долларов. Эти долги он давно уже использует, чтобы шантажировать ее. В 1947 году он заставил ее взять в свой дом — тогда она жила на улице Ришелье — его любовницу Мари-Анж, которой едва исполнилось шестнадцать лет. Мари-Анж Робитай убежала тогда от родителей и скрывалась под фальшивым именем Николь Кот. Гюз не беспокоило то, что этр называется сводничеством и что Питр боялась как полиции, так и суда по делам о несовершеннолетних. С той же бесцеремонностью он послал ее 9 сентября в Ансьен Лорет, объяснив, что пакет должен попасть к клиенту в Бе-Комо еще до конца недели и что в пакете антикварная статуэтка. Она не знала, что Рита Гюз летит этим же самолетом. Это выяснилось лишь после катастрофы, и у нее возникло определенное подозрение, когда Гюз пришел 16 сентября и приказал пригласить на квартиру Мари-Анж Робитай, не говоря ей, что он тоже придет. Она сказала девушке, что хочет сообщить ей кое-что важное. Так Гюз встретился с Мари-Анж. И она слышала часть их разговора. Гюз сказал ей, что не сможет видеть ее, по крайней мере, шесть месяцев, но что он теперь свободен и, как только ей исполнится двадцать один год, возьмет ее к себе навсегда. Затем 19 сентября он снова появился у Питр, швырнул на стол газету „Ле Канада“ и набросился на нее, крича: „Кому ты передала пакет и разрешила вмонтировать туда бдмбу?“ Гюз сказал,

что не хочет разбираться в этом деле, что полиция найдет ее, если она не предпочтет сама покончить с собой. Он дал Маргарите лекарство и потребовал, чтобы она проглотила таблетки. Маргарита так и сделала, но тут появился ее брат и вызвал врача.

Рассказывая обо всем этом, полная Маргарита Питр буквально обливалась потом. Она клялась, что сказала все, что знает, и рада облегчить свою душу. Но по глазам Белек видел, что она лжет. Он холодно сказал, что она только тогда имеет шанс убедить его в том, что ее вовлекли в убийство без ее на то ведома, если скажет всю, абсолютно всю правду. Она отвернувшись на некоторое время, провела потной рукой по лбу и, наконец, снова заговорила. В первый момент ее показания звучали неправдоподобно: 13 августа явился Гюз и пообещал простить все долги, если она окажет ему одну услугу. Он дружит с миссис Кот, у которой в Ривьер-о-Пен имеется ферма. Миссис Кот нужно выкорчевать пни, а для этого необходим динамит. Гюз нелегко его купить. А она, Маргарита Питр, мол, рассказывала однажды, что одна из ее соседок знакома с продавцом из магазина сельскохозяйственного инвентаря и легко могла бы достать динамит. И действительно, соседка миссис Парен помогла ей, узнав, какое значение для Маргариты Питр имеет это одолжение. Они вместе отправились к знакомому миссис Парен, Леопольду Жиро, который работает в фирме „Самсон и Фильон“. Миссис Парен представила Маргариту Питр как миссис Кот и убедила Жиро, что речь идет о сельскохозяйственных нуждах и что у миссис Кот имеется сертификат на приобретение динамита, но она забыла его дома. Они купили десять фунтов динамита и девятнадцать капсулей. Квитанцию Маргарита Питр подписала именем Кот. В девять вечера Гюз зашел за пакетом в ресторан, где она работала. Но ее долговые обязательства он забыл захватить с собой.

Сообщение действительно прозвучало столь сомнительно, что Гийомет приказал привести миссис Парен. Она растерялась и призналась, что после попытки Маргариты Питр совершить самоубийство стала кое о чем догадываться, но не нашла в себе мужества сообщить в полицию о своем легкомысленном участии в афере. То же самое произошло и с продавцом Жиро.

Он сообщил подробные данные о типе динамита и капсулей. Белек связался с Пепеном в Монреале и получил подтверждение, что желатинированный динамит, который Маргарита Питр приобрела в магазине, и медные капсули совпадают с установленными исследованием.

Что бы Белек и Гийомет ни думали 23 сентября об истинных причинах показаний Маргариты Питр, у них были основания арестовать Альбера Гюз. В 23 часа этого дня его арестовали на квартире у матери. Хотя они выбрали для ареста поздний час, все же вскоре собралась толпа людей, желавших взглянуть на человека, который подозревается в убийстве своей жены и двадцати двух незнакомых ему людей. Это был стройный, худощавый мужчина тридцати двух лет. Бледный, но с горделивой осанкой прошел он сквозь толпу, и, казалось, ничто не в состоянии сбить с него спесь.

Первый допрос окончился безрезультатно. Он отрицал какое-либо участие в гибели ДС-3-Д280. Он отрицал, что дал Маргарите Питр пакет, не говоря уже о том, что принуждал ее к самоубийству. Всю эту историю он назвал „детскими сказками“. У него хватило ума не отрицать, что он давно знаком с Маргаритой Питр, что использовал ее иногда как посредницу в торговле и что ее больной брат работает на него. С безразличным видом он подтвердил, что Мари-Анж Робитай была его любовницей. Однако он утверждал, что „приключение с маленькой девочкой“ закончилось еще до смерти его жены. Его жена знала об этой связи, и не было ни малейшей причины убивать ее. У него было одно желание — видеть жену живой. Пусть его оградят от обвинений таких выроdkов, как Питр и Рюз.

В тот день возбуждение общественности резко возросло. Арест Гюз и поразительные показания Маргариты Питр превратили катастрофу самолета в сенсационную тему. Спецнаряд полиции был вынужден охранять от натиска любопытных дом на улице Монсеньор Гавро. Тот факт, что Маргарита Питр не погнушалась получить от фоторепортеров 150 долларов за позирование перед их аппаратами, давал повод подозревать в ней не жалкую, подвергшуюся шантажу женщину, а корыстолюбивую соучастницу, которой Гюз за помощь, может быть, пообещал часть страховой суммы. В

то же время репортеры со всей Америки осаждали кафе „Монте-Карло“, чтобы повидать Мари-Анж Робитай, сфотографировать и проинтервьюировать ее. Сотрудникам Гийомета пришлось потрудиться, чтобы избежать лишней сенсации и установить поточней, какие же отношения существовали на самом деле между девятнадцатилетней Робитай и Гюз.

Мари-Анж Робитай, поняв бессмысленность и опасность молчания для нее самой, рассказала следующее. Когда в 1947 году Гюз познакомился с шестнадцатилетней девочкой в кафе для танцев, ее заполняло юношеское чувство протеста против однообразия жизни Нижнего города и мещанской среды родительского дома и страсть к приключениям. Гюз, рассказавший о своей карьере ювелира, владельца крупных магазинов, о путешествиях, показавшись ей тем человеком, который сможет разрешить все ее проблемы. Вместе с тем он оказался также и тем человеком, который разбудил в ней страсть, одержимость и слепую готовность к иллюзиям. Хотя она вскоре узнала, что он женат и что никакого солидного ювелирного магазина у него нет, она все же представила его своим родителям под вымышленным именем Роджер Энджерс, жила с ним в Монреале, но не в фантастическом великолепном бунгало, а в дешевых меблированных комнатах и променяла дом родителей на темную комнату у Маргариты Питр, пока Рита Гюз не сообщила родителям Мари-Анж, что Энджерс в действительности является ее, Риты Гюз, мужем. Месяцами Мари-Анж жила в квартире Питр, ничего не делая, ожидая только прихода Гюз. Тогда на, пару часов их поглощала любовь и новые иллюзии.

Она жила в постоянном страхе перед судом по делам несовершеннолетних, месяцами сидела под запором, без денег и скрывалась под фальшивым именем Николь Кот. Когда ей, наконец, надоела такая жизнь, она решила расстаться с Гюз. Попросив азаймы пятьдесят долларов, она поехала в Монреаль, чтобы позвонить своим родителям и узнать, можно ли ей вернуться домой. Но Гюз, еще более сумасшедший, чем она, помчался следом за ней на машине, нагнал поезд, е'ьтащил ее из вагона и привез обратно в Квебек.

Снова потекли месяцы в комнатке на улице Св. Ан'келы. Это длилось до мая

1949 года. Однажды она уже была на пути к судье по делам несовершеннолетних, чтобы рассказать ему обо всем.

Гюз вновь перехватил ее, привез в отель и обещал вскоре развестись с женой. В отеле она жила под именем госпожи Гюз, но тоска вечных ожиданий снова одолела ее и, продав свою пишущую машинку, она убежала. На набережной ее остановил Гюз. Она поддалась его уговорам и поехала с Гюз в Сет-Иль. Когда он навещал ее, они жили как супруги. Но средства не позволяли Гюз часто навещать любовницу.

* * *

В июне разочарование подавило страсть, сознание того, что она все время гналась за призраком, стало сильнее, чем любовь. Она вернулась к своим родителям и стала работать в кафе „Монте-Карло“. Но Гюз продолжал преследовать ее. Прямо на улице он грозил ей самоубийством, тогда 23 июня она попросила арестовать его. Но на следующий день, после того как его освободили, он снова пришел в кафе. И тут ему в последний раз удалось уговорить Мари-Анж поехать с ним в Монреаль. Но спустя несколько дней она снова вернулась домой. Стала получать от Гюз страстные письма, в которых он заклинал подождать еще немного. С тех пор они виделись только один раз, в квартире Маргариты Питр после катастрофы.

Маргарита Питр поняла все правильно. Гюз сказал девушке, что теперь он свободен. Но она ответила ему, что все прошло. Гюз не поверил, хотя это была правда. В заключение Робитай сказала, что ничего не знала о его намерениях совершить убийство и, конечно, ничего о самом убийстве, которое, может быть, он осуществил.

То, как она употребляла слова „может быть“, говорило об еще не умершем в ней чувстве к Гюз, об остатке доверия к нему, которые не позволяли ей поверить в вину Гюз. Так или иначе, но ее показания не оставляли никакого сомнения, что у Гюз был достаточно определенный мотив для убийства своей жены.

Пока Гийомет заканчивал допрос Мари-Анж Робитай, Белек занялся Женере Рюз. Он не мог избавиться от мысли, что Рюз, вероятно, принимал участие в изготовлении взрывателя с часовым устройством. Он застал часовщика сидящим в кресле на

колесах в жалкой мастерской на улице Св. Франсуа. Тут же, рядом с мастерской, находилась его не менее жалкая квартира. Рюэ работал за своим столом, как будто ничего не произошло, и встретил инспектора с миной терпеливого больного без следа волнения или нервозности. Да, он знаком с Гюэ. Он встречался с Гюэ каждую неделю, когда тот приносил или забирал часы из ремонта. Он читал о том, в чем обвиняют Гюэ. Рюэ также знал, что рассказала его сестра. Но его сестра никогда не посвящала его в свои тайны. Он просто одинокий и покинутый всеми инвалид.

После долгих запирательств и раздумий он все же вспомнил об одном случае. Примерно в двадцатых числах августа Гюэ пришел к нему и спросил, не знает ли Рюэ кого-нибудь, кто немного разбирается в динамите. Он купил в Сет-Иле земельный участок, и ему нужно выкорчевать пни. При этом он, Рюэ, вспомнил одного своего клиента, Овида Кота из Чарлзбурга, который уже двенадцать лет работает с динамитом на строительстве дорог. Только он назвал имя Кота, как открылась дверь и в мастерскую с испорченными часами в руках вошел сам Кот. Невероятный случай! Гюэ поговорил с Котом о динамите. Это все, что Рюэ слышал о динамите в связи с именем Гюэ. Инспектор спросил Рюэ, не приходилось ли ему когда-нибудь монтировать часы в электрический взрыватель. Рюэ с недоверием ухмыльнулся и спросил, как могла Белеку прийти такая мысль в голову.

А через несколько минут Женере Рюэ вспомнил еще один случай, который, как он утверждал, тоже неожиданно пришел ему в голову. В конце августа или в начале сентября Гюэ опять был у него. Гюэ дал ему в тот раз будильник и попросил просверлить дырочку слева под цифрой двенадцать. При этом он объяснил, что с динамитом дела продвигаются и что теперь он занят созданием электрического взрывателя. После того как дырочка была просверлена, Гюэ исчез, а неделю спустя произошла катастрофа.

Оба воспоминания произвели на инспектора странное впечатление. Он стал подозревать, что Рюэ, хладнокровно обдумав обстановку, решил кое в чем сознаться добровольно, чтобы снять с себя более серьезные подозрения. Детективы, которые ездили в Чарлзбург, сообщили, однако,

что Овид Кот подтвердил показания Рюэ и добавил, что отговаривал Гюэ от какого бы то ни было применения динамита. Но недоверие Белека не рассеялось, и он решил обыскать мастерскую Рюэ и посмотреть, не удастся ли найти следы работы над взрывателем. Он попросил приехать в Квебек Франшера Пепена и Бернара Пекле. Когда инспектор и ученые прибыли на квартиру Рюэ, хозяина не было дома. Дверь им открыла его свояченица. Таким образом у пришедших была возможность работать без помех. Обыск длился уже час и казался безуспешным, когда Пепен и Пекле наткнулись на безобидно выглядявший кусок волнистого картона, на который сотрудники уголовной полиции не обратили бы никакого внимания. Картон был поврежден во многих местах и обнаруживал так много странных для часовой мастерской черных наслоений, что они решили тотчас поехать в Монреаль и исследовать его в лаборатории. Там поставили опыты с капсулями взрывателя из меди, наполненными азидом свинца, и с капсулями из алюминия, наполненными гремучей ртутью. Вокруг взрывающегося капсуля они установили своего рода кулисы из волнистого картона. При взрыве маленького капсуля волнистый картон принимал на себя небольшую взрывную волну. После этого ученые исследовали возникшие при опытах наслоения на картоне, и выяснилось, что отложения, возникавшие при взрыве медного капсуля, наполненного азидом свинца (подобный капсюль был использован при взрыве самолета), точно соответствуют отложениям на волнистом картоне, обнаруженном в квартире Рюэ. Не оставалось сомнений, что Рюэ испытывал различные капсули взрывателя и использовал волнистый картон для ограждения от воздействия взрыва.

Как только Белек получил это известие, он тотчас предъявил результаты исследования Рюэ. Белек не церемонился больше с „больным” и так насел на него, что тот признался в изготовлении взрывателя с часовым устройством и в том, что вместе с Гюэ испытывал его у себя на кухне. Плача и ссылаясь на свою беспомощность и слабость, Рюэ признался, что боялся сознаться в создании взрывателя с часовым устройством, потому что не хотел, чтобы его считали сообщником Гюэ в страшном преступлении. Он клялся, что

Гюз принес ему все для изготовления взрывателя и уверял, что взрыватель ему нужен для сельскохозяйственных работ в Сет-Иле. Правду он узнал уже после авиакатастрофы, когда Гюз явился в его мастерскую и, угрожая, заявил: „Смотри у меня. Если ты что-нибудь сообщишь в полицию о работе, которую для меня выполнял, то будешь иметь дело со мной”.

И что бы Белек ни думал об истинной роли Рюэ и его сестры Маргариты Питр в этой истории, ни Рюэ, ни его сестра в последующие месяцы ни на йоту не изменили своих показаний. И нельзя было доказать, что они лгут, потому что Гюз тоже неизменно отрицал свою вину в смерти жены. Чтобы разоблачить истинную роль Маргариты Питр и ее брата Рюэ, Гюз пришлось бы признаться в совершенном им убийстве.

23 февраля 1950 г. Верховный суд и двенадцать присяжных слушали дело Гюз. Они выслушали показания свидетелей и заключения экспертов, допросили Маргариту Питр и Женере Рюэ. Но не удалось выяснить, что побудило Гюз отрицать все в суде, тем самым покрывая главных свидетелей обвинения. Была ли это та гордость, которая всю жизнь толкала его на авантюры как в вопросах любви, так и в вопросах жизни? Молча слушал он глубокомысленные слова прокурора Дориона, с которыми тот обратился к присяжным: „В таком деле, как это, где могли быть соучастники, вы должны оценивать показания вероятного соучастника с учетом ваших знаний человеческой натуры. Вообще же вам не следует опасаться, что закон не покарает тех, кого следовало бы покарать, кроме Гюз, если таковые имеются ...”

После семнадцатиминутного совещания присяжные объявили Гюз виновным, что означало по канадским законам смертную казнь. И лишь в тюрьме Бордо под Монреалем, не имея надежды на спасение своей жизни, Гюз 3 июля 1950 г. изложил на сотнях страниц историю подготовки и осуществления преступления, где описал действия Маргариты Питр и Женере Рюэ, которые за обещанное им вознаграждение сознательно участвовали в преступлении. 12 января 1951 г., когда казнили Гюз, он еще не знал, что оба его сообщника последуют за ним на виселицу. Они кончили на эшафоте в Бордо: в 1952 году Женере Рюэ и в 1953 году Маргарита Питр, которую в народе называли „мадам ворона”.

Двумя годами позже, в августе 1955 года, в чикагском „Журнале уголовного права, криминологии и полицейской науки” появилась статья „Научная сторона дела Гюз” Франшера Пепена и Бернара Пекле. Они описали в ней свои усилия по обнаружению следов на обломках самолета, по определению примененного в бомбе взрывчатого вещества и по разоблачению Женере Рюэ. Даже в том мире, где под сенью „холодной войны” и постоянно растущей преступности совершается € каждый день все больше и больше покушений и убийств, все больше взломов и ограблений с применением взрывчатых веществ, взрыв самолета был достаточно необычен, чтобы не привлечь внимания широкой общественности, поэтому криминалисты-химики взялись за определение взрывчатого вещества и реконструкцию бомбы.

Но через несколько месяцев, 1 ноября 1955 г., снова произошел подобный случай. Вблизи Лонгмонта в США, в штате Колорадо, упал четырехмоторный Дуглас ДС-6Б, транспортный самолет № 37 559 авиакомпании „Юнайтед Эрлайнз” с пятью членами экипажа и тридцатью девятью пассажирами на борту. Самолет потерпел аварию в результате взрыва. Лаборатория Федерального бюро расследований в Вашингтоне обнаружила в обломках самолета то же, что в свое время обнаружили Пепен и Пекле, — динамит. 14 ноября в Денвере был арестован двадцатисемилетний Джек Гилберт Грехем, мать которого находилась среди погибших пассажиров. Его уличили в том, что он подложил в чемодан своей матери бомбу, чтобы уничтожить ее и получить страховку в 37 800 долларов.

Несмотря на это, дело Гюз сохранило свое значение не только потому, что оно было первым подобного рода, но и потому, что работа канадской лаборатории доказала, как далеко за пределы Европы шагнула криминалистическая и химическая наука о следах, ставшая общим достоянием. Лишь пять лет спустя это нашло свое подтверждение в раскрытии еще одного уголовного дела, происшедшего за тысячи миль отсюда, в другой части света. Только в центре внимания этого расследования находились не взрывчатые вещества и взрыватели, а следы растений, на которые столетия тому назад обратили внимание криминалистов фантазия Артура Конан Дойла и учебник по криминалистике Ганса Гросса.

Бонди, пригород Сиднея, иногда называют „пляжным раем“ на Тихом океане. Однако это название не очень удачно выбрано, если под раем подразумевают роскошную жизнь, как, например, во Флориде. Желтый песок Бонди и морской воздух могут, конечно, соперничать с пляжами Флориды, но молочные бары и закусовые, где подают жареную рыбу и картофель, не идут ни в какое сравнение с ее отелями и магазинами.

Летом 1960 года в Бонди побывало больше двадцати тысяч человек. Среди них были также Бэзил и Фрида Торн, скромная супружеская пара, поселившаяся в начале года в двухэтажном доме на Эдвард-стрит. Торн работал представителем бюро путешествий. Один из двух его детей, восьмилетний Грэм, посещал „Скоте колледж“, так называемую „общественную“ школу Сиднея, которая на самом деле была традиционно частной. Каждое утро, в 8 часов 30 минут, Грэм, одетый в серый школьный костюмчик, проходил от своего дома по Эдвард-стрит до пересечения с Веллингтон-стрит. Там он сворачивал и шел вдоль сквера до угла, к которому присоединялась улица О'Брайен-стрит, где ждал Филлис Смит, приятельницу его родителей. Ее дети тоже учились в „Скоте колледже“. Филлис Смит сажала его в свою машину и отвозила в Белвью-Хилл в школу.

Наверняка, этот ритуал еще долгие годы оставался бы неизменным, если бы Бэзил Торн не разбогател, так сказать, за один день. Будучи постоянным участником сиднейской оперной лотереи, он каждую неделю покупал лотерейный билет за три доллара. В тот день, 1 июня 1960 года, находясь в командировке, он узнал, что на его билет выпал главный выигрыш в сто тысяч австралийских фунтов. Репортерам, ожидавшим его в аэропорту Сиднея, Торн заявил, что не намерен швырять эти деньги направо, а использует их для создания лучшего будущего. Торн продолжал вести скромный образ жизни и не задумывался над тем, что его богатство может вызвать зависть у окружающих его людей.

7 июля около 9 часов утра перед домом Торнов остановился автомобиль Филлис Смит. Она сообщила, что на углу Веллингтон-стрит и О'Брайен притормозила как

обычно, но Грэм на месте не было. Фрида уверяла Филлис, что мальчик вышел из дома в 8 часов 30 минут. Сразу почему-то очень испугавшись, она все же попросила приятельницу съездить в „Скоте колледж“ и узнать, не добрался ли Грэм в колледж каким-нибудь другим транспортом. Вернувшись Филлис сказала, что Грэм в школе не появлялся. И тут Фрида Торн вдруг вспомнила о статье, где речь шла об известном французском фабриканте, у которого в апреле 1960 года украли внука, Эрика Пежо. Так как Бэзил Торн находился в командировке в Кемпси, то она не долго думая позвонила в полицию Бонди.

Сержант полиции О'Шин, который вскоре после звонка Фриды Торн появился в ее доме для выяснения обстоятельств исчезновения ребенка, слышал, как зазвонил телефон. Фрида Торн сняла трубку и услышала голос с иностранным акцентом: Вы миссис Торн? — „Да“. — „Ваш муж дома?“ — „Что вам от него нужно?“ — „У меня ваш сын“.

Фрида Торн так сильно испугалась, что чуть было не выронила из рук трубку. Охваченная паникой, она протянула трубку сержанту и попросила его продолжить разговор от имени Бэзила Торна. Голос в телефонной трубке заявил: „Ваш сын у меня. Мне нужны 25 000 фунтов сегодня вечером, до пяти часов“.

О'Шин, который не знал еще, что Торн выиграл 100 000 фунтов, возразил: „Откуда мне взять такую уйму денег?“ Голос ответил раздраженно: „У вас до пяти достаточно времени. Я не шучу. Если вы не доставите мне деньги, то вашего сына я скормлю акулам ...“ О'Шин крикнул: „Но где я вас найду?“ Ответ прозвучал так: „Я вам попозже позвоню еще раз“. Затем голос в трубке смолк. . . О'Шин сообщил обо всем в Третий спецдивизион полиции Нового Южного Уэльса. Там дело передали сержанту уголовной полиции Фримену. Никто еще не предполагал, что этим делом многие месяцы будет заниматься вся полиция австралийского штата Новый Южный Уэльс.

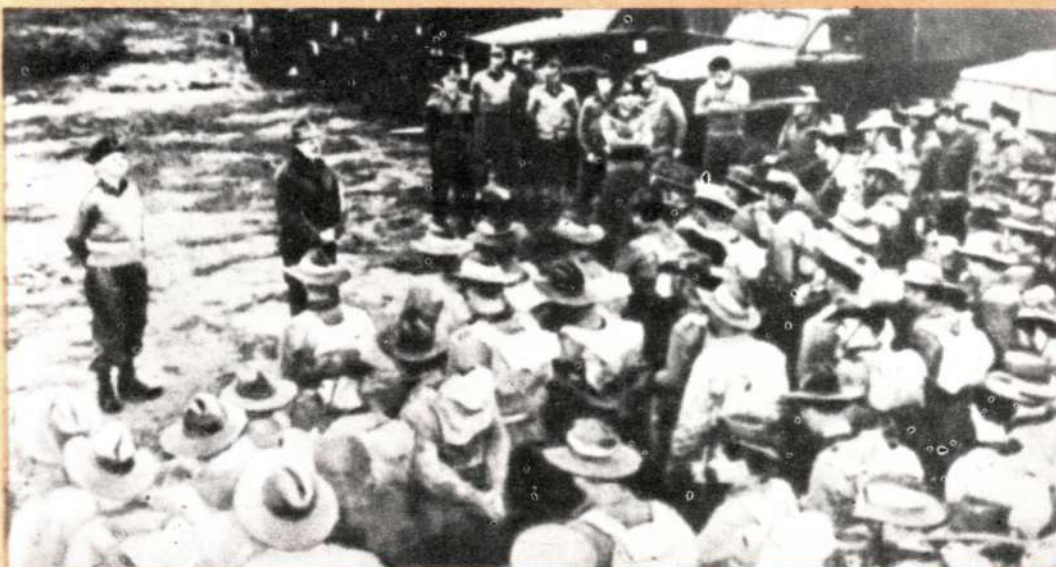
В отличие от Канады Австралийский союз никогда не имел полиции типа Королевской канадской конной полиции. Правда, с 1957 года в Австралии существовали Федеральные полицейские силы. Но область их действия лежала главным образом за пределами австралийских шта-

а) 7 июля 1960 г. в Бонди, пригороде австралийского города Сиднея, был похищен восьмилетний Грэм Торн (вверху). Его родители незадолго до случившегося выиграли по лотерейному билету 100 000 австралийских фунтов. Похитив ребенка, преступник позвонил по телефону и потребовал выкуп.

б) Грэма похитили, когда он, как обычно, шел в школу.

От своего дома (фотография в центре) он шел путем, обозначенным пунктиром, до угла улицы (х), откуда до школы его возила приятельница матери Грэма на своей машине. 7 июля она не дождалась Грэма. Похищение было первым преступлением такого рода в Австралии и взволновало всю страну. Даже австралийские войска (внизу) приняли участие в поисках мальчика и преступника. Но все было напрасно. 16 августа ребенка нашли убитым в кустарнике.

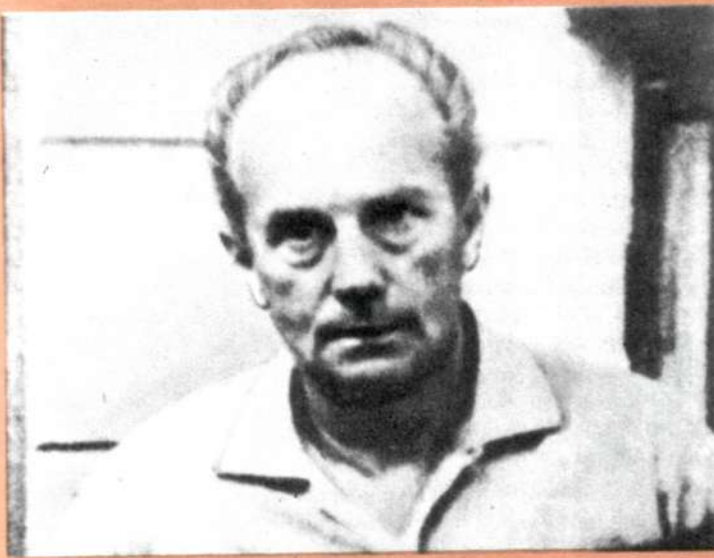

а) Обнаружить похитителя Грэма Торна удалось прежде всего благодаря работе научного бюро уголовной полиции Сиднея под руководством детектив-сержанта Алена Кларка (вверху). Решающую роль сыграли биологические исследования.

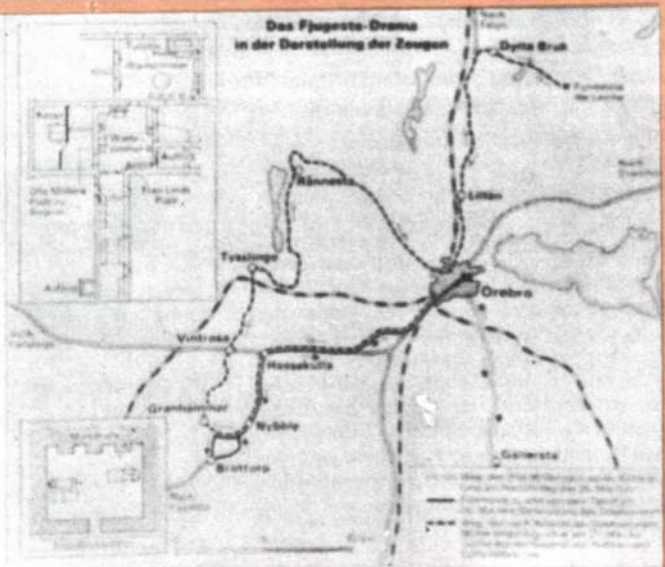
б) На одежде мертвого ребенка ботаник Джойс Уинифред Бик-

кери обнаружила растительные следы определенных видов кипарисов в очень редком сочетании. Планомерные поиски дома, в саду которого произрастали бы эти виды кипарисов, привели к дому № 28 по Мур-стрит в Клонтарфе, пригороде Сиднея (снимок в центре). Это был дом преступника, венгерского эмигранта Штефана Лесли Брэдли, которому удалось скрыться. В Коломбо (внизу) его сняли с корабля, затем доставили в Австралию.

25 мая 1954 г. в Эребру, в Швеции, исчезла женщина по имени Рут Линд (вверху справа). Родом она из Фьугеста. Последний раз ее видели в комнате ожидания больницы в Эребру. Когда, спустя четыре недели, в лесу под Дильта Бруком (внизу слева; в центре — шведский криминал ь-ассистент Артур Ларсон) был обнаружен труп, то подозрение пало на „коммерсанта” Олле Меллера (вверху слева), и его арестовали. Меллера обвиняли в том, что он под предлогом отвезти Рут Линд домой, в Фьугеста, заманил ее в машину, которую часто арендовал на рынке в Эребру. В машине он изнасиловал и убил ее. Труп спрятал сначала в районе Нибла, чтобы на следующий день утром отвезти в лес на север (см. карту). Для раскрытия и доказательства преступления решающее значение сыграло успешное доказательство того, что место обнаружения трупа не являлось местом совершения преступления. В процессе этого доказательства были предприняты самые обширные в истории криминалистики сравнения проб земли. Следы почвы на одежде пострадавшей подверглись сравнению с пробами почвы места обнаружения трупа.

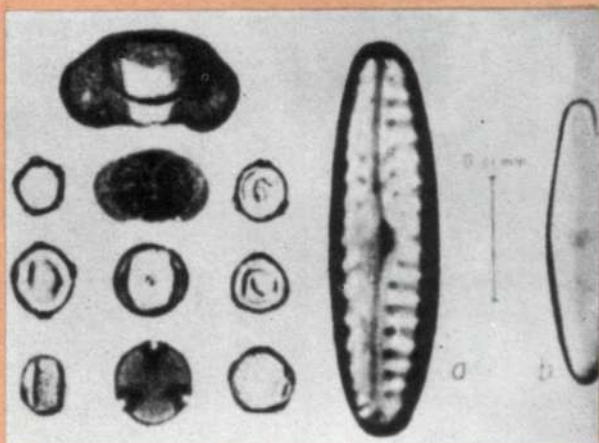

а) Анализы проб почвы выполняли ученые университета города Упсала, а также Свен Оден (вверху слева) из Сельскохозяйственного института. На фотографии (вверху справа) показан поперечный разрез

многочисленных проб с места обнаружения трупа.

б) Расследование опиралось не только на сравнение минералогических составов следов почвы и проб, но и на совпадение содержания диатомей (диатомовых водорослей) и пыльцы растений. Весь подлежащий анализу, материал был отражен в сравнительной таблице (в центре). Внизу слева сверху вниз — установленные виды пыльцы ели, черной ольхи и т.д. Справа два вида диатомовых водорослей. Согласно исследованию, место обнаружения трупа не совпало с местом совершения преступления и Олле Меллер был осужден на 11 лет.

тов Нового Южного Уэльса, Виктории, Квинсленда, Тасмании, Южной Австралии и Западной Австралии. Их полем деятельности были просторы Северной Территории с ее 523 620 квадратными милями, где проживало лишь 30 000 человек. Многие полицейские участки связаны между собой только радио и самолетами, и даже в 1960 году районы пустыни контролировались патрулями на верблюдах. Федеральная полиция действовала также на островах Науру, Норфолк и Новая Гвинея. Кроме того, имела Полиция основной территории Австралии, деятельность которой ограничивалась столицей Канберрой. Вся остальная полиция, в том числе уголовная, была внутренним делом отдельных штатов, и полиция каждого штата имела собственную историю, полную приключений. Их родоначальниками были большей частью выходцы из кругов тех уголовных элементов, которых старая Англия с 1788 по 1868 год ссылала в свои австралийские колонии.

В Квинсленде, куда в 1824 году прибыли первые сорок ссыльных, а в 1839 году первые свободные переселенцы, полиция возникла вместе с появившимися здесь в 1842 году пятью полицейскими констеблями. Здесь были еще свежи воспоминания о кровавых схватках между колонистами и аборигенами. Западная Австралия, история которой началась с прибытием сорока восьми солдат и ссыльных в 1826 году, получила своих первых полицейских в 1829 году в лице шефа-констебля в Фримантле, шерифа в Перте и нескольких их помощников, которые были настолько беспомощны в борьбе с преступностью, что за годы с 1830 по 1832 от страха перед уголовными элементами из страны сбежало две тысячи переселенцев. Виктория, на землю которой Эдвард Генли высадил в 1834 году первых ссыльных, в течение двадцати пяти лет так мало делала для создания своей полиции, что в 1851 году, когда обнаруженное там золото вызвало наплыв международных авантюристов, настало время тяжелых испытаний. Так называемая банда Гэрретта в Мельбурне, население которого за десять лет выросло с 20 до 140 тысяч, могла без опасения ограбить корабль с 25 000 фунтов золотом на борту. Лишь в 1853 году, когда в Мельбурн прибыл лондонский инспектор Сэмюэль Фримен и при помощи пятидесяти

констеблей навел там порядок, появилось нечто похожее на полицию.

Самое раннее воспоминание о полицейской защите в Южной Австралии связано с военными моряками, любившими выпить, и с человеком по имени Уильям Уильямс, который в 1836 году был первым шеф-констеблем и тюремщиком одновременно. История его работы в полиции насыщена борьбой с нарушителями закона и грабителями, подобными Джозефу Стори из банды „черные маски“. И, наконец, что касается Нового Южного Уэльса с его столицей Сиднеем, то ранний период истории его полиции связывают с ночными патрулями, которые состояли из арестантов „с хорошим поведением“. История первых подразделений констеблей в Сиднее окутана мраком. В одном только 1828 году с мая по октябрь пришлось уволить 75 констеблей, которые обвинялись в проступках или преступлениях, и 25, спасавшихся в критические моменты бегством. И лишь в 1862 году, когда уже было слишком поздно, и „буш-рейнджерс“¹ подорвали порядок в отдаленных частях страны, началось упорядоченное развитие полиции.

Прошло столетия, прежде чем в Новом Южном Уэльсе появилась полицейская власть, которая навела порядок как в Сиднее, так и в самых отдаленных районах северо-запада. Еще пятьдесят лет прошли, прежде чем появилась современная полиция, которой в 1960 году командовал верховный комиссар при полицейском штабе Сиднея Коллин Джон Дилани и район действия которой охватывал весь Новый Южный Уэльс с почти четырехмиллионным населением и площадью, в два раза превышающей площадь Британских островов. Больше 6000 полицейских работало в Сиднее, в диких горах юга, в одиноких полицейских участках районов Уайт Клиффс и Тибубарры. Уголовная полиция (Отдел уголовного расследования), которая обслуживала Сидней и районы страны вплоть до Блю Маунтинз и в июле 1960 года возглавлялась суперинтendenteм Уинсором и Уоденом, имела свою занимательную историю. Ее родоначальником был арестант Израэль Чэпмен, ставший в 1827 году „ловцом воров“ в Сиднее. Однако в 1960 году подобное мог-

1 „буш-рейнджерс“ - бродяги. - Прим. пер.

ло быть лишь воспоминанием о давно прошедших временах. Криминальная полиция Нового Южного Уэльса под названием Детективный отдел уже на ранней стадии своего развития пользовалась передовыми методами работы и в 1902 году создала первый регистр отпечатков пальцев, который с 1941 года превратился в дактилоскопическую картотеку для всей Австралии. Ее суперинтенденты с Сентрал-стрит в Сиднее постоянно следили за развитием полицейского дела в Европе и перенимали все то новое, что им было нужно.

Но каким бы работоспособным ни был Отдел уголовного расследования, в то утро 7 июля 1960 года, когда сержант уголовной полиции Фримен впервые переступил порог дома Торнов, у полиции Австралии не было никакого опыта в расследовании дел о похищении людей. Единственное подобное дело случилось двадцать восемь лет тому назад. В феврале 1932 года похитили скотовода Перрота и держали под стражей в квартире на сиднейской улице Роски. Там похитители заставили его подписать чек на 10 000 фунтов. Однако при попытке реализовать чек они были арестованы, а Перрот освобожден. В то время как уголовная полиция Соединенных Штатов Америки, начиная с похищения ребенка Линдбергов в конце двадцатых годов, неоднократно имела возможность обогатиться опытом (чаще всего печальным) по расследованию дел о похищении людей, Отдел уголовного расследования в Сиднее стоял перед совершенно новой для него проблемой. Множество полицейских машин съехало к дому Торнов. Полицейские обыскивали улицы и сады. При этом было нарушено основное правило, вытекающее из опыта американской полиции, что любые действия полиции должны производиться при строжайшем соблюдении секретности. Похитители детей никогда не упускали случая предупредить родителей своей жертвы, что вмешательство полиции будет равносильно убийству ребенка. Если они и возвращали похищенного ребенка в обмен на выкуп, то лишь в тех случаях, когда чувствовали себя в полной безопасности. Обнаружив участие полиции, они предпочитали убить свою жертву, освобождаясь еще до начала преследования от „предательского балласта“. Правда, даже осторожные действия полиции не всегда предотвращали убийство похищенного ребенка, и родители, уп-

латив выкуп, часто получали взамен лишь труп. И тем не менее считалось основным правилом не провоцировать убийство, а попытаться проследить за передачей выкупа похитителям и приступить к преследованию лишь в тот момент, когда похищенный ребенок будет находиться в полной безопасности.

Когда же активность полиции всполошила репортеров, то им разъяснили, что идут учения. Однако уже в 10 часов они знали, что исчез Грэм Торн и что какой-то неизвестный потребовал у родителей выкуп. В полдень появились уже первые сообщения в газетах, приблизительно в то же время, когда Бэзил Торн, возвращаясь из командировки, прибыл в аэропорт Сиднея Кингсфорд Смит, где о случившемся ему сообщил сержант уголовной полиции Уоркмен. Ни один ловкий репортер не упустил случая написать о событии. Таким образом, похититель Грэма Торна самое позднее вечером мог прочитать, что отец мальчика вернулся домой во второй половине дня и что утром по телефону он не мог разговаривать с Бэзилем Торном, а разговаривал, возможно, с полицейским. Но предпринять уже было ничего нельзя. Тем более, что первые же публикации вызвали волну возмущения. „На улицах, фабриках, в отелях, автобусах... бюро, магазинах, — писал некоторое время спустя сиднейский репортер уголовной хроники Билл Арчибалд, — только и было разговоров, что о похищении ребенка. Теории и версии, аргументы и дискуссии бушевали с такой страстью, какой не приходилось наблюдать со времени крупных политических и экономических потрясений первых послевоенных лет“. Такое развитие событий 7 июля сделало бессмысленным как отступление полиции, так и проведение дальнейших мероприятий в секретном порядке. Верховному комиссару Дилани, когда ему сообщили о событиях, тоже ничего другого не оставалось, как форсировать поиски преступника и предпринять отчаянную попытку задержать его прежде, чем он убьет ребенка.

По указанию Фримена, телефон Торнов был взят под наблюдение, чтобы при повторной попытке похитителя связаться с родителями мальчика можно было бы установить, откуда тот звонит. В квартире Торнов дежурил сержант уголовной полиции Поль, чтобы прослушивать все телефонные разговоры. Контроль за пансионатами, мотелями,

мостами, автобусами, вокзалами, пристанями и аэропортами распространился на весь Новый Южный Уэльс. Что касается Сиднея, то принятие там подобных мер заранее казалось бесперспективным. Ведь речь шла о таком городе, который простирался на 500 квадратных миль и, за исключением торгового центра, состоял из бесконечной цепи „предместий“, которые располагались между длинными отрезками морского побережья, бесчисленными островами и рощами, на холмах и в долинах. Всю вторую половину дня и весь вечер по радио и телевидению передавали обращение Дилани к населению, в котором он просил сообщать обо всем подозрительном. Даже премьер-министр Нового Южного Уэльса Хеффрион призывал общественность к оказанию повсеместной помощи: „Мы никогда не думали, что в нашей стране может иметь место похищение ребенка и вымогательство выкупа“. И наконец, сержант уголовной полиции Грей предпринял попытку подвести к телекамере Бэзила и Фриду Торн, которые растерянно наблюдали за происходящим и все время выражали готовность отдать за возврат ребенка весь свой выигрыш. Но мать Грэма отказалась отойти от телефона, и Грей с одним лишь Бэзилем Торном поехал в полицейский участок, где была оборудована временная телестудия. Торн обратился к* похитителю со словами: „Если тот, кто спрятал моего сына, сам является отцом и имеет детей, то прошу его ради бога вернуть мне Грэма живым“.

Пока Торн отсутствовал, в его квартире зазвонил телефон. Был 21 час 40 минут! Сержант уголовной полиции Поль подошел к телефону, и состоялся следующий разговор: „Это вы, господин Торн?“ - „Да“. — „Вы один в двух лицах!“ — „Подождите минуточку. Я хочу записать ваши условия точно, чтобы не сделать ошибки“. Поль сказал это, чтобы затянуть разговор и дать возможность сотрудникам полиции засечь телефон, по которому говорил похититель. В ответ послышались малопонятные слова, и все смолкло. Вероятно, позвонивший что-либо заподозрил. Установить место, откуда он звонил, не удалось. Фрида Торн была в отчаянии и в первый раз обвинила полицию в том, что она отпугнула человека, в руках которого находится Грэм. Господин Торн был более сдержан, но и он тоже чувствовал, что полиция действует неуверенно, наугад и что это дает преступнику возмож-

ность без труда спрятаться. Он заявил, что сам будет иметь дело с похитителем, если тот еще раз позвонит. Так, поздно вечером 7 июля начался конфликт между родителями и полицией, который продолжался на протяжении почти всей этой истории, потому что с самого начала не была обеспечена маскировка участия полиции в поисках ребенка. Попытки похитителя связаться с родителями прекратились. Родители день ото дня все больше впадали в панику. Они предпринимали отчаянные меры и становились жертвами жуликов, которые утверждали, что ребенок находится у них. Но полиция не имела теперь возможности устроиться. И не только давление общественного мнения заставляло ее продолжать свою работу. Как только появлялись гиены в облике человека, которые использовали похищение ребенка, чтобы шантажировать родителей, полиция просто обязана была вмешаться. Так бывало раньше, так случилось и теперь, в ночь с 7 на 8 июля 1960 года.

Утром 8 июля Фримен и его сотрудники покинули квартиру Торнов и предоставили им возможность самим дожидаться третьего звонка. Однако вскоре Фримену пришлось заехать за Торнами и отвезти их в Вейкхерст Парквей на северо-востоке Сиднея. Один старик, собиравший пустые бутылки на месте свалки, обнаружил-школьный ранец. Это был ранец Грэма. Дилани послал 200 полицейских, чтобы они обыскали всю местность. Самолеты доставили из Южной Австралии полицейских собак, в поисках приняли участие вертолеты. Два дня работы ничего не дали. Затем, 11 июля, в одной миле от места обнаружения ранца нашли шапку, плащ, учебник математики и мешочек для завтрака, принадлежавшие Грэму. Но все дальнейшие поиски ничего не дали.

В это время телефон сиднейской полиции, предназначенный для вызова полиции в экстренных случаях, не умолкал ни на минуту. Уже упоминавшийся нами полицейский репортер Билл Арчибалд писал по этому поводу: „Подобного участия в работе полиции Австралия еще никогда не переживала. Даже во время погони за опасными преступниками Симондсом и Ньюкомбом в 1959 году большинство жителей страны предпочли остаться безучастными наблюдателями. Но в деле Торна, кажется, исчезло предубеждение против сотрудничества с полицией“. И действительно, полиция чуть не „утонула“ в потоке информации. За не-

сколько дней Отделу уголовного расследования пришлось оборудовать в Бонди центральное бюро с сержантом уголовной полиции Фоли во главе, который принимал все сообщения и направлял детективов для их проверки. Фоли — человек аналитического ума, имевший в своем распоряжении сорок сотрудников, несмотря на это, просто „тонул” в тысячах сообщений, девяносто восемь процентов которых при проверке оказывались плодом человеческой истерии, тщеславия, фантазии, страсти к доносительству, алчности или помешательства. Фоли впервые пережил весь этот спектакль, который сделал еще до него многих служащих криминальной полиции циниками. Тот факт, что похититель говорил с иностранным акцентом, поставил под подозрение большое число людей, недавно переселившихся в Австралию. А иммигранты в свою очередь давали ложные показания и делали бессмысленнейшие заявления, чтобы оградить от дальнейших подозрений своих земляков. Сотрудники Фоли проделали тысячи миль пути, чтобы проверить поступившие сообщения. Они обыскивали старые дома, из которых якобы раздавались крики ребенка, и натывались в конце концов на кошку с котятами. Или они обследовали целые корабли, как, например, „Касл Филис” в Мельбурне, на которых якобы видели подозрительную женщину с мальчиком.

И все же из бесконечного потока информации удалось выудить одно сообщение, которое показалось Фоли достойным внимания. Молодой человек Джозеф Денмид сообщил, что утром 7 июля, когда он проходил перекресток Веллингтон-стрит и Фрэнсис, ему бросился в глаза подозрительный вид автомобиля, который стоял так, что его пришлось обойти. Когда Денмид услышал о похищении, у него зародилось подозрение. Он описал машину — голубой „Форд” выпуска 1955 года. Сержанты уголовной полиции Дойль и Бейтмен устроили Денмиду серьезное испытание. Дойль заставил Денмида в потоке машин уличного движения называть ему все голубые „Форды” производства 1955 года, пока не убедился, что молодой человек правильно определил марку автомобиля. Лишь после этого он приказал изучить картотеку всех зарегистрированных в Новом Южном Уэльсе „Фордов” 1955 года. Из 270 000 машин марки „Форд” 5000 были выпуска 1955 года. Машины находились во всех частях Но-

вого Южного Уэльса. Специально назначенные сотрудники полиции посетили каждого владельца, чтобы установить, где находилась машина утром 7 июля. Фоли, Дойль и Бейтмен заранее знали, что эта работа потребует нескольких месяцев.

Через десять дней после исчезновения Грэма Торна положение было так же неясно, как и в первый день. Бэзил и Фрида Торн по-прежнему напрасно ждали того момента, когда они еще раз услышат по телефону голос незнакомого человека. Опытные знатоки киднапа сделали отсюда вывод, что похититель потерял надежду получить выкуп и Грэм Торн уже давно убит им, потому что, учитывая волнение во всей стране, он представляет для похитителя слишком большую опасность. И они не удивились, когда вместо еще одного звонка похитителя начался отвратительный спектакль, сопровождающий каждый случай похищения. Люди-гиены почуяли шанс обогатиться за счет несчастных родителей и вылезли из своих нор в Новом Южном Уэльсе. Бэзил и Фрида Торн, а также священник Гудвин, который официально предложил свою кандидатуру в качестве посредника между родителями и похитителем, обещая хранить полную тайну, метались между людьми, пытавшимися обмануть и шантажировать их, то загораясь надеждой, то впадая в полное отчаяние. Незнакомые люди подводили к телефону подученных детей, выдавали их за Грэма и, ставя перед родителями множество условий, заманивали их с пачками денег даже в Брисбен и Квинсленд. Еще во второй половине дня 16 августа Торнам позвонил какой-то итальянец из Квинсленда. Он сообщил Торнам, что только что видел Грэма в машине, которая направлялась в Таунсвилл, и добавил: „Надеюсь, это известие осчастливит вас”.

В тот же день, 16 августа, два восьмилетних мальчика, Филип Уолл и Эрик Каулин, в Грэндвью Гроув в Сифорте, который находится в десяти милях от Бонди, рассказали своим родителям, что на пустыре они видели узел подозрительного вида. Мальчики и их отцы, взяв факел, отправились на пустырь. В лощине они обнаружили описанный детьми узел. Развернув пестрое одеяло, перевязанное шпагатом, мужчины увидели труп мальчика со связанными руками. Они сообщили в полицейский участок в Мэнли о находке, и через час Сидней потянуло сообщение, что найден Грэм Торн, но

не живым, а мертвым. На мальчике была все та же одежда, которую надела на него мать утром 7 июля. Его школьная курточка была застегнута на все пуговицы. В кармане брюк лежал аккуратно сложенный неиспользованный носовой платок, который он получил, уходя из дома. Все это позволяло предположить, что ребенка убили вскоре после похищения. Ноги тоже были связаны. Вокруг шеи обвивался шарф. По тому, как он был завязан, было видно, что им закрывали рот ребенка, чтобы он не мог кричать. Легкие и верхние дыхательные пути имели множественные кровоизлияния, что свидетельствовало о насильственном задушении ребенка. Но и на затылке имелось ранение — пролом черепа. Грэм Торн умер насильственной смертью и притом задолго до обнаружения.

Как писал один французский корреспондент из Сиднея, реакция Австралии на сообщение об обнаружении трупа ребенка была подобна „воплю, взывающему о возмездии“. Полиция оказалась не в силах предотвратить убийство. Все надеялись, что она постарается во что бы то ни стало найти убийцу. Сотрудники полиции, собравшиеся утром 17 августа в Сиднее, под руководством Дилани и суперинтендентов Уинсора и Уодена безуспешно пытались добыть какие-нибудь дополнительные сведения, опрашивая жильцов одного дома за другим. Вскоре пришлось признать, что полиция, как и прежде, ничего не знает о похитителе. Известно лишь, что тело ребенка нашли в десяти милях от дома его родителей, в то время как школьный ранец и другие принадлежавшие Грэму вещи были обнаружены совсем в другом месте, в северо-восточной части города, а также, что ребенок убит уже давно. Кроме этого не было ни одной зацепочки. Уже опросили несколько тысяч владельцев „Фордов“ выпуска 1955 года. Насколько удалось выяснить, ни один из них не находился вблизи места похищения 7 июля. В этот момент бесперспективности и пессимизма Уинсор и Уоден обратили свои взоры на следы, которые преступник, может быть, оставил на трупѣ жертвы.

Австралийская уголовная полиция тоже не оставалась в стороне от естественнонаучной криминалистики. Еще в 1936 году по опыту Европы в Брисбене была основана Судебно-криминалистическая лаборатория. Двумя годами позже в Сиднее оборудовали еще одну лабораторию. Но эти лаборатории

занимались почти исключительно исследованием следов ног, шрифтов, документов и следов от инструментов. И только после второй мировой войны естественнонаучная криминалистика получила широкое распространение. Развитию криминалистики способствовал и опыт раскрытия крупных преступлений, одним из которых было расследование убийства Бриджит Гю в Тингальпе под Брисбеном в 1946 году. Бриджит Гю исчезла тогда бесследно с фермы своего мужа Томаса Гю. Поисковая команда нашла только подозрительные остатки костра на принадлежавшем Томасу Гю участке леса, который расположен в нескольких милях от фермы. Разоблачение Гю стало возможным только благодаря совместной работе врачей и биологов из маленькой лаборатории в Брисбене, которые доказали, что в пепле находятся останки трупа женщины и что между костром и фермой Гю имеется след телеги, на которой Гю привез труп жены к костру.

Под впечатлением этого и других успехов естественнонаучная криминалистика привлекала все большее внимание. К 1948 году расширилось основанное в 1938 году Бюро научной криминалистики Сиднея. В августе 1960 года в нем работало 18 сотрудников во главе с сержантом уголовной полиции Аленом Кларком. Однако в бюро не было своих ученых, как в Европе. В основном здесь придерживались правил, характерных для Англии до 1938 года.

Сотрудники Кларка — все полицейские — обучались лишь осмотру места происшествия и обеспечению сохранности следов. Весь материал, связанный со следами преступления и нуждающийся в естественнонаучном исследовании, они передавали в научные институты, сосредоточенные в Сиднее. Но изъяны такой системы, заключающиеся в том, что ученые зачастую не были знакомы со специфическими криминалистическими проблемами, были не понятны в Сиднее.

Ален Кларк и его сотрудники утром 17 августа появились в Сифорте. Одни из них метр за метром осматривали место обнаружения трупа ребенка, другие занимались исключительно следами на теле, одежде и одеяле. Потом одеяло и вся одежда были доставлены в Бюро научной криминалистики на Сентрал-стрит в Сиднее. Здесь, к великой радости Уинсора и Уодена, Кларк зарегистрировал множество различных сле-

дов. На обеих сторонах одеяла обнаружили много волос человека и животного. Они прилипли также к спинке курточки и к брюкам Грэма. На шарфе, который послужил кляпом, тоже обнаружили волосы человека. Неоднократное и тщательное обследование ботинок, брюк, обратной стороны пиджака, завязанной части шарфа обнаружило большое число видимых под микроскопом прилипших кусочков почвы, которые имели одинаковую красноватую окраску. Каждый предмет, так же как и волосы, был упакован отдельно. На шарфе, брюках и пиджаке имелись другие следы - мельчайшие частицы растений и листики неопределенного происхождения. Другие составные части растений прилипли к внутренней стороне одеяла, частично там, где одеяло касалось спины Грэма, но главным образом — спереди, где оно лежало на груди убитого мальчика. И еще Кларк и его сотрудники обратили внимание на то, что на ботинках имелись отчетливо видные образования плесени, происхождение которой, как и странного жирного вещества, которым были покрыты шерстяные чулки Грэма, они не могли объяснить.

Обеспечение сохранности многочисленных следов отняло много времени. Но уже 18 августа Кларк обратился к профессору Невиллу Хьюлетту Уайту, который преподавал в университете Сиднея патологию растений, и передал ему ботинки и чулки с явно выраженными образованиями грибов и жира, попросив определить их вид, происхождение и время появления. 19 августа он связался с Кэймероном Оливером Крэмпом, который работал в Государственной полицейской лаборатории судебной медицины и занимался идентификацией волос. Его попросили исследовать обнаруженные волосы. Затем последовала передача красноватых кусочков почвы, прилипших к одежде мальчика, Горасу Фрэнсису Уитуэрту, работавшему уже двадцать четыре года в Музее геологии и горнорудного дела в Сиднее и часто осуществлявшему криминалистические исследования почвы. По поводу следов растений Кларк консультировался с ботаником Джонсоном и впоследствии с доктором Джойс Уинифред Викери, которые работали в гербарии ботанического сада в Сиднее. И наконец, он обратился за советом к Малькольму Чейкину, профессору текстильной техники при университете в Новом Южном Уэльсе, чтобы тот определил технические

особенности текстиля одеяла и установил, где оно могло быть изготовлено. В момент начала всех этих исследований Кларк даже не представлял себе, какой они примут размах. Еще меньше он мог предвидеть, что именно следы невзрачных с виду растений, имевшие неказистый внешний вид, в конце концов укажут путь к убийце.

За семь десятилетий, прошедших со времени встречи литературного детектива Шерлока Холмса с частицами растений на месте преступления, ботаника постепенно вошла в криминалистику. В 1960 году звучало уже несколько неправдоподобно воспоминание о сенсации, которую вызвал Ганс Гросс описанием в „Руководстве для судебных следователей“ довольно примитивных уголовных дел, раскрытых с помощью ботанических исследований. Одним из них было дело австрийского драгуна, который предавался возлияниям вместе со своими друзьями в саду трактира. Когда в вечерних сумерках мимо них проковылял какой-то пьяный и обругал солдат, то драгун выхватил саблю и рассек голову обидчику.

Так как солдаты держались солидарно и не выдавали виновного, то следователь поручил произвести микроскопическое исследование сабли. Он надеялся обнаружить следы крови. Но исследователь не обнаружил крови, зато он нашел в зазубрине лезвия сабли маленький фрагмент травяного стебля. Так как кусочек травы был совсем свежим, то он мог попасть на саблю только недавно, и виновный драгун признался, что после убийства вытер свое оружие травой.

К самым первым европейским энтузиастам химико-биологического исследования следов, которые широко использовали в своей работе ботанику, принадлежит все тот же Георг Попп.

Число уголовных дел, раскрытию которых он способствовал проведением ботанических исследований, только за годы с 1910 по 1930 составляет несколько десятков. Некоторые из них относились к нашумевшим делам того времени. Другие не вышли за рамки провинций, но все же помогли посеять семена, которые дали хорошие всходы после второй мировой войны. К таким делам можно отнести дела Копмана, Маурера и Мигера.

В деле Копмана, которое произошло в 1913 году, речь шла о проникновении вора в крестьянский двор, откуда ему удалось

скрыться незамеченным. Среди подозреваемых нашли все-таки виновного благодаря тому, что Попп обнаружил на его чулках частицы корнеплодов, отруби пшеницы и вереск, использовавшиеся как подстилка в свинарнике, через который преступник пробирался во двор, сняв ботинки, чтобы не шуметь.

Другие проблемы встали перед Поппом в делах Маурера и Мигера. Здесь он впервые имел дело со следами сена и травы и доказал, что анализ видов травы открывает чрезвычайные возможности, потому что, согласно исследовательской работе берлинского ботаника Виттмарка, известны больше сотни различных видов травы, которые различаются не только формой листа, но и расположением их „нервов“, местом устьица, величиной и строением клеток. По поводу так называемого „дела Мигера“ Поппа пригласили поздней осенью 1917 года в Кепперн в Таунусе. Там браконьер застрелил лесника. Его нашли в кормушке с сеном, которая была сооружена для подкормки диких зверей. Сена давно не подкладывали, и оно стало ломким и заплесневелым. Часть его скосили года два или три тому назад во время цветения, другая часть, более темного цвета, взята из второго покоса, и обе части сена резко различались. При каждом прикосновении к кормушке частицы сена разлетались во все стороны, и на одежде преступника, который спрятал лесника, должна была остаться пыль от сена. При расследовании был заподозрен рабочий по имени Мигер, работавший в расположенном поблизости гарнизоне. Подозревали, что он использовал свой отпуск для браконьерства. Однако он утверждал, что никогда не встречался с лесником. Попп обследовал сумку куртку Мигера и обнаружил на ней много мест, покрытых пылью от сена. Сравнивая под микроскопом эту пыль с пылью от сена из кормушки, удалось установить полную их идентичность благодаря своеобразной смеси двух сортов сена. Микробиологическим путем этот результат подтвердили, вырастив культуру плесени из пыли, собранной с куртки Мигера. Появившиеся микроорганизмы соответствовали культурам, которые можно было получить из сена в кормушке.

Невозможно проследить все этапы развития ботанического исследования следов в последующие годы. Но интересно, что еще в конце 1923 года один из первых амери-

канских ученых, распространявших в Америке европейские естественнонаучные методы расследования уголовных преступлений, Эдвард Оскар Хайнрик в Беркли применил ботанику в одном уголовном деле, ставшем классическим в американской криминалистике. 11 октября 1923 года поезд № 13 компании „Южный тихоокеанский экспресс“ в туннеле Каскадных гор в Орегоне остановили бандиты. Персонал поезда убили, а почтовый вагон взорвали динамитом. Вагон загорелся, и бандиты собственными руками уничтожили то, чем стремились завладеть. Кроме того, на месте преступления они оставили синий изношенный замасленный комбинезон. Детективы и служащие почтовой инспекции США не обнаружили никаких следов. Тогда решили послать комбинезон в Беркли. Хайнрик занимался всем, используя методы ранних лет криминалистики, — от расшифровки тайнописи и химических исследований до анализа следов. И хотя его экспертные заключения иногда носили утрированный характер и очень походили по стилю на высказывания Шерлока Холмса, за ними скрывалась обычно серьезно проделанная работа. В ноябре 1923 года он докладывал: „Присланный мне комбинезон носил дровосек, притом левша, который обычно работал в еловых лесах. Речь идет о белом, в возрасте до 25 лет, ростом не выше 5 футов 10 дюймов. У него каштановые волосы, светлая кожа лица, светло-коричневые брови, маленькие руки и ноги... Очевидно, он живет и работает на северо-западном побережье Тихого океана. Поищите такого человека“. Диагноз Хайнрика, согласно которому хозяин костюма был лесорубом, левшой с северо-запада, был основан на том, что в правом кармане костюма он нашел мельчайшие частицы еловых хвоинок и различные под микроскопом щепочки еловых деревьев. Так как они находились только в правом кармане, то это позволило Хайнрику сделать вывод (впоследствии подтвердившийся), что хозяин костюма левша. Работая левой рукой, дровосек стоял так, что его правый карман был обращен к обрабатываемому дереву. Такое положение, по мнению Хайнрика, создало возможность попадания древесных щепочек в правый карман. Кроме того, увеличенные в 500 раз частицы хвоинок позволили определить, что речь идет о ели Дугласа, которая произрастает на северо-западе. Сорока годами позже ни один

криминалист, использующий естественнонаучные методы, не решился бы дать столь категоричное заключение. Но так как в ходе дальнейшего расследования с использованием данных, полученных Хайнриком, были арестованы три брата Дотремон, совершившие это преступление, то работа стала своего рода легендой и способствовала развитию ботанических исследований следов преступлений в Соединенных Штатах Америки.

Одним из замечательных американских образцов стало дело Олмодовара, которое началось 2 ноября 1942 г. Утром того дня житель Нью-Йорка, который прогуливал свою овчарку, нашел в отдаленной части Центрального парка, расположенного вблизи так называемого „моря Гарлема” (или „озера 110-й стрит”), в высокой траве труп женщины. Казалось, что рукава ее кофты вырваны во время борьбы. Детективы Хэккетт и Кросби из Бюро пропавших без вести при нью-йоркской полиции идентифицировали погибшую женщину как Луизу Олмодовар, двадцатитрехлетнюю официантку, которая пять месяцев тому назад вышла замуж за бывшего пуэрториканского моряка Анибала Олмодовара, но через несколько недель ушла от него, потому что он продолжал встречаться со своими прежними подругами. Исполняющий обязанности главного патологоанатома Нью-Йорка Томас А. Гонзалес констатировал, что Луиза Олмодовар задушена, и подозрение пало на ее двадцатисемилетнего мужа, который и после разлуки устраивал Луизе жестокие сцены ревности. Его арестовали, и в отворотах его брюк Александр О. Геттлер, руководитель химико-токсикологической лаборатории главного патологоанатома, нашел семена различных видов трав. Он передал свою находку Джозефу Дж. Копленду, профессору ботаники и биологии при Сити-колледже, который установил, что речь идет о семенах тех трав, что растут вокруг места обнаружения трупа; во всем Нью-Йорке их можно встретить только в Центральном парке. Чтобы иметь возможность опровергнуть утверждения Олмодовара, будто семена трав попали в обшлага его брюк где-нибудь в другом месте, Копленд уточнил в своем заключении, что подобные виды трав произрастают только еще в двух местах на Лонг-Айленде и в трех местах Уэстчестер-Каунти. Сначала Олмодовар признался, что они с женой договорились встретиться в Централь-

ном парке и между ними снова возник спор, тогда в припадке ярости он убил ее. Но вскоре одумался, отказался от своих показаний, заявив, что полицейские вынудили его признаться. Таким образом, семена стали главной уликой на суде в 1943 году, где пуэрториканца признали виновным.

Эти примеры наглядно демонстрируют, как далеко шагнула ботаника в роли вспомогательной науки, в криминалистике и как в наступившие послевоенные десятилетия продолжалась дальнейшее ее развитие. Сержант уголовной полиции Кларк приступил к расследованию по делу Торна в августе 1960 года.

В то время исследования в области ботаники уже получили распространение, но не в такой степени, чтобы удовлетворять растущие запросы криминалистики.

Первое, что Кларк получил из научных институтов, и в частности от доктора Кэймерона Оливера Крэмпа это результаты исследования обнаруженных волос. Было установлено наличие трех различных видов волос человека и значительное количество шерсти животного. Шерсть принадлежала собаке и была исключительно мягкой с рыжеватым оттенком. Крэмп считал, что порода собаки — спаниель. Обнаруженную шерсть невозможно было отличить от шерсти, которую в качестве пробы взяли у девяти собак той же породы. Было высказано мнение, что, возможно, у преступника имеется спаниель.

Чрезвычайно интересными оказались результаты исследований патолога растений Невилла Хьюлетта Уайта. Они свидетельствуют, что культуры плесени на ботинках Грэма Торна являются четырьмя различными грибами. Самой примечательной среди них была культура желтовато-зеленого цвета, которая состояла из сагообразных шариков. Ее порождает грибок под названием *Aspergillus repens*, известный с давних времен и развивающийся во влажной теплой среде при полном покое за определенное время. Невольно возникал вопрос, нельзя ли, зная сроки развития культуры, точнее определить время, когда труп ребенка завернули в одеяло и положили в то место, где его обнаружили. Может быть, таким образом подтвердится предположение, что преступник убил Грэма тотчас после его похищения.

Очень существенными для подобного рода заключения являлись спорангии гриб-

ка *Aspergillus repens*, в которых вызревали споры для воспроизведения грибка. Как только споры вызревали, спорангии открывались, споры высыпались и, попав на благоприятную почву, давали новые грибки. Спорангии на ботинках Грэма Торна только что открылись и начали высыпать споры. Так как время вызревания спор ровно три недели, то, следовательно, прошло три недели, пока на ботинках ребенка смогли вызреть споры. С другой стороны, от времени попадания спор на ботинки до образования спорангии тоже прошло от двух до трех недель. Таким образом, труп ребенка пролежал в Грэндвью Гроув по меньшей мере пять недель. Так как точное время от выпадения спор до образования спорангий зависит от питательной почвы, от температуры и влажности среды, то Уайт искусственно вырастил *Aspergillus repens* на стерильных частях кожи ботинок. Выращивание происходило в среде, воспроизводившей среду тюка, в котором обнаружили Грэма Торна. В первой половине сентября Уайт смог сообщить Кларку, что время развития плесени равно точно трем неделям. Следовательно, 20 августа, когда Уайт начал свою работу, плесени на ботинках Грэма Торна исполнилось шесть недель, а значит, Грэм Тортн был убит сразу же после похищения.

Однако сколь ни была важна работа Уайта по установлению точного времени гибели Грэма Торна, все же она не содержала сведений об определенной, четко ограниченной среде, где следовало бы искать преступника. Такие сведения поступили от Гораса Фрэнсиса Уитуэрта из Музея геологии и горнорудного дела после того, как он исследовал красноватые кусочки почвы. Под микроскопом они обнаружили различные составные части: глину, желтые и коричневые частицы краски и несколько растительных волокон. Но основная масса состояла из крупниц песка, которые были перемешаны с красноватым веществом. Вещество растворилось, как только ввели несколько капель соляной кислоты, при этом с отчетливым шипением, что доказывает наличие извести. Значит, прилипшие кусочки почвы состояли из окрашенного в красный цвет раствора извести, какой обычно используют в Австралии при строительстве домов, и прежде всего частных, с полуподвалом. Грэм Тортн лежал, видимо, в таком полуподвале или перед ним, и на него попали красные частич-

ки раствора. Это тоже была не очень обнадеживающая находка, потому что имелось бесчисленное множество домов, где использовался при строительстве красный известковый раствор. Она только тогда вдруг приобрела большое значение, когда подошли к концу ботанические исследования, в сентябре.

Микроскопические частички растений, которые Кларк и его сотрудники собрали в конце августа с различных частей одежды Грэма Торна и с одеяла, подразделили на пять типов следов. Первый тип состоял из частиц листиков и стебельков, собранных с одеяла; второй - из двух прилипших к шарфу Грэма растений; третий — из растительных частиц, прилипших к курточке Грэма со спины; четвертый — из таких же частиц, прилипших к брюкам; пятый — из особенно тонкого материала, который высыпался из курточки Грэма при выколачивании ее и, казалось, был растительного происхождения.

Перед экспертами были поставлены вопросы: можно ли по частям растений идентифицировать их вид? Растут ли идентифицированные растения в месте обнаружения узла с трупом? Если да, то дальнейшая работа не имела смысла, так как частицы растений могли попасть на одежду и одеяло на этом месте. Они не могли тогда указать путь к неизвестному еще месту, где Грэма могли убить, „хранить" или „упаковать". Ботаник Джонсон, к которому Кларк обратился прежде всего, 1 сентября предпринял первую попытку идентификации растений и поехал вместе с Кларком в Грэндвью Гроув. Там они вдвоем обследовали растительность с места обнаружения трупа, и после длительной работы Джонсон решил, что обнаруженные на одежде Грэма частицы листиков ни в коем случае не могут принадлежать дикорастущим растениям этой местности. Но он не хотел давать окончательного заключения и предложил, как уже говорилось, обратиться к доктору Джойс Веккери, которая с 1936 года занималась классификацией растений в Национальном гербарии.

6 сентября Джойс Веккери получила комплекс всех пяти типов следов, подобранных Кларком, и принялась за трудоемкую работу по составлению морфологической характеристики различных частиц листиков, стеблей, веток, плодов и семян. Веккери пришлось исследовать также многие частицы анатомически и изготовлять

с помощью бритвы или микротомы микроскопические поперечные, продольные и радиальные разрезы отдельных частей растений, чтобы заглянуть во внутреннее строение клетки растения. Лишь после этого она была в состоянии определить, к какому растению относятся отдельные частицы следов.

Задание оказалось таким трудным, что Джойс Виккери попросила куратора гербария созвать конференцию научного штаба. Совместными усилиями ученых к середине сентября удалось определить важные составные части всех проб. Некоторые растения были представлены только одним семечком или обнаружены не на всех предметах одежды Грэма, а на одеяле имелись, в основном, частицы только двух растений. Первое называется кипарис Савара и относится к можжевельникам, которые часто используют как декоративный кустарник в садах. Второе — Настоящий кипарис, который сильно отличается от можжевельника и в противоположность ему встречается очень редко.

По окончании определения следов Кларк и Джойс Виккери предприняли повторное обследование растительности Грэндвью Гроув. Опустившись на колени они осматривали один квадратный метр за другим. Джойс Виккери не нашла ни одного экземпляра кипариса Савара и других видов кипарисов. Но странная, необычная комбинация частей обоих видов кипариса так отчетливо выражена, что могла попасть на место обнаружения трупа только вместе с ним и, видимо, с места, где погиб Грэм Торн. Чтобы ничего не упустить, Кларк и Виккери обследовали также сады всех домов в местности, где нашли труп Грэма. Кларк возвратился на Сентрал-стрит с твердым убеждением, что на месте, куда затащили Грэма Торна или на котором его убили, должны стоять оба эти дерева или куста. Так как ботаник по опыту знала, что подобная комбинация этих растений встречается чрезвычайно редко, то Кларк считал необходимым осмотреть весь жилой район вокруг Сифорта, включая Клонтарф и Мэнли, в поисках дома, в саду которого растут оба вида кипарисов.

К 20 сентября сержанты уголовной полиции Коулмен и Шилл получили задание произвести поиски. Из гербария им дали для образца ветки обоих разыскиваемых деревьев и кустарников. Это была самая

трудная работа, которую когда-либо приходилось им выполнять. Местные жители, и прежде всего почтальоны, которых они осторожно расспрашивали, часто посылали по ложному следу. Сержантов подстегивало сознание, что все прочие расследования пока не дали никакого результата. Правда, Кларк продолжал исследование других следов и установил место и время изготовления одеяла, его артикул. Но партия изготовленных одеял состояла из трех тысяч штук, и вначале казалось безнадежным занятием проследить путь каждого одеяла в отдельности. Тем напряженнее ждал Кларк каждое сообщение Коулмена и Шилла.

К концу сентября их поиски распространились на Клонтарф, поселок из одно- и двухэтажных домов и бунгало. И на этот раз почтальон указал им дом на Мур-стрит, 28, приблизительно в полутора милях от места обнаружения трупа Грэма Торна. Не раз пережившие разочарование, скептически настроенные, отправились они в путь и неожиданно оказались напротив „того самого“ дома. Это был одноэтажный дом, построенный из обожженного кирпича, соединенного красным раствором. Он возвышался над полуподвалом с гаражом, и по обе стороны ворот гаража росли кипарис Савара и Настоящий кипарис. Кларк поставил Джойс Виккери об этом в известность и поспешил в Клонтарф. Джойс Виккери последовала за ним. Кларк установил, что почва перед гаражом и вокруг дома имеет вкрапления частиц известкового раствора, а ботаник подтвердила, что это именно те растения, которые они искали. Ветки и зелень кипариса Савара, который рос слева от ворот гаража, валялись на полу гаража и на пороге обеих дверей, ведущих в подвальное помещение. Там же нашли ветки Настоящего кипариса, растущего справа от ворот.

Известие прозвучало в Бонди, в „специальном центре Торн“ и в Отделе уголовного расследования как сигнал тревоги. Напряжение возросло, когда Коулмен сообщил первые сведения о жильцах дома 28 по Мур-стрит. Теперешние жильцы дома въехали в него лишь в сентябре. Владелец соседнего дома, Уильям и Кетлин Телфорд, сообщили, что до этого в доме 28 в течение шести месяцев проживал иммигрант по имени Штефан Лесли Брэдли с женой Магдой и тремя детьми. У них был спаниель. Насколько им известно, Брэдли родом из Венгрии, приехал в Австралию в 1950 году и работал галь-

ванизатором. Несмотря на скудные доходы, у него в последнее время было две автомашины, немецкий автомобиль и голубой „Форд“, который он купил в начале июля. Утром 7 июля, т. е. в день похищения Грэма Торна, появились рабочие бюро обслуживания, упаковали мебель и освободили дом. Незадолго до этого, в то же утро, Магда Брэдли села с детьми в такси и поехала в аэропорт, чтобы якобы провести отпуск в Квинсленде. Брэдли не было дома во время отъезда жены. Он появился позже, когда рабочие упаковывали мебель, и попросил Телфордов поддержать у себя пару картин, так как боялся, что в машине для транспортировки мебели их могут повредить. 17 июля он заехал за картинами на своем „Форде“. Он не сказал Телфордам, куда едет. Но неожиданный отъезд 7 июля показался им столь странным, что они записали номер его машины и 19 июля заявили о своих подозрениях в полицию.

Сообщение Коулмена о заявлении Телфордов показалось в первый момент неправдоподобным. Однако проверка регистрационной картотеки Фоли в Бонди подтвердила этот факт. Сообщение Телфордов было зарегистрировано. Но в эти дни имело место одно обстоятельство. 21 июля сержанты уголовной полиции Келли и Этталонг, разыскивая „Форд“, остановили на улице голубой автомобиль Брэдли и записали его адрес: Мэнли, Осборн-роуд, 49. 24 июля на работу к Брэдли явился сотрудник полиции и опросил его относительно 7 июля. Но он так любезно и спокойно объяснил, что из-за переезда не имел времени 7 июля посетить Бонди, расположенный в одиннадцати милях, что ему поверили и вычеркнули из списка подозреваемых.

У Фоли имелось еще одно сообщение относительно Брэдли. 26 сентября, т. е. всего восемь дней тому назад, некий Невилл Аткин Браун, сосед Брэдли, позвонил в полицию Мэнли. Он сообщил, что уже некоторое время с определенным недоверием наблюдает за Брэдли, видел, что тот распродал мебель, что голубой „Форд“ исчез и что семья уехала куда-то 26 сентября. В бесконечном потоке ложных сообщений, которые поступали в полицию с 7 июля, сообщение Брауна затерялось и не произвело особенного впечатления. В конце концов с Брэдли в июле уже беседовали и посчитали непричастным к этому делу. Однако теперь не было времени думать об ошибках и промахах.

Утром следующего дня, 4 октября, топтавшийся на одном месте аппарат Отдела уголовного расследования смог, наконец, сконцентрировать свою работу на достижении определенной цели. В обращениях к общественности полиция просила содействия в поисках исчезнувшего „Форда“, и вскоре агент по торговле старыми автомашинами из Грэнвила сообщил, что некий Брэдли продал 20 сентября голубой „Форд“ за 28 фунтов. Кларк, Коулмен, Шилл и Бейтмен поспешили в Грэнвил, который находится в шестнадцати милях от Сиднея, и Кларк обследовал машину. В багажнике он сразу же наткнулся на щетку, полную волос, а на полу багажника и под ковриком, который покрывал часть пола багажника, кроме волос он нашел много частиц растений. Их тотчас отправили в Национальный гербарий. Там Джойс Викиери произвела анализ и установила, что в багажнике машины Брэдли имеются следы обоих растений, т. е. кипариса Савара и Настоящего кипариса. Либо ребенка везли в багажнике, после того как убили и упаковали в тюк в гараже Клонтарфа, либо Грэм Торн был убит в самом багажнике. Так как на его полу Кларк обнаружил следы почвы, в которых Горас Фрэнсис Уитуэрт нашел частицы известкового раствора того же вида, что и на одежде убитого мальчика, то можно было предположить, что с кустов возле гаража еще до убийства листья и другие фрагменты могли попасть в багажник и прилипнуть к одежде ребенка.

Вечером 4 октября не было больше сомнений в том, кто похититель и убийца Грэма Торна, или, по крайней мере, один из преступников. Бейтмен застал квартиру № 6 дома № 49 на Осборн-роуд совершенно пустой. Он поговорил с управляющим, Гарри Пичи, и узнал, что тот получил письмо Брэдли из Мельбурна, в котором сообщалось, что Брэдли, вынужденный срочно уехать, в свою квартиру больше не вернется. Стало ясно: Брэдли сбежал.

Негодование общественности, порожденное событиями 16 августа, постоянно нарастало. 5 октября стало известно, что убийце, который два месяца водил за нос полицию, может удастся покинуть австралийскую землю и уйти от расправы. В течение четырех дней, до 8 октября, сообщения из транспортного агентства, от старьевщиков, торговцев автомашинами и директоров школ восстанавливали картину подготовки

Штефана Лесли Брэдли к побегу, планомерно проводившуюся им с 25 августа. В тот день Магда Брэдли появилась в „Юнион Стимшип Компани“ в Сиднее и заказала для себя и своего тринадцатилетнего сына Петера билеты на пароход „Гималаи“ до Англии. Спустя четыре дня Брэдли заказал билеты на тот же пароход для себя и своих детей, Эллен и Роберта. Еще через несколько дней он появился у скупщика мебели на Ливерпуль-стрит и продал ему за 260 фунтов всю мебель. При этом он сказал, что уезжает в Лондон, чтобы посетить там одного врача. 20 сентября в руки торговцев автомобилями перешел „Форд“. 23 сентября он забрал своего глухого сына Роберта из школы для глухих детей в Касл-Хилл и сказал там, что переезжает в Брисбен, где обеспечит Роберту лучшую медицинскую помощь. Затем он посетил некоего Джорджа Уитмена в Лоре, первого мужа своей жены Магды, чтобы „попрощаться с ним перед отъездом“. Очевидно, этим слабо мотивированным посещением он пытался получше замести свои следы. 24 сентября он отправил в ветеринарную больницу своего спаниеля и поручил доставить его в Лондон. 26 сентября он сел с семьей на пароход „Гималаи“, который теперь, 8 октября, после короткой стоянки в Мельбурне и Фримантле, пришел в Коломбо на Цейлоне. Пока Бейтмен, Коулмен, Дойль и другие служащие полиции бегали с места на место и собирали информацию, сотрудники Кларка привезли собаку Брэдли к доктору Крэмпу, установившему, что шерсть с одежды мертвого ребенка и с одеяла похожа на шерсть спаниеля. В то же время Кларк со своими помощниками обыскал покинутый Брэдли дом в Мэнли. Среди хлама он нашел негативы фотоснимков, на которых изображен Брэдли с семьей во время пикника. На фотокарточках виднелось одеяло, по внешнему виду точно соответствовавшее одеялу, в котором нашли Грэма Торна. Последний пробел в цепи доказательств исчез, когда Кларк нашел за домом Брэдли в Клонтарфе оборванную кисть от одеяла, полностью совпадающую по материалу, форме и цвету с кистями на одеяле, в котором лежал труп Грэма Торна.

Вечером 8 октября Верховный суд в Сиднее отдал приказ об аресте Брэдли. Австралийский посол на Цейлоне обратился к полиции Коломбо с просьбой арестовать Брэдли. Одновременно ее поставили в из-

вестность, что два сержанта уголовной полиции вылетели в Коломбо с приказом об аресте Брэдли. Бейтмен и Дойль прибыли в Коломбо 14 октября. Брэдли сняли с рейса, а его семья продолжала свой путь в Англию на борту парохода „Гималаи“. Прошло много времени, прежде чем оба детектива после бесконечных переговоров о выдаче преступника вернулись со своим пленником 19 ноября в Сидней. До дня передачи Брэдли в руки австралийцев он упорно уклонялся от встречи с обоими сержантами уголовной полиции. Они познакомились с ним лишь во время полета в Сидней. Это был маленький толстенький человек с лицом землистого цвета и с редкими жирными черными волосами — одним словом, с внешностью, не выражающей ни злости, ни жестокости. Ему была свойственна неумная словоохотливость коммивояжера. Во время полета по своей собственной инициативе он описывал прожитую им жизнь, не заботясь о грамматике и произношении английского языка. Когда самолет летел уже над территорией Австралии, он вдруг заявил: „Это дело с мальчиком Торнов сделал я. Что мне за это будет?“ Остолбнев от неожиданности, Дойль сказал: „Относительно этого заявления я должен Вас предупредить: все, что Вы скажете теперь, имеет силу доказательства и может быть использовано против Вас“. Брэдли ответил: „Да, я знаю. Но мне нужно с вами поговорить“.

Бейтмен предложил ему подождать до приземления в Сиднее. Если он не раздумает заявить о признании своей вины, то сможет это сделать в предписанном законом порядке. И в самом деле, по прибытии Брэдли тотчас написал признание, в котором сообщил следующее. Он прочитал в газете о большом выигрыше Бэзила Торна и решил похитить его сына ради получения выкупа. Несколько дней он наблюдал, каким образом Грэм добирается до школы, а утром 7 июля поставил свою машину на Веллингтон-стрит. Незадолго до приезда Филлис Смит он подошел к мальчику, сказал, что миссис Смит сегодня занята и что он отвезет Грэма в школу. Мальчик спокойно последовал за ним. Некоторое время он ехал по городу, остановился около телефона-автомата и позвонил Торнам, чтобы в первый раз потребовать 25 000 фунтов. Затем через портовый мост поехал домой. Тем временем его жена и дети уехали в Квинсленд, а упаковщики мебели должны были появиться с ми-

нуты на минуту. Поэтому он поставил машину в гараж и сказал Грэму, чтобы он на минуточку вышел. Затем он схватил мальчика, связал и сунул в багажник, чтобы рабочие его не увидели. Когда стемнело, он открыл багажник, желая вынуть Грэма, и увидел, что ребенок задохнулся. Тогда он завернул мальчика и отвез на то место, где его нашли 16 августа.

Брэдли подписал признание. Под каждым из вопросов, которые поставили перед ним и запротоколировали („Вы сами написали признание? Вы прочитали его? Вы написали свое признание по собственной воле? Вас предупредили, что вы не обязаны были писать признание и что оно может служить доказательством вашей вины?“), он поставил „да“. Под вопросом „Вам угрожали или давали обещание, чтобы побудить вас написать это признание?“ он написал „нет“.

Бейтмен и Дойль приняли подобные меры предосторожности не случайно. Болтливость Брэдли внушала все большее недоверие к нему. Они подозревали, что своим признанием он лишь пытается избежать обвинения в убийстве, утверждая, что Грэм задохнулся по несчастной случайности и тем самым нарушил план возвращения его родителям. Однако пролом черепа ребенка уличал Брэдли во лжи, и можно было предположить, что он откажется от признания, как только узнает, что его надежда не оправдалась.

Когда же с 20 по 28 марта 1961 года в Центральном уголовном суде Сиднея рассматривалось его дело и ему предъявили обвинение в убийстве, то Брэдли заявил, что невиновен, и утверждал, что написал признание в паническом страхе. Он пытался вызвать сочувствие описанием истории своей жизни, которую ни при каких условиях проверить было невозможно. Это была история мальчика Иштвана Баранам, которого в тринадцать лет немцы приговорили к расстрелу, но он спасся, прыгнув в Тису. Затем он попадает в Италию. Но переживания в немецких тюрьмах оставили такой след, что каждая встреча с полицией, даже в 1960 году, приводила его в такой ужас, что он готов был подписать любое самое нелепое признание.

Если ему и верили, то вскоре он разбил эту веру холодным расчетом, с которым впоследствии оперировал ложью, отказом от данных им показаний и потерей памяти; он сам опроверг свой тезис о перенесенной

душевной травме. Та часть его жизни, которую можно было проверить, т. е. с момента его появления в Австралии, разоблачала его, наконец, как человека, большие запросы которого стояли в противоречии с его трудолюбием. Погоня за деньгами и „признанием“ вела его от одной экономической катастрофы к другой, пока сообщения в газетах о похищении Эрика Пежо не навели его на мысль последовать примеру похитителей и одним махом стать богачом. Его первая жена Ева, на которой он женился, эмигрировав в 1953 году в Мельбурн, погибла в автомобильной катастрофе, и Брэдли унаследовал ее имущество, в том числе дом. Обстоятельства ее смерти были так же непонятны, как и причина пожара хорошо застрахованного пансионата, который Брэдли содержал с 1956 по 1959 год и привел на грань банкротства.

29 марта 1961 года суд признал Брэдли виновным, и судья Кленси приговорил его к пожизненному заключению в каторжной тюрьме.

Так завершилось самое, может быть, сенсационное дело в истории австралийской криминалистики. И не случайно было появление в печати работы о возможностях использования ботанических знаний в криминалистических целях, которую спустя пять лет после завершения дела Брэдли опубликовал сержант уголовной полиции Ф. Б. Кокс из научного бюро южноавстралийской полиции в Аделаиде. Приведенные им примеры затрагивают случаи воровства, взлома, ограблений сейфов и доказывают значение ботанического исследования следов в повседневной криминалистической работе. Одновременно он требовал объединения криминалистического и ботанического исследования в международном масштабе.

10.

Успех в области криминалистики, выпавший на долю швейцарского ученого, доктора Макса Фрей-Зульцера в пятидесятых годах, явился поистине личной карьерой, что в эпоху коллективного труда случается все реже и реже. Однажды он сам сказал, что „попал в вакуум“, который царил в Швейцарии в области криминали-

стики. Главной причиной его успехов явились несомненное дарование в области микроскопических исследований, незаурядный ум и интуиция.

Фрей-Зульцер, родившийся в 1913 году в Цюрихе, с 1931 года изучал в своем родном городе естественные науки и с самого начала проявлял интерес к микроскопии. Он занимался каждой естественнонаучной областью знаний, в которой хоть какую-нибудь роль играла микроскопия: химией, минералогией, зоологией, патологией и гистологией, а в Высшей технической школе изучал фотографию. Затем он преподавал биологию в одном высшем учебном заведении в Цюрихе. Но эта деятельность не вполне удовлетворяла его, так как не предоставляла ему достаточно возможностей для утоления страсти к микроскопии. В школе медико-технического персонала он преподавал микроскопию и просил практиканток приносить микроскопические препараты тканей больных с редкими видами заболеваний. Он стал специалистом в серологии и бактериологии, вел курс микроскопии на вечернем факультете цюрихской Высшей школы. В 1949 году он вошел в контакт с отделом полиции города Цюриха.

Среди слушателей Фрей-Зульцера находились два вахмистра службы дознания — единственной, которая в то время занималась исследованиями следов. Прослушав несколько лекций, они спросили своего преподавателя, нельзя ли применить микроскопию при исследовании мельчайших следов. Вскоре Фрей-Зульцер получил приглашение к Фрю, коменданту городской полиции тех лет, считавшему необходимым использовать современные средства борьбы с растущей преступностью. Он предложил Фрей-Зульцеру организовать спецкурс для служащих уголовной полиции. Преподаватель без колебаний принял предложение и стал два раза в неделю вести занятия с сотрудниками службы дознания. Однажды они явились с вещественными доказательствами, приобретенными к уголовному делу, из которого следовало, что преступник проник в дом через окно. На раме разбитого окна невооруженным глазом следов обнаружить не удалось. Но сотрудники полиции предполагали, что от одежды преступника на раме должны остаться частицы волокон, поэтому они принесли костюм подозреваемого. Фрей-Зульцер показал им скопление большого числа микроскопических частиц волокон с одеж-

ды подозреваемого на тех местах рамы, куда, должно быть, садился преступник. Среди них были красные, зеленые и сине-зеленые кусочки волокон, некоторые из которых имели только 0,05 миллиметра длины. Такие же волокна входили в состав ткани брюк подозреваемого.

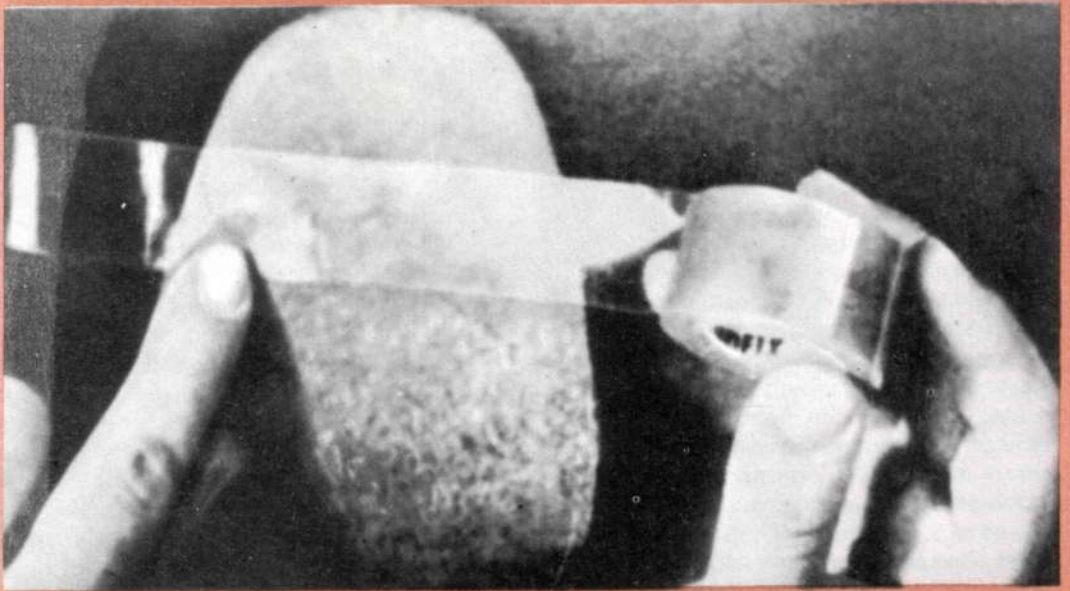
Теперь занятия делились на две фазы: один час Фрей-Зульцер преподавал микроскопию, а на втором — сотрудники полиции выкладывали перед ним вещественные доказательства дел предыдущей недели: воровства, взломов, несчастных случаев на транспорте. Уроки превратились в консультацию при городской полиции. Два раза в неделю Фрей-Зульцер появлялся в здании полиции на Вокзальной набережной, чтобы исследовать вещественные доказательства в поисках следов. Параллельно с этой деятельностью Фрей-Зульцер продолжал свою работу в качестве преподавателя, но каникулы использовал для посещения европейских полицейских лабораторий, возобновивших свою работу по окончании войны. Там представляющий молодое поколение ученых Фрей-Зульцер принял эстафету от еще живых пионеров криминалистической науки. Он посетил Августа Брюнинга в Мюнстере (Вестфалия), где семидесятитрехлетний ученый читал лекции по естественнонаучной криминалистике на государственно-правовом факультете. С тех пор как Брюнинг переехал из Берлина в Западную Германию, он лишился возможности производить практические лабораторные исследования и его лекции опирались, в основном, на опыт прежних лет. Лучше обстояли дела у Локара, имевшего свою лабораторию. Фрей-Зульцер вернулся с мнением, что послевоенному миру с его техническим прогрессом нужны более тонкие криминалистические методы, чем методы Локара или Брюнинга. Тысячи следов бесследно просачиваются сквозь сеть применяемых методов, и нужно разработать более надежные методы их сохранности и исследования. Эта задача так увлекла Фрей-Зульцера, что в 1950 году он принял предложение коменданта Фрю поступить на службу в полицию. Чердачные помещения полицейских зданий были излюбленным местом для полицейских лабораторий. Фрей-Зульцер тоже начал свою деятельность в таком помещении на Вокзальной набережной. Никто тогда и не подозревал, что через пятнадцать лет он будет возглавлять одну из самых лучших

а) Вверху доктор Макс Фрей-Зульцер, руководитель научной лаборатории цюрихской городской полиции, инициатор исследования микроскопических следов, с 1949 года превратил Цюрих и Швейцарию в международный центр криминалистики. На фотографии он перед сравнительным микроскопом с увеличительным экраном.

б) Е. П. Мартин (внизу), создавший после второй мировой войны криминалистическую лабораторию при прокуратуре города Базеля. Его работа также с самого начала, в основном, была посвящена исследованию микроследов.

Одним из важнейших методов, которые швейцарец Фрей-Зульцер ввел в криминалистическую практику и науку о микроследах после 1950 года, был метод фиксации следов с помощью клейкой ленты. Участки места происшествия, которые могли соприкоснуться с одеждой преступника, или места одежды подозреваемого, которые имели контакт с местом преступления, заклеиваются клейкой лентой. Когда ленту снимают, то на ней остаются следы, невидимые невооруженным глазом. Вверху запечатлен процесс наложения клейкой ленты (пленки) на подошву ботинка человека, которого подозревают в совершении кражи в ювелирной мастерской. Внизу при сильном увеличении видны частицы редкого металла, которые прилипли к подошве вора, когда он входил в мастерскую.

лабораторий мира по криминалистическому исследованию следов. Стремительный рост его авторитета начался в 1951 году, когда Фрей-Зульцер опубликовал столь же простой, сколь и гениальный метод сохранения невидимых микроскопических следов на месте преступления. С двадцатых годов нашего столетия поиск микроследов на месте преступления, одежде или вещах подозреваемого производили по традиции с лупой в руках или специальным пылесосом. Как в любой методике, со временем здесь обнаружили свои недостатки и несовершенства. С помощью лупы ученые хотя и находили много микроследов, но многое все же ускользало от них. Так как обследование мест преступлений непосредственно самими учеными оставалось недостижимой целью, то изучение следов имело много пробелов. Многие полицейские служащие не умели в 1950 году обеспечить сохранность следов. Редко кто из них имел понятие о „мире микроскопически малых вещей“.

Пусть даже сотрудники полиции и прошли специальный курс обучения и могли представить себе, как происходило преступление или несчастный случай на транспорте, могли установить места, где следует искать невидимые следы, но сохранить мельчайшие частицы для них было затруднительно. Удовлетворительная сохранность обеспечивалась только на таких предметах, которые можно было доставить в лабораторию. Работа с пылесосом имела свои недостатки. Пылесос собирал следы не только с поверхности, например с одежды человека, прикасавшегося к другому человеку или предмету на месте преступления, но часто высасывал из ткани пыль, попавшую туда раньше, а это мешало поиску важных следов. Его применение требовало большого опыта и не терпело схематического подхода.

Так Фрей-Зульцер пришел к мысли использовать клейкие ленты „скоч“. Если такую ленту приложить липким слоем к местам, где предположительно имеются невидимые микроследы, и затем снять, то к ней прилипнут все микрочастицы, которые только можно найти на поверхности соответствующих мест, будь то частицы волокон, древесины, лака, краски, стекла или чего-либо другого. Добытый материал легко можно доставить в лабораторию без опасения повредить его. На липкую ленту накладывают вторую такую же ленту и склеивают их. На каждом кусочке ленты ставят

обозначение точного места, откуда собраны следы. На лентах следы располагаются в том же порядке, что и на соответствующих участках места преступления. В лаборатории ленты можно расклеить и обследовать под стереолупой и микроскопом. Обнаруженные частицы следов можно снять с ленты с помощью растворителя типа ксилола и перенести на предметные стекла, где сравнить их с соответствующими частицами, например, с одежды подозреваемого. В первые годы многие криминалисты злоупотребляли этим новым методом и обклеивали пленкой все место преступления, вместо того чтобы ограничиться теми его участками, которых, как можно было предположить, касался преступник. Прошло некоторое время, пока научились разумно пользоваться клейкими лентами; так заполнился пробел между прямым сбором следов и работой с пылесосом. Одно время высказывались сомнения, не может ли клейкое вещество изменить следы, особенно цвет текстильных волокон, что имеет большое значение при сравнении текстиля. Многолетний опыт показал, что эту незначительную опасность можно предотвратить, применяя ленты с нейтральным клейким веществом.

Фрей-Зульцер не только открыл метод использования клейкой ленты, но и создал уникальную систему обеспечения сохранности микроследов и их сравнения. Его практические исследования охватывают все, что относится к области микроследов. Одним из его выдающихся достижений является исследование микроследов волокон. Многочисленные эксперименты показали, что легкого соприкосновения одежды преступника и одежды потерпевшего или же пребывания преступника в каком-то помещении достаточно, чтобы на его одежде остались следы волокон той или иной одежды или волокон, характерных для определенного помещения. Точно так же волокна остаются на руках, на лице и других частях тела. Они остаются на автомашинах, мотоциклах, трамваях или велосипедах при несчастных случаях на транспорте. На них неожиданно удавалось обнаруживать невидимые невооруженным глазом частицы одежды пострадавших.

Обеспечение сохранности следов волокон стало наукой. К важнейшему правилу относился поиск следов не только в местах, которых касался преступник, но и в „нейтральных“ областях. Осуществить до-

казательство можно было только благодаря тому, что следы волокон, связанные с преступлением, имелись не везде. Транспортируемые вещественные доказательства (одежду, ковры и т. д.) „зашивали” в полиэтиленовые мешки, чтобы на них не попали следы волокон, способные ввести в заблуждение. Вещественные доказательства с места преступления и принадлежащие подозреваемым должны упаковывать разные сотрудники, их нужно отдельно транспортировать и хранить в отдельных помещениях, чтобы исключить попадание на них ложных следов. В лаборатории Фрей-Зульцера появились даже стерильные помещения для переодевания, где раздевались подозреваемые. Это гарантировало от возможного утверждения, будто следы волокон, которые являются косвенными уликами, попали на их одежду во время полицейского и научно-криминалистического обследования. Доказательственное значение существенно зависело от того, шла ли речь о простом перенесении следов волокон, например, от жертвы на преступника, или о двойном. Последнее получило название „перекрещивание волокон”. Если, например, при преступлении против нравственности на одежде подозреваемого имеются красные и желтые волокна от платья жертвы или, наоборот, на платье жертвы обнаружены синие и серые волокна с одежды подозреваемого, то доказательственное значение такого двойного перенесения значительно больше, чем простого обнаружения следов волокон на одежде одного из них.

Значение исследований в Цюрихе выявилось при оценке следов путем сравнения волокон. Правда, отчасти исследования проводились и в других лабораториях. К ним относилась работа констебля А. К. берга из лаборатории Королевской канадской конной полиции в Оттаве, опубликовавшего в 1955 году статью о возможностях идентификации все увеличивающегося потока искусственных текстильных волокон: нейлона, перлона, акрилана, вискозы и т. д.

До каких тонкостей пришлось докапываться при этом в эпоху массовой текстильной продукции и химических красителей, наглядно свидетельствует сравнение красок и цвета волокон. Оно охватывает сначала визуальное сравнение под микроскопом с применением самых различных приемов на светлом и темном фоне, контрастных фаз, в поляризованном свете, способом флуо-

ресценции в ультрафиолетовых лучах. Все эти исследования необходимы для того, чтобы различать волокна, выглядевшие при нормальном освещении одинаковыми, а на самом деле имевшие различные оттенки цвета. Где микроскопический метод не вносил ясность, там на помощь приходила спектрофотометрия. Техника крашения, особенно в условиях постоянной смены модных цветов, так далеко шагнула вперед по сравнению с временами Поппа, что с помощью различных химических соединений достигается абсолютно одинаковый оттенок цвета. Два красных текстильных волокна, которые нельзя было по оттенку цвета отличить друг от друга ни с помощью микроскопа, ни с помощью спектрофотометрии, совсем необязательно имели одинаковое происхождение. В частицах сравниваемых волокон, которые часто имели размер в сотую долю миллиметра, приходилось устанавливать совпадение составных частей химических красителей. Это делалось с помощью капельного анализа, при котором на частицы волокон тончайшими пипетками наносились мельчайшие капельки химических пробных реактивов.

И наконец, бумажная хроматография, которая стала применяться в криминалистике в 1950—1960 годах, позволила разложить сложные красители на их составные части. Условия сравнения осложнялись тем, что одинаковый химический краситель поглощался различными частицами одних и тех же текстильных волокон неодинаково, так что возникали различные оттенки цвета. Таким образом, без химической проверки можно одинаковые волокна из одного источника принять за различные исходя из оттенков их окраски. Число приемов и тестов было очень велико, и без достаточного опыта трудно было определить, какой из них необходим в том или ином случае. Если же в виду имелись лишь рекомендации следователям в их работе, то в большинстве случаев удовлетворялись простыми примерами.

Применение полного арсенала методов исследования становилось необходимым в случаях, когда нельзя было найти других доказательств или добиться признания. При этом возникали новые проблемы (например, вопрос об абсолютной ценности доказательства перенесения волокон), в разрешении которых принимал участие и Поль Л. Керк из Беркли. Чрезвычайно важную

роль при этом играло определение наиболее и наименее встречающихся видов волокон с учетом массового производства и повседневного их перенесения в условиях многолюдного города. Путем ряда исследований Керк установил, что чаще всего встречается некрашенная шерсть, затем темная прозрачная. Почти все другие оттенки волокон встречались в основном только в 5% случаев. Но исследования только начинались.

Помимо Фрей-Зульцера еще один швейцарец внес большой вклад в развитие исследований следов волокон — Эрнст П. Мартин из Базеля. Мартин родился в 1915 году в Нидершентале под Базелем и, как Фрей-Зульцер, по воле судеб стал криминалистом. Сначала он был фотографом, а потом стал работать в базельском институте патологии и в психиатрической клинике при университете. В 1936 году, когда Мартину шел двадцать второй год, он пытался получить место фотографа в полиции города Базеля. Незадолго до этого первый прокурор Базеля Пауль Дуби создал под тяжелым впечатлением дела об одном убийстве первую технику-криминалистическую лабораторию, разместив ее на чердаке. Однако работы этой лаборатории едва ли выходили за рамки обычной службы идентификации. В 1941 году Мартина приняли в эту лабораторию. Работа его долгое время ограничивалась изготовлением криминалистических фотографий. И лишь в 1953 году, когда он сам возглавил эту службу, она превратилась в настоящую современную полицейскую лабораторию.

Стройный, почти совсем седой, несмотря на относительную молодость, этот человек не шел на поводу у тщеславия и действовал не торопясь. В лаборатории появилась аппаратура, позволившая использовать возможности спектрографии, микродифракции электронов и хроматографического анализа. В самом начале своей деятельности во время расследования убийства на Утенгассе в Базеле Мартин применил клейкую ленту. В многоквартирном доме обнаружили повешенную женщину. Полиция констатировала самоубийство. Лишь следы на руках повешенной, снятые клейкой лентой, зародили подозрение, что это убийство. На них почти не было следов веревки, на которой она висела, зато имелось большое количество волокон от разорванной ночной рубашки ее мужа, обнаруженной в доме. Из опыта предыдущих дел было известно, что

на руках людей, которые повесились сами, имелось множество волокон использованной ими веревки. Их не находили только тогда, когда было совершено убийство и убийца вешал свою жертву, чтобы замаскировать преступление. Так было и здесь.

Хотя в это время Мартин проводил важные исследования в области идентификации документов и письменных принадлежностей (эти исследования прославили базельскую лабораторию), он одновременно приступил к разработке методов сравнения волокон и много времени уделил их усовершенствованию. Долгие годы он изучал самые различные клейкие ленты, проверяя, не изменяют ли они следы. В сотрудничестве с двумя фирмами Мартин изобрел ленты, гарантирующие снятые микроследы от постороннего воздействия.

Так швейцарцы заложили основы методики сохранения микроследов волокон, которые еще до окончания Мартином исследований в Базеле перешагнули границы Швейцарии. Первые крупные дела, в раскрытии которых большую роль сыграли результаты этих исследований, произошли на юге Западной Германии. Одним из них было дело Марии Флоски.

11.

Место, где 11 сентября 1963 года был найден труп Марии Флоски, расположено в сосновом лесу, вблизи озера, которое на картах северной Баварии обозначено как Калер Зее. Озеро и промышленный поселок Каль едва ли примечательны, но они расположены неподалеку от Франкфурта-на-Майне, и просторный кемпинг, так же как и леса, которые окружали палаточный городок и теннисные корты, привлекал жителей большого города.

В той части леса, которая называется Штайнкауте и находится в пятистах метрах от кемпинга, вечером того сентябрьского дня работница Елена Рют собирала хворост. В 16 часов она кончила свою работу в Кале и использовала вечерние часы для пополнения запасов топлива на зиму. Обламывая сухие ветки с упавшего дерева, она вдруг обнаружила в нескольких метрах коричневый узел, который лежал на земле. Она подошла ближе и увидела, что это пожилая

женщина и что как будто она стонет. Елена Рют подумала, что женщина спит и крикнула: „Алло... вставайте“, но женщина не отзывалась. Тогда Рют выбежала на дорогу и попросила прохожего позвать кого-нибудь из кемпинга на помощь. Пришел сторож. Прибывший вскоре врач, доктор Беккер из Каля, констатировал, что женщина только что скончалась, и очень удивился, заметив платок, обмотанный вокруг ее шеи и завязанный узлом сбоку. Заподозрив, что женщина насильственно задушена, он попросил сообщить о случившемся в участок земельной полиции в Альценау.

Патрульная машина, приехавшая через некоторое время в лес, проинформировала центр уголовного розыска земельной полиции в Ашаффенбурге, и к 18 часам на место происшествия прибыли сотрудники уголовного розыска Роден и Ланг. Окруженные любопытными, они составили первый протокол осмотра места происшествия. Их записи гласили: „Женщина 65—70 лет, хрупкого телосложения, интеллигентного вида, платье задрано выше колен. В остальном аномалий в одежде нет. На левой руке — золотые часы. Недалеко от потерпевшей — пустая корзина. Рядом разбросаны масла, лежат темные очки, сетка для волос и растегнутая брошь“.

Роден и Ланг тоже заметили завязанный на шее платок, но, несмотря на замечание врача по этому поводу, не придали ему большого значения, так как платок не прилегал плотно к шее и, казалось, не мог служить средством удушения. Повернув неизвестную, которая лежала на правом боку, на спину, они заметили во мху двенадцать бусинок от разорванной нитки бус. И тут, увидев лицо женщины, сторож кемпинга воскликнул: „Я знаю ее! Это теща коммерсанта из Франкфурта, который снимал летом место для своей палатки. Ее имя Мария Флоски. Зять привез ее лишь утром к своей палатке, потому что у него поблизости были какие-то дела, и намеревался вечером захватить за ней и отвезти домой. Она тихая женщина, у нее большое сердце, а час тому назад она ушла в лес собирать грибы“. Роден поручил ему установить адрес родственников и пригласить их для опознания. Узнав, что у умершей было большое сердце, он решил, что речь идет о естественной смерти, и велел отвезти труп в помещение кладбища Каля. Там ее опознал прибывший в Каль растерявшийся зять.

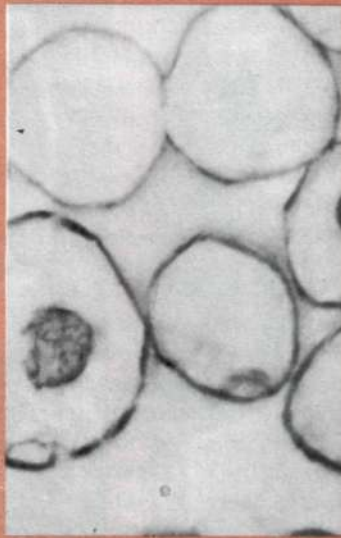
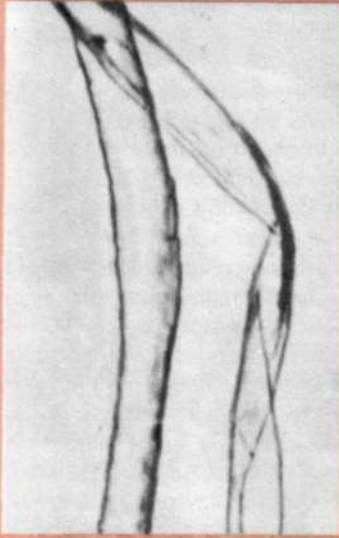
Около 23 часов о случившемся сообщили в прокуратуру Ашаффенбурга. Роден предлагал в своем отчете произвести судебную экспертизу для окончательного установления причины смерти, но сам предполагал, что, собирая грибы, фрау Флоски плохо себя почувствовала из-за сердечного приступа, ей стало трудно дышать и она пыталась сорвать с себя платок.

Утром 12 сентября в Каль прибыл патологоанатом земельной полиции Касторф и, так как в Кале не было условий для вскрытия, велел доставить труп в Ашаффенбург. Перед транспортировкой трупа врач снял с шеи платок, разрезал его, и передал Родену на хранение. Середина платка и края были красными, а между ними проходила полоса с желтым рисунком. Отправляясь на вскрытие, которое производили Касторф и доктор Хайнрихс из Судебно-медицинского института вюрцбургского университета в Ашаффенбурге, Роден все еще полагал, что смерть была естественной. Но вскоре он узнал, что жестоко заблуждался. Оба врача обнаружили кровоизлияния в области гортани и перелом подъязычной кости — свидетельства насильственного удушения. Мария Флоски пала жертвой неизвестного убийцы.

Как только прокурор Рат из Ашаффенбурга узнал о результатах вскрытия, он связался с баварским ведомством уголовной полиции земли в Мюнхене и, возмущаясь ошибочным заключением местных сотрудников уголовного розыска, попросил передать дело для дальнейшего расследования в комиссию по убийствам. Кто знает все перипетии современного развития баварской полиции, понимает, что это прозвучало оскорблением в адрес земельной полиции.

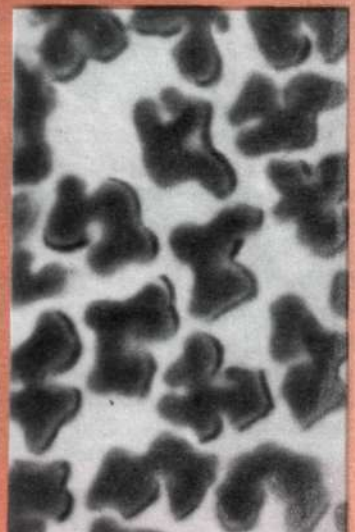
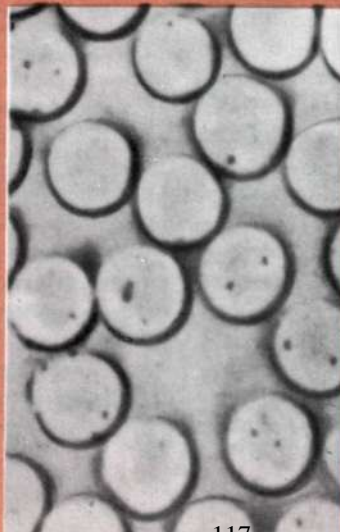
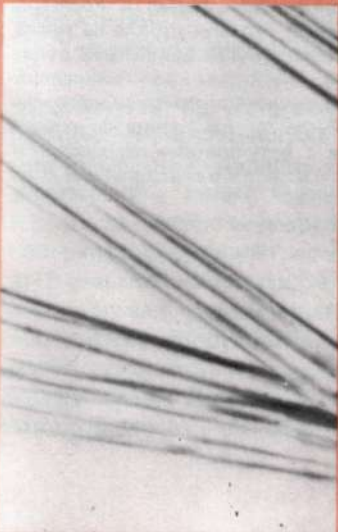
Баварская уголовная полиция больше других полиций земель Федеративной Республики Германии страдала от последствий реорганизации после второй мировой войны. Существовавшая тогда раздробленность полиции, не отвечавшая требованиям действительности, была порождена отчасти приказами английских и американских оккупационных властей, отчасти влиянием различных местных политиков.

Баварское земельное ведомство уголовной полиции возникло в 1952 году как центральный земельный орган уголовной полиции. Оба президента ведомства, Франц Майнерт и затем Ганс Шнайдер помимо дактилоскопической картотеки и картотеки

а) Криминалистические исследования по сравнению текстильных волокон одежды подозреваемых и обнаруженных в местах преступлений становятся все труднее и труднее, так как развитие производства синтетических тканей и массового производства текстиля ведет к большому однообразию одежды людей. Различение искусственных волокон стало проблемой. Естественные волокна, как шерсть и хлопчатобумажные (вверху слева), уже своей внешностью отличались друг от друга и от всех других волокон. Это относится также и к поперечному разрезу шерстяных и хлопчатобумажных волокон (вверху в центре и справа при сильном увеличении).

б) Искусственные же волокна имеют нехарактерную гладкую поверхность и одинаково круглый поперечный разрез (слева — искусственный шелк „район“, в центре — полистирол). Лишь позднее появились искусственные волокна с неравномерным поперечным разрезом (ацетатный шелк — справа), что вызвано желанием придать тканям теплоизоляционные свойства.

Особенно отчетливо выступает роль исследования микроскопических следов для криминалистического расследования в деле Флиттнера, который совершил убийство с помощью головного платка. 11 сентября 1963 г. Антон Флиттнер (вверху слева во время реконструкции событий на месте преступления) убил в лесу под Калем, между Ашаффенбургом и Франкфуртом-на-Майне, пожилую беспомощную женщину, которая вышла погулять в лес из кемпинга в Кале. На шее пострадавшей нашли платок (внизу), происхождение которого сначала казалось загадочным. Потом выяснилось, что он, по всей видимости, лежал в корзинке (вверху справа), которая стояла на земле, рядом с трупом. Другие волокна на руках пострадавшей и на дереве своим совпадением с тканью одежды Флиттнера разоблачали его как убийцу. Когда Антона Флиттнера познакомили с результатами исследования волокон, он признался в совершенном преступлении.

прописки для всей Баварии создали центральную научно-криминалистическую лабораторию и отдел уголовного розыска, первое отделение которого имело выдающихся специалистов в области расследования убийств. Но земельное ведомство уголовной полиции, как и федеральное ведомство в Висбадене, было органом, не имеющим власти. У него даже не было права посылать свои комиссии по убийствам на место преступления. Это могло произойти только по просьбе местной уголовной полиции. За исключением нескольких городов, например Мюнхена, где действовали крупные полицейские силы, большинство местных полицейских учреждений состояло из нескольких сотрудников, на плечах которых лежало расследование всех уголовных дел — от воровства до убийства, и о специализации не могло быть и речи. Так как обращение в земельное ведомство уголовной полиции за помощью рассматривалось как признание своего бессилия, то делали это очень неохотно или под давлением рассудительных и энергичных прокуроров и всегда испытывали искушение лучше оставить дело нераскрытым, чем поступиться своей самостоятельностью.

Существование государственной баварской земельной полиции лишь усложняло положение. Она ведала всеми сельскими районами за пределами городов и общин с собственной полицией и имела 38 участков уголовной полиции на местах, которые, смотря по обстоятельствам, обслуживали сельские районы нескольких округов. Правда, за период с 1953 по 1963 год тридцать семь мелких городов и общин из финансовых соображений более или менее добровольно распустили свои, созданные в 1945 году, малочисленные полицейские формирования и встали под защиту земельной полиции.

Участки на местах расследовали преступления всех видов, но почти не имели специалистов, без которых немыслима современная криминалистика. Став президентом земельной полиции, Эдуард Краус, энергичный и умный человек, превратился в борца за полную ее реорганизацию. Предусматривалось сконцентрировать всю работу в 18 участках на местах, которые имели бы необходимых специалистов, первоклассное техническое оборудование и доказали бы свою способность к решению всех специальных задач. Помимо этого, он планировал создание еще шести отделов уголовной

полиции: в Мюнхене, Аусбурге, Ансбахе, Байрёйте, Регенсбурге и Вюрцбурге. Их нужно было пополнить специалистами, на которых возлагалась обязанность раскрывать особо тяжкие уголовные преступления. Однако до осени 1963 года Краусу еще не удалось преодолеть политический эгоизм, навязчивые идеи и финансовую близорукость некоторых местных воротил. Он вынужден был терпеть незаслуженные упреки из-за ошибок участков уголовной полиции на местах, которые подрывали авторитет земельной полиции.

Одним из сенсационных промахов была ошибка, допущенная в апреле 1960 года во время составления протокола осмотра места происшествия. Было совершено двойное убийство. Убили ~~М.К.НЕНСКОГО~~ врача доктора Прауна и его экономку Эльфриду Кло на даче в Пёкинге у Штарнбергского озера. Участок уголовной полиции в Фюрстенфельдбруке и работавший там криминаль-обермейстер Родатус приняли очевидное убийство обеих жертв за комбинацию убийства и самоубийства. По этой версии доктор Праун по необъяснимой причине будто бы убил свою экономку, а затем застрелился. Проведенный осмотр места преступления был более чем поверхностным. Лишь вскрытие завешания Прауна вызвало подозрения, и после эксгумации трупов 28 октября 1960 г. было установлено, что Праун и его экономка пали от руки неизвестного. Хотя Краус тотчас создал специальную комиссию в Мюнхене и два ее сотрудника, Шиллингер и Эккардт, во время повторного расследования дела проделали образцовую работу, все же ошибка в деле Прауна и невосполнимые пробелы в вещественных доказательствах против подозреваемых Веры Брюне и Иоганна Фербаха дали повод прокурорам для недоверия и побуждали их при первых признаках ошибочности действий местного участка обращаться в ведомство земельной уголовной полиции, как это и сделал главный прокурор Рат в Ашаффенбурге 13 сентября 1963 г.

Президент земельной уголовной полиции Шнайдер поставил в известность начальника отдела уголовного розыска криминальрата Мицдорфа, а также начальника первого отделения криминальоберамтмана Райнгарда о совершенном преступлении, и утром 14 сентября в Каль прибыли главный инспектор по уголовным делам Мор, уравновешенный, спокойный тактик, ин-

спектор Деген, молодой, активный, чрезвычайно интеллигентный человек, и криминальбермейстер Ватерлоо. Они понимали, что от их работы и успеха зависит престиж ведомства, но они были также достаточно хорошими дипломатами, чтобы не „сыпать понапрасну соль на раны“, и предложили, прежде всего, создать совместную комиссию со служащими земельной полиции Роденом и Лангом. И после преодоления первых неувязок осуществили свое предложение.

Когда Мор и Деген приступили к работе, они нашли только первый протокол Родена и несколько фотографий места обнаружения трупа. В Ашаффенбурге находились платок и одежда Марии Флоски, а также пробы волос с ее головы, а в Вюрцбурге — обрезанные ногти погибшей (правда об этом комиссия узнала значительно позже). Марию Флоски уже перевезли во Франкфурт, где 16 сентября ее должны были похоронить. Мягкая почва места обнаружения трупа оказалась затоптанной, так что возможно имевшиеся там следы были полностью уничтожены.

Работая в ведомстве земельной уголовной полиции и повседневно соприкасаясь с осуществляемыми там лабораторными работами, Мор и Деген привыкли подмечать и консервировать каждый самый маленький след. Они владели методикой поисков микроследов и применения клейкой ленты. Поэтому Мор сразу же собрал с платка прилипшие к нему волосы и несколько похожих на мох частиц растений. Затем он положил платок в полиэтиленовый мешочек и заклеил его, чтобы (хотя и с опозданием) уберечь от соприкосновения с элементами, которые могут ввести следствие в заблуждение. На месте обнаружения пострадавшей он взял пробы почвы и растений и послал их вместе с частицами растений с платка на исследование в Мюнхен, чтобы узнать, идентичны ли они и, тем самым, является ли место обнаружения трупа также местом преступления. О том, чтобы с помощью клейкой ленты обеспечить сохранность микроследов на руках Марии Флоски, в Ашаффенбурге никто не подумал. Поэтому Мор связался 15 сентября с родственниками потерпевшей во Франкфурте, узнал, что Мария Флоски лежит уже в часовне кладбища, и попросил разрешения обследовать ее руки. Получив разрешение, он попросил уголовную полицию города Франкфурта помочь

ему. Так, незадолго до похорон, 16 сентября, удалось получить ленты со следами с рук погибшей. Так как покойницу за прошедшее время несколько раз обмывали, то подобная запоздавшая мера, казалось, не обещает успеха. На всякий случай ленты отравили в Мюнхен, чтобы исследовать их на предмет обнаружения текстильных волокон и подготовить результаты исследования для последующего сравнения с одеждой подозреваемых.

В тот же день Мор и Деген предприняли первое из целого ряда повторных обследований места преступления. Они осматривали слой мха метр за метром и в шестидесяти сантиметрах от того места, где лежала голова Марии Флоски, наткнулись на девять бусинок, втоптаных в слой земли под мхом. Но эта находка не помогла им реконструировать картину преступления, тем более, что, согласно описаниям гробовщика, он пронесил труп мимо этого места и бусинки могли упасть с разорванной нитки на шею потерпевшей. Обследование очков в поисках отпечатков пальцев тоже не дало результатов. Зато из Мюнхена по телефону сообщили нечто важное. Доктор Рем, биолог лаборатории земельного ведомства уголовной полиции, установил, что клейкой лентой с рук убитой собрано большое количество различных текстильных волокон, а именно волокна шерсти, хлопка и искусственного материала, не принадлежащих одежде Марии Флоски. Итак, не все следы были смыты с рук, их удалось в последний момент сохранить и создать базу для последующего сравнения с одеждой подозреваемого.

Теперь комиссия приступила к систематическим поискам возможных преступников, а изучение следов временно отступило на второй план. Прежде всего комиссия установила время преступления. Как свидетельствует контрольная карта в проходной завода, Елена Рют ушла с работы в 16 часов 01 минуту. Учитывая показания всех прочих свидетелей и то, что к моменту обнаружения Мария Флоски была еще жива, можно предположить, что преступление совершили в 16 часов 15 минут. Вторым важным моментом расследования являлся вопрос о мотиве преступления. Тот факт, что украшения и ценные вещи остались на пострадавшей, не исключал убийства с целью ограбления. Может быть, преступника спугнула Елена Рют? С другой стороны, два обсто-

ательства указывали на возможность убийства на сексуальной почве: задранное платье и удушение.

Под третьим пунктом расследования стоял вопрос, все ли обнаруженные на месте преступления вещи принадлежат Марии Флоски, не оставил ли там что-нибудь преступник. Деген поехал во Франкфурт, чтобы представить родственникам каждый из найденных предметов, и прежде всего платок. Все они без исключения заявили, что никогда не видели у погибшей этого красно-желтого платка. Да и в самом Кале нашлась свидетельница, Магдалена Дибольд, которая 11 сентября находилась в кемпинге и, будучи модисткой, привыкла обращать внимание на одежду окружающих ее людей. Она видела Марию Флоски, когда та пошла гулять в лес, и заверила, что на потерпевшей не было никакого платка. Таким образом, комиссия пришла к выводу, что платок принадлежал убийце.

Дальнейший план действий Мора и Дегена преследовал много целей. Как принято, они поставили в известность о расследуемом деле все полицейские участки в Баварии и Гессене и обратились к ним с обычной просьбой — сообщить данные по делу. Но они знали, что из-за перегруженности в работе такие запросы часто просто подшивали, не удосужившись прочитать их. В потоке бумаг терялись порой запросы по важным делам.

В Байрейте 10 сентября шелковым платком была задушена домашняя хозяйка Мария Будин. Применение платка наводило на мысль о связи событий в Кале и Байрейте. Может быть, за этими событиями скрывается один и тот же преступник? Впервые за всю свою службу президент земельного ведомства уголовной полиции обратился к бургомистру такого города с местной полицией, как Байрейт, и предложил совместными усилиями организовать расследование обоих убийств. Бургомистр согласился. Мор поехал в Байрейт, а Деген возглавил комиссию в Кале.

Деген полагался на целенаправленный опрос населения больше, чем на соответствующие данные полицейских участков. Он поместил платок в специальный ящик для обозрения и обратился по радио к населению с просьбой сообщить ему, чей это платок, если кому-либо это известно. Он попросил также явиться к нему всех, кто 11 сентября между 16 и 17 часами находил-

ся в лесу восточнее Кальского озера. В конференц-зале ратуши он разложил большую карту, на которой были обозначены все пути и дороги в районе леса. Так как во второй половине того дня, вскоре после окончания работы в Кале и других мелких промышленных поселках, много людей, должно быть, проходило в разных направлениях, то Деген надеялся что-нибудь узнать о подозрительных лицах или, по крайней мере, установить, какой путь вообще не использовался или использовался меньше других. Если убийца скрылся незамеченным, то, вероятно, именно этим путем. Одновременно Деген приказал просмотреть все картотеки, имеющиеся в участках уголовной полиции Ашаффенбурга, в земельной полиции в Альценау, у районных врачей и в общине Каль, надеясь обнаружить лиц, которые замешаны в сексуальных преступлениях, подозреваются в таковых или отбывали за них наказания. И наконец, Деген предпринял попытку установить всех лиц, которые посетили кемпинг 9 сентября, чтобы проверить их образ жизни.

Осуществление плана расследования наткнулось на множество препятствий, одно из которых — замкнутость местных жителей: никто добровольно ничего не рассказывал. Каждого приходилось опрашивать. Два мальчика, которых видели проезжавшими на велосипедах мимо места, где произошло убийство, не явились, несмотря на неоднократное приглашение. Их нашли случайно лишь тогда, когда в школьном сочинении „Необычный случай“ они описали свою поездку. Были и обычные в таких случаях ложные сообщения. Ида Барнес > официантка закусочной „Хубертус“, расположенной в километре от места преступления, утверждала, что в полдень 11 сентября видела незнакомого бродягу. Она уверяла, что на нем был такой же платок, какой выставили перед ратушей, и дала точное описание этого бродяги. Деген добился через земельное ведомство уголовной полиции, чтобы бродягу искали на всей территории Федеративной Республики Германии.

Так или иначе, Дегену удалось к концу сентября установить двадцать человек, которые во второй половине дня 11 сентября в разных направлениях пересекали лес в районе Штайнкауте. Никто из них не встретил постороннего или подозрительного человека. Обозначение, передвижения этих свидетелей на карте помогло все же устано-

вить, что незаметно скрывшийся преступник мог воспользоваться только двумя ведущими на север дорогами, так называемой Брайтенвег и дорогой, идущей параллельно ей. Обе вели по направлению к Теерштрассе-Эммерихсхофен-Альценау. Нашелся только один-единственный свидетель, пенсионер Отто Хок из Каля, который во время прогулки 11 сентября около половины четвертого присел передохнуть на пень около дороги, параллельной Брайтенвегу. Это было в восьмистах метрах севернее от места, где погибла Мария Флоски. В указанное время мимо старика проехал незнакомый ему молодой велосипедист, по виду лесник, сказав „добрый день“. Однако время — половина четвертого — сводило значение этой встречи на нет, потому что намного опережало время совершения преступления. Несмотря на это, Деген приказал узнать в ведомстве лесничества, работали ли 11 сентября лесники в этом районе. Получив отрицательный ответ, Деген обратился по радио к велосипедисту с просьбой явиться в полицию в качестве свидетеля. Тот и не подумал явиться. Но, зная о нежелании населения оказывать полиции помощь, его молчанию нельзя было придавать большого значения.

И вот 24 сентября криминальмейстер Бек из местной полиции, имевшей задание навести справки в закусочных о появлявшихся там подозрительных лицах, посетил лесное кафе „Фореель“, расположенное севернее места преступления. Арендатор „Фореели“ вспомнил, что во второй половине дня 11 сентября к нему заезжал велосипедист. Тони, так звали велосипедиста, был замкнутым парнем, любившим выпить и жившим, будто бы, в Кале. По описанию арендатора, у Тони была прическа „мэкки“ и во рту не хватало нескольких зубов. Странное совпадение высказываний пенсионера Хока и арендатора о велосипедисте, который 11 сентября находился в 800—1000 метрах от места преступления, насторожило Дегена. Он тотчас приказал собрать сведения о человеке из Каля по имени Тони. 25 сентября ему сообщили о некоем Антоне Флиттнере, тридцатидвухлетнем слесаре, который женат во второй раз и работает в фирме „Альшталь“ в Дернигхайме. С начала сентября он не работал по болезни, но разъезжал повсюду на своем велосипеде. Правда, в тот же день, 25 сентября, арендатор „Фореели“ отказался от своих показаний, заявив, что скорее всего видел Тони после

11 сентября. Но тем временем из картотек в Альценау и Кале, а также из показаний нескольких свидетелей о Флиттнере была собрана такая информация, которая сделала его главным подозреваемым.

20 марта 1963 года Флиттнер был приговорен к двум месяцам тюрьмы за развратные действия. В полицию неоднократно поступали жалобы от его второй жены. Выяснилось, что первая жена развелась с ним из-за супружеской неверности Флиттнера. С 1960 года в полицию неоднократно поступали жалобы на его пьянство и хулиганство, и земельная полиция настоятельно рекомендовала изолировать его.

Флиттнер — внебрачный ребенок — был отдан матерью в детский дом в Лоре, усыновлен семьей ремесленников из Каля и вырос вместе с их родной дочерью Хильдегард. Он очень привязан к своей приемной матери, никогда не был замечен в странном поведении, не говоря уже о психических сдвигах, прошел нормальный курс обучения на слесаря, но вскоре после первой женитьбы обнаружилась его сексуальная извращенность.

26 сентября сотрудники Дегена беседовали с женой Флиттнера, швеей в фирме „Дитрих“. С утомлением и разочарованностью в голосе отвечала она на обращенные к ней вопросы. 11 сентября с 7 часов 30 минут и до 15 часов она работала. С тех пор как Флиттнер „болеет“ и не обедает на работе, он ездит на обед к своим приемным родителям и обычно бывает уже дома, когда она возвращается с работы и варит кофе. 11 сентября он возвратился лишь в 17 часов 30 минут, потому что его приемные родители и их дочь были за городом на своем садовом участке в Фришоссе. 12 сентября на работе она узнала об убийстве Марии Флоски и, возвратившись домой, заговорила об этом с Флиттнером. Ведь по пути из Фришосса к кемпингу он проехал по лесу в районе Штайнкауте. Она спросила, ходил ли он в полицию в связи с поисками свидетелей. Но он не ответил на ее вопрос, и она замолчала. Она мало разговаривала со своим мужем и почти ничего не знала о его делах вне дома.

Узнав о результатах беседы, Деген решил сам познакомиться с Флиттнером. В тот же день, 26 сентября, он застал Флиттнера дома одного. Его взору предстал маленький человек с неброской внешностью, бледным лицом, пышной шапкой волос над

широким лбом и отвислой нижней губой. С расстановкой, но без видимого волнения он отвечал на вопросы Дегена о том, как провел день 11 сентября. В полдень он поехал на своем велосипеде к приемным родителям, но не застал их дома и около часу полудни отправился в Фришосс, где у его приемных родителей садовый участок. Там он пробыл до 15 часов, а затем поехал домой. На вопрос, сколько времени занимает поездка от Фришосса до Каля, он ответил: пятнадцать — двадцать минут.

Очевидно, он не разговаривал со своей женой и не знал, что она назвала более позднее время его возвращения домой. Когда Деген обратил на это его внимание, Флиттнер, не удивившись, извинился и сослался на свою забывчивость. Да, от своих приемных родителей он поехал еще к кемпингу. Деген хотел знать, сколько времени он там пробыл. Флиттнер ответил: „Ну, некоторое время“, — и доверительно намекнул на девушек, которых там можно увидеть. Затем он вспомнил, что заезжал еще в „Киоск Крамера“, где пробыл довольно долго, и лишь потом поехал домой.

На следующий день, 27 сентября, криминальбермейстер Ватерлоо посетил приемных родителей и сводную сестру Флиттнера. Они подтвердили, что Флиттнер приезжал к ним в Фришосс вскоре после полудня. Сестра вспомнила точно, потому что в этот день она красила садовый домик. Флиттнер испачкал брюки зеленой краской. Она отчищала его брюки терпентином. Затем, в 15 часов, Флиттнер поехал домой. Благодаря своим познаниям в науке о микроследах Ватерлоо привык всегда интересоваться одеждой, которую носили подозреваемые в день совершения преступления. Поэтому он спросил, в каком костюме был Флиттнер 11 сентября. Сестра сказала, что не может точно вспомнить, но, кажется, в коричневой с желто-белыми крапинками спортивной куртке, в серо-зеленых или коричневых габардиновых брюках и голубой или зеленоватой спортивной рубашке. Ватерлоо попрощался и поехал в „Киоск Крамера“, стоявший вблизи кемпинга. Там он узнал, что Флиттнер заходил в 15 часов 30 минут и рассказывал о толстой блондинке в купальнике, которую он видел в кемпинге. Он выпил кружку пива и, самое большее через двадцать минут, поехал дальше. Итак, Флиттнер лгал, утверждая, что поехал прямо домой. Если бы это было так,

то он приехал бы домой не в 17 часов 30 минут, а вскоре после 16 часов. Деген раздумывал: если предположить, что убийство Марии Флоски совершено на сексуальной почве, то нельзя ли также предположить, что Флиттнер, возбужденный видом женщины в купальнике, снова вернулся в лес? Может быть/ он встретил там пожилую даму и совершил преступление, ход которого еще не ясен. Может быть, он потом поехал домой по дороге, ведущей на север? Деген вторично посетил Флиттнера и указал ему на разрыв во времени между 16 и 17 часами 30 минутами. Флиттнер настаивал на том, что сразу же поехал домой. О времени он вообще не хотел больше говорить. Может быть, из „Киоска“ он уехал значительно позже? Персонал в „Киоске“ вообще не может дать точные данные, считал он. Они же не смотрят на часы при появлении или уходе каждого посетителя.

Флиттнер не возражал, когда Деген, подозрение которого росло день ото дня, послал его в полицейской машине в Альценнау, чтобы получить заключение врача относительно царапин на лбу, которые Деген заметил еще во время первого своего посещения.

Судебный врач, однако, нашел, что царапинам не больше трех дней и что они не могли быть нанесены ногтями женщины. Так как не имелось свидетельских показаний, с помощью которых Деген мог доказать, что Флиттнер поехал после 16 часов в район леса Штайнкауте, то пришлось вопрос прекратить. Но прежде чем попрощаться, он попросил Флиттнера дать для обследования одежду, которую тот носил 11 сентября, так как нет, мол, лучшего способа доказать, что Флиттнер не находился вблизи Марии Флоски. Флиттнер немного помедлил, но потом принес свои коричневые габардиновые брюки и заверил, что носил их 11 сентября. Затем он передал Дегену коричневую спортивную куртку и пару коричневых ботинок. Когда Деген попросил для обследования его серо-зеленые брюки, Флиттнер раздумывал дольше. Но потом отдал и их.

Вечером 27 сентября, окидывая мысленным взором всю проделанную до сих пор работу, Деген вынужден был признать, что имеющихся улик против единственного подозреваемого — его ненормальность в сексуальном отношении и разрыв во времени — совершенно недостаточно, чтобы обви-

нить молодого человека в убийстве Мари Флоски. Деген надеялся, что дальнейшее расследование версии с Флиттнером даст дополнительные улики. Что же касается „конкретных, имеющихся в распоряжении расследования возможностей“, то к ним можно отнести было только одежду Флиттнера и его ботинки. Оставалась единственная надежда — обнаружить на одежде потерпевшей, на ее руках и на платке следы одежды Флиттнера, которые укажут на контакт подозреваемого с его жертвой. На следующий день Деген и его сотрудники предприняли еще одну попытку установить, не видел ли кто-нибудь Флиттнера с платком. Безуспешно. Ни его жена, ни приемные родители, ни хозяева пивнушек, где он бывал, ни работавшие с ним в фирме „Алыталь“ никогда не видели у него такого платка.

29 сентября курьер доставил куртку, брюки и ботинки Флиттнера, а также платок в Мюнхен. Деген просил установить, имеются ли микроскопические следы волокон одежды Флиттнера на руках, одежде потерпевшей или на платке и, наоборот, соответствующие следы на одежде Флиттнера. Говоря о брюках Флиттнера, он указал на то, что они должны носить следы зеленой краски или терпентина, которым пытались удалить краску.

1 октября вещественные доказательства привезли в старое кирпичное здание на улице Тюркенштрассе, 4, в Мюнхене, где находилась криминалистическая лаборатория ведомства уголовной полиции земли Бавария.

„Криминалистическому отделу“, как официально именовалась лаборатория, исполнилось в эти дни ровно пятьдесят лет. Создателем ее был один из выдающихся пионеров криминалистики в Германии Роберт Гейндль, который скончался в сентябре 1958 года в Иршенхаузене, прожив долгую и сложную жизнь. Родился он в 1883 году. Еще будучи студентом Мюнхенского университета, в 1902 году он первым среди немцев обратил внимание на значение отпечатков пальцев. Тогда же он посетил Бертильона и Рейсса. Его дальновидность помогла ему понять необходимость соединения науки и криминалистики. После посещения и изучения многих европейских исправительных колоний в Восточной Азии, а также стажировки при Скотланд-Ярде он возглавил в 1911 году руководство уголовной полицией Дрездена. Заняв этот пост, Гейндль

отказался от доморощенных методов примитивной криминалистики и стал на практике использовать все, чему научился за годы научных командировок. Он начал создавать в Саксонии централизованную земельную уголовную полицию и подготовил оборудование полицейской лаборатории, открытию которой помешала начавшаяся первая мировая война.

После окончания войны сорокалетний Гейндль, ставший тем временем советником миссии и переехавший в Берлин, вступил в борьбу за осуществление закона об имперской уголовной полиции, предусматривавшего образование единой уголовной полиции для всей Германии и большой естественнонаучной криминалистической лаборатории в Берлине. Он надеялся осуществить в Германской Республике, которая в 1918 году пришла на смену кайзеровскому рейху, то, что ему удалось в Саксонии лишь частично. Но в то время как в Вене ему удалось это (там же он стал вице-президентом созданной в 1921 году „Международной комиссии уголовной полиции“ и заложил основы международного полицейского сотрудничества), в Германии его намерениям не суждено было осуществиться. Гейндлю, урожденному баварцу, безусловно было очень обидно, что реализация закона о единой уголовной полиции рейха стала невозможной именно из-за традиционного сопротивления Баварии централизованной немецкой организации. В 1933 году в политической обстановке, которая была абсолютно чужда ему, он уехал в свой старый загородный дом в Иршенхаузене, где прожил вплоть до 1946 года и занимался редактированием „Archiv für Kriminologie“ Ганса Гросса. Каждая изданный им работа в той или иной форме пропагандировала взаимодействие уголовного расследования с научными методами исследования следов.

Когда в 1946 году новое баварское правительство пригласило шестидесятилетнего Гейндля в Мюнхен, чтобы он составил дактилоскопическую картотеку для Баварии, то ему показалось, будто он окунулся в атмосферу первых лет своей деятельности в Саксонии. Возвращение к местной раздробленности немецкой полиции отбросило мечты о централизованной уголовной полиции. В 1946—1949 гг., работая в Мюнхене, ему пришлось довольствоваться тем, что в здании бывшего прусского представительства в Баварии на Тюркенштрассе, 4, он зало-

жил основу будущего ведомства земельной уголовной полиции, создав лабораторию под громким названием „Центральное управление идентификации преступников, полицейской статистики и службы полицейской связи“. Основание естественнонаучной лаборатории началось в то время, когда в Германии не хватало самого необходимого. В 1949 году в химико-физическом отделении лаборатории Гейндля имелось два спектрографа, а в запущенном и поврежденном авиационными бомбами здании управления работало лишь несколько энтузиастов своего дела, служащих уголовной полиции и химиков. На этой шаткой основе с 1949 по 1963 год было создано немало, благодаря стараниям этих людей, и особенно прокурора Франца Майнерта, который в 1951 году возглавил центральное управление, а год спустя — ведомство уголовной полиции земли Бавария. До этого Майнерт долгие годы работал в Рурской области, в Восточной Пруссии и Мюнхене. Еще студентом в Марбурге он прочитал небольшую книжку Гейндля под названием „Криминалистическая техника“ и с тех пор стал ярким сторонником научной криминалистики.

Человек, полный идей и одновременно достаточно энергичный и дипломатичный, чтобы лавировать в борьбе с неурядицами западногерманской и баварской политики в вопросах полиции, оставил сменившему его в 1959 году на этом посту ведомства Гансу Шнайдеру крупную научную лабораторию. Восемь ее отделений охватывали весь круг естественнонаучных и технических вопросов криминалистики.

В 1959 году, когда из-за болезни сердца Майнерт был вынужден оставить работу, им были уже достигнуты значительные успехи. Если какие-нибудь заботы сопровождали его до последнего дня деятельности, то относились они, видимо, к двум еще не решенным проблемам. Речь шла, во-первых, о строительстве здания для лаборатории, которое соответствовало бы поставленным перед ней задачам. И, во-вторых, об утверждении специального статуса для ученых и технических специалистов, которые во времена экономического процветания, когда каждый специалист был на вес золота, оказались втиснутыми в полицейские чины, не соответствовавшие ни их образованию, ни их ответственности. Сменивший Майнерта Ганс Шнайдер — тоже прокурор — был чело-

веком, проявлявшим личный интерес к естественнонаучной работе и, видимо, хорошо понимавшим эту проблему. Он предвидел, что оба вопроса должны быть решены, иначе рано или поздно вся работа лаборатории сойдет на нет, так как она не будет иметь молодой смены ученых или получит посредственные силы.

Осенью 1963 года, когда посланные из Каля на экспертизу вещи прибыли в Мюнхен, в бюро Шнайдера лежали планы нового здания, в котором должны были разместиться разбросанные по старым домам отделы ведомства земельной уголовной полиции и лаборатория. Но никто еще не знал, когда начнется строительство. Техничко-криминалистический отдел по-прежнему работал в запущенном, похожем на тюрьму строении на Тюркенштрассе, 4. Правда, он занимал теперь все здание, в котором создавалось ведомство земельной уголовной полиции. Но это не меняло сути дела. Дом, в котором осуществлялась такая ответственная

работа, отличался своим ободраным видом и вопиющей теснотой помещений.

В этой тесноте могли работать только те техники и ученые, которых удерживал здесь врожденный интерес к криминалистической работе.

В распоряжении медико-биологического отделения, где должны были исследовать присланные из Каля вещи, находились 1 октября 1963 года два жалких рабочих помещения и маленькое бюро. Здесь работали двое ученых: судебный медик и серолог доктор Тома и биолог доктор Рем, несколько ассистентов, медиков и техников. Они выполняли экспертизы, число которых возросло с 384 в 1958 до 800 в 1960 году, а условия работы оставались прежними. В конце 1962 года 81-ю неосуществленную экспертизу пришлось перенести на следующий, 1963, год, и было ясно, что число невыполненных работ в дальнейшем будет увеличиваться. Если ученому приходилось выезжать на место преступления или выступать в суде, то его работа приостанавливалась, так как у него не было заместителя, для которого просто не хватало рабочего места. Рем, еще совсем молодой человек, окончивший институт прикладной ботаники Высшей технической школы в Мюнхене, не имел места, чтобы разложить необходимые для сравнения предметы, а самые большие трудности представляло обеспечение изоля-

ции вещей с микроследами, сравнение которых требовало величайшей тщательности.

Такова была атмосфера, в которой Рем 2 октября приступил к исследованию материалов, присланных из Каля, имея на руках результаты проделанных уже первых исследований следов волокон, собранных с помощью клейкой ленты с рук Марии Флоски. Методика исследования микроследов Фрей-Зульцера использовалась в Мюнхене уже давно. В самом начале своей деятельности Берг ездил в Цюрих, чтобы изучить методику Фрей-Зульцера. Мюнхенская лаборатория усовершенствовала ее и определила границы ее возможностей. Несмотря на свою молодость, Рем имел уже значительный опыт и обладал техническим мастерством. И все же из-за необходимости выступать в суде и из-за других перерывов в работе исследование четырнадцати различных предметов одежды и платка длилось до середины октября, когда он, наконец, смог сделать первые выводы.

Исследования с целью обнаружения краски на брюках показали, что в день убийства на Флиттнере были серо-зеленые брюки. Но в остальном полученный Ремом результат был, на первый взгляд, разочаровающим. Как тщательно он ни обследовал платок, ему не удалось обнаружить на нем каких-либо следов волокон, совпадающих с волокнами одежды Флиттнера. Ни на одном предмете одежды убитой не удалось обнаружить след волокон костюма Флиттнера, а на одежде Флиттнера не было следа волокон с одежды Марии Флоски. 8 октября, когда Деген первый раз поинтересовался результатами, Рем мог дать ему только отрицательный ответ. То же самое повторилось 10 и 12 октября. Деген испытывал чувство разочарования и сомнение. Может быть, комиссия идет по ложному пути? Может быть, концентрация внимания на следах Флиттнера — потерянное время? И в этот момент он узнает о том, что до сих пор оставалось для него тайной (возможно, из-за просчетов расследования в первые дни): о существовании обрезанных с рук Марии Флоски ногтей, которые находятся в судебно-медицинском институте в Вюрцбурге. Из разговора с ассистентом этого института доктором Хайнрихом выяснилось, что грязь, скопившаяся под ногтями, была исследована, и под ногтем правого большого пальца был обнаружен крошечный след волокна. Деген попросил поскорее

прислать ногти в Мюнхен. Появилась надежда обнаружить совпадение с волокном одежды Флиттнера. С нетерпением он ждал сообщений от Рема, несколько раз запрашивая его о результатах.

До 18 октября Деген пережил новое разочарование. Рем сообщил ему, что все волокна под ногтями Марии Флоски происходят не с одежды Флиттнера, кроме одного, лилового хлопчатобумажного, с ее собственной одежды. Однако кусочек последнего был идентичен фрагментам волокон на клейкой ленте со следами с рук Марии Флоски. У Рема до сих пор имела только верхняя одежда Флиттнера, а обнаруженное волокно очень напоминает волокна пестрых хлопчатобумажных рубаш. Может быть, во время предполагаемого преступления на Флиттнере вообще не было куртки или она была растягнута? Может быть, Мария Флоски схватила его за рубашку? Рем предложил Дегену как можно скорее прислать ему рубашку, которую Флиттнер носил в день преступления, или все рубашки, имеющиеся у Флиттнера.

Спешно 19 октября Деген послал на квартиру Флиттнера криминальобермейстера Рудинсдорфера. Флиттнера тем временем уже выписали на работу, и его не было дома. Но его жена передала Рудинсдорферу двадцать три различные рубашки Флиттнера и заверила, что рубашка, которая сейчас на Флиттнере, куплена лишь 11 сентября. Рубашки уже находились по пути в Мюнхен, когда 25 октября Рем нашел, наконец, на руках пострадавшей следы волокон, совпадавшие с волокнами одежды Флиттнера. Вечером в 18 часов 30 минут Деген получил телефонограмму из Мюнхена. В ней говорилось: „На клейкой пленке с левой ладони имеется один кусочек волокна, идентичный волокнам с серо-зеленых брюк Антона Флиттнера“. Однако Рем добавил: „Это совпадение не может иметь внушительной силы доказательства, так как волокна подобного вида встречаются довольно часто“.

И все же это сообщение было первым проблеском и вдохновило комиссию на дальнейшую работу, потому что совпало с неожиданным событием в самом Кале.

Все дни с 1 по 25 октября работа по расследованию в Кале не прекращалась. Особенно успешно Роден и Бек вели поиск свидетелей, находившихся в районе леса Штайнкауте 11 сентября. Нанесение на карту путей, которыми шли эти люди в то время,

когда было совершено преступление, позволило 23 октября абсолютно точно сказать, что незамеченным преступник мог скрыться только в одном направлении. Это были Брайтенвег или параллельная ей дорога, и обе вели на север, к улице Эммерихсхофен-Альценау. При просмотре всех протоколов показаний свидетелей о путях, которыми они шли, сотрудники комиссии наткнулись на показания пенсионера Отто Хока, который встретил незнакомого велосипедиста на Брайтенвег, проехавшего мимо него, как он утверждал, в 15 часов 30 минут. А так как убийство произошло лишь в 16 часов 15 минут, то эти показания отложили в сторону. Но при просмотре других протоколов нашли высказывания другого пенсионера, Йозефа Херцого, из Каль. Херцог тоже прогуливался 11 сентября в лесу. В 17 часов он сидел на скамейке в южной части леса, и Хок, возвращавшийся домой с прямо противоположной стороны, присел рядом с ним.

У Родена и Бека, которые за это время изучили все расстояния в лесу, возникло подозрение, что Хок мог ошибиться на час при указании времени. Даже если учесть, что шестидесятивосьмилетний старик шел медленно, то расстояние от того места, где он видел велосипедиста, до скамейки, где он встретился с Херцогом, он прошел бы самое большее за полчаса. Следовательно, велосипедист проехал мимо Хока только в 16 часов 30 минут, т. е. через пятнадцать минут после убийства. Роден тотчас связался с Дегеном, и тот дал распоряжение немедленно уточнить с Хоком указанное им время. Когда Роден 24 октября разговаривал с Хоком, пенсионер без колебаний исправил свои показания, данные в сентябре. За это время он встречался с Херцогом, у которого память была лучше, чем у него. Но свойственная Хоку флегматичность удержала его от сообщения в полицию о своей ошибке.

Узнав 25 октября о неожиданной перемене в обстоятельствах дела, Деген больше не сомневался в том, что Флиттнер использовал время от 16 до 17 часов 30 минут, чтобы из „Киоска Крамера“ еще раз поехать в лес. Он был уверен, что Флиттнер совершил убийство и уехал в северном направлении, чтобы по улицам Эммерихсхофен-Альценау и Бундесштрассе вернуться в Каль. И все же при воспоминании об упорном отрицании Флиттнером своей причастности к преступлению Деген медлил. Он сомне-

вался в целесообразности повторного допроса Флиттнера, пока на руках не имелось ничего, кроме поправки в воспоминаниях старого человека. Поэтому осторожное сообщение Рема помогло Дегену в решающий момент преодолеть сомнения и заставило его действовать.

26 октября была суббота, и Флиттнер не работал. Деген попросил пенсионера Хока с 16 до 17 часов сидеть на том же месте, где он отдыхал 11 сентября, и внимательно смотреть на велосипедистов, которые будут проезжать мимо него, и потом сказать, узнал ли он среди них того велосипедиста, которого видел в день преступления. После обеда к Флиттнеру пришел криминальбермейстер Рудингсдорфер, разбудил его, так как тот спокойно почивал после обеда, и потребовал, чтобы Флиттнер взял свой велосипед и следовал за ним. Они оба сели на велосипеды и поехали к садовому участку приемных родителей Флиттнера. Оттуда отправились тем же путем, которым 11 сентября Флиттнер ехал от Фришосса до кемпинга, там они постояли некоторое время и поехали к „Киоску Крамера“. Хотя Флиттнер ехал очень медленно, ему понадобилось на это не больше двадцати минут. И наконец, Рудингсдорфер повез Флиттнера в Альценау.

Там ждал Деген. Около 15 часов 30 минут все трое поехали к месту преступления, а оттуда на север по той дороге, где ждал Хок. Рудингсдорфер ехал впереди, за ним — Флиттнер. Деген — на некотором расстоянии от них. Когда Рудингсдорфер и Флиттнер проехали мимо пенсионера, Деген остановился около Хока и спросил, не узнал ли он в одном из проехавших человека, которого он видел в день убийства. Хок ответил, что молодой человек, который ехал вторым, имеет большое сходство с тем велосипедистом. Он отметил, что молодой человек сказал ему „добрый день“. Велосипедист, которого он видел 11 сентября, сделал то же.

Около улицы Теештрассе по дороге в Альценау Деген догнал Рудингсдорфера и Флиттнера. Флиттнер оказался под перекрестным огнем вопросов. Заметил ли он старика на пенке? Почему он с ним поздоровался? Может быть, он его уже видел когда-нибудь на этом месте? Может быть, это было 11 сентября, когда произошло убийство, после которого он поехал на север? Старик тоже помнит его и Уверен, что Флиттнер

проехал мимо него в 16 часов 30 минут, через четверть часа после убийства. Значит, он поехал из „Киоска“ не домой, а, скорее всего, в лес. Убил Марию Флоски и только потом через Теештрассе, Эммерихсхофен-Альценау и Бундесштрассе отправился домой...

Флиттнер слушал поток вопросов с опущенной головой и молчал. Только время от времени язык его скользил по нижней мясистой губе, а руки крутили руль велосипеда; и вдруг он сказал, не поднимая головы: „Я должен кое-что сообщить. Из „Киоска“ я не прямым путем поехал домой, а мимо кемпинга“. И добавил, что в тот прекрасный день очень приятно было прокатиться на велосипеде, поэтому он пожертвовал кофе. Он проезжал мимо старика и сказал ему „добрый день“, а потом ехал по Бундесштрассе, направляясь домой. Но он не проезжал мимо места преступления. Он никогда не видел Марию Флоски и молчал о своей поездке только из страха попасть под подозрение. Он знает, каково в „каталажке“ и не хочет попасть туда еще раз. Его тупой взгляд стал вдруг таким испуганным, что все сказанное им прозвучало вполне правдоподобно, и Дегену стоило усилий, чтобы не поддаться минутной жалости. „Хорошо“, - сказал он и потребовал, чтобы Флиттнер показал ему, каким путем он лоехал на север. Они могут все вместе с часами в руках проехать этот путь и проверить, придут ли они таким образом к дому Флиттнера в 17 часов 30 минут.

И вот они поехали обратно к „Киоску Крамера“. Флиттнер поехал дорогой, которая проходила далеко от места преступления, затем на север мимо места, где отдыхал Хок, по улице Теештрассе в Альценау и по Бундесштрассе домой. Он ехал так медленно, что одно это вызывало подозрение. И несмотря на это ему понадобилось 45 минут, чтобы доехать от „Киоска Крамера“ до дома. Значит, он был бы дома до 17 часов. Тогда Флиттнер объяснил, что они сейчас ехали не совсем тем путем, которым он ехал 11 сентября. И они снова поехали от „Киоска“ к дому Флиттнера. На этот раз путь занял 55 минут. Но разрыв во времени в 30 минут все равно нельзя было заполнить. Деген покончил с этой игрой, велел доставить Флиттнера обратно в Альценау и по прибытии сразу же приступил к допросу, который продлился до 19 часов 35 минут. Все его вопросы касались 30 минут разрыва во времени. Есть ли у Флиттнера другое

объяснение, кроме того, что это время он провел на месте убийства Марии Флоски? Внешне Флиттнер казался тупо уставившимся в одну точку, но внутренне он был настороже и твердо придерживался взятой линии: он поехал на север, он не видел места преступления. Может быть, он останавливался где-нибудь по пути, чтобы полюбоваться цветами или посмотреть на что-нибудь? Но он продолжал твердить, что к убийству не имеет никакого отношения. И только когда заметил, что Деген больше не протоколировал допрос, немного ослабился. Деген использовал момент, чтобы, отвлекшись от всего этого дела об убийстве, завязать личную беседу о жизненных обстоятельствах, о его прошлом, о приемных родителях. И тут Флиттнер вдруг расплакался и стал жаловаться, что из-за старухи его хотят посадить в тюрьму. Ему не в чем признаваться, и он не хочет навлекать позор на голову своей приемной матери. Затем попросил отпустить его и продолжить разговор на следующий день, потому что он уже устал.

Деген чувствовал и верил, что Флиттнер близок к признанию и сломится, если ему не дать возможности питать надежду на то, что он уйдет от ответственности. Поэтому он заявил Флиттнеру, что он останется в тюрьме предварительного заключения и завтра предстанет перед следователем суда. Однако когда на следующий день, утром 27 октября, он появился перед амтсгерихтсратом Рау, то был собран и даже агрессивно настроен. Он просил запотоколировать: „Я не имею никакого отношения к этому делу. Моя совесть чиста!“ И потребовал адвоката, которым стал доктор Бенно Имхофф из Ашаффенбурга. Поверил ли Имхофф в результате беседы с Флиттнером в то, что последний явился жертвой неудачно для него сложившихся обстоятельств, или нет, но во всяком случае он написал жалобу по поводу ареста и так убедительно ее обосновал, что судья выразил сомнения в правильности действий Дегена. Имхофф писал: „Что значит полчаса в разных показаниях о времени, с которыми сталкивается каждый суд, заслушивая показания свидетелей?“ Но прежде всего Имхофф ссылаясь на платок, который, согласно расследованию, не принадлежал убитой. Это же расследование свидетельствует, что этот платок не принадлежит также и Флиттнеру. Следовательно, он не может быть убийцей Марии Флоски. Скорее

преступника нужно искать среди неизвестных посетителей кемпинга.

Деген срочно позвонил в Мюнхен и узнал, что исследования все еще не привели к доказательствам виновности и весь материал находится в стадии исследований. С внутренним волнением положил Деген трубку телефона. Как ни перепроверял он себя самого, как ни обдумывал аргументы Имхоффа, не мог никак преодолеть своего твердого убеждения в виновности Флиттнера. И тем тревожнее он воспринимал свое собственное положение. Все попытки достичь цели с помощью свидетельских показаний привели лишь к конфронтации с пенсионером Хоком. Аргументы Имхоффа, может быть, и носят спекулятивный характер, но могут произвести впечатление на судей. Деген не мог отделаться от мысли, что вечером 26 октября Флиттнер был близок к признанию, а теперь, когда его отпустят, он ни за что не признается. Понимая, что исследование микроследов является последним шансом, Деген 28 и 30 октября еще и еще раз выезжает на место преступления. Там он пытается представить себе все мыслимые действия и движения убийцы и его жертвы. И его взгляд все время возвращается к одинокой сосне, стоящей вблизи того места, где нашли лежащей Марию Флоски. Может быть, жертва прислонялась к этому дереву до или во время борьбы? Возможно, убийца тоже коснулся сосны и оставил следы своей одежды на коре дерева? Деген обклеил пленкой ствол дерева до высоты роста мужчины, снял ее и послал 30 октября Рему. Возвратившись в Альценнау, он снова занялся вопросом о происхождении платка, которое послужило аргументом для освобождения Флиттнера. Он еще раз изучил все показания, особенно сообщение модистки, видевшей, как Мария Флоски шла в лес, и утверждавшей, что на ней не было никакого платка. И тут он неожиданно нашел решение загадки, о котором, к своему стыду, до сих пор даже не подумал. Не носила ли Мария Флоски платок на дне своей плетеной корзинки, чтобы завернуть в него собранные грибы? Может быть, его поэтому никто и не видел? А может, убийца взял платок из корзинки своей жертвы? После срочных телефонных переговоров между Дегеном, Мором, Райнхардом, Бергом и Ремом корзинку тоже отправили в Мюнхен. В ней ведь могли остаться

какие-нибудь типичные фрагменты волокон.

Тем временем Деген отстаивал в суде дальнейшее содержание Флиттнера под стражей по крайней мере до тех пор, пока не будут получены последние и неопровержимые экспертные заключения из Мюнхена — положительные или отрицательные. Видимо, он обладал достаточной силой убеждения. Жалоба адвоката по поводу ареста Флиттнера была отклонена. Но Деген знал, что это лишь отсрочка. Потеряв покой, он решил сам поехать в Мюнхен. В первые ноябрьские дни он получил от Берга сообщение, которое подавало хоть небольшую надежду на выяснение этого запутанного дела. Рем наткнулся на совпадение между волокнами с руки Марии Флоски и одной из рубашек Флиттнера. Но окончательно пока еще ничего нельзя было сказать. А 4 ноября последовало еще одно сообщение, надеяться на которое Деген даже не осмеливался. На стволе сосны, которая привлекла его внимание во время последнего осмотра места преступления, имелись волокна, идентичные волокнам той же рубашки Флиттнера. Окончательный результат исследований обещали сообщить 6 ноября. Ожидание результатов исследований стало невыносимым.

Наконец наступило 6 ноября, и с ним пришло экспертное заключение Рема. Сухими словами, но тем более убедительными он сообщал: „На клейкой ленте с ладоней рук Марии Флоски находятся фрагменты голубых и фиолетовых хлопчатобумажных волокон. Волокна соответствуют голубым и фиолетовым волокнам с клетчатой рубашки подозреваемого Флиттнера. Клейкая лента с дерева, находящегося в непосредственной близости к месту преступления, содержит фрагменты светло-голубых хлопчатобумажных волокон, а также один кусочек фиолетового волокна. Эти волокна не отличаются от соответствующих волокон, снятых с ладоней потерпевшей и клетчатой рубашки подозреваемого. К внутренней стороне плетеной корзинки прилипли белые искусственные волокна. Эти волокна по оттенку цвета и качеству соответствуют ткани платка. Далее, на крае корзинки находились одно голубое хлопчатобумажное волокно и одно светло-желтое шерстяное волокно. Оба волокна встречаются также в ткани спортивной куртки Флиттнера“.

Устно Рем добавил, что на стволе сосны имеются еще черные и бесцветные шерстя-

ные волокна, которые идентичны соответствующим волокнам куртки Флиттнера. Но эти волокна так часто встречаются в тканях, что имеют очень ограниченную доказательственную силу.

Несмотря на лаконичность, эти выводы были не чем иным, как прямым подкреплением с помощью следов, которые не смог бы увидеть глаз человека, работы и убежденности Дегена и всей комиссии. 9 ноября Мор, Деген и Рудингсдорфер поехали в Ашаффенбург, чтобы начать новый допрос, который должен был окончательно все прояснить. Сначала создалось впечатление, что Флиттнер не сделает ни шага назад от своих показаний: он никогда не был на месте преступления, никогда не видел Марии Флоски; его первые ложные показания и ошибки в указании времени вызваны страхом перед полицией. Допрос уже длился несколько часов, когда Деген, отбросив вдруг вопрос о времени, спросил, как Флиттнер может объяснить тот факт, что на руках убитой оказались волокна шерсти и хлопчатобумажные волокна от его куртки, его рубашки и его брюк? Как он объяснит наличие волокон его куртки на внутренней стенке плетеной корзинки? Что он искал в корзинке? Что он вынул из этой корзинки?

Перемена, происшедшая с Флиттнером вслед за этими словами, показалась совершенно неожиданной после продемонстрированного им упорства. Побледнев как смерть, с дрожащей нижней губой, он стал просить прекратить допрос. Может, это был приступ суеверного страха перед Немезидой, которая придралась к паре текстильных волокон, или же он внутренне содрогнулся, вспомнив о финале встречи с Марии Флоски, или Деген, говоря о следах волокон в корзинке, изобразил ход событий, имевших место на самом деле?

Около 17 часов Флиттнер заявил, что может продолжить разговор. Его первым подтверждением того, что после обеда 11 сентября в 16 часов он действительно встретил Марию Флоски, был кивок головой в ответ на соответствующий вопрос. Но этот кивок положил конец его сопротивлению, которое длилось до 11 ноября. 9 ноября он предпринял еще одну попытку скрыть истину. Он сказал, что из „Киоска Крамера“ еще раз поехал в лес, чтобы якобы перед ужином еще немного подышать свежим воздухом. В двадцати метрах от

дороги он увидел Марию Флоски, собиравшую грибы. Она потребовала, чтобы Флиттнер уходил. Он подошел к ней и сказал, что может останавливаться там, где ему нравится. Они поспорили. Он тряс Флоски за плечи. Вдруг она упала на землю. Флиттнер испугался, что она донесет на него в полицию, схватил платок из корзинки и обмотал им шею старухи. Он не хотел убивать, только хотел помешать ей поднять шум. Когда Флиттнер оставил Флоски лежащей на земле, та была жива. Она, очевидно, сама затянула платок, ворочаясь на земле, и задыхалась.

Но этот первый надлом в сопротивлении Флиттнера был так значителен и так убедительно подтверждал правильность заключения Рема, что ничего уже не могло остановить установления полной истины. 11 ноября Флиттнера доставили на место преступления для воспроизведения событий того дня. Сотрудница уголовной полиции играла роль Марии Флоски. Каждое слово записывалось на магнитофонную ленту, каждое важное действие фотографировалось. Как ни старался Флиттнер „разыгрывать“ события своих показаний, воспоминания об истинных событиях были сильнее его артистических способностей. Истина просто прорывалась наружу.

Вечером Флиттнер прекратил сопротивление и рассказал всю правду — правду, которая до мельчайших подробностей совпадала с результатами исследования следов. Находясь в состоянии возбуждения, он поехал в 16 часов в лес. Он наблюдал за Марией Флоски, которая, стоя к нему спиной, низко наклонилась. Когда Флиттнер поставил в сторону велосипед, женщина выпрямилась и по глазам поняла его намерения. Она пыталась прогнать его и, когда нападавший схватил ее, защищалась своими слабыми руками. Он схватил ее за шею, чтобы помешать закричать, и разорвал бусы. Но, прислонясь к сосне, она все еще сопротивлялась. Он коснулся сосны рукавом рубашки, который выглядывал из рукава куртки. Затем они снова удалились от сосны. В нескольких метрах от дерева женщина упала на землю и воскликнула слабым голосом: „Жаль мне тебя, молодой человек. Ты будешь помнить меня всю жизнь“. Потом он сильно сжал ей горло. Но тут услышал шаги и испугался. Он увидел в корзинке платок и обмотал его вокруг шеи умирающей, чтобы никто не видел следов удушения. Какое-то

время все было тихо. Он расстегнул брошь, чтобы оголить грудь женщины. Но тут снова послышались шаги. Он вскочил на свой велосипед и поехал на север по дороге, параллельной Брайтенвег, до Альценау, а оттуда — домой.

Так закончилось признание Флиттнера вечером 11 ноября 1963 г. Когда спустя шесть месяцев, в мае 1964 года, он предстал перед судом присяжных в Ашаффенбурге и, будучи приговоренным к пожизненному заключению, исчез в тюрьме Штраубинг, приговор вызвал много вопросов, затрагивавших одну из областей психиатрии, и особенно в обстановке ФРГ, запутанную и нерешенную проблему о наказании или ограждении общества от сексуальных психопатов. Однако эти вопросы лежат за пределами криминалистического расследования, которое показало здесь, на что способна наука о микроследах текстильных волокон, которая знает возможности естественнонаучного исследования и умеет их использовать при криминалистическом исследовании места преступления.

12.

Когда исследования по делу Ф лоск и в ноябре 1963 года подошли к концу, в Европу с противоположных берегов Атлантического океана пришли известия, которые для химии и биологии вдруг открыли, казалось, новые возможности, превосходившие все то, к чему до сих пор стремились, чего добились и на что надеялись. На многих европейцев, которые меньше, чем американцы, знали об использовании атомной энергии в мирных целях, эти сообщения действовали впечатляюще. Но они не были столь фантастическими, за ними стояло вполне реальное стремление использовать в криминалистике самое страшное оружие войны, ставшее одновременно самым значительным достижением двадцатого века, — атомную энергию.

Событие, благодаря которому североамериканская общественность услышала об этом стремлении, произошло почти несколько лет тому назад. Местом его действия был Эдмундстон, маленький город в канадской провинции Нью-Брансуик, у слияния рек Мадавоска и Сент-Джон, отделяющего Нью-Брансуик от штата США - Мэн.

13 мая 1958 г. было для городка с 12 000 жителей обычным днем. Мельницы „Фрейзер Компани“ перекачивали бумажную пульпу по толстым трубам через реку Сент-Джон в Мадавоску, американское пограничное местечко. Американская фабрика „Фрейзер пейпер“ перерабатывала пульпу, превращая ее в бумагу. Эдмундстон, несмотря на различие языков (английский, французский), тесно связан с местечком Мадавоска, насчитывающим 7 000 жителей. В 17 часов завывли сирены „Фрейзер Компани“, возвестив об окончании рабочего дня. Никто в Эдмундстоне не думал, что в этот час мирный город станет ареной убийства.

В 16 часов 30 минут Газтан Бушар, единственная дочь рабочего Уилфреда Бушара, вошла в дом родителей на Эдмундстон-ост. Шестнадцатилетняя девочка положила учебники на кухонный стол, сунула в карман десять долларов, которые мать дала ей для покупок, и поспешно отправилась в путь. Она направилась в торговый центр на улице Виктория. На предупреждение матери — „Не забудь, что ужин в шесть часов“ — она ответила на бегу: „К тому времени я уже буду дома“. Копна каштановых волос, широкая юбка, голубые шлепанцы из замши, надетые на босу ногу, — такой видела мать свою дочь в последний раз.

Когда Уилфред Бушар и его пятнадцатилетний сын около 18 часов пришли домой, они напрасно ждали Газтан. В 19 часов 30 минут Бушар начал обзванивать знакомых и подруг дочери. Но после 16 часов 30 минут никто из них ее не видел. Отцом овладело чувство неуверенности. Между 20 часами 20 минутами и 21 часом он стал опрашивать подруг Газтан по телефону, не видел ли ее кто-нибудь с мужчинами. После некоторого запирательства ему рассказали, что один двадцатилетний американец из Мадавоски, который в прошлом году играл на саксофоне в танцзале Л идо, часто катал на своем автомобиле Газтан. Его имя Джонни, а точнее Джон Фоллмен. Он и сейчас часто приезжает; во второй половине дня был в Эдмундстоне, в 16 часов „подхватил“ у ресторана „Сауси“ Бланш Арсено и Марсель Годро и отвез их домой. В 22 часа Бушар сел в свою машину, поехал в Мэн и, несмотря на поздний час, ворвался в дом торговца принадлежностями для рыбной ловли Джона Джекоба Фоллмена. От аме-
риканца, ошарашенного появлением Бушара, он узнал, что молодой Фоллмен раньше

действительно играл на саксофоне, но теперь работает в Мадавоске в „Сент-Джон Вэлли Тайме“ и у него в этот вечер ночное дежурство в типографии. Кроме того, 12 мая он собирается жениться на одной бухгалтерше из газеты — Женеви Жиран. Бушар все же поехал к зданию газеты „Сент-Джон Вэлли Тайме“. Перед ним предстал Джон Фоллмен, симпатичный, стройный молодой человек с волнистыми темными волосами и загорелым лицом. Парень подтвердил, что знаком с Гаэтан, но уже давно не встречался с ней. Правильно говорят, что во второй половине дня он был в Эдмундстоне. Ему нужно было быть у шефа местной полиции по поводу одной фальшивки. В городе он встретил нескольких своих знакомых по танцзалу Лидо и подвез до дома. Но Гаэтан он не встречал, а в 18 часов уже вернулся в Мадавоску.

Несолоно хлебавши Бушар вернулся в Эдмундстон. Гаэтан все еще не было дома. Время подходило к половине двенадцатого, когда Бушар позвонил в полицейский участок КККП. Оттуда констебль Латур связался с патрульной машиной. Бушар не мог пассивно ждать и вместе со своим сыном Жаном Ги и с приятелем-соседом Стэнли Готье объездил все улицы города. Все эти поездки не дали никакого результата. Тогда сын Готье, Шарль Эмиль, выдал взволнованным отцам тайну мест, где молодые пары Эдмундстона останавливают свои машины по вечерам и устраивают свидания. Около часа ночи Шарль Эмиль привел небольшую группу людей к заброшенной штольне у Бушер Офис-роуд. Она тоже была известна как место свиданий.

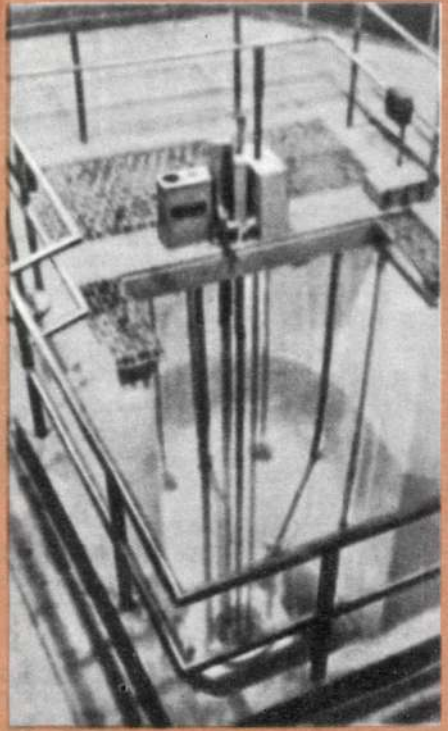
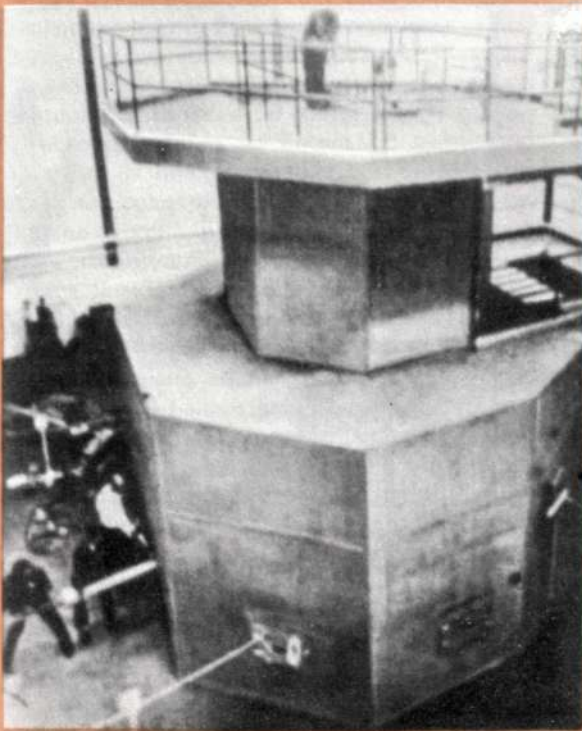
Когда они приблизились к штольне, там было абсолютно темно. Ничего не было видно, ни одного слабого огонька — внутренне-го освещения машины. Но Бушар находился в таком отчаянии, что настоял на поисках в, казалось бы, заброшенном месте. При свете двух карманных фонариков, спотыкаясь о корявые корни сосен, они медленно двинулись вперед. После продолжительных безуспешных поисков правая нога Жана Ги наткнулась на какой-то мягкий предмет. Осветив его, он узнал голубую домашнюю туфлю из грубой замши. В одном шаге от нее лежала вторая туфля. Спустя пару секунд, свет упал на тело, распростертое на гальке ничком. Бушару не надо было видеть лицо, чтобы понять, кто лежал перед

ним. Он положил правую руку на шею Гаэтан и почувствовал холодное тело.

Констебль Латур услышал о случившемся, находясь на одной из восточных улиц Эдмундстона, и помчался к Бушер Офис-роуд. Вслед за ним прибыли другие полицейские. Сержант Лапуант, начальник отделения КККП, поставил в известность отдел расследования уголовной полиции в городе Фредериктон, расположенном в 128 милях от Эдмундстона, и вызвал местного врача, доктора Годро. Один за другим прибыли сотрудники полиции: констебли Езо, Кентас, Робишо и Федор из службы идентификации в Кэмпбелтоне. В свете прожектора Годро склонился над девушкой. Он был практикующим врачом и ограничился лишь общими заключениями: ссадины и повреждения на левом глазу, нижней губе и на коже ног. У него создалось впечатление, что Гаэтан тащили по земле, усеянной галькой. Скончалась она от множественных колотых ран в области груди и спины. В восьми метрах от трупa констебль Езо обнаружил большое темное пятно, где кровь просочилась сквозь гальку, и отпечатки автомобильных шин. Вероятно, прежде чем покинуть штольню, убийца на этом месте убил девушку и оттащил ее в сторону. Хотя отпечатки шин на твердой почве были едва различимы, Езо все же попытался изготовить их слепок. При этом он заметил два маленьких зеленоватых кусочка отколовшегося от машины лакового покрытия. Один кусочек был не больше булавочной головки, а второй — немного побольше и имел форму сердечка. Очевидно, они отскочили от нижней части машины при столкновении с нагроможденной галькой.

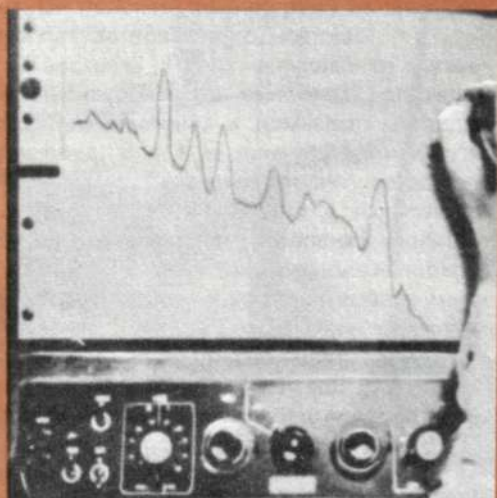
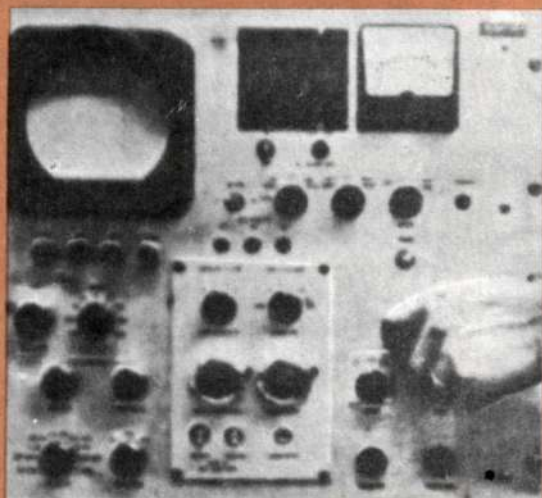
Пока машина доставляла погибшую в Эдмундстон, Лапуант узнал у Уилфреда Бушара о привычках девушки, записал адреса ее подруг и спросил об ее ухажерах. Бушар опроверг утверждение, что Гаэтан когда-либо имела „ухажеров“. Но так как Лапуант питал меньше иллюзий в отношении интимных связей школьниц, то он отцу не поверил. Однако не стал настаивать, потому что видел, что Бушар терял последние силы. Естественно, Лапуант ничего не узнал о ночной поездке Бушара в Мадавоску к Джону Фоллмену.

На рассвете Лапуант и его сотрудники приступили к выяснению обстоятельств дела Гаэтан. Эдмундстон казался Лапуанту слишком маленьким городом, чтобы в нем

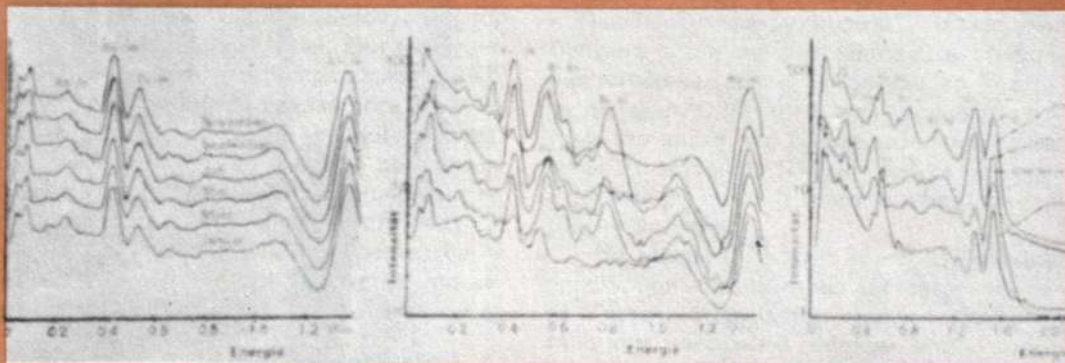
В 1958 году при расследовании убийства Б у шар в Канаде на помощь криминалистике пришла атомная техника. В руке пострадавшей девушки Гаэтан Бушар был обнаружен один-единственный волос. Его сравнили с волосами убийцы Фоллмена. При этом канадские атомщики впервые применили метод нейтронного активационного анализа (АНА), который позволяет определить микроэлементы, находящиеся в тканях всех видов, а также в волосах, даже если их количество составляет одну миллионную часть миллиграмма. Подлежащие исследованию вещи подвергаются обработке потоком нейтронов, т. е. атомными частицами в атомных реакторах (вверху слева — внешний вид такого реактора при университете в Иллинойсе, справа — внутренний вид такого реактора в Сан-Диего, Калифорния). С этой целью их кладут в капсулу из синтетического вещества (внизу) и подают в реактор. Под воздействием нейтронов элементы следов делаются радиоактивными и посылают лучи, что позволяет установить вид и количество имеющихся микроэлементов.

Для измерения излучения, которое возникает от радиоактивных микроэлементов во время криминалистического нейтронного активационного анализа ANA служат различные аппараты (вверху) : от счетчика Гейгера до сцинтилляционных счетчиков. Чаще других радиоактивных лучей при таких измерениях используются гамма-лучи. Результаты этого измерения можно зафиксировать в диаграммах (спектрограммах) (внизу), в которых кривые показывают наличие определенных микроэлементов. Гамма-спектрограмма (внизу слева) показывает содержание микроэлементов (германия, золота, меди и натрия), которое остается неизменным и характерно для всех шести волосков с головы одного человека. Спектрограмма в центре показывает содержание микроэлементов в шести волосках шести различных людей. Кривые каждого волоска различны, как и содержание микроэлементов. Такие спектрограммы легли в основу первых предпринятых попыток доказать совпадение или несовпадение волос с места преступления и волос подозреваемых. В последующие годы здесь возникли многочисленные проблемы и осложнения. И все же ANA стал многообещающим средством естественнонаучной криминалистики.

Внизу справа — один из моментов установления с помощью ANA страны, откуда происходит наркотическое вещество, по его микроэлементам.

среди бела дня по дороге к Виктория-стрит могла незаметно исчезнуть хорошенькая девушка. Констебли побеседовали с Жаклин Дюмон и Джоан Фифф - двумя девочками, которые в 15 часов 30 минут вместе с Газтан возвращались из школы. В ресторане „Сауси“ на Виктория-стрит они беззаботно выпили содовой. Здесь же они видели Бланш Арсено и Марсель Годро, которые в 16 часов ушли из ресторана и вскоре поехали домой в машине Джона, Фоллмена. В 16 часов 15 минут ресторан покинули также Джоан Фифф и Газтан. Официантка с претенциозным именем Жанна д'Арк Асселен продала Газтан две шоколадки. Затем Газтан пошла домой, попрощавшись с Джоан Фифф в 16 часов 30 минут, ненадолго зашла к себе и возвратилась в город. В 17 часов девушку снова видели у ресторана „Сауси“. Вида Мартин, служащая расположенной напротив аптеки, утверждала, что видела ее в это время. Затем девушка, должно быть, добралась до торгового центра и только там исчезла.

Около 9 часов Лапуант получил заключение доктора Харрингтона, врача, который, хотя и не был патологоанатомом, но производил вскрытия в районе Эдмундстона. Он насчитал девять колотых ран, одну из них в самом сердце. Наличие частично переваренного шоколада в желудке позволило сделать вывод, что Газтан умерла не позже чем через три часа, после того как съела шоколад. Так как она купила шоколад в 16 часов, то ее убили, должно быть, между 16 и 19 часами. За исключением царапин на бедрах, ничто не свидетельствовало, как утверждал Хэррингтон, о попытке к изнасилованию. Если преступник и имел такое намерение, то, во всяком случае, не осуществил его.

К этому времени молва об убийстве распространилась, и в полиции появились первые добровольные свидетели. Среди них находился Марсель Босс, фермер из Сент-Джозефа. Около 17 часов он остановил свою машину на Виктория-стрит перед рестораном „Сауси“. Он знал Газтан и видел, как она с одной из своих подруг хотела перейти на другую сторону улицы перед его машиной. Но в это время сзади показался светло-зеленый „Понтиак“, и девушки остановились, чтобы пропустить его. Водитель, однако, притормозил и крикнул что-то вроде: „Может быть, вас куда-нибудь подвезти?“ Услышав в ответ „Нет“, он поехал

дальше и исчез. Тут Босс продолжил свою поездку. Во второй раз он увидел Газтан на углу улиц Виктория-стрит и Сент-Джордж-стрит. Она была одна. Босс точно запомнил время — 17 часов, потому что вслед за этим завывли сирены „Фрейзер Компани“, возвещая об окончании работы. Водителем светло-зеленого „Понтиака“ был молодой человек с темными вьющимися волосами и загорелым лицом. На его машине имелась желтая табличка штата Мэн, США. На вопрос, сможет ли Босс узнать водителя, тот ответил, что, пожалуй, да.

Вскоре показания фермера подтвердила одна свидетельница, Джо Энн Джильберт, знавшая Газтан по школе. После 16 часов она ездила на машине своего отца за покупками, покупала подарки. Когда в 17 часов она собиралась свернуть на Виктория-стрит-Экстеншен, то заметила зеленый „Понтиак“ и сидящую в машине Газтан. Но водителя она не смогла узнать. Спустя несколько минут, появился третий свидетель, Поль Эмиль Лекесн, тоже ехавший вдоль Виктория-стрит-Экстеншен. Ему бросился в глаза вид светло-зеленого „Понтиака“, видимо, выпуска 1952 года, с желтой номерной табличкой, водитель которого включил сигнал поворота. Машина свернула на Бушер Офис-роуд. Рядом с водителем сидела девушка. И наконец, явился еще один свидетель — Виллар Мартин. Вечером, между 17 и 18 часами, он ехал со своими детьми вдоль Бушер Офис-роуд.

Дети захотели побросать камушки в озеро около штольни. Подъезжая к штольне, он обратил внимание на стоящий там светло-зеленый автомобиль. Зная, что штольня является излюбленным местом любовных утех, он проехал мимо. Когда двадцать минут спустя Мартин возвращался, машина все еще стояла на прежнем месте. Но ее пассажиров не было видно.

Просто удивительно, как одно показание дополняло другое. Они свидетельствовали о том, что Газтан Бушар с Виктория-стрит поехала с незнакомцем, вероятно американцем. Самым же примечательным являлось совпадение между упоминанием о светло-зеленом „Понтиаке“ и светло-зелеными кусочками отскочившего лака, которые нашел констебль Езо.

Как только в Эдмундстон прибыл сержант Отдела расследования уголовных преступлений Хэтирингтон, он связался с полицией штата Мэн. Мадавоска относится к

району Арустук, и шеф полиции этого района — Отис Н. Лэбри — находился в Хоултоне. Лэбри пообещал установить владельца светло-зеленого „Понтиака“ и опросить торговцев поддержанными автомобилями: не продавал ли кто-нибудь из них светло-зеленый „Понтиак“. Затем Хэтирингтон внимательно прочитал заключение о вскрытии. Оно его не удовлетворило. Преступления сексуального характера не всегда ведут к анатомическим повреждениям, и без лабораторного исследования нельзя делать окончательных выводов. Даже при отрицательных результатах исследований еще ничего не ясно. Хэтирингтон распорядился отправить труп во Фредериктон, чтобы доктор Брандсон подверг его более тщательному обследованию.

Приняв такое решение, сержант не подозревал, что придаст делу, принесшему ему всемирную известность, решающий поворот.

Машина доставила труп около полудня во Фредериктон, а Хэтирингтон и Лапуант тем временем совместно пытались проанализировать имеющиеся уже следы. Лапуант еще раз допросил Бланш Арсено и Марсель Годро и спросил их, могло ли так случиться, чтобы Газтан села в машину к совершенно незнакомому человеку, и не знают, ли они о каком-нибудь американце, с которым была знакома погибшая. И только теперь Лапуант узнал, что такой американец существует и зовут его Джон Фоллмен. Лапуант знал Фоллмена как репортера „Сент-Джон Вэлли Тайме“ и как заместителя директора гражданской обороны в Мадавоске, должность, которая обязывает его выступать с докладами в школах и на собраниях. Ему было трудно представить себе, что Фоллмен может быть преступником. Несмотря на это, он продолжал подробно расспрашивать Бланш Арсено и Марсель Годро об американце. Он узнал, что Фоллмен проехал мимо них, когда они в 16 часов вышли из ресторана „Сауси“. Он затормозил и предложил отвезти их домой. Когда они подъехали к дому, он пытался уговорить их прокатиться с ним за город. Но они отказались, потому что слышали от подруг, которые однажды уже ездили с „Джонни“, что его „трудно удержать от некоторых действий“. Девушки описали также машину, в которой они ехали: старый светло-зеленый „Понтиак“.

Какие бы сомнения ни чувствовал Лапуант, но после этих показаний ему и Хэти-

рингтону нельзя было уйти от вопроса: не возвратился ли Фоллмен на Виктория-стрит после того как получил отказ, и не пытался ли он найти другую партнершу? Может быть, он видел Газтан, и она поддалась угворам, пошла на игру с огнем? Мог Фоллмен стать убийцей? Позвонив в „Сент-Джон Вэлли Тайме“, Лапуант узнал, что Фоллмен готовится к своей свадьбе. Правда, свадьба не могла помешать ему поискать еще одно приключение. Действия, направленные против американского гражданина, были трудным делом и оправдывались лишь при наличии веских причин подозревать его. Поэтому, когда через некоторое время позвонил Отис Н. Лэбри и сообщил, что торговец поддержанными автомобилями в Ван-Бьюрен продал 23 апреля зеленый „Понтиак“ 1952 года двадцатилетнему парню из Мадавоски, Джону Фоллмену была предложена встреча в Мадавоске.

Около 15 часов 30 минут канадцы подъехали к зданию „Сент-Джон Вэлли Тайме“. На улице стоял „Понтиак“ Фоллмена. Пока они ждали Лэбри, констебль Езо осматривал машину. Через некоторое время он обнаружил на кузове автомашины, под правой дверцей, свежее коричневое пятно, точно совпадавшее по форме с сердцевидным осколком лакового покрытия. Совпадение произвело такое впечатление, что Хэтирингтон и Лапуант отбросили значительную часть своих сомнений, и, когда вскоре появился Лэбри, его это тоже во многом убедило. Вместе с канадцами он остановил Фоллмена в коридоре и без церемоний спросил, где можно поговорить с ним наедине. Юношеское лицо Фоллмена побледнело, когда Лэбри сказал ему, что полицейские из Канады хотят задать ему несколько вопросов в связи с насильственной смертью некой Газтан Бушар, и дал понять, что он должен ответить на эти вопросы. Фоллмен возразил, что вряд ли сможет что-либо сказать по этому поводу. Он болеет уже несколько дней, принимает сильнодействующее лекарство, поэтому мысли его не совсем ясные. Он знал Газтан Бушар как партнершу по танцам в „Лидо“ в Эдмундстоне, но не видел ее уже давно. Об этом он, кстати, накануне вечером говорил отцу Газтан. „Ну, хорошо, — сказал Лэбри, — но в Эдмундстоне имеются свидетели, которые видели Вас вчера во второй половине дня, когда Вы приглашали Газтан прокатиться в своем зеленом „Понтиаке“, притормозив машину на Виктория-

стрит". Он добавил, что есть и другие свидетели, видевшие Газтан в светло-зеленом „Понтиаке" с желтой номерной табличкой, и что канадцы хотели бы узнать подробнее о его вчерашней поездке по Эдмундстону.

Фоллмен ответил, что утром собрал заказы на объявления и сразу после обеда поехал в Эдмундстон. Там он интересовался информацией по делу о фальшивомонетчиках, затем возвратился в Мадавоску, так как ему нужно было читать доклад о гражданской обороне, и снова поехал в Эдмундстон. Он продолжал собирать информацию и уже возвращался домой, как вдруг на Виктория-стрит повстречал двух знакомых по танцам в „Лидо", Бланш Арсено и ее подружку, которые помахали ему и попросили отвезти их домой. Он выполнил их просьбу, хотя его уже знобило и он чувствовал себя плохо. Оттуда он поехал прямо в Мадавоску, в 16 часов 30 минут был дома, лег в постель, а потом пошел на ночное дежурство, которое длилось до 6 часов 30 минут утра. Практически он еще не спал и едва держится на ногах. Газтан он не встречал, и если кто-нибудь видел его с ней, то наверняка ошибся. Что касается зеленого „Понтиака", то все знают, как их много. Даже начальник местной полиции Эдмундстона ездит на „Понтиаке", который, как две капли воды, похож на его машину.

Лэбри отвечал, что это так, но у этой машины имеется канадский номер, кроме того, канадцы нашли около убитой светло-зеленые кусочки автолака. Один из них совпадает с повреждением на его „Понтиаке". Это вызывает определенное подозрение. Лучшим способом развеять эти сомнения будет предоставление в распоряжение канадцев его машины для обследования. Лучше было бы сделать это добровольно, прежде чем будут приняты меры, вынуждающие выдать машину.

Фоллмен медлил, пока Лэбри не объяснил ему еще раз: если он не имеет никакого отношения к убийству Газтан, то ему нечего бояться. Следовательно, самое лучшее — добровольно способствовать доказательству его невиновности. Все еще медля, Фоллмен передал ключ от своей машины Лэбри, а тот констатировал, что тот, который повел „Понтиак" к станции пожарной охраны в Эдмундстоне для детального обследования.

Хэтирингтон объяснил тем временем, что они приехали не для того, чтобы заявлять о преждевременных подозрениях. Он

уверен, что убийца испачкал кровью свою одежду. Самое простое для Фоллмена было бы предъявить одежду, которую он носил вчера в Эдмундстоне, чтобы снять с себя подозрения в самом начале. Лэбри поддержал канадских коллег.

Совершенно неожиданно для Лэбри и канадцев Фоллмен ответил, что он так ошарашен, что не может вспомнить, какой носил костюм.

Лэбри спросил, не шутит ли Фоллмен. Получив отрицательный ответ и не скрывая свое недоверие, Лэбри предложил Фоллмену поехать домой и показать канадцам всю свою одежду. Фоллмен сказал, что не может просто так уйти с работы, и уступил лишь после того, как Лэбри снова подчеркнул, что было бы лучше обойтись без принудительных мер.

Итак, Лэбри, Хэтирингтон, Лапуант и Фоллмен отправились в комнату последнего и обыскали его гардероб. Фоллмен повторил свое заявление, будто он уже забыл, какие на нем были вчера вещи, что он видит все словно в тумане. Так как ни на одном костюме они не нашли следов крови, то покинули дом и направились к машине Лэбри. Но Хэтирингтон вдруг остановился и направился к мусорному ящику. Подняв его крышку, Хэтирингтон увидел остатки недавно горевшей одежды. Может быть, это одежда, которую Фоллмен носил вчера и сжег после убийства?

Безусловно, наступил решающий момент. Фоллмен отрицал свою причастность к сожженным тряпкам. Они, должно быть, принадлежат другим жильцам дома. Но тон задававшего вопросы Лэбри свидетельствовал, что он больше не верит в невиновность своего земляка. Он обеспечил сохранность остатков сожженной одежды и, когда Фоллмен не смог назвать свидетелей, которые видели его возвращение домой вчера в 16 часов 30 минут и могли бы это подтвердить, потребовал, чтобы Фоллмен пошел с ним и канадцами в полицейский участок Мадавоски. Там их ожидало сообщение Федора и Езо, что светло-зеленые кусочки лака согласно микроскопическому исследованию точно соответствуют повреждениям на машине Фоллмена и что в ящике для перчаток лежит надкусанная шоколадка со следами губной помады. Точно такие шоколадки Газтан купила незадолго до смерти. Все больше убеждаясь в том, что перед ними виновник преступления, Хэтирингтон пред-

ложил устроить очную ставку с фермером Боссом, который утверждал, что узнал вчера Фоллмена. Лэбри не возражал. Пришлось ждать до позднего вечера, пока нашли Босса, но едва он увидел Фоллмена, то без колебаний заявил, что это тот человек, который окликнул вчера Газтан на Виктория-стрит.

Это практически решило пока судьбу Фоллмена. После переговоров и телефонных разговоров его в тот же вечер препроводили в канадскую тюрьму. К этому времени Хэтирингтон получил из Фредериктона известие, что доктор Брандсон по их просьбе осуществил повторное вскрытие трупа Газтан. Он тоже не обнаружил ни патологических, ни химических следов, свидетельствующих о половом акте. Однако корпорал Гонгас, который в качестве сотрудника службы идентификации Королевской канадской конной полиции всегда присутствовал при вскрытиях трупов, сделал неожиданное открытие. Снимая, как принято, отпечатки пальцев Газтан Бушар, между пальцами ее правой руки он нашел один-единственный шестисантиметровый темный волосок, который, возможно, принадлежал не потерпевшей, а ее убийце.

В это же время позвонил Гонгас и предложил взять с головы Фоллмена пробы волос и направить их в лабораторию К К КП в Саквилл. Хэтирингтон и Лапуант восприняли эти сообщения с облегчением, которое переживают служащие уголовной полиции, когда совершенно неожиданно для них открываются новые перспективы получения, может быть, решающих улик. Утром 15 мая Фоллмена спросили, не предоставит ли он в распоряжение полиции пробы своих волос. Либо он действительно находился в состоянии потери памяти, либо разыгрывал таковое, но, во всяком случае, с видом полного безразличия Фоллмен дал полицейским снять пробы своих волос. И после обеда того же дня корпорал Кентас повез пробы волос из Эдмундстона в Саквилл. Там он встретился с Гонгасом, у которого находились пробы волос потерпевшей и обнаруженный в руке Газтан Бушар волосок. Они передали материалы исследования Роланде Андре Руан, химику лаборатории, и ни один из них не ведал, что участвует в чрезвычайно важных событиях.

Со времени убийства Жермен Бишон прошло пятьдесят лет, и все это время ни на минуту не прекращались попытки осуще-

ствления криминалистического анализа волос. По обе стороны Атлантического океана между двумя мировыми войнами криминальная полиция все чаще прибегала к исследованиям волос. Область исследований простиралась от убийства до кражи мехов, от сексуального преступления до несчастного случая на транспорте, во время которого, например, волосы пострадавшего прилипали к транспортному средству. Нет сомнения, что за пятьдесят лет, прошедшие с 1909 года, произошел определенный прогресс.

В 1931 году англичанин Джон Глейстер, работавший судебным медиком в Каире, опубликовал свое произведение „Волосы — новый покров млекопитающих с точки зрения судебной медицины“, которое с помощью 1700 микрофотографий позволило заглянуть в структуру волоса человека и млекопитающих. Другое значительное произведение создал в 1938 году немецкий ученый Теодор Лохтэ. Это „Атлас волоса — покров человека и животных“. Лохтэ работал до 1934 года судебным медиком в Геттингене. Его самым большим вкладом в разработку исследования волос явилось создание метода по удалению воздуха из волос, впервые за почти целое столетие давшему ученым возможность точно рассмотреть сердцевину волоса. Лохтэ помещал свой предмет исследования в барокамеру и с помощью соответствующей аппаратуры высасывал из него воздух. Метод был трудоемким, но тем самым была подготовлена почва для создания после второй мировой войны более простых способов удаления воздуха из волос. Самый простой был разработан Отто Мартином в Висбадене. Он установил, что так называемые „увлажняющие средства“, которые используются в текстильной промышленности для обработки текстильных волокон, обладают способностью быстро проникать в волос и вытеснять находящийся в нем воздух.

В то же время появились новые технические возможности, позволившие лучше видеть кутикулу. В 1930 году немец Шредер фиксировал фотопластинки, высушивал их и находящийся на них желатиновый слой доводил с помощью воды до набухания. Волосы, рисунок кутикулы которых требовалось исследовать, вдавливали в слой желатина. После высыхания последнего волосы удалялись, и в желатине оставался оттиск кутикулы, которую можно было рассмот-

зеть под микроскопом во всех подробностях. Позднее, в 1937 году, молодой американский судебный медик Алан Мориц предложил еще более простой метод. Он наносил тонкий слой лака для ногтей, смешанный с амилацетатом, на предметное стекло и клал в него натянутый волосок. Минут через десять слой лака высыхал и волос можно было удалить. Полученные таким образом отпечатки обладали такой точностью, какую никогда не удавалось получить при рассматривании верхнего слоя волоса непосредственно под микроскопом.

Приблизительно с 1935 года появились также методы, с помощью которых стало возможным изготовление тонких поперечных срезов волос и их фотографирование под микроскопом. Американец Книберг поместил волосы в рыбное желе и с помощью микротомы изготовил поперечные срезы, предоставившие великолепную возможность для изучения волос.

Таким образом, технические возможности исследований со времени дела Жермен Бишон шагнули далеко вперед и позволили намного лучше увидеть структуру волос. Едва ли представляло теперь какие-нибудь трудности определение волос человека и животного. Иначе обстояло дело с различием волос разных людей. Правда, тончайшая техника наблюдения кутикулы помогла установить, что казавшийся первоначально однотипным рисунок кутикулы волос у разных людей может иметь некоторые различия. Но они незначительны и трудно уловимы. Что касается цвета, то теперь различали диффузный, равномерно распределенный пигмент, который давал волосам основной русский тон, и темные пигменты, которые придавали им различные оттенки вплоть до черного. Темные пигменты в виде зернышек располагались точно определенным образом. Отто Мартин помимо упомянутых указал на третий вид пигмента, который он назвал „веснушки“. Они были крупнее зернышек темного пигмента и имели собственные оттенки цветов. Наконец изучение поперечных срезов волос дополнило опыт новыми знаниями. Если когда-то считали, что гладкие волосы имеют, в основном, круглую форму, а волнистые — овальную, то теперь стало ясно, что гладкие волосы тоже могут быть овальными. Вообще же имелись существенные различия между поперечными срезами волос людей различных рас. Так на протяжении

десятилетий появились возможности по обнаруженным на месте преступления волосам дать им характеристику и, основываясь на ней, осуществить сравнение с пробами волос подозреваемых.

Одновременно тщательные исследования показали, что в 60% случаев волосы с лобка совпадали по цвету с волосами с головы человека. Почти 45% волос из подмышечной впадины, независимо от цвета волос головы, имеют рыжеватый оттенок. Эти и подобные явления в середине двадцатого века порождали в среде специалистов анализа волос чувство неудовлетворенности тем, что, несмотря на технический прогресс, сегодня, как и в 1909 году, почти невозможно по одному обнаруженному на месте преступления волоску с уверенностью определить его принадлежность какому-то определенному человеку. Даже если на месте преступления обнаружено большое число волос, то о их происхождении можно было говорить лишь с большей или меньшей долей вероятности.

Было очевидным, что микроскопическое сравнение волос не может преодолеть определенный предел. Поэтому судебные медики и биологи уже два десятилетия, по крайней мере, искали другие возможности сравнения волос. Химический состав волос и их физические свойства были еще далеко не изучены. Еще в 1941 году Поль Л. Керк из Беркли попытался на 2529 волосках установить, каким образом преломляются лучи света, пропущенные через волос, и нельзя ли по различию индекса преломления определить сходство или различие волос. Он установил различия, но они не были достаточно убедительны.

Итак, опыты принесли разочарование. И все же надежда на создание новых методов не покидала ученых. В 1953 году Керк в первом издании своей книги „Расследование уголовных преступлений“, писал: „Вероятнее всего, волосы каждого индивида имеют характерные свойства. Если это не так, то волосы представляют собой исключение из основной закономерности биологической индивидуальности. Безусловно, здесь возможны простые методы сравнения, а также убедительные доказательства. Требуются только всеобъемлющие новые исследования. Можно заранее утверждать, что эта работа в один прекрасный день будет вознаграждена созданием методики сравнения волос, которая будет иметь такое же

значение для криминалистики, какое имеет сегодня отпечаток пальца..." Затем Керк говорил о вещах, от которых, как он надеялся, зависело дальнейшее развитие этой проблемы, а именно о микроэлементах, т. е. о тех элементах, которые представлены в волосах лишь в виде мельчайших следов» „Таким элементам, — писал Керк, — до сегодняшнего дня уделялось мало внимания, но возможно, что они обеспечат решающий прогресс в криминалистическом исследовании волос. Количество мышьяка, свинца, кремния и других микроэлементов, имеющих в волосах, наверняка, различно у разных людей и зависит от рода занятий, питания и других факторов. Эти элементы могли бы способствовать установлению происхождения волос с места преступления, когда удастся найти достаточно тонкие методы установления мельчайших количеств элементов, не разрушая при этом самих волос, которые являются вещественным доказательством".

Когда Керк писал об этом, ничто еще не предвещало осуществления его мечты. Пятнадцатью годами раньше, в 1903 году, француз Мельер определил микроэлементы, правда, в пепле волос и, помимо прочего, нашел натрий, магний, алюминий, кремний, марганец и никель. Следовательно, представления Керка не были ошибочными. Но при этом всегда уничтожались волосы. Даже спектрографические приборы не улавливали ничтожное содержание микроэлементов в волосах. Годы после второй мировой войны принесли многочисленные усовершенствования в области спектрального анализа. Спектрометры новых видов регистрировали с помощью электронных вычислительных приборов спектральные линии, вызванные исследуемым веществом, переносили их данные на счетчики и позволяли определить количество мельчайших частиц вещества. В основу устройства других фотометров был положен тот принцип, что спектральные полосы, производимые пламенем, подвергаются типичным изменениям, если опрыскивать пламя водным раствором определенных химических веществ. Составлены целые каталоги соответствующих веществ и вызываемых ими изменений, и с их помощью можно определять эти вещества в неизвестных соединениях. Однако казалось, что установить мельчайшие количества микроэлементов в границах нанограмма (одной миллионной миллиграмма) было невоз-

можно. Приблизительно в то время, когда появилась книга Керка, Стефан Берг и Адольф Шентаг попытались в Мюнхене определить спектрографическим путем внешние загрязнения волос. При этом оказалось, что даже тщательно очищенные пробы волос содержали различные количества микроэлементов кальция, железа, алюминия и марганца. Но это были случайные данные, и вряд ли кто-нибудь догадывался тогда, что пройдет еще несколько лет и мечта Керка станет осуществимой.

Роланда Андре Руан, химик лаборатории Королевской канадской конной полиции в Саквилле, тоже не подозревала о такой возможности, когда взяла на себя 15 мая 1958 года проведение анализа волос по делу Бушар. Весь объем работы, связанный с анализом волос, был ей мало знаком. Поэтому она обратилась за помощью в лабораторию Оттавы, где исследованиями волос и волокон занимался констебль Франсис М. Керр, молодой сотрудник полиции. Через несколько дней пробы волос отправили в Оттаву, и никто не подозревал, какую важную роль суждено было им сыграть в научно-криминалистической исследовательской работе.

В 1952 году - за шесть лет до начала дела Бушар — к группе канадских ученых, работавших в атомной лаборатории Чок-Ривер, расположенной северо-западной столицы Оттавы, присоединился двадцатипятилетний молодой человек — Роберт Джерви, родившийся в 1927 году в Торонто. В университете своего родного города он изучал химию и физику. В годы учебы в поле его внимания попали публикации, в которых описывалось использование атомных излучений для определения мельчайших количеств микроэлементов в химических, биологических или металлических субстанциях. Еще в 1936 году Г. Хевеши и А. Леви

предприняли в Дании первые попытки с помощью искусственной радиации выявить наличие микроэлементов, которые не удавалось уловить с помощью спектрографа. После второй мировой войны этот способ определения микроэлементов, называющийся „нейтронный активационный анализ (АНА)", стал быстро развиваться. Его принцип, в основном, кажется довольно простым. Многие из известных химических элементов — от бериллия и натрия до железа и цинка, которые в естественном состоянии не бывают радиоактивными, как, нап-

пример, уран, — можно превратить в излучающие, если подвергнуть их бомбардировке нейтронами — мельчайшими элементарными частицами атомных ядер. Атомы неизлучающих элементов под воздействием бомбардировки нейтронами превращаются в излучающие. Решающим при этом является то, что каждый из таких элементов посылает лучи, по количеству и интенсивности отличающиеся от лучей других элементов.

Радиоактивное излучение проявляется в трех различных формах. Имеются альфа- и бета-лучи, т. е. излучение частиц, когда в буквальном смысле слова частицы из распадающихся атомных ядер элементов выстреливаются в пространство. Бета-частицы имеют разную степень энергии, которая находит свое выражение в их скорости. Последняя может составлять до 200 000 километров в секунду. Частицы альфа-излучения, напротив, сравнительно медленные и достигают лишь сотой доли этой скорости. И наконец, имеется еще третье излучение — гамма-излучение. Речь идет о жестком электромагнитном рентгеноизлучении, по силе своего проникновения превысившее искусственно созданные на рубеже века Конрадом Рентгеном лучи в тысячу раз. В противоположность излучению частиц, которые можно измерять по числу выброшенных частиц и их скорости, гамма*-лучи измеряются интенсивностью и частотой, что позволяет изобразить их в виде кривой.

При попытках установить микроэлементы в веществе с помощью наблюдения и измерения их бета-лучей роль единицы измерения играл период полураспада. Под периодом полураспада понимают время, необходимое для распада половины атомов какого-либо элемента. Каждый элемент имеет свой, отличный от других элементов, период полураспада. У одних он составляет секунды, у других — минуты, часы, дни, месяцы, годы. Мышьак имеет период полураспада в 26,5 часа, кальций — 164 дня. Эти характерные периоды полураспада являются средством идентификации микроэлементов в веществах неизвестных соединений. Так как бета-лучи можно измерить с помощью счетчика Гейгера и других инструментов, то в атомный реактор, естественно, помещали вещества, в которых пытались обнаружить микроэлементы; в реакторе же под действием распада естественного урана вырабатывались нейтроны. После того как вещества более или менее длительное

время держали в „потоке“ нейтронов и делали радиоактивными, с помощью измерений можно было установить, имеются ли в них микроэлементы и какие. Бета-излучения из исследуемого материала измеряются через определенные промежутки времени, чтобы по уменьшению или прекращении излучения судить о распаде элементов, о их периоде полураспада и, тем самым, о виде соответствующих элементов. При этом имеются трудности, когда сильно излучающие элементы покрывали излучение более слабых и могли сделать их „незаметными“. К сильно излучающим элементам относится прежде всего натрий. В таких случаях приходилось исследуемый материал обрабатывать химикалиями, которые выводили сильные элементы в осадок и таким образом устраняли помехи, вызываемые этими элементами. Однако это связано с относительным разрушением исследуемого вещества.

Когда Джерви читал первые статьи о нейтронном активационном анализе, эта необычная система анализа лишь зарождалась. В 1951 году американцы Тэйлор, Хэвенс и Андерсон как раз приступили к использованию третьего вида излучения, гамма-излучения, для анализа микроэлементов. Вершины кривой, которую можно вычертить, измеряя интенсивность и частоту излучения, в зависимости от их высоты и расположения свидетельствовали о наличии совершенно определенного элемента. Измеряя гамма-излучение через более или менее большие промежутки времени, можно было установить период полураспада элементов, потому что распад элементов сказывался на силе их гамма-излучения. И наконец, можно определить весовое количество имеющегося в исследуемом веществе элемента, сравнивая его излучение с излучением известного количества этого элемента. При измерении гамма-лучей также имелась трудность, когда сильно излучающие элементы, в первую очередь натрия, перекрывали гамма-излучение других элементов. Но пока шли только эксперименты по преодолению этих трудностей путем бомбардировки нейтронами или выбора соответствующих периодов измерений.

Новая наука еще находилась в стадии становления. Несмотря на это, французы, среди них Анри Гриффон, начальник токсикологической лаборатории префектуры полиции в Париже, в 1951 году предприняли попытки применить новый метод анализа

в криминалистических исследованиях при определении яда. В судебной токсикологии с давних пор известно, что при отравлениях мышьяком в волосах отравленных можно обнаружить мышьяк. Часто удавалось определить начало и длительность введения мышьяка по длине отрезков волос, которые отрастали за время введения в организм яда. Так как считалось, что нормальные волосы содержат малые количества мышьяка, то для токсикологов очень важно измерить нормальное количество мышьяка в волосах, чтобы узнать, какое его количество в волосах может свидетельствовать об отравлении. Так как нормальное количество мышьяка чрезвычайно мало, то Гриффон и предпринял вышеупомянутые эксперименты. Он укладывал пробы волос в пластиковые сосуды и помещал их в реактор через различные промежутки времени. Одновременно с пробами волос он подверг обработке нейтронами в том же реакторе точно вывешенные мельчайшие количества мышьяка. После того как он химическим путем устранил из волос натрия, ему удалось уловить своим счетчиком излучение мышьяка и высчитать его количество. Сначала он использовал только измерение бета-лучей и определял мышьяк с помощью типичного для него периода полураспада. Если за 26,5 часов, т. е. за период полураспада мышьяка, излучение обнаруженного элемента уменьшилось в два раза, то речь идет о мышьяке. Если сравнить измеренное излучение пробы мышьяка с излучением известного количества мышьяка, то можно высчитать количество мышьяка в пробах волос. Если, например, счетчик при определении мышьяка в пробе волос показывает 1500 единиц, а при известном количестве мышьяка только 1000 единиц, то количество мышьяка в волосах будет в полтора раза больше, чем в эталоне. Гриффон только начинал исследование в этой области и потерпел жестокое поражение, слишком рано появившись перед судом со своим нейтронным активационным анализом — во время процесса против Марии Беснар, привлечшего внимание общественности.

В 1952 году, когда Роберт Е. Джерви приступил к работе в Чок-Ривере, там тоже полным ходом шла разработка метода нейтронного активационного анализа. Все еще было впереди. Имелось бесчисленное множество применяемых как в химии, так и в технике веществ, в которых важно было ус-

тановить составные части микроэлементов. Биология и медицина требовали ответа на вопрос, какую роль играют микроэлементы в организме здорового или больного человека. Под руководством доктора В. М. Кэмпбелла Чок-Ривер осуществлял многостороннюю программу исследований нейтронного активационного анализа. В эту работу сначала и включился Джерви. Однако уже в это время его заинтересовали работы француза Гриффона и дальнейшие публикации англичан Г. Смита и Дж. М. А. Линихэна из Глазго о применении нового вида анализа в криминалистике. Спустя три года запрос директора лаборатории Королевской канадской конной полиции в Оттаве побудил его практически заняться криминалистикой. Суперинтендент Джеймс Черчмен слышал об экспериментах в Глазго и попросил Чок-Ривер в 1955 году провести проверку экспертиз по пяти делам, в которых подозревалась попытка совершить убийство с помощью мышьяка. Путем экспериментов с многочисленными пробами волос Джерви и его ассистентка Алья Краудер установили нормальное содержание мышьяка в волосах: до $2,5 \times 10^{-6} \%$. Только в менее 2% нормальных волос обнаружили больше $3 \times 10^{-6} \%$. Опираясь на эти данные, Джерви установил в трех пробах, присланных ему Королевской канадской конной полицией, содержание мышьяка в волосах, превышающее норму в 5—10 раз, т. е., безусловно, отравление. И вот эти эксперименты обратили его внимание на область исследований, которым он посвятил вначале свободные часы, а затем всего себя. При определении мышьяка он натолкнулся на то обстоятельство, что в волосах должны быть следы многих других, еще не исследованных элементов. И действительно, с помощью нейтронного активационного анализа он обнаружил помимо мышьяка медь и натрий. Сотрудничая с полицией, он узнал о трудностях микроскопического сравнения волос и подумал, что АНА (анализ нейтронной активности) смог бы принести большую пользу при сравнении волос. Как и Керк, он исходил из того предположения, что вид, число и весовое количество микроэлементов в человеческих волосах у разных людей должны быть различны, потому что не одинаковы питание, жизненные условия, конституция и факторы наследственности. Не заключается ли здесь шанс создания „карты микроэлементов“ волос каждого

отдельного человека, карты, которая, по всей вероятности, типична для волос данного человека и отличается от карты волос любого другого?

В октябре 1956 года Джерви впервые доложил об экспериментах и поделился своими мыслями на конференции Общества судебной медицины Канады в Монте-Белло, вызвав интерес со стороны канадской полиции. По ее просьбе Кэмпбелл и Джерви продолжили начатые эксперименты. Кэмпбелл предложил, чтобы криминалистическая лаборатория в Оттаве направила своего научного сотрудника в Чок-Ривер, где он под руководством Джерви овладеет техникой ANA и будет помогать ему в проведении многочисленных экспериментов с волосами. Выбор пал на Франсиса М. Керра, который, как и Джерви, учился в Торонто. В 1957 году Керр прибыл в Чок-Ривер, и, таким образом, началась программа систематических исследований по „установлению скрытых микроэлементов” в волосах. В этих исследованиях помимо Джерви, Керра и Альмы Краудер принял участие пожилой Уильям Макинтош, химик-ядерщик, который учился в Глазго. С помощью измерения гамма-излучения удалось установить дополнительные микроэлементы в пробах волос, о существовании которых раньше ничего не знали. Решающее значение имел тот факт, что представленные в большом количестве основные элементы, из которых состоят волосы (водород, кислород, углерод и азот), под действием нейтронов не становились радиоактивными и не создавали помехи. Кроме мышьяка, натрия, меди, Джерви и его помощники в процессе экспериментов обнаружили и такие микроэлементы, как цинк и бром. Оказалось, что у каждого человека они встречаются в различных сочетаниях и весовых соотношениях.

Так обстояло дело с исследованиями в Чок-Ривере, когда Франсис Керр, тем временем вернувшийся в Оттаву, получил для исследования волосы по делу Бушар из Саквилла. Сначала он пытался установить характерные особенности присланных волос обычным путем. Позднее он сам докладывал: „В данном случае в распоряжении исследователя находились достаточно большие количества обеих известных проб волос (Бушар и Фоллмена), но с места преступления имелся один-единственный волосок. Сравнение известных проб волос выявило,

что они очень похожи, при микроскопическом исследовании совпали по всем характеристикам. Из-за этого задача исследователя очень усложнилась..” И действительно, определение принадлежности единственного волоска, весившего едва ли миллиграмм, представляло трудности, какие вообще могут встретиться при микроскопическом сравнении волос. Керр поехал с пробами в Реджайну, чтобы подвергнуть их исследованию в тамошней лаборатории Королевской канадской конной полиции. И только к концу июля пришли к выводу, что отдельный волосок не может принадлежать Газтан, зато может принадлежать Джону Фоллмену. Однако характеристик, свидетельствовавших о совпадении отдельного волоска с волосами Фоллмена, было так мало, что Керр предложил инспектору Мейсону-Руку, который к этому времени стал начальником лаборатории в Оттаве, проверить результаты микроскопических исследований путем нейтронного активационного анализа. Так как вообще еще ни разу не проводилось криминалистическое исследование волос подобного рода, то инспектор Мейсон-Рук связался сначала с назначенным уже обвинителем по делу Фоллмена, Альбани Робишо, чтобы получить его согласие.

Если из лабораторий в Оттаве, Реджайне и Чок-Ривере снова вернуться в Нью-Брансуик и изучить результаты расследования, проведенного за это время по делу Фоллмена, то можно легко себе представить, что решение обвинителя будет гласить: да, виновен! Что же касается самих расследований, то с 14 мая они почти не продвинулись ни на шаг. В тот вечер в больнице „Виктория Паблик” в Фредериктоне, когда корпорал Гонгас нашел отдельный волосок, доктор Брандсон установил, что девять колотых ран в груди и спине Газтан Бушар нанесены острым режущим инструментом типа охотничьего ножа. Хэтирингтон и Лапуант сделали все возможное, чтобы найти орудие преступления. Они установили одного свидетеля, Лоренса Бутولا, который одно время был приятелем Фоллмена и за две недели до убийства брал у него напрокат „Понтиак”. В одном из карманов на чехле машины он видел большой охотничий нож. Это

было единственным упоминанием об оружии, которое бесследно исчезло. Экспертизы Роланды Андре Руан в Саквилле доказали, что осколки лака с места преступления по своим химическим и физическим по-

казателям полностью совпадают с пробами лака, которым окрашен „Понтиак“ Фоллмена. Нельзя, однако, исключить возможности, что осколки принадлежат какой-нибудь другой машине с таким же покрытием. Следы красной краски на шоколадке, по мнению химика, являются следами губной помады, но она не смогла доказать, что это губная помада Газтан Бушар. Имелось слишком много губных помад такого сорта.

Как ни странно, но никто не заинтересовался микроследами волокон, и эта важная область исследований выпала. Отпечатки следов шин, сделанные в штольне, не представляли ценности, так как не имели достаточно характерных особенностей, позволивших бы доказать их идентичность с изношенными покрышками машины Фоллмена. Провалились и все попытки установить одежду, которую Фоллмен носил 13 мая. Ни Хэтирингтон, ни Лапуант не сомневались, что Фоллмен ее сжег, но доказательств не было. Даже Бланш Арсено и Марсель Годро, которых Фоллмен отвез домой, не могли точно вспомнить, какой на нем был костюм, а фермер Босс заметил только лицо Фоллмена, но не одежду.

Фоллмен же день ото дня все больше ссылся на ту странную забывчивость, о которой впервые упомянул 14 мая. Он заявил, что привлечение его полицией к ответственности вызвало у него психический шок, и сослался на то, что он очень лабильный и еще во время службы в авиационных частях США находился под наблюдением психиатра. И действительно, после 1955 года он служил в авиации, в том числе и в Уэствере в управлении. Оттуда его направили на лечение в психиатрическое отделение армейского госпиталя в Калифорнии. В июле 1957 года его уволили из армии, и, после того как он перепробовал разные профессии, мать устроила его в „Сент-Джон Вэлли Тайме“. Чтобы проверить странную потерю памяти у Фоллмена, Робишо направил его в больницу в Ланкастер, где за ним наблюдали в течение месяца. Когда психиатр доктор Грегори затребовал из калифорнийского госпиталя лечебную карту Фоллмена, то выяснилось, что он лечился там по поводу нарушений, которые едва ли были связаны с памятью и скорее всего могут иметь отношение к убийству Газтан Бушар. Речь шла о „трудностях в общении с женщинами“. Как выразился сам Фоллмен, „при

встрече с женщиной мне трудно держать себя под контролем“. Выписав Фоллмена из госпиталя 7 июля, Грегори дал заключение: „Фоллмен — сексуальный психопат, но у него нет психических заболеваний, которые могут вызвать потерю памяти“. После этого Фоллмена посадили в тюрьму Сент-Джон, где ему предстояло пробыть до начала судебного процесса. Но, несмотря на заключение Грегори Фоллмен молчал, делал вид, что ничего не помнит, и вряд ли хотел в чем-либо признаваться. Поэтому Робишо вынужден был приветствовать каждую, даже самую невероятную попытку получения более веских улик. Итак, не колеблясь, он согласился на неожиданное предложение из Оттавы, и в конце июня, взяв с собой пробы волос, Керр поехал в Чок-Ривер.

Тот факт, что нейтронный активационный анализ должен быть применен для экспертизы по конкретному уголовному делу, вызвал оживление в лаборатории Джерви. Позднее сомневались, сознавали ли в то время его сотрудники всю ответственность подобного применения еще совершенно неразработанного метода и не преобладал ли восторг ученых от нового феномена над криминалистической осторожностью. Так или иначе, но можно было сослаться на то, что переданное Керром задание требовало лишь подтверждения результатов микроскопического исследования, а не оригинальной экспертизы.

Под руководством Джерви его сотрудники Уильям Макинтош, Альма Краудер и Керр поместили в Национальный исследовательский экспериментальный реактор Чок-Ривера первые тесты анализа волоса с места преступления и сравниваемых с ним волос. При первом тесте подвергся бомбардировке нейтронами обнаруженный на месте преступления отдельный волосок. Время активации длилось от 48 минут до 18 часов. В ходе измерений гамма-излучения выяснилось, что в пробах волос Газтан Бушар и Джона Фоллмена удастся установить по четыре-пять микроэлементов, которые по своему виду не совпадают. Керр при микроскопическом исследовании с величайшим трудом обнаружил какие-то мелкие различия. На самом деле это были совершенно явные отличия одних волос от других. При измерении гамма-излучения отдельного волоска оказалось, что оно слишком незначительно, чтобы можно было сделать вывод относительно имеющихся в нем микроэлементов.

Это принесло разочарование, и Джерви сделал вывод, что исследованию отдельного волоска с помощью гамма-спектроскопии должна предшествовать большая подготовительная работа. Теперь осталась только возможность предпринять сравнение путем измерения бета-излучения. Но так как из-за криминалистической ценности волоска в качестве улики его нельзя было химически разрушить, чтобы тем самым удалить из него натрий, то такое сравнение тоже имело ограниченные возможности. Не было шанса путем обнаружения наличия или отсутствия одинаковых микроэлементов точно установить совпадение отдельного волоска с места преступления с волосами Фоллмена. Возможно, следовало ограничиться измерением силы бета-излучения всех элементов в целом и сравнить ее с силой излучения различных волосков.

12 и 13 августа отдельный волосок и пробные волосы подвергали восемнадцатичасовой бомбардировке нейтронами и затем „грубому“ измерению общего бета-излучения. В течение августа измерения повторяли много раз. При этом удалось путем наблюдения за периодом полураспада установить два элемента, которые, правда, не являлись микроэлементами, а были обычными составными частями волос: фосфор и серу. Излучение фосфора было очень сильным, а серы — слабым. Путем введения алюминиевой ширмы в счетчик удалось изолировать излучение серы и подсчитать чистое количество фосфора и соотношение между излучением серы и фосфора. Оно составило для пробы волос Гаэтан Бушар 2,02, для пробы волос Фоллмена — 1,07, а для отдельного волоска из руки пострадавшей — 1,02 мегаэлектронвольт. Различия показателей между волосами Бушар и Фоллмена оказались столь же внушительными, сколь внушительно почти полное совпадение показателей волос Фоллмена и отдельного волоска из руки пострадавшей.

Но, чтобы проверить доказательственную ценность такого грубого подсчета бета-излучения, Джерви попросил Керра снять тридцать проб волос среди рекрутов Королевской канадской конной полиции. При этом волосы должны иметь видимые в микроскоп различия. Затем эти волосы подверглись такой же обработке, и так же, как в деле Бушар, было проведено измерение бета-лучей. Выяснилось, что между излучением серы и фосфора в каждом отдельном

случае имеются более или менее ярко выраженные различия. Только теперь Джерви согласился использовать результаты теста на суде по делу Бушар. Правда, сам он не смог выступить на суде в качестве эксперта, так как к концу экспертизы вынужден был уехать в Торонто, где ему поручили чтение лекций в университете. Таким образом, впервые выступить перед судом с результатами нейтронного активационного анализа поручили Керру, Макинтошу и Альме Краудер.

4 ноября 1958 года, когда начался процесс против Фоллмена в Эдмундстоне, никто, кроме нескольких посвященных, как писали потом газеты, не знал, что в здание суда войдет „атом в качестве детектива“. Процесс вызвал живейший интерес. Ведь впервые перед судом присяжных в канадском городке стоял американский подданный. Несмотря на это, сначала процесс имел местное значение.

Фоллмен сидел между полицейским и своим отцом, на его лоб свешивались темные локоны, глаза полуоткрыты, он часто кусал нижнюю губу. После того как он заявил, что невиновен, началась обычная борьба между Альбани М. Робишо и защитником Фоллмена Дж. А. Пайчеттом перед судьей Артуром Л. Англином и двенадцатью присяжными. Пайчетт очень хорошо знал, как мало важных свидетелей у Робишо, и использовал все, чтобы обесценить их показания. Сначала трудно было понять, к чему он клонит. Казалось, что он стремится посеять сомнения в показаниях и доказательствах и только потом будет решать, можно ли осмелиться на борьбу за оправдание или следует довольствоваться тем, чтобы оградить Фоллмена от смертного приговора за убийство, доказывая, что он действовал в состоянии невменяемости. На первом этапе борьбы Пайчетт не имел успеха. Ему, например, не удалось поколебать веру в показания Марселя Босса. Когда Босса спросили, видит ли он в зале суда водителя того американского автомобиля, который он встретил 13 мая в Эдмундстоне, то он ответил: „Конечно, вон он сидит на скамье подсудимых“. Пайчетт пережил также неприятные минуты, когда Робишо представил еще одного неожиданного свидетеля, который совершенно случайно попал в его руки 14 ноября. В этот день к Робишо пришел констебль Мартен и рассказал о событии, которое произошло давно, но о кото-

ром он молчал из страха перед наказанием за допущенное им нарушение правил. В мае он доставлял Фоллмена в тюрьму Сент-Джон и посадил в машину своего родственника из Монреалья, Джеймса Ф. Тобина. В Фредериктоне Мартен покинул машину на двадцать минут и поручил Тобину охрану арестованного. Оставшись наедине с арестованным, Тобин спросил Фоллмена: „Как могло случиться, что такой симпатичный молодой человек оказался замешанным в столь неприятное дело. Вы действительно убили девушку?“ Неожиданно Фоллмен ответил: „Да, в этом нет никакого сомнения. Я не знал, что делаю, а когда пришел в себя, было уже поздно. Девушка была мертва. В детстве меня очень избаловали. У меня „тот“ еще темперамент, и иногда я совершенно не владею собой... Но у них слишком мало доказательств, чтобы повесить меня“.

После выступления Тобина в качестве свидетеля Пайчетт набросился на него, но его атака не имела успеха, как и в случае с Боссом.

Затем последовали дни опроса Федора, Езо и Роланды Андре Руан. Все трое признались, что в машине Фоллмена не удалось найти ни следов крови, ни орудия убийства. Не удалось обнаружить и следов крови на его одежде. Осколки лака могут быть от машины Фоллмена, но удалось найти только одно место повреждения, совпадающее с сердцевидным осколком. Губная помада на шоколадке, возможно, оставлена Газтан Бушар, но, может быть, и кем-либо другим. Но Пайчетт не радовался этому триумфу, так как за ним последовало поражение; в субботу выступил Франсис Керр, и впервые все услышали о волоске, обнаруженном в руке убитой девушки. Присяжные и присутствовавшие в суде невольно насторожились. Волос, вырванный жертвой у ее убийцы, вызывал в 1958 году такой же трепет, как и полстолетия назад. Над залом суда нависла тишина напряженного внимания, пока Керр рассказывал о пути волоска в Оттаву. Он закончил осторожно сформулированной фразой: „Я пришел к выводу, что этот отдельный волосок, найденный в руке мертвой девушки, мог расти на голове обвиняемого“. Пайчетт почувствовал воздействие, которое оказывает даже столь осторожное заключение, и поспешил бросить реплику: „Или на любой другой голове, на которой растут волосы, имеющие подобные особенности“. Керр ответил: „Это верно“.

Но тут вмешался Робишо и, ловко направляя высказывания Керра к цели, помог ему изложить ход и результаты экспертизы. Действительно, объяснял он, до сих пор в основном считалось, что существовавшие до сегодняшнего дня методы сравнения волос редко давали надежные результаты. Но за последние два года разработан новый, прогрессивный метод сравнения волос, который он может сейчас представить. И тут он обратился к Керру с такими вопросами: правда ли, что в лабораториях Чок-Ривера с некоторых пор найдены новые пути идентификации волос? Действительно ли ученые атомного центра Канады в Чок-Ривере сотрудничают с криминалистами Королевской канадской конной полиции? Готов ли Керр сообщить присяжным основные принципы нового, прогрессивного метода? Пайчетт поднялся, протестуя. Он чувствовал, что сообщение Керра может погубить Фоллмена. Безразлично, о чем шла речь, безразлично, поймут ли присяжные все, что будет сказано, но атомная наука была таинством, а Чок-Ривер — национальной гордостью, и Пайчетт пошел в атаку против допуска неизвестного нового метода в судебный процесс. Он знал, что все зависит от позиции судьи Англина. Удастся ли отвести смертельную угрозу от подзащитного или нет? Он знал о своеволии, которое скрывалось за правом судьи допускать или не допускать использование тех или иных доказательств. Положительное решение судьи могла вызвать как истинная вера в ценность этого метода, так и желание, чтобы премьера нового метода криминалистического идентификации волос состоялась именно в его суде. Пайчетт энергично протестовал против совершенно неожиданного для присяжных использования доказательства; с которым никто не знаком, кроме специалистов в Чок-Ривере. Кто знает что-либо, о применении атомной энергии в исследованиях волос? Никто! Перед каким судом была доказана надежность этого метода? Нигде, нигде!

Но уже через несколько минут Пайчетт понял, что его первая атака кончилась поражением. Судья позволил Керру сделать сообщение о нейтронном активационном анализе, которому подверглись волосы. Керр понимал, как важно завоевать интерес Англина. Вероятно, он дал самое понятное для всех и самое впечатляющее объяснение нового анализа, какое вообще можно было дать в то время. Пайчетт едва сдерживал

волнение. Он видел, что Керру удалось возбудить интерес Англина. Когда Керр кончил и Пайчетт возобновил свои протесты, завязав жаркий словесный бой с Робишо, то судья слушал их с таким выражением лица, что всем было ясно, какое решение он принял. Он отклонил протесты Пайчетта, объявил нейтронный активационный анализ допустимым методом, признал пробы волос уликами за номерами 42, 43 и 44 и постановил, что Алья Краудер и Уильям Макинтош должны будут дать показания о результатах своей работы на следующем заседании суда в понедельник, 17 ноября.

Так осуществилось первое вторжение нейтронного активационного анализа в судебный процесс. 17 ноября Алья Краудер и Уильям Макинтош появились со своими экспертными заключениями перед присяжными. Их показания, длившиеся больше трех часов, произвели (независимо от того, насколько они оказались на самом деле понятными) сенсацию, которая привлекла к процессу внимание многочисленных журналистов.

Во время показаний Алья Краудер и Уильяма Макинтоша защитник, затаив дыхание, следил за присяжными. Ассистентка еще раз рассказала о принципах своей работы, объяснила природу бета-излучения и с помощью полученных данных показала различие в потоке бета-излучения волоска, обнаруженного в руке Газтан Бушар, и волос самой погибшей, а также значительную степень совпадения излучения этого волоска с излучением волос Фоллмена. Когда она сообщила об этом, то Пайчетт предпринял последнюю попытку ослабить впечатление, которое она произвела на слушателей, вынудив Алью Краудер признать, что волосок может принадлежать также какому-нибудь другому человеку с аналогичными свойствами волос. Однако результат от усилий Пайчетта получился прямо противоположный тому, которого он добивался, так как он побудил ассистентку сказать больше, чем Джерви сказал бы в ту пору. „Маловероятно, что можно найти двух разных людей, результат анализа волос которых совпал бы... В лучшем случае такое совпадение можно ожидать при анализе волос однояичных близнецов..." Когда судья поинтересовался, не предпринимались ли в Чок-Ривере попытки установить, как это сделали с отпечатками пальцев, степень вероятности полного совпадения микроэлементов в во-

лосах разных людей, то это убавило энтузиазм Алья Краудер до нормальных размеров и она ответила, что для этого у них не было ни достаточного количества проб волос, ни времени. Но ничто не смогло уже устранить впечатления от сказанного ею раньше. Это впечатление равнялось убежденности в том, что волосок в руке погибшей принадлежал Фоллмену.

Во всяком случае впечатление было так велико, что Пайчетт решил в следующий, последний, день слушания дела Фоллмена вызвать его в качестве единственного свидетеля защиты, отказаться от надежды на „не виновен" и взять курс на „спасение от самого худшего". Ко всеобщему изумлению, своими вопросами 18 ноября он привел подзащитного к признанию. Вечером 13 мая на улице Виктория Фоллмен пригласил в свою машину Газтан Бушар и посетил с ней штольню. Согласно его утверждениям, она остановила его машину, была с ним „ласкова" и „уступчива". На вопрос Пайчетта, не пытался ли он овладеть девушкой, Фоллмен ответил следующее: „До определенного предела; а затем, когда этот предел наступил, затем я, действительно, ничего не могу вспомнить. Была борьба. . . Во время борьбы дверь с ее стороны открылась. Я не знаю, как... мы выпали из машины. . . Потом. . . Я не знаю, что было потом. .. Единственное, что я мог вспомнить, это то, что вернулся в Мадавоску". Пайчетт спросил: „У вас было намерение 13 мая убить Газтан?" Фоллмен поднял глаза к потолку и заявил: „Нет. . . нет!"

Весь спектакль был очевидной попыткой избежать осуждения за убийство и отделаться более легким наказанием за преступление, совершенное в состоянии невменяемости. Но Робишо не хотел довольствоваться полупризнанием. В ходе упорного перекрестного допроса он вырвал у Фоллмена следующее признание: „Я был в пылу страсти; я полагаю, что душил ее, когда мы лежали на земле". Он подтвердил, что в его машине лежал охотничий нож, который потерялся. Игра в „потерю памяти" сослужила ему плохую службу.

Теперь присяжные поддерживали мнение Робишо, который видел в Фоллмене убийцу. Фоллмен убил свою жертву после неудачной попытки склонить ее к половому акту, чтобы Газтан не могла донести на него. Вскоре после полуночи суд объявил Фоллмена виновным в убийстве и пригово-

рил его к смерти через повешение. 14 февраля 1959 года этот приговор был заменен пожизненной каторгой.

Некоторое время спустя, сообщая о деле Бушар, американские журналисты Роупер и Робинзон в своей статье под заголовком „Атом становится детективом“ писали: „Роберт Е. Джерви сказал: „Один волосок позволяет так же надежно идентифицировать человека, как отпечаток пальца“. Более чем сомнительно, чтобы Джерви когда-нибудь делал подобное заявление. Вероятно, связь между отпечатком пальца и атомным исследованием волос возникла из-за вопроса судьи Англина относительно вычисления степени вероятности „как с отпечатком пальца“. Во всяком случае, впоследствии ни одна публикация не обходилась без сопоставления этих двух методов идентификации. Следовательно, сообщения из Эдмундстона в большей части североамериканской общественности породили веру в некое атомное криминалистическое чудо.

Хотя и сомнительно, чтобы Джерви приравнивал атомный анализ волос к отпечатку пальца, но ясно одно: он тоже был полон больших надежд и юношеского оптимизма. Из-за его переезда в Торонто и преподавательской деятельности в качестве доцента прикладной химии в местном университете прервалась связь с оттавской лабораторией Королевской канадской конной полиции. Зато появилась новая связь с лабораторией генерального прокурора Онтарио — Центральной лабораторией криминалистических экспертиз в Торонто.

Эта лаборатория производила все естественнонаучные криминалистические исследования в провинции Онтарио. Она работала с начала пятидесятих годов и под руководством своего директора доктора Г. Уорда Смита проделала существенный путь развития (число отдельных исследований по уголовным делам возросло за 1955—1962 годы с 500 до 5000 в год). В лаборатории существовали отделы органической химии, физической химии, фармацевтической химии, токсикологии, биологии, патологии, баллистики и проверки документов. Среди сотрудников отдела биологии работал Озеклис К. Перконс. Он родился в 1932 году в Риге, в Латвии. В 1944 году двенадцатилетним мальчиком его увезли в Германию. В 1951 году он эмигрировал в Канаду. В 1958 году Перконс сдал первые университетские экзамены в области промышлен-

ной химии, но продолжал изучать прикладную химию. Теперь он стал учеником Джерви и образовал, так сказать, мост в криминалистическую лабораторию для своего учителя. У генерального прокурора провинции Онтарио и у доктора Г. Уорда Смита возник план продолжения и расширения работ по анализу волос, начатых Джерви в Чок-Ривере. Джерви стал советником лаборатории по вопросам нейтронного активационного анализа и приступил к обучению Перконса и группы молодых людей. Они поставили перед собой цель: на большом количестве проб волос доказать, что с помощью нейтронного активационного анализа можно создать современный стандартный метод сравнения волос.

Работа началась в 1959 году. Уже в 1961 году Джерви и Перконс сообщили в своем первом докладе об исследовании 90 проб волос, каждая из которых представляла собой не отдельный волосок, а пучок волос. Они сконцентрировали свое внимание на измерении гамма-излучения. Если пробы волос достаточно долго подержать в реакторе, то имеющиеся в волосах микроэлементы начинают так сильно излучать, что это излучение можно улавливать кристаллом йодида натрия и через фотоэлектрический усилитель передавать на так называемый сцинтилляционный счетчик. Этот счетчик имеет больше двухсот приемных каналов, каждый из которых в отдельности принимает только лучи определенной частоты и подсчитывает импульсы принятых лучей, поступающих в виде маленьких вспышек. Каждый канал в состоянии насчитать до 68 000 импульсов. Измерительные данные напряжения наносятся на график горизонтально, число импульсов — вертикально, и получаются ранее упомянутые кривые, похожие на график температуры, гамма-спектры. Путем большого числа экспериментов со знакомыми пробами микроэлементов Джерви и Перконс установили, какие „пики“ дают отдельные элементы и как эти „пики“ изменяются в зависимости от количества имеющегося элемента. Они обнаружили, что пробы волос следует подвергать обработке в реакторе значительно дольше, чем восемнадцать часов.

В университетском реакторе Макмейстера в Гамильтоне, в котором за секунду выстреливаются миллиарды нейтронов, они подвергали нейтронной бомбардировке упакованные в пластик волосы от 48 до 72 ча-

сов. Вызванное таким образом сильное излучение можно было измерять сначала в первый день, затем через семь дней, через двадцать и, наконец, через тридцать дней. В первые дни можно было заметить элементы с коротким периодом полураспада. Их излучение, которое перекрывало собой сначала излучение более долговечных элементов, гасло, и на седьмой и двадцатый день можно было измерить элементы со средним и более длительным периодом полураспада. В 1961 году Джерви и Перконс доложили, что в волосах можно наверняка обнаружить семь микроэлементов: мышьяк, медь, цинк, железо, кремний, натрий и ванадий. Но имелись признаки наличия еще двенадцати элементов, среди них: золото, кобальт и германий.

Перконс проверил, не искажают ли картину элементов в самих волосах внешние загрязнения элементами. Он экспериментировал с моющими средствами, которыми можно очистить волосы до помещения их в реактор, чтобы исключить возможные ошибки. Исследования волос, взятых с разных частей головы одного и того же человека, показывали такие незначительные отклонения, что Джерви и Перконс говорили о полном их совпадении. Но это являлось решающей предпосылкой для всего дальнейшего криминалистического сравнения волос с помощью нейтронного активационного анализа. Так как при криминалистических исследованиях волос редко удавалось взять пробы волос подозреваемого в день совершения преступления (чаще это происходило значительно позже), то Перконс проводил эксперименты также с волосами человека, которые не стригли целый год. В различных отрезках отросших волос он не обнаружил изменений в составе микроэлементов. При исследовании всех 90 проб волос различных людей в противоположность этому выяснилось, что они отличаются друг от друга по виду и количеству отдельных микроэлементов. Перконс оптимистично заявил: „Эти исследования доказали, что нет двух проб волос разных людей, которые полностью совпадали бы по своему составу микроэлементов...”

23 апреля 1961 года Джерви и Перконс выступили на четырнадцатой конференции Американской академии судебной медицины и впервые в Соединенных Штатах рассказали о своей работе. К этому времени они исследовали 110 проб волос пятидеся-

ти лиц и после шестидесятичасовой обработки нейтронами в реакторе установили в каждой пробе до 12 элементов. Им удалось установить до десяти миллионных грамма марганца, мышьяка, меди, золота, ртути. Дальнейшие эксперименты подтвердили, что картина состава элементов у разных людей неодинакова. Напротив, у одного и того же человека она остается неизменной длительное время. Перконс заявил: „Практическое значение этих результатов для криминалистической работы трудно переоценить. Положительная идентификация любого человека с помощью его волос возможна, при этом не имеет значения, в каком месте тела росли эти волосы”. Более осторожно он добавил: „Чтобы установить статистическую степень вероятности обнаружения двух людей с одинаковой концентрацией микроэлементов в волосах, необходимо изучение сотен проб волос. — И продолжал: — Однако имеющиеся сегодня результаты свидетельствуют о том, что степень вероятности совпадения картины из шести элементов при бесконечных возможностях их сочетаний очень мала”.

Вдохновленный опытом исследования волос, Перконс предпринял попытку установить микроэлементы в следах почвы, которые не удавалось уловить с помощью спектрального анализа. И здесь успех сопутствовал ему. В следах почвы из разных областей Перконс установил довольно разный состав микроэлементов. В конце своего доклада он выразил уверенность, что „с усовершенствованием источников нейтронов время полного нейтронного активационного анализа можно будет сократить до одного дня или даже нескольких часов и что такая техника станет повседневным методом и найдет свое применение в любой криминалистической лаборатории”.

Джерви и Перконс вернулись в Торонто в полной уверенности, что открыли новый путь возможностям криминалистики, перспективы которого действительно казались необозримыми. Они вернулись убежденными в том, что в Соединенных Штатах химии и физики больших атомных лабораторий в Ок Ридж в Теннесси, а также в Южной Калифорнии заметят их работу и испытают возможности ее применения в криминалистике.

Одним из первых с энтузиазмом принялся за новую работу Винсент П. Гинн, молодой химик-атомщик из „Дженерал

Атомик Дивижн" - лаборатории, принадлежащей „Дженерал Динамике Корпорейшн" в Сан-Диего. Он установил связь с Раймондом Х. (Линкером, главным химиком большой современной криминалистической лаборатории Лос-Анджелеса, а также с калифорнийским обществом криминалистов. Не будучи криминалистом, он консультировался с ними о том, какие анализы методом меченых атомов представляют для калифорнийской уголовной полиции самые большие трудности. В связи с колоссальным количеством несчастных случаев на транспорте его внимание обратили на важность перенесения следов лакового покрытия с одной машины на другую или с машины на тело жертвы дорожной катастрофы. В многочисленных случаях сравнения следов лака спектральный анализ подводил, потому что следы были слишком малы. Может быть, нейтронный активационный анализ в состоянии не только уловить микроэлементы мельчайших частиц лака, но и установить больше отдельных элементов, которые подтвердили бы идентичность лака. Другую проблему представляло собой установление следов огнестрельного оружия.

До второй мировой войны в Америке разработали так называемый „парафиновый тест" и долго полагали, что с его помощью можно определить, производился ли из пистолета подозреваемого выстрел. При каждом выстреле отдача выбрасывала на руку стреляющего пороховые газы, и их химические составные части незаметно отлагались. На руки подозреваемого наносили парафин, снимали его и химически исследовали. При этом удавалось обнаруживать одну из составных частей современного пороха — нитрит. Однако вскоре выяснилось, что нитрит не является надежной уликой. Он может попасть на руки подозреваемого из многих других источников. С тех пор предпринимались многочисленные попытки обнаружения составных частей химического отложения при отдаче, особенно свинца, бария и сурьмы, которые имеют большую доказательственную силу. Если эти элементы даже и имелись, то в таких ничтожно малых количествах, что спектральный анализ их не улавливал. Может быть, теперь нейтронный активационный анализ в состоянии ликвидировать этот пробел и впервые удастся „уловить" барий, свинец и сурьму?

Так Гинн стал инициатором ряда экспериментов по сравнению следов лакового

покрытия автомашин и исследований следов выстрела. Результаты не заставили себя долго ждать. Оказалось, что даже в мельчайших, видимых лишь под микроскопом частицах лака можно обнаружить от 5 до 7 микроэлементов в количестве от одного нанограмма и больше и составить карту микроэлементов подобных частиц лака. Что же касается исследований выстрелов, то было точно установлено, что с помощью нейтронного активационного анализа обнаруживаются следы бария и сурьмы. Этот анализ столь чувствителен, что указывал на наличие следов бария и сурьмы даже на лице человека, выстрелившего из ружья. Гинн не расставался с мыслью предложить фабрикам, изготавливающим боеприпасы, чтобы они примешивали редчайшие отличительные микроэлементы, как европий или диспрозий, и тем самым способствовали криминалистическому исследованию любого вида боеприпасов.

Джерви и Перконс уверенно возобновили в Торонто свои исследования. К февралю 1964 года число исследованных проб волос возросло до 600. Они были взяты у 200 различных лиц. Гамма-спектроскопия получила такое развитие, что позволяла устанавливать в волосах не 12, а 18 элементов. Среди них теперь находили цезий, лантан, стронций, сурьму и серебро. Методы, которыми определялся не только вид, но и количество каждого элемента в отдельности, стали более надежными. Перконс определил, например, количество цезия, составившее $24 \times 10^{-10} \%$. Число результатов отдельных исследований достигло теперь такого размера, что окончательная статистическая их обработка требовала много времени. Джерви и Перконс были по-прежнему уверены как в том, что волосы разных людей отличаются друг от друга, так и в том, что все волосы одного человека одинаковы. Они рассчитывали, что их методом, который они постоянно совершенствовали, в каждой пробе волос можно будет установить по меньшей мере 10 или 11 микроэлементов из 18, которые к этому времени удалось установить в волосах человека. Следовательно, число различных вариантов сочетания этих элементов само по себе довольно большое. Но число таких вариантов станет бесконечно большим, если учитывать количество каждого элемента в отдельности. Исходя из этого Джерви и Перконс считали при качественном и количествен-

ном определении элементов пробы волос следующую степень вероятности полного совпадения сочетания элементов в волосах двух разных людей.

Если измерять только 3 элемента, то степень вероятности совпадения равна $1 : 4\ 800$. Если измерению подвергались 5 элементов, то она равна $1 : 126\ 800$. При 7 элементах она составит $1 : 4\ 250\ 000$, при 11 элементах - $1 : 1\ 140\ 000\ 000$. Отсюда вытекает, что если при сравнении двух проб волос обнаруживается количественное и качественное совпадение 11 элементов, то ошибка в утверждении об идентичности волос практически исключается.

Несмотря на эти многообещающие перспективы, интересы Джерви и Перконса за 1961—1964 годы несколько изменились. Благодаря все увеличивающемуся материалу исследований они столкнулись со столь чрезвычайно интересными научными проблемами, что мысль о практической криминалистической деятельности все больше отходила* на второй план. Они видели перед собой только необычную научную задачу. Хотя масса результатов их исследований была еще не обработана, Перконс уже говорил о необходимости исследования десяти тысяч проб волос, чтобы можно было проникнуть во все тайны проблемы. Джерви и Перконс подготовили применение измерительных приборов, охватывающих уже не 200, а 400 каналов. Было также предусмотрено, что данные, полученные измерительными приборами, будут наноситься на гамма-спектрограммы или на графики кривых не от руки. Их должны обрабатывать и сравнивать с имеющимися уже спектрограммами компьютеры. Перконс полагал, что у него такая большая и точная коллекция сравнительных спектров известных элементов и их количеств, что для опытного ученого нет больше необходимости в каждом отдельном случае производить количественный анализ элементов. Сопоставление результатов исследования незнакомых проб волос с точно разработанными кривыми и „вершинами“ уже имеющихся „сравнительных кривых“ позволяло быстро и легко определять вид и количество микроэлементов в исследуемых волосах.

И вот в феврале 1964 года Джерви и Перконс прибыли в Чикаго и вновь выступили перед членами Американской академии судебной медицины. Перконс доложил о достигнутых уже результатах и о заплани-

рованных дальнейших исследованиях по меньшей мере 1100 проб волос. Как ученый, но не без гордости Перконс подчеркнул, какого совершенства системы сравнения спектров волос они уже достигли в Торонто. „Для анализа волос и их сравнения, — заявил он, — нет никакой необходимости осуществлять полный количественный анализ. Схемы спектров различных проб волос достаточно отчетливо показывают их различие, а одинаковых — достаточно отчетливо их идентичность, поэтому во многих случаях для заключения достаточно визуального сравнения схем“. Он указал на то, что при таком положении дел нет надобности даже в установлении „вершин“ элементов, которые их олицетворяют.

Слова Перконса были словами молодого человека, который за последний год из энтузиаста криминалистической науки и оптимиста превратился в ученого-исследователя, который и сейчас еще склонен к оптимизму, но, может быть незаметно для самого себя, „поглощен“ исследованием. Отныне он видел практическое криминалистическое применение их работ только в будущем. Джерви, которому уже исполнилось тридцать шесть лет, рассматривал применение нейтронного активационного анализа в деле Бушар лишь как преждевременный поступок, отмеченный наивной верой в новое. Им тоже владела только одна мысль о всестороннем познании проблемы, о полной уверенности в вопросе об исследовании волос, а криминалистическое применение результатов их работы отошло на второй план. Так ни Джерви, ни Перконс не думали о том, что кажущаяся простота сравнения волос, которую Перконс своими словами, казалось, провозгласил как лозунг, может повлечь за собой практическое криминалистическое использование нейтронного активационного анализа при сравнении волос людьми, которые не являются исследователями, а лишь судебными химиками. И ни один из них не предполагал, что, пока Перконс выступал в Чикаго, в Манчестере, в Нью-Гемпшире шла лихорадочная работа по расследованию убийства, в известной степени похожего на убийство Бушар, и что это расследование вызовет своего рода шок, который заставит обоих покинуть „башню из слоновой кости“, куда они удалились.

Снежный ураган заметал улицы Манчестера, когда официантка Джоан Мейсн после двух часов ночи вышла из ресторана, в котором работала, и поехала домой. Это было в ночь с 13 на 14 января 1964 года. Над большей частью Нью-Гемпшира дул сильный ветер и валил снег. В Манчестере с середины предыдущего дня все выглядело так, будто небо решило сбросить весь свой запас снега. Джоан Мейсн потребовался почти час, пока она на своей машине добралась до Дональд-стрит и остановилась перед домом № 51, в котором жила с двумя своими детьми. Смертельно усталая тридцатичетырехлетняя женщина посмотрела в комнату, где спал ее тринадцатилетний сын Давид, услышала его спокойное дыхание и пошла дальше, чтобы посмотреть на дочь Памелу. Но постель четырнадцатилетней девочки стояла нетронутой. В полдень Джоан Мейсн приняла по телефону приглашение для Памелы посидеть вечером с ребенком, и с 17 до 18 часов за Памелой должны были заехать родители малыша. Сама Джоан к этому времени уже ушла на работу. Она была уверена, что Памела никогда никуда не пойдет с незнакомым человеком. Поэтому, предположив, что из-за снежной бури Памела осталась у одной из своих подружек, она легла спать. Когда Джоан проснулась через несколько часов, Памелы все еще не было дома, и первый же разговор с Давидом породил у нее чувство тревоги. По рассказу Давида, они поужинали накануне в половине шестого вечера. В 18 часов раздался звонок. Брат проводил Памелу до дверей и видел, как она в своей куртке цвета морской волны, зеленых вязаных рейтузах, меховых сапожках и с зеленой сумочкой в руке исчезла на улице в снежной выюге. Из-за густого снега он не видел, на какой машине за ней приезжали. Однако Давид был убежден, что Памела никогда не сядет в подозрительную машину. Джоан Мейсн тоже старалась успокоить себя подобными рассуждениями, но все же позвонила в школу, чтобы узнать, не отправилась ли Памела прямо туда, не заходя домой. Получив отрицательный ответ, она стала искать в записной книжке адрес семьи, куда Памелу пригласили посидеть с ребенком. Этот адрес продиктовал ей позвонивший по телефону мужчина. Спустя

час, взволнованная и испуганная, она сидела перед сержантом полиции Уименсом в городском отделении полиции Манчестера. Адрес, который она записала, был ложным. Произошло нечто загадочное.

Макгрейнан, начальник полиции Манчестера, состоящей из 120 человек, тотчас объявил розыск Памелы и призвал полицию штата Нью-Гемпшир в Конкорде и Национальную гвардию на помощь. Манчестер с 88 000 жителей принадлежал к десяти американским городам с самым низким уровнем преступности и надеялся сохранить за собой эту репутацию. Однако Макгрейнана преследовало воспоминание об исчезновении и жестоком убийстве другой девушки, которое произошло в его городе четыре года тому назад, 1 февраля 1960 года. Он не мог забыть то убийство Сандры Валадес, восемнадцатилетней дочери рабочего, и обстоятельства, связанные с ним, прежде всего затрудненные снегопадом и морозом поиски исчезнувшей. За прошедшие четыре года не удалось установить убийцу. Он все еще был на свободе, может быть, в Манчестере.

Макгрейнан не разочаровывал Джоан Мейсн в ее надежде на похищение. Он не препятствовал ее выступлению по телевидению с обращением к таинственному неизвестному: „Кем бы вы ни были, ради бога не причиняйте моему ребенку вреда. . . У меня нет денег. Но если вы требуете выкуп, я достану деньги. . .” В глубине души начальнику полиции хотелось верить, что события 1960 года не повторятся. Но надежда и реальность — две разные вещи. Сведения, которые он получил от Барбары Джексон, одной из подруг Памелы Мейсн, рождали в нем подозрение, что вечером 13 января был применен новый трюк ради удовлетворения низменной страсти какого-то чудовища. Памела Мейсн и Барбара Джексон пользовались одной доской объявлений в автоматической прачечной на Саут-Мин-стрит, предлагая свои услуги в качестве сиделок при ребенке. Днем 13 января Барбаре позвонил мужчина. Он спросил, не посидит ли она вечером с его ребенком. Когда она поинтересовалась его адресом, то он уклонился от ответа и спросил, не может ли она дать ему адрес какой-нибудь своей подружки, которая согласится посидеть с ребенком. Когда она ответила отказом, он повесил трубку. Мужчина, звонивший в тот же день в дом Памелы Мейсн, не отказался назвать

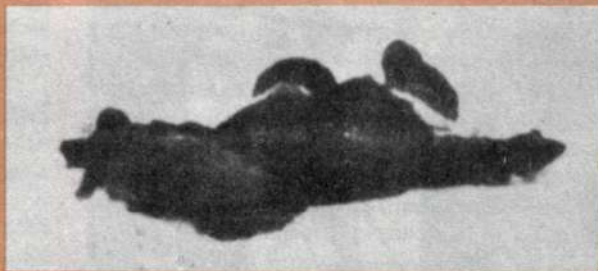

Роберт Е. Джерви, профессор прикладной химии в университете Торонто (вверху слева). Он одним из первых среди атомщиков в 1955 году использовал АНА для криминалистического исследования следов, и особенно для сравнения волос. Вместе со своим учеником Озеклисом К. Перконсом (вверху справа) он в 1958 году обработал больше 1000 проб волос, чтобы исследовать возможности „атомного“ сравнения волос. В это же время в США своими работами по применению активационного анализа в криминалистике для исследования следов лака, стекла, авторезины, пороха, пластиков, жиров и дерева отличился Винсент П. Гинн (внизу).

а) 13 января 1964 г. в Манчестере, американского штата Нью-Гэмпшир, из родительского дома удалось выманить четырнадцатилетнюю Памелу Мейсн (вверху слева). Спустя 8 дней ее труп обнаружили на талом снегу около Девяносто третьей дороги штата (вверху справа).
 б) Пристальное внимание привлек шофер пекарни Эдвард Х. Кулидж из Манчестера (внизу слева), который подоз-

ревался в подобном преступлении еще в 1960 году. Процесс над Кулиджем в 1965 году явился показом научных способов доказательства вины и важным испытанием для АНА. ХИМИКИ Майкл Гоффман и Майнард Про из лаборатории налогового управления США в Вашингтоне (внизу справа) применили активационный анализ к обнаруженным на одежде Кулиджа волосам, к волосам пострадавшей и к волосам, найденным в машине Кулиджа и сделали вывод, что между Памелой Мейсн и обвиняемым имелось соприкосновение. Выступление Роберта Е. Джерви в качестве эксперта защиты привело к не менее сенсационному, имеющему историческое значение решению суда.

имя и адрес, но, видимо, он заготовил ложные данные исходя из предыдущего опыта.

Трюк, примененный убийцей Сандры Валадес четыре года тому назад, был, несомненно, другой природы, хотя точно об этом никто ничего не знал. Может быть, в тот морозный вечер он предложил Сандре подвезти ее из города домой, в район Смит-роуд? Макгрейнан помнил также и о надеждах родителей Сандры, считавших, что она осталась ночевать у какой-нибудь подруги или в худшем случае, что девушку похитили. Иллюзии не рассеялись даже тогда, когда через несколько часов после исчезновения Сандры сторож гидроэлектростанции нашел у сетки уловителя канала меховой сапожок девушки, а два парня в двух милях южнее этого места обнаружили ее библиотечную карточку и страховую книжку. Прошло много дней поисков, в которых принимали участие полиция штата, Национальная гвардия и вертолеты, пока один шестнадцатилетний юноша во время поездки по склону холма у Дерри-роуд не заметил „что-то красное“, проглядывавшее сквозь таивший снег. Когда он приблизился к этому месту, то обнаружил пропавшую. Она лежала лицом вниз, красная блузка разорвана, а длинные лыжные брюки разрезаны ножом. Во время вскрытия в больнице Мур Дженерал установили, что девушка была изнасилована и убита четырьмя выстрелами в голову и спину. Выстрелы произведены из оружия 22-го калибра. Многолетние поиски убийцы, который, как предполагали, имеет старый „Шевроле“ (так как 1 февраля около 21 часа видели застрывший в снегу на Смит-роуд „Шевроле“ и хозяин его отказался от предложенной помощи), оказались безуспешными. В 1963 году после проверки семисот подозреваемых пропали последние надежды найти убийцу.

Если Макгрейнан 14 января 1964 г. питал еще некоторые надежды, что исчезновение Памелы Мейсн не будет повторением дела Валадес, то для этой иллюзии у него оставалось только семь дней. Вечером 20 января шофер пекарни Чэрленд, проезжая по Девяносто третьей дороге штата, южнее Манчестера, заметил что-то черное в тающем сугробе снега. Он находился в это время на высоте Лондон-дерри и машину не остановил. Ночью он вспомнил о розыске Памелы Мейсн и на другой день, 21 января, проезжая мимо сугроба, остановился. Сначала он увидел учебники и зеленую сумочку, а за-

тем безжизненное тело, на котором были зеленые рейтузы, голубая куртка и меховые сапожки. Вскоре прибыли лейтенант Кинг и инспектор уголовной полиции Манчестера Леклерк, а также сержант Макбин из полиции штата. Памела Мейсн была найдена.

Кинг и Леклерк с подавленным чувством заметили входные отверстия пуль в голове Памелы. Они увидели, что под верхней одеждой девушка была совершенно голой. Ее белье исчезло, а колотые и резаные раны сделали ее довольно полное тело неузнаваемым. Нахлынувшие воспоминания о судьбе Сандры Валадес невозможно было сдерживать. Кинг приказал доставить труп в ту же больницу, в которой производилось вскрытие трупа Сандры Валадес.

Заместитель шефа манчестерской полиции Ливитт достал на аэродроме Гринир Филд снегоуборочную машину, которая растопила снег на месте обнаружения трупа. Однако Ливитт не нашел ни малейшего следа исчезнувшего белья, только кожаную мужскую перчатку и белую дамскую вязаную перчатку. В сумочке Памелы Мейсн отсутствовали красное портмоне, фотография и удостоверение личности, как будто убийца пытался затруднить идентификацию своей жертвы. Тем временем доктор Мануэль А. Виллаверде закончил вскрытие. Из головы погибшей он извлек две пули 22-го калибра, одна из которых полностью, а вторая несколько меньше деформировались. Четыре глубоких колотых раны зияли в груди и в затылке. В желудке находились остатки яичницы, которую Памела Мейсн приготовила на ужин для себя и своего брата перед отъездом. Виллаверде сделал вывод, что девочка была убита через два-четыре часа после приема пищи. Следов изнасилования он не нашел. Но ему бросилось в глаза, что на одежде не имелось следов борьбы и повреждений, причиненных ножом. Может быть, убийца раздел девушку, а верхнюю одежду натянул потом уже на труп? Может быть, он разъезжал с ним в снежную пургу, пока не спрятал в сугроб. Предположений было так много, что ответить на них никто не мог. Одежду взял Ливитт. Так как на рейтузах он обнаружил видимые невооруженным глазом волосы, то взял пробы волос потерпевшей, чтобы установить, принадлежат ли эти волосы Памеле Мейсн или кому-нибудь еще.

Инспектора Леклерк и Гленнон, а также сержанты Макбейн и Дуайон из полиции

штата взяли на себя основную часть расследований. Аналогия с убийством Сандры Валадес казалась столь очевидной, что сначала все внимание обратили на подозреваемых, которых подвергли проверке в годы с 1960 по 1963. Это были люди, имевшие судимость, бродяги, владельцы старого „Шевроле“ и огнестрельного оружия 22-го калибра. Снова начался бесконечный поиск. Только случайная находка или свидетель, видевший 13 января вблизи места обнаружения трупов машину, могли ограничить круг поисков. И действительно, первые сведения поступили от двух музыкантов, Джозефа А. Бьюши и Джерарда Гравеля, которые поздним вечером 13 января возвращались из Дерри домой в Манчестер. Около 21 часа 30 минут они проезжали мимо места, где потом нашли Памелу Мейнс, и видели застрявший в сугробе старый „Понтиак“, за рулем которого сидел едва различимый сквозь пелену снега мужчина. Они крикнули ему, не нужна ли помощь, но он ответил отрицательно. Бьюши и Гравель смогли подробно описать автомобиль, но не водителя. Если убийца Памелы Мейнс был тот же человек, который убил Сандру Валадес, то, значит, он поменял машину и следует теперь сконцентрировать внимание на поисках „Понтиака“. 23 января поступило второе сообщение. В полицию Хейверилл, расположенную сразу по ту сторону границы между Нью-Гемпширом и Массачусетсом, позвонил хозяин местного ресторанчика „Комо-Тэйверн“ Уильям Дж. Лемир. У него барменом работает некий Бенни Спиро, который одновременно является развозчиком хлеба. Коллега Спиро из Манчестера, некий Эдвард Кулидж, навестил Спиро час тому назад. При этом возник следующий разговор. „Ты не мог бы оказать мне одну услугу. Вечером 13 января после 17 часов у меня было свидание, и моя жена что-то об этом пронохала. Я сказал ей, что все время с 17 часов был у тебя в „Комо-Тэйверн“. Если она тебя спросит...“ - говорил Кулидж. „Если речь идет только о твоей жене, то я тебе помогу. Когда она позвонит, я скажу ей, что ты был здесь. . .“ — „Речь идет не только о моей жене. Может статься, что придет полиция..“

Полиция Хейверилла поставила в известность полицию штата в Конкорде. Быстро был установлен адрес Эдварда Г. Кулиджа. Двадцатисемилетний шофер обычной внешности проживал со своей женой Джоан и ма-

ленькой дочерью Марией на Симе Драйв, 302. Выяснилось, что он находился среди подозреваемых по делу Сандры Валадес, потому что владел „Шевроле“.

К удивлению детективов теперь он ездил на „Понтиаке“, похожем на описанный Бьюши и Гравелем. Дуайон и Леклерк провели опрос соседей Кулиджа. 28 января Дуайон посетил некую Дороти Мэхью, подругу Джоан Кулидж. Всю вторую половину дня 13 января до самой ночи она играла с Джоан в карты в квартире Кулиджей. В 14 часов она видела Эдварда Кулиджа, вернувшегося домой после работы. Вскоре он снова ушел. Около 17 часов он ненадолго заглянул домой, но только на одну минуту, так что даже не выключал мотор своего „Понтиака“. Потом исчез до 23 часов 15 минут, вернувшись домой в совершенно мокрых брюках.

В тот же день в 19 часов 30 минут Дуайон и Леклерк посетили дом Кулиджа и нашли хозяина, как сами выразились, „чрезвычайно приветливым“. С готовностью он показал свой „Понтиак“, в котором, однако, оба полицейских не нашли ничего необычного. На вопрос об огнестрельном оружии он также охотно показал заряженное охотничье ружье „моссберг410“, карабин „мартин“ и охотничье ружье „ремингтон-26“. На вопрос, не имеет ли он оружие 22-го калибра, последовал ответ, что раньше у него был револьвер, но его украли. С такой же предупредительностью он рассказал о том, что делал 13 января: возвращение с работы в 14 часов, поездка снова в пекарню, подготовка к поездке следующего дня приблизительно до 17 часов, поездка домой и пребывание в доме с 17 часов 10 минут до 19 часов 30 минут, в 19 часов 30 минут поездка за продуктами в торговый центр Манчестера на „Понтиаке“. Увидев, что магазины уже закрыты, он заехал в „Сака-клуб“, чтобы пропустить стаканчик. Затем решил проехаться в Хейверилл, несмотря на снегопад, так как предполагал, что магазины там еще открыты. Но магазины Хейверилла тоже уже закрылись. То там, то тут он вступал в разговор с продавцами, которые как раз уже закрывали кассу. В том числе он разговаривал с Рональдом Свитом из „Лафайетт-Фрит“. Затем он заглянул в „Комо-Тэйверн“ и по Девяносто третьей дороге поехал в Манчестер. Около 22 часов при выезде на шоссе, ведущей в Дерри, он застрял в сугробе, отклонил предложение прохожих по-

мочь ему и выбрался сам. Около 23 часов был дома. Дуайон и Леклерк на первый раз довольствовались этой беседой. Прощаясь с ними, Кулидж заявил, что в любое время готов прийти в полицейский участок, если возникнут еще какие-нибудь вопросы.

2 февраля Кулиджа пригласили в полицейский участок, где его ждали Ливитт, Леклерк, Гленнон, Дуайон и Макбейн. Он вынужден был признать, что сказал неправду относительно своего места пребывания во второй половине дня 13 января, но выкрутился, заявив, что в Хейверилле у него было свидание с замужней женщиной, о чем в присутствии жены он не мог говорить и предпочел соврать, хотя его жена знала, что его не было дома. Он „как человек чести“ отказывался „выдать“ имя дамы своего сердца. Затем он отказался от версии с замужней женщиной и рассказал о поездке в автомашине с незнакомой девушкой. И наконец, предложил третью версию. По ней получалось так: из дома он уехал в 17 часов и направился в „Сака-клуб“, чтобы поиграть в карты со своим знакомым Джорджем Влангисом. Между 18 и 19 часами Феррис Эболь, ресторатор клуба, сервировал ему обед. Затем он поехал в Хейверилл „поискать какую-нибудь женщину“. Ему не посчастливилось, и в конце концов он* приехал в „Комо-Тэйверн“. Он не мог понять, почему там никто не хочет вспомнить о его посещении. Что касается возвращения в Манчестер, то он настаивал, что застрял в сугробе не под Лондондерри, а при выезде на дорогу, ведущую в Дерри.

Немедленная проверка в „Сака-клуб“ свидетельствовала, что Феррис 13 января не подавал обед Кулиджу, который, правда, заезжал в „Сака-клуб“, но это было раньше или около 17 часов, и вскоре он ушел. Влангис 13 января в клуб вообще не приходил. Из Хейверилла пришло известие, что Кулиджа не видели там ни в одном магазине. Но зато 22 или 23 января он навестил Ричарда Е. Лусина, управляющего „Сикес Сто“, чтобы уговорить его дать подтверждение своему ложному алиби. Лусин помнил слова Кулиджа: „Мне нужно алиби, и я был бы тебе благодарен, если бы ты мне помог. . . Когда случилась история с Сандрой Валадес, моя машина была конфискована на три недели. Я боюсь, что в связи с новым убийством они снова начнут меня таскать“.

Когда Кулиджу сообщили об этих показаниях, он сознался, что искал алиби не из-за жены, а из страха, что снова попадет под подозрение, как это было во время расследования дела Сандры Валадес. На это Ливитт возразил ему, зачем искать ложных свидетелей, если человеку нечего скрывать. Тут Кулидж стал жаловаться на провалы памяти. Он не знает точно, где ему довелось побывать в тот день. Наконец, он заверил, что один клиент „Сака-клуба“ должен помнить о нем. Теперь он вспоминает, что от 17 до 19 часов играл в карты с Хабидом Насура в „Сака-клуб“.

Тем временем наступил вечер, и Насура нигде нельзя было найти. Противоречия в показаниях Кулиджа были так значительны, что Ливитт, вспоминая волосы на рейтузах Памелы Мейсн, снял у Кулиджа пробы волос. Тем временем Макбейн поехал на Симе Драйв, чтобы обыскать дом. Джоан Кулидж открыла дверь и молча, угрюмо наблюдала, пока полицейский производил тщательный обыск. Когда Макбейн попросил ее показать оружие мужа, то совершенно неожиданно помимо трех ружей, о которых говорил Кулидж, она принесла еще четвертое: „моссберг-райфл“ 22-го калибра. Встревоженный Макбейн еще раз осмотрел „Понтиак“ и обнаружил патроны 22-го калибра и серые брюки с подозрительными «пятнами». Эти брюки, как подтвердила Джоан, Кулидж носил 13 января, и она покорно вручила полицейскому также черно-красную охотничью куртку, которая была на Кулидже в тот роковой день. Поздно ночью Ливитт отпустил Кулиджа пока домой.

Винтовку „моссберг“ и несколько пробных пуль, которые Ливитт выстрелил из нее, на следующий день отправили лейтенанту Бодуа в полицейскую лабораторию штата в Конкорд. Гленнон и Леклерк снова отправились проверять запутанные данные Кулиджа о его алиби. К середине дня в „Сака-клуб“ они встретили Хабида Насура. Он хорошо помнил день 13 января. Около 17 часов появился Кулидж. Насура предложил ему сыграть. Но вопреки своим привычкам Кулидж в этот раз отказался. Самое позднее в 17 часов 30 минут Кулидж покинул клуб через черный ход. В следующие дни полицейские служащие установили новых свидетелей, с помощью которых Кулидж пытался обеспечить себе ложное алиби. Он обращался по этому поводу к Лоренсу Пентолиросу, сыну владельца „Хоупес-Диннер“ в Пла-

стоуна также к Энтони Норшия, шоферу пекарни из Массачусетса, с которым был знаком очень поверхностно. Обоим он объяснил, что в связи с убийством Памелы Мейсн он попадет под подозрение полиции. Одному шоферу, Джону Эраховиту, он сказал 21 января, т. е. до обнаружения трупа Памелы Мейсн, что полиция будет его подозревать из-за девушки и ему теперь действительно необходимо алиби. . . спросив, не может ли Эраховит помочь ему подтвердить алиби на 13 января.

10 февраля подключившийся тем временем генеральный атторней Нью-Гемпшира Уильям Майнард принял решение арестовать Кулиджа. Но, памятуя об ошибках, которые часто содержатся в показаниях свидетелей, решил подождать результатов лабораторных исследований винтовки „моссберг“, изытой у Кулиджа.

В двадцатых годах американцы Уайт и Годдард основали судебную баллистику. Прежде всего Годдард доказал с помощью сравнительного микроскопа, что нет ни одного огнестрельного оружия, канал ствола или передний срез затвора которого не имел бы особых примет, возникающих в процессе изготовления. Они оставляют следы на выстреленных из них пулях. Благодаря этому стало возможным по пуле, извлеченной из тела убитого, установить оружие убийцы. Пулю из тела убитого сравнивали с пробной пулей, выстреленной из оружия подозреваемого, и определяли, имеются ли на обеих пулях типичные приметы оружия. Лейтенант Бодуа в Конкорде тоже занимался подобным сравнением оружия. Он доложил, что обе пули, извлеченные из трупа Памелы Мейсн, по всей видимости, выстрелены из винтовки „моссберг“, принадлежащей Кулиджу. Но из-за сильной деформации пуль исследования представляли большую трудность. Поэтому Бодуа, в распоряжении которого были ограниченные технические возможности конкордской лаборатории, выступал за то, чтобы обратиться за советом в более крупную лабораторию. Это касалось и обследования одежды Памелы Мейсн, Кулиджа, а также „Понтиака“ в поисках следов. Тогда генеральный атторней обратился в криминалистическую лабораторию при университете соседнего штата в Кингстоне, которая была создана в 1953 году по соглашению между генеральным атторнеем штата и университетом Род-Айленда для проведения научных исследований, необ-

ходимых прокуратуре при расследовании крупных уголовных дел. Основной идеей создания лаборатории явилась потребность в зависимости от характера расследуемого уголовного дела привлекать различных специалистов, особенно специалистов естественнонаучных факультетов. Номинально лаборатория находилась в ведении декана химического факультета профессора В. Джорджа Паркса. Практическая работа была в руках пятидесятисемилетнего химика доктора Гарольда К. Гаррисона. Так как потребности Род-Айленда были слишком малы, чтобы полностью загрузить работой лабораторию, то заранее предусматривались заказы соседних штатов, в том числе лаборатория поддерживала постоянную связь с генеральным атторнеем Нью-Гемпшира. Поэтому Майнард и обратился за помощью в Кингстон. Кроме того, в марте Майнард назначил предшественника Бодуа, семидесятитрехлетнего лейтенанта Кэрролла А. Дьюрфи, ушедшего в феврале 1963 года на пенсию, своего рода „спецуполномоченным“ по исследованию следов в деле Мейсн.

Дьюрфи, седой как лунь, но подвижный, как юноша, за годы своей службы в полиции ставший довольно известной фигурой, и раньше уже сотрудничал с Гаррисоном. Особенно это относится к периоду, начавшемуся делом Нильсона — Мартэно, в 1959 году вызвавшим сенсацию в Нью-Гемпшире. Тогда произошло следующее. Утром 9 февраля на стоянке автомашин в городе Нашуа обнаружили в „Кадиллаке“ окровавленный труп коммерсанта Мориса А. Гэгнона из Род-Айленда. Случайно полицейские видели вблизи стоянки автомашин каких-то посторонних людей — Рассела Дж. Нильсона, Роберта В. Олмонта и Фреда Мартэно. Все они были из Провиденса, штат Род-Айленд. Нильсон и Мартэно в октябре 1958 года взломали автомашину с прицепом, принадлежавшую Морису А. Гэгнону, и должны были вскоре предстать перед судом. В этом деле большую роль играет время взлома, потому что в Род-Айленде взломы, совершенные после 18 часов, строже наказываются, чем взломы, совершенные раньше этого времени. Морис А. Гэгнон был готов поклясться, что преступление имело место после 18 часов, а Нильсон и Мартэно пытались угрозами заставить его изменить свое мнение. Когда Гэгнона нашли убитым, возникло подозрение, что воры

похитили его вместе с машиной и предприняли последнюю попытку шантажа. Убедившись в неудаче, они убили свидетеля, а машину поставили на стоянку в Нашуа. Так как никто не видел подозреваемых с Гэгеном, то Дьюрфи предпринял попытку собрать следы — улики их участия в преступлении. Он обнаружил кровь на одежде Мартэно и под его ногтями. Сам он не мог определить группу крови и обратился в Кингстон, к Гаррисону. Последний установил, что на одежде Мартэно имеются следы крови той же группы, что и у убитого, и что та же кровь — под ногтями Мартэно и в левом кармане его пиджака. На руке Мартэно и в том же кармане он обнаружил следы нитритов от выстрела из оружия. Несмотря на бурные протесты защиты против частных моментов исследования следов крови и недостаточной доказательной силы проб нитритов, Нильсон и Мартэно были приговорены 14 ноября 1959 г. к смертной казни.

Итак, теперешнее сотрудничество Майнарда, лаборатории в Кингстоне, Дьюрфи и Гаррисона имело свою предысторию. Так как исследование пуль было самым срочным, то Дьюрфи проверил сначала „моссберг“ и пули из тела убитой старым способом, но не мог прийти к окончательному выводу. Гаррисон, будучи химиком, тоже не мог считаться первоклассным специалистом по баллистическим экспертизам. Поэтому Дьюрфи передал „моссберг“ и пули эксперту по огнестрельному оружию ведомства рыболовства и охоты штата Род-Айленд Лео Грэндчемпу. Грэндчепм пришел к выводу, что пули, которыми были убиты Памела Мейсн и Сандра Валадес, выстрелены из „моссберг-райфл“. Однако еще до окончания этого теста, на основании первоначального сравнения огнестрельного оружия, произведенного в Конкорде, Левитт 19 февраля появился на Симе Драйв и арестовал Кулиджа. Последний заявил, когда на него надели наручники: „Моя винтовка в тот вечер все время была в доме“.

Кулидж во время последующих допросов все больше и больше запутывался в противоречиях, но категорически отрицал какую бы то ни было свою причастность к убийству Памелы Мейсн. Дьюрфи и Гаррисону важно было с помощью исследования следов доказать, что Кулидж касался тела Памелы Мейсн или что девушка находилась в „Понтиаке“ Кулиджа. Эта попытка, как выяснилось позже, во время

судебного разбирательства, оказалась малоуспешной. Гаррисон, опытность которого в области исследований микроследов вызывает теперь очень большие сомнения, получил одежду Памелы Мейсн и Кулиджа и обследовал ее под стереолупой в поисках следов. Он увидел некоторое количество волос и других частиц и положил их сначала, не классифицируя, в закрывающиеся крышечкой лабораторные мисочки, чтобы сохранить для последующего сравнения. Потом он обработал одежду пылесосом и все собранные таким образом частицы разного рода тоже положил в мисочки. „Понтиаком“ занимался вначале Ливитт, который ограничился главным образом обработкой отдельных частей салона машины пылесосом и послал все собранное в Кингстон. Такие люди, как Фрей-Зульцер, Мартин или Керк, безусловно высказали бы сожаление по поводу столь грубого сбора микроследов. Эксперт по текстилю, привлеченный защитой Кулиджа, Сэмюэль Дж. Голуб из научно-исследовательской текстильной лаборатории города Дедем, который обследовал опечатанный „Понтиак“ много месяцев спустя, нашел целый ряд таких характерных следов, которых, по всей очевидности, никто не заметил и не учитывал при последующем сравнении. Среди них находились характерные белые волоски из шерсти крупного рогатого скота, которые, видимо, должны были прилипнуть к одежде Памелы Мейсн, если бы она побывала в машине. Также Голуб обнаружил первым редкие виды волокон в одежде девушки, которые, если бы их нашли в „Понтиаке“ или на одежде Кулиджа, явились бы надежным доказательством соприкосновения этих двух людей. Кроме всего прочего, он обнаружил черные искусственные волокна, о которых в исследованиях Гаррисона не упоминалось. На одежде Памелы Мейсн он наткнулся и на растительные следы, среди которых были семена одуванчика. По всей видимости, никто даже не подумал исследовать эту необычную находку. В общем кропотливая работа поиска характерных элементов уступила место схематизму, из-за чего нападениям защиты на суде подвергся в первую очередь Гаррисон. Если бы он был знаком с методом клейкой ленты и применил его, то даже при такой схематической работе ему удалось бы надежнее сохранить микроследы из „Понтиака“. А работа с пылесосом дает ту опасную своей нехарактерностью смесь

грязи, в которой проникшие в ткань много месяцев назад микроэлементы, не имеющие никакого отношения к убийству, слишком легко изменяли картину следов.

8 апреля Дьюрфи появился в Кингстоне, чтобы вместе с Гаррисоном рассортировать собранные следы. При этом одежду еще раз обработали пылесосом. Кроме обнаруженных волос, которые были рассортированы согласно их происхождению (с одежды Мейсн, одежды Кулиджа, из „Понтиака“) и нанесены на предметные стекла, разбор остальных следов, если судить по высказываниям на суде, тоже осуществлялся слишком схематично.

Не было установлено, что представляют собой собранные частицы микроследов и часто или редко они встречаются. Гаррисон ограничился таким, например, описанием: „голубая, похожая на пластик частица“ или „красная краска на белой бумаге“. Он не определял даже точно материал частиц, скажем, дерево это, стекло или искусственное волокно. Из-за этого его работа подверглась потом жестокой критике и вызвала сомнение. Сортировка осуществлялась по цвету: красное к красному, синее к синему, желтое к желтому. Затем под микроскопом среди красных частиц выискивали такие, структура которых казалась одинаковой. Применяя различные известные виды освещения под микроскопом, исследовали, идет ли речь об одинаковых оттенках красного, желтого или синего цвета. Микроследы с одежды Памелы Мейсн, с одежды Кулиджа и из пыли, собранной в „Понтиаке“, которые на основании таких исследований казались одинаковыми, рассматривались как идентичные. Очевидно, Гаррисон не был знаком с большим числом оттенков цветов, которые невозможно было установить таким методом, и с видами химических красителей, которые могли дать одинаковые оттенки цвета. Чтобы получить дополнительное подтверждение совпадения частиц, он применил к красным, синим, желтым или золотистым частицам несколько физических и химических тестов. Так он установил показатель преломления и растворимость. В отдельных случаях он определял точку плавления неизвестных материалов. Там, где, как он полагал, имелись бумажные частицы, он применил тест Хирцберга, один из многочисленных тестов бумажной промышленности, с помощью которого можно весьма приблизительно опреде-

лить степень чистоты целлюлозы. Но ни один из тестов, примененный отдельно или в сочетании с другими, не смог дать доказательства, что две красные частицы неизвестного происхождения состоят из одного материала. Растворимость и точка плавления у разных материалов может быть одинаковой. И когда потом на суде Гаррисон утверждал, что целлюлоза есть целлюлоза, то защита стала вообще сомневаться в его знаниях и опытности.

Гаррисон выбрал таким способом 54 микрочастицы, 27 из них с одежды Памелы Мейсн и 27 с одежды Кулиджа или из „Понтиака“. Он сравнивал их попарно и доказывал их идентичность на основании цвета, структуры, показателя преломления, точки плавления или теста Хирцберга. Под конец он сказал: „Опираясь на свои исследования и сравнения, я хотел бы сказать, что одна или несколько частей одежды молодой Мейсн имели контакт с „Понтиаком“, или курткой Кулиджа, или с тем и с другим“.

В этот же период 1964 года, когда Гаррисон и Дьюрфи занимались сравнением микрочастиц, они рассортировывали также и волосы, обнаруженные на различных предметах одежды и в „Понтиаке“. Отбор происходил по принципу их принадлежности человеку, а также по цвету. Позднее Дьюрфи пришел к выводу, что несколько волос с куртки и два отдельных волоска с рейтуз Памелы Мейсн могут считаться волосами с головы и лобка Кулиджа, а две пробы волос из „Понтиака“ идентичны волосам с головы пострадавшей. В отношении этих исследований волос позднее на суде также возник спор. Сэмюэль Дж. Голуб, например, указал на то, что среди волос на одежде Памелы Мейсн, которые, как утверждают, принадлежат Кулиджу, находится один раздавленный волос. Такое состояние волос можно наблюдать только тогда, когда по ним проезжают тяжелые колеса машин. Скорее можно предположить, что этот волос попал на труп Памелы Мейсн с дороги, на которой его обнаружили, чем с головы Кулиджа.

Независимо от того, прав ли Голуб в этом отдельном случае или нет, Гаррисон и Дьюрфи, должно быть, не испытывали удовлетворения от проделанной ими летом 1964 года работы. Во всяком случае они искали методы, которые смогли бы подтвердить результаты их исследований. В феврале

1964 года Гаррисон присутствовал на конференции Американской академии судебной медицины в Чикаго, прослушал научный доклад Перконса и обменялся несколькими словами с доктором Г. Уордом Смитом из Торонто. В начале августа он убедил Дьюрфи, что в отношении исследования волос им следует применить нейтронный активационный анализ. В восторге от нового, но не ведая всех трудностей, связанных с новым методом, он связался с доктором Корлиссом из университета Род-Айленда и предложил ему предпринять опыт с этим анализом. В университете никто этим не занимался, но в сентябре предоставлялась возможность использовать университетский реактор, и Гаррисон решил запросить в Торонто информацию относительно методики исследования волос и затем провести эксперименты в Род-Айленде. 17 августа 1964 г. он писал в Торонто доктору Г. Уорду Смицу: „В данный момент мы занимаемся криминалистическими исследованиями для соседнего штата, и я думаю, что нейтронный активационный анализ должен сыграть решающую роль в этой работе. . . Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы могли сообщить нам точные указания по выполнению анализа и осветить следующие пункты. . .”

Затем следовали восемь отдельных вопросов относительно числа необходимых для анализа волос, о силе потока нейтронов, о микроэлементах, которые можно установить, и т. д. В заключение Гаррисон писал: „Это довольно широкий спектр вопросов, но наши ученые никогда раньше не занимались криминалистическими проблемами и нуждаются в любой возможной помощи. . . Преданный Вам Гарольд Гаррисон, ассистент-директор”.

Когда письмо Гаррисона прибыло в Торонто, Джерви и Перконс рассматривали его, несомненно, как один из многих запросов интересующихся этим вопросом лиц, а вовсе не как знак серьезного намерения применить нейтронный активационный анализ в кратчайший срок и в конкретном расследовании уголовного дела. В феврале в Чикаго они уже не говорили о применении своего метода в криминалистических целях в недалеком будущем, потому что полностью погрузились в научное исследование. Кроме того, за это время в их лаборатории произошли события, которые положили конец практическому применению их метода. Введение ЭВМ в процесс гамма-

спектрографии волос и усовершенствованная за это время оценка теперь уже 1000 проб волос поколебала за каких-то пару месяцев, к собственному их ужасу, все надежды и предвидения, в которых весной они были уверены. Работа ЭВМ, исключая субъективные ошибки, показала, что при прежнем вычерчивании графиков гамма-спектров от руки могли возникнуть ошибки и что не рекомендуется при сравнении волос просто визуальное сравнение между собой возникшие спектры. Такая упрощенная методика, вероятно, может использоваться на базе разработанного в будущем автоматического метода записи результатов измерения. Ни в коем случае нельзя оправдать временный отказ от количественного определения элементов. Тем больше настаивал опыт, полученный при оценке результатов исследования 1000 проб волос.

Еще в ходе работы по оценке результатов исследований поступали волновавшие исследователей сведения об исследовательской работе нескольких бразильцев: Ф. В. Лима, Г. Шибата и Л. Т. Аталья. Она подрывала основные предпосылки существовавшего до сих пор сравнения волос, а именно предположение, что картина микроэлементов волос с головы одного и того же человека одинакова. Бразильцы установили, что даже в одном пучке волос могут обнаружиться существенные различия состава микроэлементов. И Франсис М. Керр из Оттавы тоже имел основания для таких, во всяком случае волнительных, выводов. Он назвал это явление „циклом волос”. Волосы на голове человека вследствие их роста и выпадения находятся в процессе постоянного изменения. За появлением отдельного волоска из луковицы наступает продолжительный период его роста, в конце которого старый, отросший волосок выталкивается новым, идущим ему на смену. Каждая луковица волос существует независимо от соседней, и в пучке волос имеются как отросшие волосы, так и волосы, идущие им на смену. Так как питание луковиц волос зависит от питания организма в целом, то в отросших волосах картина микроэлементов будет отличаться от картины микроэлементов растущих еще волос. Поэтому при сравнении волос нейтронный активационный анализ лишь тогда даст надежные результаты, когда сначала будут отобраны волосы одной стадии роста, а затем уже их станут сравнивать. По мнению Кер-

ра, это возможно, но затрудняет и ограничивает первоначально задуманное применение анализа, требует особых мер предосторожности и для некоторых следов волос вообще исключает возможность его применения.

Еще одна трудность возникла из-за того, что количественное содержание одного микроэлемента в волосах зависело от другого микроэлемента. При оценке результатов исследований 1000 проб волос Джерви и Перконс убедились, что количество рубидия в волосах зависит от содержания в них натрия, содержание стронция зависит от содержания брома. Это ограничивало число возможных вариантов внутри картин элементов и влияло на вычисление степени вероятности совпадения волос двух, разных людей. Исследование волос целых семей выявило определенную тенденцию к идентичности. Волосы новорожденных детей при сравнении картины их микроэлементов похожи на волосы матери. Волосы близнецов обнаружили большую схожесть, которая уменьшалась в процессе их роста.

Все эти, большей частью непредвиденные, обстоятельства касались надежности сравнения волос путем нейтронного активационного анализа. Но самое большое значение имела та точка зрения, что на голове одного и того же человека имеются волосы с различными картинками микроэлементов. С весны по август 1964 года Джерви и Перконс совершенно отчетливо осознали, что, занявшись исследованием волос, они обрекли себя на борьбу с „живыми” субстанциями, которые подвержены изменениям по далеко еще не изученным законам. Они не видели причины для пессимизма. Нейтронный активационный анализ остался методом, который значительно превосходит все прежние микроскопические способы сравнения. Но пока они не исследуют все возможные „сюрпризы” и ограничения методики, совершенно исключается введение нейтронного активационного анализа волос в криминалистическую практику и превращение его в повседневный метод работы, которым криминалисты пользовались бы как „настойной книгой”.

20 августа доктор Г. Уорд Смит распорядился относительно передачи Гаррисону соответствующей информации. Но в тот же день он написал ему личное письмо, в котором предостерег от применения в криминалистических целях нейтронного активационного анализа волос на существующем этапе

его развития. Дословно он писал следующее: „Мы сами рассматриваем эту область недостаточно исследованной, чтобы использовать ее в качестве доказательства в судебном процессе”.

Таким образом, Джерви и Перконс считали, что покончили с запросом из Род-Айленда. В апреле 1965 года они вылетели в Техас, чтобы выступить в Колледже сельского хозяйства и механизации и рассказать об окончании своей работы по исследованию 1100 проб волос и о многоликих и важных проблемах, которые возникли в процессе работы. Далее их путь лежал в Сан-Диего, где Винсент П. Гинн проводил семинар по криминалистическому использованию нейтронного активационного анализа. Соединенные Штаты Америки были на пути к тому, чтобы возглавить разработку новых методов. Винсент П. Гинн откровенно признал, что перспективные, колоссальные возможности использования в криминалистике нейтронного активационного анализа, вероятно, заключаются не в сравнении органических, биологических материй, постоянно подверженных изменениям, а в сравнении стабильных субстанций. Помимо первых экспериментов со следами пороха и лака Гинн успел уже поставить опыты по сравнению древесины и почвы. При этом очень скоро он натолкнулся и в этой области на трудно контролируемую изменчивость живого материала, которая чрезвычайно затрудняла идентификацию двух кусков древесины или двух проб почвы при наличии схематического совпадения картины микроэлементов. Посоветовавшись с криминалистами в Лос-Анджелесе, Гинн и растущий коллектив его сотрудников, прежде всего Родни Р. Рук, Джон Д. Бьюканан, С. К. Белланка и Д. Е. Бриан, сконцентрировали свое внимание на исследовании применения нейтронного активационного анализа при сравнении искусственных материалов, резины, автопокрышек, смазочных материалов и стекла, планомерно продолжив исследования следов лака. Просто удивительно, какое количество различных микроэлементов в пластических материалах можно обнаружить при нейтронном активационном анализе. При исследовании пластмасс однородного состава было достаточно схематического сравнения, чтобы сделать заключение о совпадении или несовпадении их. И только с пластмассами, имевшими неоднородный состав, встречались значи-

тельные трудности. Подобным же образом обстояло дело с автопокрышками, авто-смазкой, лаками и стеклом. Исследование всех этих материалов необходимо было не только ради раскрытия преступлений, но и ради успешного разбирательства десятков тысяч дорожных происшествий.

3 июля 1964 г. Гинн добился первого большого успеха. Впервые суд одного из штатов Америки, в округе Сан-Матео в Калифорнии, признал допустимым нейтронный активационный анализ в качестве средства доказательства. 25 октября 1963 года в полиции в Сан-Франциско прозвучала тревога сигнального устройства, установленного на складе спиртного. Подъехав к черному ходу склада, полиция установила, что имела место попытка взлома. Рядом с дверью лежала деталь домкрата, которая, очевидно, использовалась как инструмент взлома. Поблизости стоял молодой человек, Уильям Рей Вудард из Дейл-Сити, утверждавший, что случайно проходил мимо, направляясь к своей машине, которая стоит на соседней улице. Возможно, эта отговорка и помогла бы ему скрыться, но полицейские заметили на детали домкрата в одном месте светло-голубые частицы лака, похожие по цвету на светло-голубую окраску машины Вударда, и осколки лака на багажнике его машины. Поль М. Доэрти из конторы шерифа в Редвуд-Сити обследовал домкрат и осколки краски. При этом на домкрате он обнаружил еще один след краски коричневого тона, совпадавшей с краской, которой была покрашена дверь склада. Оба следа краски были так малы, что сравнение их традиционными методами не предвещало успеха. Благодаря хорошо налаженной связи между Гинном и калифорнийскими криминалистами Доэрти позвонил в Лос-Анджелес Пинкеру, сообщил о своей находке и получил совет слетать в Сан-Диего. С несколькими осколками лака машины Вударда и куском коричневой дверной рамы 5 декабря Доэрти прибыл в Сан-Диего. Там Д.Е.Бриан получил задание произвести исследование с помощью измерения гамма-лучей. Эта работа продлилась с 6 по 27 декабря, но зато результат был абсолютно надежный. Голубые кусочки лака и пробы лака с машины Вударда имели пять одинаковых элементов в количественном соотношении: титан, алюминий, натрий, медь, марганец, а коричневые пробы краски семь — марганец, натрий,

сурьма, цинк, индий, алюминий, титан. 3 июля 1964 г., когда состоялось судебное разбирательство под председательством судьи Брансона, все попытки защитника Мартина опротестовать результаты анализов провалились. Присяжные признали Вударда виновным.

Дело Вударда стало известно в Соединенных Штатах как свидетельство возможностей применения в /криминалистике нейтронного активационного анализа и побудило Гинна к более интенсивной работе в Сан-Диего. Джерви и Перконс могли сообщить о заслуживающей восхищения работе и новых познаниях в области анализа волос. Но на этот раз Перконс закончил свое выступление осторожными словами: „Возможно, что в ближайшем будущем криминалистика будет в состоянии проводить сравнение волос описанным образом и предъявлять результаты суду как средство доказывания, опираясь на всеобъемлющие исследования, которыми мы сейчас занимаемся. Однако пока исключается использование в качестве сравниваемого материала при нейтронном активационном анализе отдельных волос, как это обычно бывает при расследовании уголовных дел...”

29 апреля Джерви вернулся в Торонто. Его мысли беспрестанно возвращались к „двум сторонам нейтронного активационного анализа”, из которых он выбрал самую трудную — биологическую. Поэтому он не сразу понял, о чем идет речь, когда ему позвонили из Нью-Гемпшира. Звонил незнакомый ему адвокат Матиас Дж. Райнольдс. Райнольдс сообщил, что является адвокатом Эдварда Г. Кулиджа из Манчестера, которого обвиняют в том, что 13 января 1964 г. он убил девушку, Памелу Мейсн. Суд над ним начнется, видимо, 17 мая. Обвинитель, прокурор Майнард, собрал с помощью лейтенанта Дьюрфи и доктора Гаррисона из Род-Айленда значительное число доказательств, добытых путем технических и естественнонаучных исследований. Обвинение опирается, главным образом, на нейтронный активационный анализ, который может произвести большое впечатление на присяжных. Анализу подверглись приблизительно 15 волос с одежды Мейсн, обвиняемого и из его „Понтиака”, затем несколько частиц пластмассы. Результат гласит: волосы на одежде убитой полностью совпадают с волосами Кулиджа...

Встревоженный Джерви спросил, кто

же производил эти исследования. Так как университет Род-Айленда не смог своевременно предоставить в распоряжение свой реактор, то в Конкорде сначала подумали о том, чтобы произвести исследования в Массачусетсе, но не получили допуска к атомному реактору Технологического института. Тогда Майнард установил связь с лабораторией в Вашингтоне. Исследования волос были завершены в январе двумя химиками: Майнардом Про и Майклом Гоффманом. В своем заключении Про ссылается на Джерви и Перконса, на их исследования. Под конец разговора Райнольдс поинтересовался, не согласится ли Джерви стать консультантом защиты, и не проверит ли он надежность экспертных заключений из Вашингтона. В связи со ссылкой на исследовательскую работу Джерви суд согласен, чтобы Джерви в качестве эксперта защиты проверил работы из Вашингтона.

В области анализа волос имя Про ни о чем не говорило. Именно поэтому Джерви охватил страх предчувствия, что здесь может произойти нечто, подрывающее, ввиду возникших проблем, веру в анализ волос. Во время телефонного разговора он вспомнил о запросе Гаррисона и о предостерегавшем ответе Смита. Значит, Гаррисон не обратил внимания на предостережение? Что же здесь произошло? Что случилось? Райнольдс, для которого сообщение о переписке Гаррисона и доктора Г. Смита представляло большой интерес, обещал рассказать обо всем подробнее и прислать копии протокола вашингтонских исследований.

Позже, когда проследили путь, которым вещественные доказательства по делу Кулиджа попали в Вашингтон для нейтронного активационного анализа, получилась следующая картина. Американское управление, ведающее налогами на алкогольные напитки и табак, с давних пор имело в Вашингтоне лабораторию, задача которой во времена сухого закона состояла в том, чтобы способствовать обнаружению подпольных винокуренных* предприятий. Со времен второй мировой войны борьба с тайным изготовлением алкогольных напитков и с ввозом алкоголя и наркотиков принимала все больший и больший размах. Маленькую лабораторию расширили, и в 1950 году на работу в эту лабораторию пригласили нью-йоркского химика Майнарда Дж. Про, чтобы он помог модернизировать техническое оборудование.

Про, незаметный, тихий, но умный и честолюбивый человек, учился в Колумбийском университете и во время войны работал над созданием отравляющих газов в Эджевуд арсенале. Затем он работал в Нью-Йорке в „Келлекс-корпорейшн“, которая была поставщиком необходимой продукции для Комиссии по атомной энергии. До 1956 года он занимался в Вашингтоне исследованием всевозможных следов, с которыми сталкивались агенты упомянутого управления в поисках самогонщиков или торговцев наркотиками. Тут он впервые попытался применить методы атомно-химического анализа. Уже много десятилетий перед налоговым управлением стояла особая проблема: неправильное указание возраста импортных вин. И вот с 1952 года из-за взрывов водородных бомб в атмосферу попало большое количество трития — радиоактивной формы водорода, который соединился с озоном и в виде воды вернулся на землю. Вода, которую использовали для приготовления спиртных напитков после 1952 года, должна была, таким образом, отличаться особенно большим содержанием трития. Если удавалось отделить воду от спирта и обнаружить в ней тритий, то появлялась определенная возможность контролировать возраст спиртных напитков. Про уже несколько лет занимался этой проблемой, когда сообщение из Эдмундстона о первом применении нейтронного активационного анализа в деле Бушар вызвало у него интерес. Так как в 1959—1960 гг. в Соединенных Штатах Америки появилось колоссальное количество опиума и других наркотиков, то в Вашингтоне возникла идея исследовать конфискованные наркотики с помощью нейтронного активационного анализа и установить их происхождение. Дело в том, что опиумные культуры воспринимали из почвы, на которой они росли, большие количества микроэлементов, а так как почва Китая содержит иные микроэлементы, чем, например, почва Индии, которая в свою очередь отличается от почвы других районов, то с помощью нейтронного активационного анализа становилось возможным выявить родину наркотиков. Министерство финансов связалось с Комиссией по атомной энергии, и та порекомендовала министерству молодого химика Джорджа В. Леддикотта, возглавлявшего в атомных лабораториях Ок Риджа в Теннесси отдел ядерного анализа. Джордж Анслин-

гер, чиновник из ООН, предоставил стандартные пробы наркотиков из всех областей и районов мира, где их производят, и Леддикотт приступил к обширной программе исследований.

Неизбежно Про оказался в какой-то мере втянутым в эти работы. Вскоре группа в Ок Ридже, в которую помимо Леддикотта входили Л. К. Бейт, Дж. Ф. Эмири и В. С. Лион, распространила свои исследования на следы почвы, красителей и москательных товаров. Как раз эти следы интересовали агентов налогового управления, чтобы, например, установить, откуда прибыли конфискованные машины с грузом нелегально изготовленных спиртных напитков. Напишут на колесах землю можно было сравнить с пробами земли, взятыми около тех домов, где, как предполагалось, находились самогонщики.

Про все больше и больше занимался практическим применением нейтронного активационного анализа для определения следов такого рода. Он не был исследователем в глубоком смысле этого слова. Позднее, давая показания в суде, он сам признает это: „Наши работы опирались на уже созданные исследователями методы”. Он был практиком, который вдохновился новым, перспективным методом и стремился как можно скорее воспользоваться его возможностями и преимуществами в своих интересах и в интересах Вашингтонской лаборатории. Может быть, как утверждали позже некоторые критики, к такой поспешности толкало его непомерное самолюбие.

В 1961-1962 гг. в налоговом управлении решили предоставить в распоряжение Про 80 000 долларов, чтобы он приобрел для лаборатории измерительные приборы, необходимые для гамма-спектроскопии, и обходился без поездок в Ок Ридж, где он отвлекал ученых от работы. С 1963 года Про работал над методом нейтронного активационного анализа со своими собственными ассистентами Говардом Шлезингером и Майклом Гоффманом в тесной Вашингтонской лаборатории. Обработка следов нейтронами происходила, в основном, в атомном реакторе Научно-исследовательского радиобиологического института вооруженных сил в Бетесде. И уже в июле 1964 года управление налогов на табачные и алкогольные изделия дало своего рода рекламное объявление: „Научно-физическое обоснование улик для разного вида

африканских органов уголовного преследования”. В нем подчеркивались возможности Вашингтонской лаборатории для осуществления естественнонаучных исследований, и на восьми из двадцати трех страницах этого проспекта говорилось о нейтронном активационном анализе. Лаборатория предлагала свои услуги по применению анализа следующих материалов: спиртных дистиллятов, красителей, проб почвы, табака, пыли с одежды и транспортных средств, медикаментов, монет, пороховых отложений огнестрельного оружия, автомобильных смазочных материалов, древесины и проволоки, стекла, пластмасс, волос и „других следов тела”. Так как эта реклама была обращена не только к агентам самого налогового управления, но и к полицейским учреждениям, то в нем давались также рекомендации, как подлежащий исследованиям материал следует зафиксировать, упаковать и отправить в Вашингтон. Во всяком случае все это явилось программой, совершенно лишенной какой бы то ни было осторожности, свойственной таким людям, как Гинн из Сан-Диего или Линкер из Лос-Анджелеса.

Еще до того как сотрудники Гинна впервые выступили в суде как эксперты по делу Вударда, используя нейтронный активационный анализ для исследования следов, Про уже дважды выступал в этой роли перед федеральными судьями. 16 марта 1964 г. в Нью-Йорке были осуждены торговцы алкогольными напитками за то, что они привезли в Нью-Йорк целый грузовик водки с подпольного спирто-водочного завода в Атланте. Шлезингер и Про исследовали с помощью гамма-спектроскопии следы почвы с колес машины и следы почвы в районе спирто-водочного завода, обнаружили качественное совпадение девяти микроэлементов и на этом основании сделали заключение об идентичности почвы. Почти через девять недель, 21 мая, федеральный суд в Цинциннати осудил одного человека, который послал своему брату радиоприемник, начиненный динамитом и сконструированный так, что взрывался при включении в электрическую сеть. Лаборатория Про исследовала клейкую ленту и шпаклевку из радиобомбы, а также клейкую ленту и шпаклевку из гаража предполагаемого преступника. В клейких лентах оказалось по шести, а в шпаклевке по семи одинаковых микроэлементов. Как в нью-йоркском,

так и в цинциннатском деле Про, как ни странно, довольствовался установлением вида элементов, а не их количественным соотношением.

Как бы там ни было, известие о деятельности вашингтонской лаборатории и успех ее экспертов в суде дали прокурору Майнарду из Конкорда повод обратиться к Про. В январе 1965 года Дьюрфи отправился в Вашингтон с пробами волос, большая часть которых уже несколько месяцев хранилась на предметных стеклах в дистиллированной воде или глицерине.

Сотрудник Про, Гоффман, уложил каждую пробу волос в отдельную пластмассовую коробочку, не подвергая волосы очистке, и поехал вместе с Дьюрфи в Бетесду. Там волосы поместили в поток нейтронов в реакторе и обрабатывали так два часа. Через четыре часа, когда Гоффман и Дьюрфи возвратились в Вашингтон, Про и Гоффман приступили к измерениям гамма-лучей, а 28 января они прислали прокурору Майнарду свой отчет о результатах исследований на шести страницах. К отчету были подшиты копии гамма-спектров с тридцатью „графиками кривых”. Их экспертное заключение звучало так: „Волосы Памелы Мейсн и Кулиджа имеют различные картины элементов, и поэтому их можно отличить друг от друга. Обе пары волос из машины Кулиджа по картине элементов идентичны волосам с головы Памелы Мейсн. Волосы с куртки и рейтуз Памелы Мейсн по картине элементов соответствуют волосам с лобка Кулиджа”.

Вскоре после прибытия экспертного заключения в Род-Айленд приехал сам Майкл Гоффман, чтобы проверить, не следует ли подвергнуть нейтронному активационному анализу также микроследы, которые исследовал Гаррисон. Он взял с собой в Вашингтон несколько частиц и через некоторое время сообщил, что отдельные из них идентичны по своей картине элементов. С этих пор Гаррисон, Дьюрфи и прокурор были твердо уверены, что имеют в руках прочную цепь доказательств против Кулиджа, и экспертные заключения, основанные на нейтронном активационном анализе, явятся козырем, который произведет глубочайшее впечатление на любого присяжного. А. Райнольдс, энергичный молодой человек, печально наблюдал, как сгущаются тучи над головой Кулиджа, и единственной его надеждой был Джерви, который,

может быть, обнаружит какие-нибудь недостатки в экспертных заключениях из Вашингтона.

Как только копии гамма-спектрограмм Майнарда Про попали в руки Джерви, он понял, что подтверждаются самые худшие его опасения. Спектрограммы Про напоминали те спектрограммы, какие он и его сотрудники делали много лет назад. Про устанавливал в среднем по семь элементов вместо десяти — четырнадцати в исследуемых пробах и не делал никаких пометок относительно количества волос в отдельных пробах. С помощью одних фотокопий спектрограмм Джерви пришел к выводу, что при установлении элементов многие „вершины” получили ложное толкование. Элементов калия и сурьмы, которые Про якобы обнаружил в следах волос с головы Памелы Мейсн и из „Понтиака” Кулиджа, там не было. Во всяком случае, ничто не свидетельствовало о их наличии. В сравнительных спектрах волос с куртки и рейтуз Памелы Мейсн, а также волос с лобка Кулиджа Джерви не смог найти „вершин”, свидетельствовавших о наличии в них элементов хлора и серебра. В других спектрах, в которых Про „обнаружил” элементы кальция и брома, по убеждению Джерви, таковых не имелось. Он признал правильным определение только пяти „вершин”: натрия, марганца, меди, цинка и ртути, т. е. тех элементов, которые не имели значения при сравнении волос из-за слишком большого распространения. Натрий содержится в любых волосах, ртуть — в 751 пробе волос из 776, медь в 629 из 776, которые Джерви исследовал за все время своей научной работы. И даже после установления ошибок в определении видов элементов Джерви просто растерялся перед тем фактом, что Про, очевидно, даже не старался определить количества отдельных элементов, различия которых, собственно, и давали характерную картину элементов. При анализе волос, который сыграл решающую роль для вывода Про, он довольствовался визуальным сравнением „вершин” для меди, марганца и ртути. Следовательно, не имелось никаких определений количественного характера. Еще более непонятным для Джерви было ограничение активации проб волос двумя часами, в то время как его многолетние эксперименты доказали необходимость затраты в двадцать, тридцать раз большего времени активации для определения достаточного коли-

чества элементов. В трактовке результатов своих исследований Про утверждал, что идентичность исследуемых волос особенно наглядно доказывается совпадением содержания сурьмы и серебра, потому что оба эти микроэлемента редко встречаются в волосах. В своих исследованиях Джерви обнаруживал серебро по меньшей мере в 60%, а сурьму — в 65% всех волос. Утверждение Про в заключении, что волосы с головы одного и того же человека, в основном, все одинаковы, свидетельствует о том, что он просто не в курсе последних предостерегающих познаний в этой области.

Испугавшись, в буквальном смысле слова, Джерви рассказал о своих опасениях защитнику Райнольдсу и очень просил его затребовать из прокуратуры подлинники документов анализа, согласно которым Про нарисовал от руки спектры. Он подозревал, что в них могут быть заключены еще какие-нибудь ошибки. Во всяком случае, нелегко делать вывод, решающий судьбу обвиняемого, на основании имеющихся ненадежных спектрограмм.

Однако Райнольдсу не удалось получить оригинал документов в прокуратуре. Теперь вся надежда возлагалась на суд. Джерви не давал покоя вопрос, как могло появиться на свет такое экспертное заключение и какие последствия для методики нейтронного активационного анализа может иметь приговор, вынесенный на основании подобной экспертизы.

В понедельник, 17 мая 1965 г., в переполненном зале суда Манчестера судья Роберт Ф. Гриффит объявил процесс над Эдвардом Г. Кулиджем открытым. Оставив в стороне дело Сандры Валадес, суд обвинял Кулиджа в убийстве Памелы Мейсн. Тремя неделями позже в зале суда впервые появился Джерви, чтобы защитить метод нейтронного активационного анализа от опасности применения его раньше времени и без достаточной тщательности.

Райнольдсу почти ничего пока не удалось противопоставить показаниям свидетелей, которые разоблачали противоречивые высказывания Кулиджа о дне убийства и его фальшивое алиби. Ничего не смог он возразить также против заключения экспертов по огнестрельному оружию: Памела Мейсн, а также Сандра Валадес были убиты пулями из винтовки Кулиджа, хотя, собственно говоря, привлечение вещественных доказательств по делу Валадес при разборе

дела об убийстве Памелы Мейсн противозаконно. Спокойствие Райнольдса, однако, бросилось в глаза наблюдателям на процессе, и они заподозрили, что за этим спокойствием скрывается „ход конем“. И действительно, Райнольдс приготовил для процесса особый сюрприз. Он имел возможность доказать, что эту винтовку, „моссберг-райфл“, Кулидж получил лишь к рождеству 1961 года в качестве награды за участие в соревновании, организованном „Кока-Кола-Боттлинг компани“. Таким образом, если эксперты обвинения утверждают, что этой винтовкой была убита не только Памела Мейсн в январе 1964 года, но и Сандра Валадес в феврале 1960 года, то их работа ошибочна и, следовательно, не представляет ценности. Но вопрос об оружии имел второстепенное значение, и с ним можно было подождать. Решающее значение имела битва ученых, которая предстояла 9 и 10 июня.

Обвинение назначило на 9 июня выступление экспертов Дьюрфи и доктора Гаррисона, которые должны были доложить о своих исследованиях по сравнению волос и следов. Это была прелюдия к появлению в зале суда экспертов из Вашингтона, Майнарда Про и Майкла Гоффмана, вместе с результатами, полученными методом нейтронного активационного анализа. О сенсации, связанной с их появлением, сообщалось уже в статьях „Манчестер Юнион Лидер“ и других газет. Еще 7 июня „Манчестер Юнион Лидер“ писала: „Из Вашингтона ожидают два эксперта в области нейтронного активационного анализа — науки, которую считают самой прогрессивной в криминалистике со времен открытия отпечатков пальцев. . . Их имена: Майнард Про и Майкл Гоффман. Научные доказательства, которые они представят суду, считаются кульминационным пунктом доказательств обвинения против Кулиджа. Про и Гоффман докажут, что два волоска, обнаруженные в „Понтиаке“ Кулиджа, идентичны волосам с головы Памелы Мейсн. Они также готовы путем нейтронного активационного анализа доказать, что от тридцати до сорока частиц с одежды молодой Мейсн идентичны подобным частицам с одежды Эдварда Кулиджа и из салона его „Понтиака“.

С большим волнением ожидал Джерви выступления Дьюрфи и Гаррисона. Перед его глазами лежало письмо Гаррисона, адресованное доктору Г. Уорду Смитту, и настой-

чивое предостережение последнего не спешить с экспериментами. Неужели Гаррисон пренебрег этим советом и не поставил об этом в известность атторнея?

К началу судебного заседания, 8 июня, к Джерви присоединились еще трое ученых: Константин Дж. Малецкос из научно-исследовательского онкологического института при больнице „Нью Инглэнд“, который с 1956 по 1960 год проводил исследования радиоактивации и изучил роль микроэлементов в теле человека, Сэмюэль Дж. Голуб, эксперт по текстилю и волосам, и К. С. Хербат, профессор минералогии при Гарвардском университете. Они объяснили Райнольдсу слабые стороны метода Гаррисона. Журналисты, очевидно, почуяли предстоящую борьбу. Во всяком случае Джо Хэнлон и Джим Стейк писали в „Манчестер Юнион Лидер“: „По всей видимости, можно ожидать столкновения между экспертами. В зале суда появилось много экспертов защиты, среди них Роберт Е. Джерви. . . Защита считает доктора Джерви пионером нейтронного активационного анализа — той прогрессивной криминалистической техники, на которую уповаает прокуратура штата“.

Так давал о себе знать предстоящий бой. Он начался перестрелкой между Райнольдсом и Кэрроллом Дьюрфи. Пожилой, но темпераментный и упорный лейтенант, который, в основном, играл вспомогательную роль, отразил атаки Райнольдса. Гаррисон уже менее успешно отражал их. Его методы сравнения частиц имели так много уязвимых мест, а сам он проявил такую неуверенность, что ему пришлось очень трудно еще до того, как Райнольдс предпринял свою первую атаку, касающуюся письма Гаррисона в Торонто доктору Г. Уорду Смиту, который послал предостерегающий ответ. „Правда ли, что Гаррисон обращался в августе в Торонто? — поинтересовался Райнольдс. - Правда ли, что Гаррисон попросил прислать ему материалы по осуществлению анализа?“ - „Да, это правда“.

После долгой борьбы Райнольдс заставил Гаррисона зачитать письмо, которое он послал тогда Смиту. И когда адвокат спросил, какой был ответ, атторней Майнард вскочил с места, будто почувствовав опасность, протестуя против оглашения ответа Смита перед присяжными и основывая свой протест на том, что доктор Г. Уорд Смит не приглашен в качестве свидетеля, и он, атт-

орней не имеет возможности допросить его относительно содержания его письма. Судья Гриффит в соответствии с процессуальным кодексом был вынужден поддержать атторнея и отклонить чтение письма. Но Райнольдс не отступил. Прерываемый протестами Майнарда, он все же пытался выудить из Гаррисона, какой же ответ прислал ему Смит и почему он пренебрег его предостережениями. Райнольдс задавал эти вопросы, по меньшей мере, дюжину раз, пока Гриффит не запретил дальнейшие вопросы в этом направлении.

Казалось, что первая атака отбита, но так только казалось. 10 июня за кулисами суда разыгралась драма. Гриффит узнал о двух вещах: о содержании письма Смита и о безуспешных попытках Райнольдса получить у обвинения оригинальные документы о произведенных Про и Гоффманом измерениях. Что касается письма, то выяснилось, что Гаррисон никогда не показывал его Майнарду. Отсутствовали также оригиналы документов с результатами измерений, так как их атторней тоже не получил. Про заявил, что из-за тесноты в вашингтонской лаборатории все эти документы уничтожены, как это делалось со всеми другими документами подобного рода раньше. Все это вызвало неуверенность Гриффита, и он решил выслушать Про и Гоффмана 11 июня сначала в отсутствие присяжных, познакомиться с мнением Джерви и Малецкоса и лишь потом прийти к заключению, стоит ли вообще допускать выступление в суде химиков из Вашингтона и заслушивать доклады об их исследованиях.

Утром 11 июня перед судьей появился Майнард Про, говорящий тихим голосом и не привыкший к выступлениям перед судом. Он пришел с отчетом о своих исследованиях. Вскоре стало ясно, что атторней Майнард, обеспокоенный итогами предыдущего дня, очевидно, встречался с Про и Гоффманом, чтобы рассеять свои сомнения. По всей видимости, он еще раз удостоверился, что Про проводил свои исследования, основываясь на публикации Джерви и Перконса. Так Про начал объяснения с судьей с того, что стал перечислять все основные доклады и публикации Джерви и Перконса с 1961 по 1965 год. Будучи, очевидно, твердо уверен в своей правоте, Про заявил, что он действительно не предпринимал качественного определения элементов. Он вычертил только „кривые“, обозначил „верши-

ны" и сравнил их друг с другом. Он ссылался на заявления Перконса в Чикаго весной 1964 года. „Имеются, — сказал он, — публикации в области исследования волос, в которых говорится, что для решения вопроса о составе элементов в волосах достаточно сравнить „вершины" и соединяющие их линии. Та же публикация утверждает, что необходимо только найти „вершину", соответствующую другой. . . Мы производили сравнение точно так, как описано в литературе. . ."

Слушавший с напряженным вниманием Джерви сначала стал догадываться, а затем понял, что произошло. Со стеснением в груди он чувствовал, что здесь виноваты не только неопытность и поспешность, но и его собственный оптимизм и оптимизм Перконса, сыгравший с ними злую шутку. Преждевременные высказывания, предназначенные в 1965 и 1966 годах только для исследователей, соблазнили таких людей, как Про, к применению простых рецептов, которые нельзя было применять при недостаточной опытности и ограниченных возможностях. Действительно, Перконс говорил то, на что сейчас ссылался Про, но в совершенно других условиях, используя значительный опыт в составлении спектрограмм. Когда на вопрос Майнарда: „Что нужно знать, чтобы осуществлять измерение гамма-лучей?" Про ответил: „Прибор очень простой. У нас его обслуживает лаборант. Вся проблема в нажатии кнопки. . .", то тут Джерви с ужасом осознал, к каким трагическим ошибкам привели его с Перконсом преждевременные публикации. А Про был так убежден в правильности своей работы, что констатировал по поводу следов в деле Кулиджа: „Волосы, по всей вероятности, идентичны". Или утверждал: „Это доказывает, что данные волосы имеют один источник происхождения".

В 11 часов 50 минут закончилось выступление Про перед судом, и судья объявил перерыв до 13 часов 30 минут. Райнольдс собирался подвергнуть перекрестному допросу Про. Джерви уже определенно решил во время свидетельского показания признать собственные ошибки и осудить свой оптимизм, и прежде всего недооценку того воздействия, которое оказали на людей с недостаточным опытом его публикации. Но это было еще не все. Разве более тщательное изучение работ Джерви и Перконса не должно было предостеречь Про от

применения анализа простым и схематическим образом?

Через два часа, когда Райнольдс, опираясь на информацию, полученную от Джерви и Малецкоса, приступил к перекрестному допросу, то Про подвергся, видимо, самому жестокому экзамену в своей жизни, который длился до 17 часов 13 минут. На следующий день, в субботу, он продолжался с 10 часов утра до вечера. Путем бесчисленного количества вопросов Райнольдс подвел его к признанию, что, взявшись за исследование волос, он очутился в той области знаний, в которой разбирался еще не очень хорошо.

Про полагал достаточным определение семи элементов. Установление двенадцати и более элементов он считал невозможным и, по крайней мере, ненужным. Наличие лишь отдельных волосков не вызывало у него никаких сомнений. Количественное определение элементов он находил излишним. Обнаружив совпадение семи элементов без учета разницы их содержания, он считал доказанной идентичность волос, учитывая, что степень вероятности повторения составляет 1 : 4 250 000. Он не принимал во внимание и то, что следы волос помещали в реактор без какой-либо очистки, а два часа для активации, как он был уверен, вполне достаточное время. Про исключал возможность установления четырнадцати элементов путем более длительной активации, а перенесение измерительных данных на спектрограммы от руки, как это делали в Вашингтоне, считал нормальным и не чреватым ошибками. Уничтожение оригиналов результатов измерений не казалось ему безответственностью и ошибкой. Все чаще он отделялся фразами: „я полагаю. . .", „я не нахожу. . ." или „в литературе говорится" и т. п.

Это был угнетающий спектакль. И все же эти два дня Джерви снова и снова возвращался к вопросу: в чем заключается вина? Он видел, что его отличает от Про. Различие было значительным и принципиальным. Благодаря размаху своей работы в области исследований волос человека он заглянул в открывшиеся ему проблемы природы, которые оставались для Про еще неизвестными. Он познал проблемы там, где для Про все казалось простым. Джерви понял, что в природе все еще имеются вещи, которые не укладываются в схему и заставляют человека даже в эпоху технической револю-

ции считаться с многоликостью живой природы при решении криминалистических задач. Выступая вечером 12 июня в суде, он сказал: „Я считаю, что нейтронный активационный анализ является отличным методом при одном условии: он требует большой тщательности“. - И добавил: „Мы никогда не осмелились бы производить сравнение волос теми методами, которые здесь применялись, а также теми методами, которыми мы пользовались в прошлом“. Это было и признанием собственного несовершенства, и собственным путем поиска истины. Во время допросов, которые длились до понедельника 14 июня, он не избежал осуждения работы Про. Его высказывания сводились к тому, что наличие обнаруженных Про пяти элементов встречается у каждого второго человека и без точного качественного определения эта работа не имеет никакого доказательственного значения. После выступления Джерви никто больше не сомневался, какое решение примет судья.

15 июня 1965 г. „Манчестер Юнион Лидер“ писала: „Защита Эдварда Г. Кулиджа выиграла вчера сражение, и судья Роберт Ф. Гриффит отверг как ненадежные многие основные доказательства обвинения. В начале заседания судья заявил, что исключает результаты нейтронного активационного анализа волос в качестве улики из судебного разбирательства. Решение суда рассматривается как уничтожающий удар по обвинению“. Между тем Гриффит заявил присяжным: „Я исключил нейтронный активационный анализ как метод доказывания, который обвинение представило, глубоко веря в то, что он надежен, как отпечаток пальца. Суд полагает, что такой анализ расширит в будущем возможности криминалистики. Но суд также полагает, что нельзя признать в качестве доказательства материал, надежность которого оспаривает ведущий ученый в этой области. Невозможно ссылаться на доктора Джерви и нельзя не принимать во внимание его суждение о проделанной работе“. В заключение он сказал, что анализ частиц пластмассы он допускает, потому что, по всей видимости, здесь речь идет о работе в другой области.

Решение Гриффита свидетельствует о том, что даже опыт дилетанта заставил его в предложенном суду методе активации провести границу между исследованием „стабильного“ и „живого“, каким является человеческий волос.

Таким образом, то, что Райнольдсу казалось триумфом, для Джерви было подтверждением мысли, что он занимается самой трудоемкой, сложной стороной проблемы, которая потребует от него и всех других исследователей в области анализа волос еще много лет труда, прежде чем сравнение волос обретет ту надежность, которой уже сейчас обладает метод сравнения материалов. Но и Райнольдс не долго тешился своим триумфом. Исключение из материалов обвинения анализа волос так же мало помешало осуждению Кулиджа, как и его трюк против обвинения, связанный с историей появления у Кулиджа винтовки „моссберг“. Выяснилось, что „моссберг-райфл“ не имел номера серии, следовательно, нельзя было доказать, что „моссберг-райфл“ Кулиджа является именно тем оружием, которое он получил в рождественские дни 1961 года. Но Кулидж сам решил свою судьбу, когда выступал в качестве свидетеля по своему собственному делу. Во время перекрестного допроса он так запутался в сети противоречий, что 23 июня присяжные признали его виновным и суд приговорил его к пожизненным каторжным работам. Для Райнольдса такой приговор означал проигрыш дела, сколько бы сил, ума и страсти он ни вложил в него. А для Джерви в начатой им в Манчестере борьбе речь шла о всей его научной работе, и он знал, что и Перконс, и любой другой в этой области должен сделать все, чтобы помешать преждевременному использованию их метода сравнения волос, как оно имело место здесь.

В январе 1966 года в американском журнале „Journal of Forensic Sciences“ появилась новая статья Перконса и Джерви „Микроэлементы в волосах с головы человека“. Заканчивалась она такими словами: „Очень приятно наблюдать большой интерес, который вызвали к себе возможности использования активационного анализа в криминалистических целях в Соединенных Штатах Америки и Канаде. Но мы вынуждены выступить против сверхоптимизма. Активационному анализу предстоит проделать еще очень большой путь, прежде чем его можно будет использовать в криминалистике в качестве обычного метода работы. Необходимо разрешить еще много вопросов, чтобы не осталось никаких сомнений, и любое преждевременное применение метода может уничтожить то, что он даст криминалистике в будущем“.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
1. Артур Конан Дойл и рождение Шерлока Холмса — героя детективных романов. Эдгар Аллан По и его детектив Дюпен. Эмиль Габорио. Влияние литературных произведений на развитие естественнонаучных методов в криминалистике Европы. Следователь Ганс Гросс, перекинувший мост от выдумки к практической криминалистике. Эпохальное произведение Гросса „Руководство для судебных следователей“. „Следы в пыли“.	8
2. Труп, обнаруженный в государственном участке леса Шельменкопф. Прокурор Зон — сторонник методов Гросса. История Поппа — пионера естественнонаучных исследований следов в криминалистике. Подозрения пали на владельца земельного участка в Фалькенштейне Андреаса Шлихера. Арест Шлихера. Следователь Зеебергер. Предложение Поппа об осуществлении анализа следов почвы. „Заговорившие“ слои почв на ботинках Шлихера. Попп — пионер толкования следов. Проблема исследования волос в качестве следов.	14
3. Сенсация, охватившая весь Париж. Волосы в руке потерпевшей. Развитие криминалистических исследований волос до 1909 года. Продолжение полицейских расследований. След Луизы Розеллы Руссо. Ответ на загадку. Перспектива дальнейшего развития криминалистического исследования волос.	25
4. Эдмон Локар из Лиона — ученик Лакассаня. Кругосветное путешествие Локара и основание первой полицейской лаборатории в Лионе в 1910 г. От Бертильона до создания подлинной естественнонаучной криминалистики. Идея исследования пыли. Разоблачение банды фальшивомонетчиков. Изобретение криминалистического пылесоса. Доктор Альберт Шнайдер из Беркли. Август Брюнинг.	43
5. Смерток в Булонском лесу. Гастон Эдмон Бэль — пионер судебной химии и биологии. Спектрография. Ультрафиолетовые лучи. Спектрофотометрия. Судебно-медицинское исследование. Луи Буле. Выигрышные таблицы под подушкой конторского стула. Рибуле напал на след убийцы. Работы по идентификации, произведенные во Дворце Правосудия. Тенденции дальнейшего развития исследования пыли. Убийство Бэля 16 сентября 1929 г.	51
6. Лондон, 14 декабря 1931 г. Вера Пэйдж. Суперинтендент Корниш. Повязка с пальца. Акция Скотланд-Ярда. Исследование повязки Рочем Линчем. Вынужденное оправдание Руша судом. Значение криминалистического исследования текстиля. Лок и Тюркель. Опыт Бэля в области индивидуальных признаков в текстиле.	63
7. Доктор Джеймс Ферс, директор Северо-западной криминалистической лаборатории в Престоне. Тревога в ночь со 2 на 3 ноября 1940 г. Бункер у моста Бруквейл. Смерть Мэри Хэган. Обследование места происшествия Ферсом. Расследование Флой да и Грегсона. Двадцативосьмилетний ирландский солдат из „сифортских казарм“. Идентификация, осуществленная Ферсом. Арест Моргана 13 ноября в Стритхэме. Процесс над Морганом в феврале 1941 г. Сообщение Ферса об идентификации ткани. Влияния дела Хэган на развитие криминалистики после окончания второй мировой войны. Мир техники ставит перед судебной химией новые задачи.	69
8. Квебек, 1949 г. Патрик Симар и падение канадского самолета гражданской авиации ДСЗ-Д280 над Кап-Турмант севернее реки Св. Лаврентия. Прибытие комиссии по расследованию. Взрыв в левом переднем багажном отделении. Подключение к расследованию Королевской канадской конной полиции. История и достижения полиции Канады. Альбер Гюз и его погибшая в авиационной катастрофе жена Рита. Мари-Анж Робитай. След ведет к Маргарите Питр. Франшер Пепен, Бернар Пекле и попытка реконструировать взрывчатое вещество и взрыватель из обломков багажного помещения. История создания взрывчатых веществ и их криминалистического исследования. Исследования взрывчатых веществ Георгом Поппом в 1907—1910 гг. Самое сенсационное уголовное дело Канады за многие годы. Осуждение Гюза. Распространение криминалистического исследования взрывчатых веществ во всем мире после второй мировой войны.	77
9. Сидней, 1960 г. Пригород Бонди. Исчезновение восьмилетнего Грэма Торна. История и положение австралийской уголовной полиции. Обнаружение трупа Грэма 16 августа. Развитие естественнонаучной криминалистики в Австралии. Следы почвы и растений. Развитие и возможности интерпретации следов растений до 1960 года. Первые попытки Гросса. „Ботанический опыт“ Поппа в 1904—1924 годах. Штефан Лесли Брэдли. Суд с 20 по 29 марта 1961 г. Австралийские криминалисты в первых рядах по исследованию ботанических следов.	94
10. Швейцарец Макс Фрей-Зульцер, Цюрих. Путь от биолога и преподавателя до руководителя научных служб полиции города Цюриха в 1949 г. Изобретение Зульцером метода	

- сохранения следов с помощью полиэтиленовой ленты с липким покрытием. От микроскопа с применением поляризованного света, инфракрасного излучения, и рентгеновского структурного анализа до бумажной хроматографии. Мартин и техническая криминалистическая лаборатория в Базеле. Вклад Мартина в исследования окраски искусственных волокон 111
11. Северная Бавария, сентябрь 1963 г. Кальское озеро. Ошибочное определение причины смерти Марии Флоски. Вмешательство государственной прокуратуры и ее предложение ведомству уголовной полиции Баварии. Обнаружение микроскопических следов текстильных волокон. Антон Флиттнер или история замкнутого человека. История и значение технико-криминалистического отдела ведомства уголовной полиции Баварии. Роберт Гейндль. Франц Майнерт- Ганс Шнайдер. Пенсионер Хок. Защитник Имхофф и платок. Реконструкция событий преступления. Значение дела Флиттнера для науки о микроследах текстильных волокон. 117
12. Появление первых сообщений о попытках в Северной Америке применить атомную энергию в криминалистике. Последние часы жизни Мари Газтан Бушар. По ту сторону реки Сент-Джон. Подключение государственной полиции Мэна. След ведет к Джону Фоллмену из Мадавоски. Арест Фоллмена 14 мая. Отправка пробы волос Фоллмена в Саквилл. Передача всех исследований волос в лабораторию Оттавы. Констебль Керр и исследование волос. Теодор Лохтэ, его „Атлас волос человека и шерсти животных“ (1934 г.). Атомная лаборатория в Оттаве и попытка применения атомной энергии при исследовании волос. Первые попытки активационного анализа в Дании (1936 г.). Первое использование активационного анализа в криминалистике. Начало процесса об убийстве в Эдмундстоне 4 ноября 1958 г. Исследования по сравнению-следов пороха, лака, почвы и наркотиков. Лаборатория генерального прокурора провинции Онтарио и ее директор Уорд Смит. Признание трудности исследований живых элементов, какими являются волосы, с помощью активационного анализа. Публикация Джерви и Перконса „Hair Individualization Studies“ 133
13. Манчестер, Нью-Гемпшир, 13 января 1964 г. Убийство Памелы Мейсн. Первые подозрения против шофера булочной Эдварда Х. Кулиджа 28 января. Дальнейшие расследования и подключение к ним естественнонаучной лаборатории университета Род-Айленда. Следы волос. Ошибки консервативного метода сравнения. Стремление Гаррисона применить активационный анализ. Письмо Гаррисона Уорду Смит, директору лаборатории в Торонто. Успехи дальнейшей работы Джерви, Перконса и Керра в области идентификации волос. Поручение Про и Гоффману произвести активационный анализ волос и следов пыли в деле Кулиджа. Начало процесса над Кулиджем в Манчестере 17 мая 1965 г. Защитник Райнольдс. Генеральная атака на научно-криминалистические исследования обвинения. Разоблачение слабых мест Гаррисона. Акцент, сделанный Про и Гоффманом на исследованиях с помощью активационного анализа. Джерви как свидетель защиты. Влияние дела Кулиджа на криминалистические исследования с помощью активационного анализа 154

Юрген Торвальд

СЛЕДЫ В ПЫЛИ

Развитие судебной химии и биологии

Редактор В. Е. Жеребцов

Художник С. И. Сергеев

Художественный редактор Е. П. Суматох и н

Технические редакторы М. В. Гридасова, И. П. Федорова

Корректоры С. С. Борисова, М. И. Буланова

Оригинал-макет подготовлен

в издательстве „Юридическая литература”

с использованием наборно-печатающего автомата

Операторы Хамидулина Л. В., Гячене А. И.

ИБ № 1171

Сдано в печать 14.09.81. Подписано в печать 9.12.81

Формат 70 x 108¹/j[^] - Бумага типографская № 1.

Гарнитура универс. Печать офсетная.

Объем: усл. печ. л. 15,4; усл. кр-отт 31,15;

учет-изд. л. 17,82. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 826. Цена 1р. 30 к.

Издательство „Юридическая литература”

121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-

прома при Государственном комитете СССР по

делам издательств, полиграфии и книжной

торговли. 150014. Ярославль, ул. Свободы, 97.

